

В О П Р О С Ы **ИСТОРИИ**

В НОМЕРЕ:

ИЗУЧЕНИЕ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА В СССР

АГРЕССИЯ ИТАЛИИ В ЭФИОПИИ

РЕФОРМА ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В ИНДОНЕЗИИ

ФЕОДАЛЬНЫЙ СТРОЙ У КОЧЕВНИКОВ

НОБЕЛЕВСКИЕ ПРЕМИИ МИРА

ДМИТРИЙ ПОЖАРСКИЙ

8

МОСКВА · 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Вопросы ИСТОРИИ

№ 8

АВГУСТ

1976

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- В. И. Касьяненко** — Некоторые вопросы историографии развитого социализма в СССР 3
Л. Н. Ульянов (Томск) — Сельское хозяйство и крестьянство Сибири к концу Великой Отечественной войны 26
Г. А. Федоров-Давыдов — Общественный строй кочевников в средневековую эпоху 39
Ю. А. Анинский — Партийная реформа в Индонезии: 1965—1975 годы 49
В. А. Трофимов — Агрессия Италии в Эфиопии и ее последствия 63
Г. П. Куропятник — Земельный вопрос и революционная ситуация в Северной Америке накануне войны за независимость США 75

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- И. П. Лейберов** (Ленинград) — «Курсы революции» 93
Ю. М. Эскин — Дмитрий Пожарский 107
И. А. Дьяконова — Из истории Нобелевских премий мира 120

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

- В. Ф. Мордвинцев** — Избрание зарубежных историков иностранными членами АН СССР 130

Рецензии

- О. Д. Соколов** — Р. П. Конюшая. К. Маркс и революционная Россия 131
В. А. Шишкин (Ленинград) — А. Е. Иоффе. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917—1932 135
Е. А. Зевелева, С. В. Кулешов — В. Я. Непомнин. Триумф стратегии и тактики ленинизма на Востоке (О переходе к социализму республик Средней Азии) 137
А. Г. Маньков (Ленинград) — Е. В. Чистякова. Городские восстания в России в первой половине XVII века (30—40-е годы) 140
Л. Б. Валев — Д. Г. Песчаный. Сотрудничество между СССР и Болгарией в области сельского хозяйства (1948—1958 гг.) 142

Дз. Э. Лиепиня (Рига), П. Э. Бацис (Рига), А. И. Гольфман (Рига) — «История Швеции»	145
А. Н. Мосейко — «Средние слои городского общества в странах Востока»	143
Новые книги	152
Статьи в советских периодических изданиях	154
Академик М. А. Коростовцев, академик И. И. Минц — 70-летие А. З. Манфреда	157
А. Соловьев — Симпозиум историков-американистов	159
А. В. Санцевич (Киев) — Читательская конференция «XXV съезд КПСС и задачи исторических и историко-партийных журналов»	162
Хроникальные заметки	168

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

И. М. Пушкарева — Второй советско-индийский симпозиум	172
А. С. Маныкин, А. К. Соколов — Профессор Р. Фогель (США) в МГУ	175

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзор

А. П. Каждан — Новые работы о средневековом Константинополе	179
---	-----

Рецензии

В. С. Савчук (Калуга) — «Славяне в Германии. История и культура славянских племен западнее Одера и Нейссе с VI по XII в.»	188
В. Алексеев — Дж. Андреотти. «13 часов: министр должен умереть»	192

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	195
Рецензии на советские издания	197
Хроникальные заметки	197

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

А. А. Либерман — Состав института земских начальников	201
---	-----

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Е. И. Никифоров — Батальон выполнял интернациональный долг...	205
В. А. Зибарев (Томск) — Комитет содействия народностям Севера	209
А. А. Кудрявцев (Махачкала) — Дербентский проход	213

Сведения об авторах	219
---------------------	-----

<u>Федор Александрович Кудрявцев</u>	220
--------------------------------------	-----

<u>Сергей Львович Утченко</u>	221
-------------------------------	-----

Резюме статей на английском языке	222
-----------------------------------	-----

СТАТЬИ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА В СССР

В. И. Касьяненко

XXIV съезд КПСС подвел итоги строительства и развития зрелого социалистического общества в СССР. Впервые партией была дана всесторонняя характеристика достигнутой ступени зрелости социализма, показано, на какую историческую высоту он поднял человечество, чем обогатил теорию научного коммунизма. XXV съезд КПСС обобщил опыт экономического и социально-политического прогресса советского общества за минувшее пятилетие, конкретизировал и развил установки долгосрочной комплексной политики КПСС и Советского государства на современном этапе коммунистического строительства.

Развитое социалистическое общество в СССР — реальная действительность, вызывающая неослабевающий интерес у советских ученых, обществоведов братских социалистических стран, у марксистов всего мира. Концепция развитого социализма стала объектом идеологической борьбы марксистов против правых и «левых» ревизионистов.

XXV съезд КПСС определил актуальные проблемы исследований в области общественных наук, особо подчеркнув тесную связь их с практикой¹. Съезд выдвинул в качестве всенародной задачи повышение эффективности и качества работы на всех участках коммунистического строительства. Это требование имеет непосредственное отношение к историческим исследованиям. Высокая научность и теоретическая обоснованность, тесная связь теории с практикой, идейность и непримиримость к буржуазной и ревизионистской идеологии — вот основные признаки, характеризующие качество трудов обществоведов. В свете требований XXV съезда КПСС особая ответственность за качество и тесную связь с практикой возлагается на исследователей развитого социализма в СССР.

Огромная роль в борьбе за повышение качества нашей работы принадлежит правильному применению марксистско-ленинской методологии изучения и обобщения фактов современной истории, систематическим историографическим обзорам литературы. В настоящей статье предпринимается попытка подвести некоторые итоги теоретических исследований по основным вопросам развитого социализма в СССР, в частности об историческом месте, сущности и критериях новой стадии зрелости советского социалистического общества. Автор не затрагивает литературу по ряду проблем, требующих самостоятельного обобщения, например, о советском народе как новой исторической общности людей, о коммунистическом воспитании трудящихся, о трудовом коллективе и др.

К. Маркс и Ф. Энгельс превратили социализм из утопии в науку. Они обосновали учение о закономерности смены общественно-экономи-

¹ См. «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 72—73.

ческих формаций, исторической неизбежности коммунистической формации, фаз ее становления и развития. Говоря о том, что вопрос о переходных этапах к коммунизму самый трудный², Ф. Энгельс вместе с тем подчеркивал диалектический характер нового строя. «Так называемое «социалистическое общество», — писал он, — не является, по моему мнению, какой-то раз навсегда данной вещью, а как и всякий другой общественный строй его следует рассматривать как подверженное постоянным изменениям и преобразованиям»³. Идея непрерывного развития социализма получила свое обогащение в трудах В. И. Ленина, который создал учение о переходном периоде от капитализма к социализму, дал всестороннюю характеристику социалистического общества в нашей стране, показал пути его динамичного, постоянно прогрессирующего развития. В первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» (март 1918 г.) и докладе о работе ВЦИК и Совнаркома (февраль 1920 г.) В. И. Ленин говорил уже о «развитом социалистическом обществе»⁴. Таким образом, идея непрерывного развития общества, вытекающая из диалектико-материалистического понимания истории, имеет важное методологическое значение для исследования сущности, исторического места и критериев новой, современной стадии зрелости социализма в СССР.

Положения В. И. Ленина о постепенном, по мере созревания предпосылок, развитии социализма в сторону его зрелости вошли в программные документы партии, послужили теоретической основой ее политики в годы социалистического и коммунистического строительства. О мастерском применении ленинизма в руководстве процессом развития социализма и социализации коммунизма свидетельствуют решения XXIII, XXIV и XXV съездов партии. Теоретическое обобщение накопленного опыта и обоснование задач коммунистического строительства нашли свое освещение в Программе КПСС, в юбилейных тезисах ЦК КПСС, в докладах, речах и статьях руководителей Коммунистической партии и Советского государства. В докладе «Пятьдесят лет великих побед социализма» (ноябрь 1967 г.) Л. И. Брежнев указал, что в СССР построенное развитое социалистическое общество и необходимо полнее использовать его возможности⁵. Принципиально важным был анализ социальной структуры и политической системы советского общества, который был сделан на XXIV съезде КПСС. Характеристики развитого социализма содержались в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», в юбилейном докладе Л. И. Брежнева, статьях А. Н. Косыгина и М. А. Сулова. В них давались основные направления, по которым затем велись теоретические и прикладные исследования проблем развитого социализма⁶.

Большое значение в исследовании процессов и закономерностей развития современного советского общества имели труды историков по разнообразным темам и периодам. Следуя ленинской традиции расширять связи науки с жизнью, они мобилизовали и систематизировали обширный фактический и документальный материал, чем внесли существенный вклад в создание концепции развитого социализма в СССР.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 38, стр. 108.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 37, стр. 380.

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 139; т. 40, стр. 104.

⁵ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 2. М. 1970, стр. 92, 100.

⁶ См. «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. 1. М. 1972, стр. 62—107; «Справочник партийного работника». Вып. 12. М. 1972, стр. 42—43; Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 4. М. 1974, стр. 82—101; А. Косыгин. Социально-экономическое развитие Советского многонационального государства. «Коммунист», 1972, № 17; М. Сулов. КПСС — партия творческого марксизма. «Коммунист», 1971, № 14.

Некоторые стороны проделанной в этом направлении за минувшее пятилетие работы показаны в статье М. П. Кима и Ю. А. Полякова⁷.

Определение сущности и исторического места развитого социализма с самого начала оказалось довольно сложной проблемой. Это показало, в частности, одно из первых коллективных (международных) обсуждений проблемы, которое организовала редакция журнала «Проблемы мира и социализма» (октябрь 1970 г.)⁸. Состоявшийся обмен мнениями был полезным и оказал существенное влияние на последующие исследования сущности, исторического места и критериев новой стадии зрелости социализма.

Первые в СССР брошюры на эту тему были написаны И. Б. Берхиным, А. П. Бутенко, И. В. Дудинским и В. Я. Зевиним⁹. Существенным вкладом в историографию проблемы явились коллективный труд «СССР на пути строительства коммунизма (1959—1970 гг.)» (М. 1971), монографии Г. Е. Глезермана, Л. А. Леонтьева и С. П. Трапезникова, а также материалы всесоюзной научной конференции на тему «XXIV съезд КПСС и развитие марксистско-ленинской теории», состоявшейся в Москве осенью 1971 года. В них обобщается советский опыт строительства социализма, содержится характеристика черт и основных этапов становления зрелого социализма в СССР¹⁰.

За исключением отдельных статей, первые труды историков, экономистов и философов отличались высоким уровнем обобщений, оригинальными попытками показать, на какую историческую высоту поднял зрелый социализм советское общество. Большим достижением исследований общественников является и то, что с самого начала они отличались комплексным подходом к предмету изучения, стремлением выснить особенности новой стадии зрелости социалистического общества в СССР и попытками показать реально существующий социализм как мировую систему. Переплетение национального и интернационального в этих трудах — сложившийся важный методологический подход к исследованию многих новых проблем современности.

Примечательным явлением, перерастающим в закономерность развития исследовательской мысли, стало сотрудничество советских общественников с учеными других социалистических стран. Одним из плодотворных его результатов была монография¹¹, написанная совместными усилиями общественников СССР, ГДР и ЧССР. Коллективное обобщение современного опыта позволило глубоко выявить общие закономерности, черты и критерии, раскрыть единую сущность развитого социализма, его национальные особенности. Убедительной и принципиальной выглядит критика авторами этого труда реформистских и ревизионистских извращений научного социализма. Суждения, оценки и выводы, содержащиеся в этом исследовании, оказали заметное влияние на последую-

⁷ См. М. П. Ким, Ю. А. Поляков. История советского общества. «Развитие советской исторической науки. 1970—1974». М. 1975.

⁸ «Проблемы развития социализма». Международные дискуссии марксистов Прага. 1971, стр. 13—84.

⁹ И. В. Дудинский. Экономические проблемы создания развитого социалистического общества. М. 1971; В. Я. Зевин. Труды В. И. Ленина — неиссякаемый источник революционной мысли и революционного действия. М. 1971; И. Б. Берхин. Создание в СССР развитого социалистического общества. М. 1972; А. П. Бутенко. Историческое место и основные черты развитого социалистического общества. М. 1972.

¹⁰ См. Л. А. Леонтьев. Экономические проблемы развитого социализма. М. 1972; С. П. Трапезников. На крутых поворотах истории. Изд. 2-е. М. 1972; «Экономические и социально-политические проблемы коммунистического строительства в СССР». Материалы научной конференции. 29 сентября — 1 октября 1971 г. М. 1972; Г. Е. Глезерман. Исторический материализм и развитие социалистического общества. Изд. 2-е. М. 1973.

¹¹ «Развитое социалистическое общество: сущность, критерии зрелости, критика ревизионистских концепций». М. 1973.

щее развитие мысли обществоведов в СССР и в других социалистических странах. Эта первая крупная монография о развитом социализме получила высокую оценку научной общественности в СССР и за рубежом.

На протяжении ряда лет среди историков, экономистов и философов идет обмен мнениями о сущности, критериях и историческом месте развитого социализма в СССР. Наряду с обобщением фактического материала происходит процесс синтеза ряда концептуальных положений, оценок и выводов. Одновременно были преодолены ошибочные суждения о социализме, с одной стороны, как о самостоятельном способе производства, а с другой — как о переходной и кратковременной фазе общественного развития, на которой якобы лишь уничтожаются «родимые пятна капитализма» и создаются общие основы коммунистической формации. Углубилось изучение не только количественных, но и качественных черт и признаков социализма и его отличий от высшей фазы коммунизма. В непродолжительных, но поучительных дискуссиях были подвергнуты аргументированной критике также утверждения отдельных авторов о том, что развитый социализм — это средняя фаза коммунизма, что после нынешнего этапа наступит период «высокоразвитого социализма».

В монографии «Марксистско-ленинское учение о социализме и современность» (руководитель П. Н. Федосеев. М. 1975) доказано, что методологически несостоятельно и практически вредно характеризовать развитый социализм как «среднюю фазу коммунизма». Это значит «как бы искусственно «выводить» зрелое социалистическое общество за пределы действия законов социализма, ориентировать не на более эффективное, оптимальное использование объективных законов социализма, а на поиск и «открытие» особых законов «средней фазы коммунизма» (стр. 166). Рассуждения, что первая фаза коммунизма не завершится периодом развитого социализма и что погребется период «еще более» зрелого, или развитого, социализма, Р. И. Косолапов, В. М. Межуев и А. С. Айзикович считают чисто умозрительными и не подкрепленными основательными аргументами¹². Такого же мнения придерживается большинство исследователей.

В литературе обобщен огромный опыт социалистического и коммунистического строительства в СССР, который убедительно подтверждает правильность марксистско-ленинской концепции социализма и перерастания его в высшую фазу коммунизма. Диалектика формирования коммунистической формации такова, что развитие социализма и строительство коммунизма — это единый процесс, «в котором каждый новый этап преемственно связан с предшествующим и является более высокой ступенью в восходящем, поступательном движении общества»¹³. По общему признанию авторов, историческая миссия развитого социализма заключается в том, чтобы полнее раскрыть и использовать возможности нового строя, одновременно подготовить материальные, социальные и духовные предпосылки для создания условий, необходимых для построения коммунизма. Уже сейчас совершенно очевидно: развитие зрелого социализма и строительство коммунизма — единый процесс, в котором нарождаются коммунистические черты и признаки. В современных условиях решение проблем развитого социализма, пишет Р. И. Косолапов, «во многом совпадает с обеспечением «задела» в коммунистическом строительстве»¹⁴.

Если попытаться синтезировать имеющиеся в литературе характеристики сущности развитого социализма, то можно сделать следующие

¹² См. «Социалистическое общество. Социально-философские проблемы современного советского общества». М. 1975, стр. 54.

¹³ М. А. Сулов. Избранное. Речь и статьи. М. 1972, стр. 654.

¹⁴ Р. И. Косолапов. Социализм. К вопросам теории. М. 1975, стр. 378.

выводы. Развитой социализм не является каким-то самостоятельным этапом в общем процессе становления коммунистической формации. Это, пишет П. Н. Федосеев, социалистическое общество, достигшее развитого состояния, характеризующееся всесторонним раскрытием преимуществ социализма, последовательным соединением достижений научно-технической революции с новыми общественными отношениями. Автор подчеркивает расширение сферы действия экономических законов социализма, возрастания социальной эффективности их использования, благодаря чему формируются благоприятные материальные и духовные предпосылки для всестороннего развития личности¹⁵. Г. Е. Глезерман дополняет эту характеристику тем, что на новой ступени зрелости достигаются оптимальные пропорции между отраслями народного хозяйства, происходит соразмерное развитие всех сторон общественной жизни и преодолевается отставание отдельных участков социалистического строительства¹⁶.

Попытка дать общую характеристику развитого социализма в СССР предпринята М. П. Кимом в предисловии к монографии, подготовленной Институтом истории СССР: «Современное советское общество — общество развитого социализма, которое отличается зрелостью незабываемых социалистических начал жизни, наличием реальных возможностей для всестороннего раскрытия преимуществ социализма, устойчивыми высокими темпами прогресса во всех сферах общественной жизни, громадными качественными сдвигами в совершенствовании общественных отношений и росте материального и духовного потенциалов общества, ускоренным ростом социально-экономической эффективности общественного производства. Для него характерны высокая степень использования объективных законов и последовательное соединение преимуществ социализма с достижениями научно-технической революции»¹⁷. Углубляя понимание сущности новой ступени зрелости социализма, П. А. Игнатовский обращает внимание на возросшие динамизм и сложность общественного прогресса, который обусловлен научно-техническим совершенствованием производства, новым положением человека в системе общественно-экономических связей — «словом, всей совокупностью экономических, социальных, духовных условий всестороннего развития личности»¹⁸.

Таким образом, анализ литературы показывает, что исследовательская мысль обогатилась в последние годы новыми представлениями и характеристиками зрелого социализма в СССР. Однако до сих пор нет строго научного и всеми признанного определения этой стадии, которое давало бы полное, комплексное понимание сущности и особенностей развитого социалистического общества. Но посредством синтеза существующих определений можно сделать общий вывод: развитой социализм есть более высокая ступень зрелости низшей фазы коммунистического общества, на которой достигнутый уровень производительных сил способствует наибольшему проявлению преимуществ социалистических производственных отношений и более полному использованию объективных законов и потенциальных возможностей общества во всех сферах его жизни и деятельности. Сущность новой ступени зрелости социализма выражается в том, что способ производства полнее отражает свою высшую цель — максимальное удовлетворение постоянно растущих

¹⁵ П. Федосеев. Актуальные проблемы общественных наук. «Коммунист», 1975, № 5, стр. 29, 30.

¹⁶ См. «Развитое социалистическое общество: сущность, критерии зрелости, критика ревизионистских концепций». Изд. 2-е. М., 1975, стр. 21.

¹⁷ «Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР». М. 1976, стр. 5—6.

¹⁸ П. А. Игнатовский. Развитой социализм. Общественно-экономическая динамика. М. 1974, стр. 11.

материальных и духовных потребностей членов общества, создание необходимых условий для всестороннего развития личности. Основными направлениями перерастания развитого социализма в высшую фазу коммунизма являются создание мощной материально-технической базы общества, формирование коммунистических производственных отношений, органическое соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства, коммунистическое воспитание трудящихся, подготовка условий для осуществления принципа «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям», всемерное развитие демократии и творческой инициативы масс. В целом же зрелый социализм, построенный в СССР, — высшая ступень социального прогресса, ныне достигнутая человечеством¹⁹.

Историческое место развитого социализма определяется авторами с учетом существующей общей периодизации истории советского общества, оценок переломных рубежей, содержащихся в документах партии и выступлениях ее руководителей. В историографии сформировалось мнение, согласно которому после завершения переходного периода и построения в основном социализма (конец второй пятилетки) наступил начальный период социалистического общества. В последующие годы самоотверженным трудом советского народа под руководством КПСС в СССР было построено развитое социалистическое общество, после чего начался период функционирования и дальнейшего развития зрелого социализма. Опыт показывает, что зрелый социализм — это объективно неизбежная ступень на пути перерастания общества от низшей к высшей фазе коммунистической формации.

В ходе обмена мнениями об историческом месте развитого социализма были еще раз уточнены хронологические рубежи переходного периода от капитализма к социализму, а также периода строительства развитого социализма. Однако до сих пор в историографии нет единого мнения о рубеже построения в СССР развитого социализма. Большинство авторов считает, что период развитого социализма наступил в конце 50-х — начале 60-х годов. Активными сторонниками этой точки зрения выступили редакция журнала «Вопросы истории КПСС»²⁰, авторы многих коллективных трудов, а также И. Б. Берхин, Н. Н. Маслов и Ю. И. Тарасов, В. В. Модестов, А. И. Пашков, А. И. Рогов, В. С. Семенов, В. Г. Смольков, М. Ю. Хесин и многие другие²¹. Процесс

¹⁹ А. Н. Косыгин. Социально-экономическое развитие Советского многонационального государства. «XXIV съезд КПСС: единство теории и практики». Вып. первый. М. 1973, стр. 111.

²⁰ См. «К итогам обмена мнениями по некоторым вопросам периодизации истории КПСС». «Вопросы истории КПСС», 1972, № 11, стр. 112.

²¹ См. «СССР на пути строительства коммунизма (1959—1970 гг.)»; В. В. Модестов. Основные этапы развития социалистического общества и проблемы стратегии и тактики КПСС. «Вопросы развития марксистско-ленинской теории в свете решений XXIV съезда КПСС». Ростов-на-Дону. 1972, стр. 82; В. С. Семенов. Основные закономерности и этапы строительства и развития социализма. «Закономерности и этапы строительства и развития социализма». Материалы международного симпозиума. М. 1972, стр. 55; И. Б. Берхин. Создание в СССР развитого социалистического общества, стр. 5—6; его же. Создание развитого социалистического общества. М. 1975, стр. 8—9; Г. П. Алексеев, Л. С. Озеров, В. Г. Смольков, О. И. Терновой, А. Я. Утенков. Социалистическое соревнование в промышленности СССР. М. 1973, стр. 18; В. И. Виноградов, Г. О. Гольдштейн, В. И. Суханов, В. О. Тененбаум, Ю. В. Фирсов. Вопросы диалектики развитого социализма. Общество, экономика, государство. Саратов. 1973, стр. 13; М. Ю. Хесин. КПСС — вдохновитель и организатор строительства коммунизма в СССР (1959—1972). Минск. 1973, стр. 9; В. И. Касьяненко. КПСС — организатор строительства развитого социализма. М. 1974, стр. 86; «КПСС — партия научного коммунизма (Развитие теории научного коммунизма в решениях и документах КПСС на современном этапе)». М. 1974, стр. 121; И. И. Бодюль. Социально-экономические отношения в деревне на стадии развитого социализма. М. 1974, стр. 7; «Сущность и значение политики КПСС в условиях развитого социализма». М. 1974, стр. 67; В. Г. Смольков. Социалистическое

создания развитого социализма рассматривается ими в тесной связи с полной и окончательной победой социализма в нашей стране. А. И. Пашков, например, убедительно доказывает, что начало этапа развитого социализма в СССР ни логически, ни хронологически нельзя отделять от полной и окончательной победы социализма. Рассуждая абстрактно, по его мнению, построение зрелого социализма у нас могло произойти задолго до окончательной победы социализма. Практически же решение этих исторических задач в СССР совпало²².

Принятие новой Программы КПСС — вереломный рубеж как в подведении исторических итогов развития социалистического общества в СССР, так и в определении новых задач коммунистического строительства, для чего в начале 60-х годов созрели необходимые предпосылки. Качественные изменения произошли не только в способе производства, но и в политической надстройке: государство диктатуры пролетариата превратилось в общенародное, а КПСС — в авангард рабочего класса, всего народа. Все это было зафиксировано в новых Программе и Уставе КПСС, принятых XXII съездом партии (октябрь 1961 г.). В связи с возвратом научно-технической революции и изменениями в формах собственности существенные сдвиги происходили в социальной структуре советского общества. Больших высот достигло духовное развитие советского народа. Усилились новые тенденции во взаимоотношениях СССР с другими социалистическими государствами.

Среди части философов и экономистов формируется убеждение в том, что утверждение развитого социализма не единовременный акт, а процесс. Поэтому достижение полной и окончательной победы социализма в СССР явилось непосредственной предпосылкой создания развитого социалистического общества, а процесс утверждения его занял значительную часть 60-х годов. Так рассуждают, например, авторы коллективной монографии «Марксистско-ленинское учение о социализме и современность» (стр. 234—235). В. А. Жамин, Л. Я. Зиле, А. И. Ибрагимов, В. Н. Черковец считают, что процесс формирования зрелого социализма в СССР протекал на протяжении 60-х годов²³ и завершился в начале 70-х годов. «Устранение к 70-м годам известных диспропорций в развитии отдельных сфер и явлений советского общества, достижение определенной, обнаружившей явную тенденцию к неуклонному возрастанию гармоничности социализма как целостной общественной системы, зрелости социалистического качества всех основных компонентов этой системы,— пишут Р. И. Косолапов, В. М. Межуев и А. С. Айзикович,— как раз и дали возможность зафиксировать в партийных документах на рубеже 60—70-х годов построение в СССР развитого социа-

сорование в условиях развитого социализма. М. 1974, стр. 37; С. П. Первушин. Экономические законы в развитом социалистическом обществе. Особенности проявления и использования. М. 1974, стр. 9; Н. Н. Маслов, Ю. И. Тарасов. Возрастные руководящей роли КПСС — закономерный процесс. «Проблемы возрастания руководящей роли КПСС в условиях развитого социализма». Л. 1975, стр. 16; А. И. Рогов. Руководство КПСС экономикой зрелого социализма. М. 1975, стр. 25; «Характерные черты и особенности развитого социалистического общества». Киев. 1976, стр. 9—10; М. И. Сысоев. Учительство в условиях развитого социализма. Л. 1975, стр. 10, и др.

²² А. Пашков. Об этапах экономического развития социалистического общества. «Коммунист», 1973, № 8, стр. 33.

²³ В. А. Жамин. XXIV съезд КПСС о строительстве материально-технической базы коммунизма в СССР. «Актуальные проблемы современного социализма. Научные труды Института экономики мировой социалистической системы». Часть I. М. 1973, стр. 81; А. Ибрагимов. Основные черты и особенности развитого социализма. «Коммунист Узбекистана». 1974, № 8, стр. 38; В. Черковец. Проблемы развитого социализма в политической экономии. «Вопросы экономики», 1973, № 12, стр. 5; «Руководящая роль Коммунистической партии в преодолении существенных различий между городом и деревней». Краснодар. 1973, стр. 86; Л. Зиле. Периоды и этапы строительства социализма и изменение социальной структуры общества (на материалах Латвийской ССР). Рига. 1975, стр. 80.

листического общества»²⁴. Углубляя эту мысль, М. П. Ким обращает внимание на то, что развитый социализм создает более широкий простор для действия закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. При этом он напоминает: при определении критериев зрелого социализма и его начального рубежа непременно нужно учитывать состояние сельского хозяйства, устойчивые темпы роста которого знаменуют качественный сдвиг в прогрессе советской экономики²⁵.

Обмен мнениями по вопросу о рубеже построения в СССР развитого социализма продолжается. Расхождения взглядов здесь не случайны: они свидетельствуют о недостаточной разработке самой сущности новой ступени зрелости социализма, определения ее критериев и особенностей по сравнению с предыдущим периодом истории советского общества, а также комплекса характеристик, «с помощью которых, — как верно заметил В. С. Лельчук, — можно судить о поступательном движении производительных сил и производственных отношений, о количественных и качественных изменениях во всех сферах материальной и культурной жизни»²⁶. Известно, что в различных сферах общественной жизни социалистическая зрелость достигается далеко не одновременно. Ее неодинаковость очевидна до сих пор. Однако совокупность качественных изменений в экономическом базисе и политической надстройке, происшедших в СССР к началу 60-х годов, делают предпочтительным этот рубеж.

Несомненным достижением современной теоретической мысли в СССР является разработка критериев и черт, с помощью которых характеризуется новая ступень зрелости социализма в нашей стране. Историография показывает, что их разработка осуществляется по следующим основным направлениям. Во-первых, созданы и продолжают совершенствоваться такие критерии и признаки, которые позволяют выявить и обосновать коренные изменения прежде всего в материальном производстве — решающей сфере жизнедеятельности общества (новый уровень зрелости социалистического способа производства; изменения в расширенном воспроизводстве и структуре народного хозяйства; достижение оптимальных пропорций между отраслями экономики; сближение двух форм собственности; расширение простора для действия основного экономического закона социализма и закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства; изменения в характере и содержании труда; влияние научно-технической революции на производство, труд и работников; перспективы формирования коммунистических производительных сил и адекватных им производственных отношений и т. п.). Во-вторых, с не меньшей активностью разрабатываются критерии и признаки, с помощью которых соизмеряется достигнутый уровень зрелости в социальной структуре и политической надстройке (изменения в социально-классовых отношениях и политической системе общества, в образе жизни советских людей, в их идеологии и духовной культуре, в межнациональных отношениях и других сферах). И, в-третьих, определяются критерии международного плана. СССР — часть мирового социалистического содружества. «Развитый социализм характеризуется не только зрелостью внутренних процессов, протекающих в каждой стране, — доказывает международная исследовательская группа журнала «Проблемы мира и социализма», — но и зрелостью международных отношений, связей между братскими государствами и партиями.

²⁴ «Социалистическое общество. Социально-философские проблемы современного советского общества», стр. 49.

²⁵ См. «Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР», стр. 7—8.

²⁶ В. С. Лельчук. Социально-экономические проблемы развитого социализма (К историографии вопроса). «Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР», стр. 460.

Эта зрелость предполагает высокую степень разделения труда между социалистическими странами и соответствующую специализацию в рамках СЭВ, вытекающие отсюда процессы экономической интеграции. Эта зрелость предполагает также совершенствование отношений равноправия, интернационального сотрудничества в других сферах, дальнейшее упрочение социально-политического единства»²⁷.

Обмен мнениями по вопросу о критериях и признаках развитого социализма пока еще не завершен. После дискуссии советскими обществоведами отвергнут принцип определения критериев зрелости социалистического производства из экономических показателей развитых капиталистических стран. Абсолютное большинство исследователей считает, что критерии зрелости социализма имманентны социализму и должны выводиться из него, а не из каких-то внешних условий. В ряде книг дана комплексная характеристика основных сторон современного состояния советского социалистического общества²⁸. Конкретно-исторический процесс развития советского общества на этапе зрелого социализма раскрывается в упоминавшейся уже монографии Института истории СССР²⁹. В ней показаны особенности современного этапа развития нашей страны, дан анализ изменений социальной структуры, народного хозяйства, затронуты некоторые вопросы историографии.

Методологическим ориентиром в исследовании экономических проблем развитого социализма стало известное положение из Отчетного доклада ЦК КПСС XXIV съезду партии о том, что современная экономика, как и раньше, основывается на одном и том же типе производственных отношений, на одних и тех же законах социализма. Вместе с тем в ней произошли и происходят важные изменения³⁰. Активными усилиями ряда авторов литература пополнилась ценными исследованиями экономической сущности зрелого социализма, критериев и характеристик нового состояния экономики, влияния на ее развитие научно-технической революции, роста культурного уровня трудящихся, международной социалистической интеграции. Широкое признание получили труды экономистов Л. И. Абалкина, Л. М. Гатовского, П. А. Игнатовского, Г. А. Козлова, А. И. Пашкова, С. П. Первушина, А. И. Рогова, В. Н. Черковца и других³¹. В них освещены актуальные вопросы становления и развития экономики зрелого социализма в СССР, различ-

²⁷ «Проблемы мира и социализма», 1975, № 1, стр. 65.

²⁸ «Развитое социалистическое общество: сущность, критерии зрелости, критика ревизионистских концепций»; «Социалистическое общество. Социально-философские проблемы современного советского общества»; «Характерные черты и особенности развитого социализма». Киев. 1976; «Развитое социалистическое общество и общественный прогресс». Л. 1976; «Основные черты и особенности развитого социалистического общества». Л. 1975.

²⁹ «Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР».

³⁰ См. «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. 1, стр. 62.

³¹ Л. И. Абалкин. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. М. 1973; Г. А. Козлов. Основные черты экономики развитого социализма. М. 1973; А. А. Севастьянов. Финансы в системе производственных отношений развитого социализма. М. 1973; «Система и структура производственных отношений развитого социализма». Киев. 1973; И. И. Бодюл. Указ. соч.; Л. М. Гатовский. Научно-технический прогресс и экономика развитого социализма. М. 1974; П. А. Игнатовский. Указ. соч.; С. П. Первушин. Указ. соч.; «Проблемы экономики развитого социализма в СССР». Алма-Ата. 1974; М. И. Корней. Повышение эффективности производства — коренной вопрос экономической политики КПСС. Минск. 1975; А. И. Рогов. Указ. соч.; «Совершенствование механизма хозяйствования в условиях развитого социализма». М. 1975; «Хозрасчетные отношения в развитом социалистическом обществе». М. 1975; «Социализм: диалектика развития производительных сил и производственных отношений». М. 1975; «Хозяйственный расчет в условиях развитого социализма». Саратов. 1975; Л. И. Майзенберг. Проблемы ценообразования в развитом социалистическом обществе. М. 1976; «Эффективность экономики развитого социализма». М. 1976; Н. А. Мальцев. Проблемы распределения в развитом социалистическом обществе. М. 1976; «Социально-экономические проблемы повышения про-

ные характеристики ее современного состояния и перспективы дальнейшего роста.

Общепризнанным является мнение, что коренным критерием развитого социалистического общества служит уровень зрелости способа производства, и прежде всего производительных сил. Отмечая это, многие экономисты и историки подчеркивают тот факт, что на новом этапе состояние производительных сил советского общества позволило ему непосредственно приступить к созданию материально-технической базы коммунизма³². В литературе все явственнее обнаруживается тенденция изучения двух составных частей производительных сил — рабочей силы и материально-технической базы. Увеличивается поток книг и статей об изменении облика рабочего класса, крестьянства и научно-технической интеллигенции. Не ослабевает интерес к освещению (уже ставших традиционными) вопросов материально-технической базы советского общества. После первого обзора литературы на эту тему³³ опубликовано немало статей и брошюр по отдельным аспектам проблемы.

Один из важнейших признаков развитого социализма — достижение более высокого уровня зрелости социалистических производственных отношений — экономического базиса общества. В. Н. Черковец своевременно и верно подчеркнул методологическую важность выделения производственных отношений зрелого социализма как предмета самостоятельного исследования. Развитие производственных отношений, повышение их зрелости, пишет он, есть одновременно возрастание реальной базы преимуществ социализма³⁴. Действительно, только с учетом достигнутой степени зрелости этих отношений возможно практическое решение таких сложных проблем, как совершенствование механизма хозяйствования, органическое соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социализма, более эффективное использование экономических законов, совершенствование системы управления и т. д.

В экономической литературе, помимо количественных показателей, содержится анализ качественных характеристик, присущих экономике зрелого социализма. Интересны исследования, показывающие изменения в расширенном социалистическом воспроизводстве, взаимодействии двух форм собственности, в структуре производства в связи с курсом КПСС на повышение народного благосостояния. Особое внимание привлекают появившиеся в последние два-три года труды об органическом соединении достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства³⁵.

изводительности труда в развитом социалистическом обществе». Воронеж. 1976; Н. М. Шишкан. Труд женщин в условиях развитого социализма. Кишинев. 1976; «Пропорции воспроизводства в период развитого социализма». М. 1976.

³² С учетом исторического опыта и общественной практики 60-х годов авторы коллективной монографии Института философии АН СССР комментируют некоторые положения Программы КПСС о сроках создания материально-технической базы коммунизма в СССР, непосредственным перерастании социализма в коммунизм (см. «Социалистическое общество. Социально-философские проблемы современного советского общества», стр. 46).

³³ См. В. И. Касьяненко. Проблемы создания материально-технической базы коммунизма (Историографический очерк). М. 1973.

³⁴ См. В. Черковец. Производственные отношения в условиях зрелого социализма. «Коммунист», 1973, № 18.

³⁵ «Соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социализма». «Проблемы мира и социализма», 1972; № 8; М. Волков. Научно-техническая революция и преимущества социализма. «Научно-техническая революция и социальный прогресс». М. 1972; В. А. Жамин и И. М. Владимиров. Научно-техническая революция и преимущества социалистической системы хозяйства. М. 1972; «Научно-техническая революция и социализм». М. 1973; «Проблемы соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма». Воронеж. 1974; К. И. Таксир. Сущность и формы соединения науки с производством при социализ-

Только благодаря творческому применению марксистско-ленинской методологии исследования развития науки, техники, производства и общественных отношений обеспечивается глубоко научное раскрытие закономерностей и особенностей, экономических и социальных последствий научно-технической революции в условиях развитого социализма³⁶. В трудах советских историков и социологов она раскрывается как объективный исторический процесс, связанный с преимуществами социализма и задачами коммунистического строительства, с процессами экономической интеграции мирового социалистического сотрудничества.

Положительно оценивая в целом литературу о научно-технической революции и роли ее в строительстве материально-технической базы коммунизма в СССР, следует отметить существующие недостатки и пробелы. Нет фундаментальных трудов по истории разработки технической политики и руководящей роли КПСС, по сотрудничеству республик в сфере научно-технического прогресса. По-настоящему еще не раскрыта диалектика взаимодействия экономики, политики, техники и науки, технического творчества масс и руководящей деятельности КПСС и Советского государства. Существенным недостатком литературы по этим вопросам продолжают оставаться описательность, отсутствие крупных теоретических обобщений и практических рекомендаций.

XXV съезд КПСС подвел итоги борьбы за ускорение научно-технического прогресса в минувшее пятилетие. По поручению ЦК КПСС и Советского правительства институты АН СССР совместно с министерствами и ведомствами подготовили проект Комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий на 1976—1990 годы. «Работу над программой необходимо продолжить,— говорится в Отчете ЦК КПСС XXV съезду партии,— она составляет органическую составную часть текущего и долгосрочного планирования, она дает ориентиры, без знания которых нельзя успешно руководить экономикой»³⁷.

Более обобщающие критерии развитого социализма выдвигаются философами. Сопоставив развитый социализм с социализмом, построенным в СССР в основном, Р. И. Косолапов, В. М. Межуев и А. С. Айзикович пришли к выводу: важнейшим общим признаком развитого социализма является системная целостность. «Именно стадия превращения нашей системы в целостность,— пишут они,— и есть этап развитого социализма, когда все элементы жизненного уклада общества оказываются уже перестроенными на присущих ему коллективистских началах»³⁸.

Но, говоря о системной целостности и гармоничности важнейших компонентов общественного развития, нельзя упускать из виду усложнение общественной структуры и многообразия противоречий в условиях развитого социализма. Историографией давно преодолены ненаучные

ме. М. 1974; «Научно-техническая революция и преимущества социализма». М. 1975; В. Я. Ельмеев, Е. Ф. Денисов, С. Ф. Зотов. Экономические условия соединения науки с производством. «Известия» АН СССР. Серия экономическая. 1976, № 3.

³⁶ См. «Современная научно-техническая революция. Историческое исследование». Изд. 2-е. М. 1970; В. М. Зубец. Научно-технический прогресс в условиях развитого социализма. Челябинск. 1973; «Партия и современная научно-техническая революция в СССР». М. 1974; «КПСС и современная научно-техническая революция». Киев. 1974; И. Е. Рубцов. Научно-технический прогресс в условиях развитого социалистического общества. М. 1975; А. М. Фурсик. КПСС во главе научно-технического прогресса в условиях развитого социализма. М. 1975; «Экономические проблемы научно-технической революции при социализме». М. 1975 (коллективный труд ученых НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР, ЧССР); «Научно-техническая революция, рабочий класс и профсоюзы СССР». М. 1975; А. А. Плотиников. Научно-техническая революция в условиях развитого социалистического общества. Саратов. 1976. Н. В. Климин. Развитие экономических отношений в условиях научно-технической революции. Л. 1976.

³⁷ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 48.

³⁸ «Социалистическое общество. Социально-философские проблемы современного советского общества», стр. 50.

представления о социализме как обществе «социальной гармонии», развивающемся без противоречий и конфликтов. Углублению представлений о характере и конкретных проявлениях противоречий в условиях развитого социализма способствовала дискуссия, прошедшая на страницах журнала «Проблемы мира и социализма», а также многочисленные книги и статьи о диалектике современного общественного прогресса. Инициатор дискуссии Г. Е. Глезерман и другие ее участники показали, что зрелый социализм хотя и располагает необходимым соответствием и гармоничностью всех основных сфер общественной жизни, отнюдь не представляет собой нечто застывшее. Противоречия по-прежнему составляют источник развития социализма³⁹.

Борьбой особого рода в условиях развитого социализма В. И. Виноградов, Г. О. Гольдштейн, В. И. Суханов, В. О. Тененбаум и Ю. В. Фирсов называют социальное единство общества. Антагонизм и социальное единство (борьба особого рода) — два противоположных типа диалектического развития. Авторы возражают против распространенных в литературе предложений различать закономерно возникающие противоречия и противоречия субъективного порядка. В развитом социалистическом обществе, пишут они, «вполне вызревают все противоречия, разрешение которых обеспечивает постепенный переход к полному коммунизму...»⁴⁰. Конкретно-исторический и диалектический подход к анализу реальных противоречий в новых условиях позволяет углубить исследование общих закономерностей, особенностей и перспектив развития современного советского общества. Познание противоречий, поиски путей их преодоления остаются теоретической основой руководства нашим обществом.

В литературе отмечается, что социальная структура развитого социалистического общества формируется на базе изменений, происходящих прежде всего в сфере материального производства. Решающее влияние оказывают на нее изменения в общественном разделении труда. По мнению исследователей, это отражается на стирании наиболее глубоких социальных различий между членами общества, упрощением его макроструктуры и усложнением внутриклассовой структуры. Другой особенностью этих процессов является то, что совершаются они в условиях общего роста благосостояния и культуры людей, усиления идейно-политического единства советского общества, утверждения общесоветских черт образа жизни.

Советские историки и философы с возрастающей интенсивностью исследуют качественные изменения в социальной структуре зрелого социалистического общества, закономерности развития социальных процессов, учет их в социальной политике КПСС и Советского государства. Они пытаются обобщить накопленный партией и государством опыт по управлению социальными процессами, по обеспечению и упрочению социально-политического единства общества развитого социализма. Появились многочисленные статьи об изменениях в социальной структуре СССР и республик, усилении ведущей роли рабочего класса, о роли и месте в социальной жизни зрелого социалистического общества крестьянства, интеллигенции, молодежи; о дальнейшем укреплении союза рабочего класса и колхозного крестьянства. Относительно новой яв-

³⁹ Г. Е. Глезерман. Противоречия при социализме. «Проблемы мира и социализма», 1972; № 3; см. также 1972, № 11; 1973, №№ 2, 3, 4; Н. П. Иссинская. Общее и особенное в действии закона единства и борьбы противоположностей в условиях развитого социалистического общества. Смоленск. 1971; В. И. Горбач. Проблемы диалектических противоречий. М. 1972; В. С. Сутягин, А. С. Сутягин. Особенности противоречий в социалистическом обществе и пути их преодоления. М. 1972; В. Эйхгорн. О теоретических вопросах исследования противоречий при социализме. «Вопросы философии», 1974, № 3.

⁴⁰ В. И. Виноградов, Г. О. Гольдштейн, В. И. Суханов, В. О. Тененбаум, Ю. В. Фирсов. Указ. соч., стр. 50, 55.

ляется литература, посвященная изучению трудовых коллективов как социальных ячеек. Количество работ на эту тему возрастает из года в год. К сожалению, одновременно умножаются факты дублирования и стереотипности, перерастающие в хронический недостаток.

В последнее время заметно активизировали исследование этих проблем историки. Обстоятельный анализ изменений социальной структуры советского общества за 1938—1970 гг. предпринят С. Л. Сенявским⁴¹. Продолжая ранее начатое историками исследование⁴², он сосредоточил внимание на социальных процессах, происшедших в советском обществе после построения социализма в основном. В книге обстоятельному анализу подвергнуты сущность и границы составных элементов социальной структуры нашего общества. Опираясь на исторические факты и реальную действительность, С. Л. Сенявский раскрыл основные тенденции развития социальной структуры, место и роль рабочего класса СССР в социальном прогрессе. Автор подчеркивает, что все прогрессивные сдвиги обусловлены объективными закономерностями и совершаются под воздействием политики КПСС и Советского государства. Книга содержит обзор литературы. Анализ ее позволил автору прийти к выводу, что по методике определения классов в современном советском обществе точки зрения исследователей делятся на три основные группы. Одни авторы (О. И. Шкаратан) прямолинейно пытаются применить ленинское определение классов, данное в статье «Великий почин» для антагонистического общества. Другие (Г. Е. Глезерман, М. П. Ким, С. Л. Сенявский, М. Н. Руткевич, В. С. Семенов) берут за методологическую основу ленинское определение классов и учитывают объективно происходящие изменения в социальной структуре советского развитого социалистического общества. Третья группа авторов (Р. Г. Вартанов, Е. Вятра, С. И. Солнцев и другие) отрицает наличие классов при социализме⁴³. Во взглядах на классовые признаки, в аргументации своих позиций у этих авторов немало различий, оттенков, возражений. Не получили поддержки расширительные толкования границ современного рабочего класса.

Заметно возрос интерес историков к методологическим аспектам изучения современной социальной структуры СССР. Им немало внимания уделил С. Л. Сенявский. Содержательную статью об этом опубликовала В. М. Селунская. На основе анализа литературы, изданной в 1960—1970 гг., она показала важность исторического подхода к исследованию социальной структуры, обобщила методы ее изучения⁴⁴. Вопросам социального развития советского общества в свете решений XXIV съезда КПСС посвятил свою статью С. С. Хромов. Он дал общую характеристику зрелого социализма в СССР, социальной структуры и влияния на нее научно-технической революции⁴⁵.

Анализировать современные процессы и тенденции социального развития гораздо сложнее, чем, например, экономические или производственные процессы. Вероятно, именно поэтому в данной сфере исследований больше, чем в других, дискуссионных и предположительных суждений и выводов. Наиболее активны здесь философы, которыми создана обширная литература по социологическим проблемам развитого социализма. Ученые продолжают активные поиски правильных оценок про-

⁴¹ С. Л. Сенявский. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938—1970. М. 1973.

⁴² «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России». М. 1970; Ю. А. Поляков. Изменение социальной структуры в СССР. М. 1970.

⁴³ С. Л. Сенявский. Указ. соч., стр. 87—94.

⁴⁴ В. М. Селунская. Разработка некоторых вопросов классовой структуры советского общества в советской историографии. «История СССР», 1971, № 6.

⁴⁵ С. С. Хромов. XXIV съезд КПСС и некоторые вопросы социального развития советского общества. «История СССР», 1972, № 3.

исходящих изменений внутри классов и в межклассовых отношениях, характера, причин и форм социальных перемещений, выработки критериев определения социальной зрелости и рубежей продвижения советского общества к социальной однородности, то есть процессов социальной интеграции. Современное социальное строение в СССР, пишет Р. И. Косолапов, уже не соответствует «классической» структуре классового общества. «Развитой социализм,— по его мнению,— являет собой общественный строй без антагонизма, с разрушенными в своей основе классовыми перегородками, большой подвижностью социальных граней и активным свободным перемещением граждан из одного общественного слоя к другим в другой». Р. И. Косолапов справедливо предупреждает: важно проводить коренную, принципиальную разницу между тенденциями в социальном развитии современного капиталистического и социалистического обществ⁴⁶. Происходит обмен мнениями о границах социальной структуры (широкое и узкое толкование ее), об объективном характере происходящих в ней процессов и влиянии субъективных факторов и т. д.

Обобщая достижения обществоведов, М. Н. Руткевич классифицировал проявления общей закономерности развития социалистического общества к социальной однородности по трем важнейшим направлениям: во-первых, по линии дальнейшего сближения всех классов и социальных групп трудящихся по их отношению к средствам производства; во-вторых, сближение всех классов, групп и слоев по характеру труда; в-третьих, сближение социальных групп и слоев внутри них в сфере распределения⁴⁷.

Проблемы социальной интеграции при выделении ведущей роли рабочего класса и руководящей деятельности КПСС в современной литературе стали, пожалуй, наиболее актуальными. Продвижение в изучении и осмыслении изменений социальной структуры зрелого социалистического общества очевидно. Вместе с тем ясно и то, что здесь предстоят еще глубокие исследования. Не случайно в Отчете ЦК КПСС XXV съезду партии поставлена задача дальнейшего изучения социальной структуры развитого социалистического общества в СССР⁴⁸. Факты показывают, что исследования сложных процессов, происходящих в социальной структуре современного советского общества, приносят плодотворные результаты тогда, когда они осуществляются на правильных методологических принципах.

Размах теоретических и историко-социологических исследований говорит о том, что ориентация XXIV съезда КПСС на комплексное исследование современной социальной структуры в СССР приносит очевидные плоды. Однако положено пока лишь начало глубокому изучению сложных проблем социальной жизни развитого социалистического общества. Нельзя признать удовлетворительным состояние изучения важнейшей проблемы—о ведущей роли рабочего класса, хотя по ней немало (в количественном отношении) уже написано и она в наибольшей мере подвергнута историографическому анализу⁴⁹. Известно, что поло-

⁴⁶ Р. И. Косолапов. Социализм. К вопросам теории, стр. 432, 433.

⁴⁷ М. Н. Руткевич. Тенденции развития социальной структуры советского общества. М. 1975, стр. 61—68. Оригинальным является совместный труд советских и польских социологов «Проблемы социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше» (М. 1976). Некоторые вопросы методологии исследования проблемы затронуты в коллективном труде «Социально-классовая структура развитого социалистического общества» (Свердловск. 1976).

⁴⁸ См. «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 72.

⁴⁹ Т. В. Батаева. Историографические работы о советском рабочем классе. «Вопросы истории», 1969, № 4; «Вопросы историографии рабочего класса СССР». М. 1970; И. Е. Ворожейкин. Советская историография о месте и роли рабочего класса в развитом социалистическом обществе. «Рабочий класс развитого социалистического общества». М. 1974; его же. Очерк историографии рабочего класса СССР, М. 1975, и др.

жения XXIV съезда КПСС о дальнейшем укреплении ведущей роли рабочего класса на современном этапе коммунистического строительства выдвинули перед историками ряд новых исследовательских задач, от решения которых зависит более углубленная разработка всей концепции развитого социализма. Однако в литературе до сих пор полностью не раскрыт весь сложный механизм осуществления рабочим классом своей ведущей роли. Обычно авторы акцентируют внимание на вопросах о месте и роли рабочих в составе КПСС и Советов депутатов трудящихся. Это, разумеется, очень важно, но не дает полной картины этого механизма.

После XXIV съезда КПСС усилилось внимание к исследованию политической организации развитого социалистического общества в СССР⁵⁰. Новая литература по этой проблематике отличается более высоким научным уровнем, стремлением к обобщению накопленного опыта и приближению к практическим задачам дальнейшего совершенствования политической системы зрелого социализма. У большинства специалистов сложилось единство взглядов на сущность, этапы становления и характеристики системы политической организации современного советского общества.

Общепризнанным в историографии является вывод о том, что наиболее существенными изменениями в политической системе развитого социалистического общества в СССР являются превращение государства диктатуры пролетариата в общенародное государство, а КПСС — в авангард рабочего класса, всего народа. В разной степени нашли свое отражение в литературе общие закономерности этих изменений, влияние на них материальных условий, усиление роли субъективных факторов и т. д. Советский опыт показывает, что диктатура рабочего класса перестает быть необходимой раньше, нежели отомрет государство. Выражая интересы всего народа, политическая система зрелого социализма сохраняет свою классовость при ведущей роли рабочего класса. В литературе преодолены попытки отдельных авторов доказать, что общенародное государство и диктатура пролетариата являются будто бы разными типами. Они выражают собой этапы развития единого социалистического государства. Учитывая методологическую важность вопроса, исследователи заостряют внимание на процессах исторической связи, преемственности и общности этих этапов в развитии нашего государства, обогащении его функций в условиях развитого социализма.

Взгляды исследователей на периоды развития Советского государства, превращение его в политическую организацию зрелого социализма обобщены А. К. Белых и Е. М. Ковешниковым⁵¹. По их заключению

⁵⁰ А. П. Косицын. XXIV съезд КПСС об укреплении Советского государства. М. 1972; «XXIV съезд КПСС об укреплении Советского государства и развитии социалистической демократии». М. 1973; В. Ф. Коток, Н. П. Фарберов. СССР — общенародное социалистическое государство трудящихся. Л. 1973; А. И. Куфтырев. Политическая организация социалистического общества. М. 1973; «Актуальные проблемы политической организации общества». Свердловск. 1974; «Государство и демократия в период построения развитого социализма». М. 1974; Г. Н. Манов. Государство и политическая организация общества. М. 1974; В. С. Шевцов. КПСС и государство в развитом социалистическом обществе. М. 1974; Б. Н. Топорнин. Советская политическая система. М. 1975; «Демократия развитого социалистического общества». М. 1975; Л. Т. Кривушин. Социально-политическая организация развитого социалистического общества. «Политика и общество (Социально-политические проблемы развитого социализма)». Л. 1975, стр. 88—189; Е. М. Чехарин. Советская политическая система в условиях развитого социализма. М. 1975; «Политическая организация развитого социалистического общества: структура и функции». М. 1976; Н. В. Черноголовкин. Политическая организация развитого социалистического общества. М. 1976; Ю. С. Кукушкин. Советские в развитом социалистическом обществе. М. 1976.

⁵¹ А. К. Белых. Управление и самоуправление. Социалистическое управление: сущность и перспективы развития. Л. 1972; Е. М. Ковешников. Периоды развития Советского государства (понятие и критерии). «Вестник Московского университета». Серия XII. «Право», 1972, № 3.

в литературе существуют две группы ученых, одни из которых являются сторонниками двухэтапной периодизации развития нашего государства, другие — трехэтапной. Первые выделяют этап от октября 1917 г. до конца 50-х годов, после чего, по их мнению, начинается собственно общенародное государство. При этом соединяются переходный период от капитализма к социализму и последующее двадцатилетие, то есть смазывается всемирно-исторический факт построения (в основном) социалистического общества в СССР. Другая группа ученых считает, что Советское государство прошло в своем развитии, как и все наше общество, три этапа: 1) переходный период от капитализма к социализму; 2) период формирования развитого социалистического общества и общенародного государства (до конца 50-х — начала 60-х годов); 3) период развитого социалистического общества с политической системой всего народа. Все авторы единодушны в определении рубежа образования общенародного государства. Нам представляется более правильной позиция второй группы.

Развитому социализму присуще повышение экономической роли Советского государства, усиление и обогащение его функции как руководящего центра хозяйственной жизни страны. Научное руководство неизмеримо возросшей экономикой опирается на учет объективных и субъективных факторов, на эффективное сочетание их в процессе использования закономерностей развития. Этим вопросам большое внимание продолжают уделять экономисты, которые делают акцент на изменившиеся объективные условия зрелого социализма, влияние научно-технической революции и предпринимаемые КПСС меры по совершенствованию механизма управления современной экономической жизнью страны⁵². Среди опубликованных работ заметно выделяется фундаментальный труд, подготовленный группой ученых Поволжья. В свете решений XXIV съезда КПСС, на основе большого фактического материала авторы его раскрывают основные пути совершенствования государственного управления экономикой в современных условиях, методы и формы более эффективного использования экономических законов, высказывают ряд практических рекомендаций⁵³. Несомненными достоинствами отличается монография С. П. Перушина, в которой освещаются особенности проявления и использования экономических законов в условиях развитого социализма, вопросы совершенствования хозяйственного механизма. Книга содержит анализ методологических и практических аспектов проблемы⁵⁴.

Централизованное планирование экономического и социального развития общества усиливает значение Советского государства как единого центра управления. В литературе подчеркивается важность совершенствования правовых норм и укрепления государственной дисциплины, соблюдения социалистической законности в хозяйственных отношениях, на что еще раз указали XXV съезд партии и декабрьский (1975 г.) Пленум ЦК КПСС. Советскими учеными убедительно показано, что возрастание экономической роли государства в условиях развитого социалистического общества — объективная закономерность, обуславливаемая характером, масштабами и концентрацией производства, комплексным подходом к управлению народным хозяйством. Оно определяется, наконец, необходимостью осуществлять международную социалистическую экономи-

⁵² См. Д. Ю. Цивадзе. Развитие экономических функций Советского государства. М. 1970; Л. Абалкин. В. И. Ленин об экономической роли социалистического государства. «Вопросы экономики», 1970, № 4; В. Н. Кашин. Экономическая роль социалистического государства. М. 1972; В. Камаев. Развитие экономических функций социалистического государства в условиях научно-технической революции. «Экономические науки», 1973, № 2.

⁵³ См. «Социалистическое государство и управление экономикой». Саратов. 1975.

⁵⁴ См. С. П. Перушин. Указ. соч.

ческую интеграцию, взаимовыгодные деловые отношения с капиталистическими государствами.

В последнее время внимание историков привлекла проблема взаимодействия политической надстройки и экономического базиса в развитом социалистическом обществе. Оказалось, что расхождения во взглядах по этому сложному вопросу носят методологический характер и имеют прямое отношение к исследованиям историков, занимающихся проблематикой современного советского общества. В экономической литературе появились утверждения, согласно которым социалистическое государство включается в систему производственных отношений, так как оно является собственником основных средств производства и главным субъектом хозяйствования. Несмотря на критику подобных взглядов⁵⁵, концепция объективизации хозяйственно-организаторских функций государства и превращения их в экономический базис была поддержана Ю. Зиновьевым, А. Ереминым и другими⁵⁶. Живой отклик вызвала статья И. Конника и В. Левина⁵⁷, в которой проблема рассматривалась с позиций исторического материализма. Отклики на статью показали, что среди исследователей существуют разные подходы к конкретно-историческому анализу экономической деятельности государства в условиях развитого социализма. Учитывая особую актуальность проблемы, редакция журнала «Коммунист» выступила с аргументированной критикой ошибочной концепции надстроечно-базисного характера Советского государства. Еще раз было подчеркнуто, что классики марксизма всегда относили государство к надстройке, подчеркивая при этом его огромную экономическую роль. Возникновение и обогащение экономических функций нашего государства — показатель возрастания роли субъективного фактора, прежде всего Коммунистической партии и социалистического государства, всей надстройки в развитии экономического базиса⁵⁸.

Выступление журнала «Коммунист» помогает исследователям укрепиться на правильных позициях в этом принципиально важном вопросе марксистско-ленинской теории. Подвергнутые критике взгляды не содействуют практическому решению проблем совершенствования управления экономикой и хозяйственного механизма советского общества, над чем упорно, на протяжении многих лет работает КПСС. «Партия и государство, — говорится в Отчете ЦК XXV съезду КПСС, — нуждаются в исследованиях проблем, связанных прежде всего со всесторонним развитием производства и управления производством, в рекомендациях, дающих возможность существенно повысить его эффективность... Схоластическое теоретизирование может лишь тормозить наше движение вперед. Только связь с практикой может поднять эффективность науки, а это сегодня — одна из центральных задач»⁵⁹.

Растущее воздействие политической системы развитого социализма на процессы коммунистического строительства ставит перед историками и социологами много важных теоретических и практических задач. Наи-

⁵⁵ И. И. Кузьминов. Очерки политической экономии социализма. Вопросы методологии. М. 1971, стр. 35; Е. М. Ковешников. О месте и необходимости государства в развитом социалистическом обществе. «Проблемы государства и права на современном этапе». Вып. V. М. 1972, стр. 15—16; Б. С. Маньковский. Некоторые проблемы развития политической организации зрелого социалистического общества. «Научный коммунизм», 1974, № 5, стр. 33.

⁵⁶ См. Ю. Зиновьев. Соотношение экономики и политики при социализме. «Экономические науки», 1974, № 9; А. Еремин. Государство и экономика при социализме. «Вопросы экономики», 1975, № 8.

⁵⁷ И. Конник и В. Левин. Экономический базис и политическая надстройка в развитом социалистическом обществе. «Коммунист», 1974, № 17.

⁵⁸ «Об экономической деятельности государства и роли надстройки при социализме». «Коммунист», 1976, № 1.

⁵⁹ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 72, 73.

более актуальной среди них является изучение факторов, обуславливающих возрастающее значение политического руководства как объективной закономерности перехода советского общества к коммунизму. Поскольку политическое руководство осуществляется КПСС, естественно, большое внимание во всех работах уделяется партии, повышению уровня партийного руководства в условиях развитого социалистического общества.

На протяжении минувшего пятилетия произошли существенные сдвиги в обобщении современного опыта КПСС по управлению обществом развитого социализма в СССР. Наряду с многочисленными статьями в центральных и республиканских журналах, вестниках университетов и различных сборниках появились и фундаментальные труды. Среди них выделяются книги, подготовленные кафедрой истории партии Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС⁶⁰, серия книг Политиздата⁶¹, ряд работ местных авторов⁶². Написанные на основе ленинской методологии и решений XXIII и XXIV съездов КПСС, эти книги обобщают опыт КПСС в руководстве политической системой советского общества. Они, несомненно, обогащают наши представления по данному вопросу. Однако в них чувствуется некоторая односторонность и декларативность. Руководящая роль КПСС освещается без показа взаимодействия всех звеньев политической системы, влияния этой системы на саму партию. Ряд положений и выводов провозглашается, но не доказывается. Недостаточно глубоко обобщается опыт КПСС по управлению научно-технической революцией и соединением ее достижений с преимуществами развитого социализма. Чаще описываются, нежели исследуются вопросы партийного руководства интеграционными процессами в социально-экономической жизни общества. Мало содержательных исследований об идеологической деятельности КПСС в условиях развитого социализма, о советском социалистическом образе жизни.

Вопросы раскрытия содержания, принципов и ценностей социалистического образа жизни, его преимуществ перед буржуазным образом жизни занимают все большее место в научной и пропагандистской литературе. Одну из первых попыток историографического обзора ее предприняли Э. Владимиров и П. П. Лопата⁶³. Богатый теоретический и фактический материал опубликован в журнале «Рабочий класс и современный мир», редакция которого в октябре 1974 г. провела обсуждение вопросов благосостояния и образа жизни трудящихся в условиях развитого социалистического общества. В дискуссии приняли участие ра-

⁶⁰ См. «Партия и рабочий класс в условиях строительства коммунизма». М. 1973; «Вопросы внутрипартийной жизни и руководящей деятельности КПСС на современном этапе». М. 1974; «Сущность и значение политики КПСС в условиях развитого социалистического общества». М. 1974.

⁶¹ «Исторический опыт КПСС в строительстве социализма и коммунизма и его международное значение». М. 1974; В. И. Касьяненко. КПСС — организатор строительства развитого социализма; А. Г. Лашин. Международное значение опыта КПСС в государственном строительстве. М. 1974; В. С. Шевцов. Указ. соч.

⁶² См. М. Ю. Хесин. Указ. соч.; «Коммунистическая партия Таджикистана в условиях развитого социализма». Душанбе. 1974; «КПСС — партия научного коммунизма (Развитие теории научного коммунизма в решениях и документах КПСС на современном этапе)»; «Возрастание руководящей роли КПСС в строительстве социализма и коммунизма». М. 1974; «Возрастание руководящей роли партии в коммунистическом строительстве (на материалах Компартии Белоруссии, 1959—1973 гг.)». Минск. 1974; В. М. Сикорский. КПСС на этапе развитого социализма. Минск. 1973; «Проблемы возрастания руководящей роли КПСС в условиях развитого социализма»; «Коммунистическая партия Украины — боевой отряд КПСС». Киев. 1976.

⁶³ См. Э. Владимиров. Исследование проблем образа жизни. Краткий обзор литературы. «Политическое самообразование», 1974, № 7; П. П. Лопата. Социалистический образ жизни: теоретические основы и практика КПСС. «Вопросы истории КПСС», 1975, № 12. Перечень литературы содержится в аннотированном указателе «Социалистический образ жизни» (М. «Знание». 1975), подготовленном В. А. Киселевой и Т. Н. Саутиной.

ботники Госплана СССР, Научно-исследовательского института труда, СЭВ, АОН при ЦК КПСС, Высшей партийной школы при ЦК КПСС, Высшей школы профдвижения ВЦСПС, институтов экономики социологических исследований, международного рабочего движения, Центрального экономико-математического института АН СССР. Участники обсуждения еще раз показали, что изучение и пропаганда социалистического образа жизни — важная политическая, социальная, экономическая и идеологическая проблема, значение которой в условиях научно-технической революции и усиливающейся идеологической борьбы на международной арене постоянно возрастает. Интересные суждения об определении и содержании понятия «социалистический образ жизни», переплетении объективных и субъективных факторов в его практическом проявлении, о необходимости разработки научных критериев (эталонов) потребления, о результатах изучения морально-психологической атмосферы в научно-исследовательских учреждениях Москвы и по другим вопросам высказали А. М. Румянцев, В. Г. Гельбрас, В. Г. Кряжев, В. М. Шепель, Б. И. Винокур, Н. М. Римашевская и другие⁶⁴. А. И. Соболев обратил внимание на то, что изучение процессов повышения материального благосостояния при социализме предполагает также анализ сопутствующих негативных моментов. «Речь идет,— говорил он,— о появлении у некоторых граждан вульгарно-потребительского отношения к социализму, о появлении тенденций к накопительству, стяжательству, что несовместимо с социалистическим образом жизни и представляет собою стремление этих граждан с эгоистических, узкокорыстных позиций использовать экономические законы и гуманистическую сущность социализма»⁶⁵.

Многие авторы полагают, что социалистический образ жизни в СССР — важнейший критерий развитого социализма. Наиболее полное выражение нового уровня зрелости социализма, считает С. П. Трапезников, проявляется в том, что сложился социалистический образ жизни⁶⁶. Создание зрелого социализма, пишет П. П. Лопата, означало и утверждение социалистического образа жизни⁶⁷.

Продолжаются активные исследования, направленные на выяснение сущности и особенностей советского социалистического образа жизни, закономерностей и этапов его формирования, преимуществ перед капиталистическим образом жизни, особенно американским. Важное методологическое значение для этих исследований имеет уяснение взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина по данному вопросу. Ценны в этом отношении книга Н. П. Филимонова, статьи Г. Е. Глезермана, П. П. Лопаты и Б. М. Сухаревского⁶⁸. Некоторые теоретические аспекты сущности и характеристики социалистического образа жизни анализируются в работах А. Г. Здравомыслова, Н. Г. Кристостурьяна, Н. Николаева, В. З. Роговина, Ф. Б. Садыкова, В. Г. Сеницына, С. Г. Струмилина и Э. Е. Писаренко⁶⁹, а также в материалах обмена мне-

⁶⁴ См. «Рабочий класс и современный мир», 1975, № 1, стр. 84—105.

⁶⁵ Там же, стр. 86.

⁶⁶ С. П. Трапезников. Указ. соч., стр. 275.

⁶⁷ П. П. Лопата. Указ. соч., стр. 11.

⁶⁸ Н. П. Филимонов. Труд — основа советского образа жизни. М. 1970; Г. Глезерман. Ленин и формирование социалистического образа жизни. «Коммунист», 1974, № 1; Б. Сухаревский. Экономическая основа социалистического образа жизни. «Коммунист», 1974, № 6.

⁶⁹ Ф. Б. Садыков. Советский образ жизни — воплощение идеалов гуманизма. «Научный коммунизм», 1973, № 6; С. Г. Струмилин и Э. Е. Писаренко. Социалистический образ жизни: методология исследования. «Вопросы философии», 1974, № 2; А. Г. Здравомыслов. К вопросам о типологии образа жизни в социалистическом обществе. «Социологические исследования», 1974, № 2; Е. Капустин. Социалистический образ жизни как социально-экономическая категория. «Вопросы экономики», 1974, № 12; «Социалистический образ жизни и народное благосостояние».

ниями, проведенного редакцией журнала «Вопросы философии»⁷⁰. Процессы складывания социалистического образа жизни в тесной связи с формированием новой исторической общности людей — советского народа — рассмотрены М. П. Кимом⁷¹. Значение нашего советского образа жизни для воспитания нового человека попытались показать тульские социологи⁷².

Таким образом, положено начало теоретическим исследованиям актуальной и интересной темы. Перед историками открылись широкие перспективы обобщения опыта, накопленного нашим обществом по созданию и развитию социалистического образа жизни, раскрытию международного значения исторической миссии советского народа, рабочего класса, Коммунистической партии и Советского государства. Характеризуя современное социалистическое общество в СССР, Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС говорил: «Другой главный итог пройденного пути — наш советский образ жизни. Атмосфера подлинного коллективизма и товарищества, сплоченность, дружба всех наций и народов страны, которые крепнут день ото дня, нравственное здоровье, которое делает нас сильными, стойкими, — таковы яркие грани нашего образа жизни, таковы великие завоевания социализма, вошедшие в плоть и кровь нашей действительности»⁷³.

Развитому социалистическому обществу присущи интенсивная духовная жизнь, возрастание социальной роли культуры, интеллектуализация труда под влиянием научно-технической революции, повышения культурного уровня трудящихся и совершенствования советского образа жизни. Новые черты и особенности духовного развития общества в условиях зрелого социализма, деятельность КПСС и государства в этой области показывают ряд авторов⁷⁴. Вопросы эстетического воспитания и художественного творчества исследуются А. Г. Егоровым и Л. Воловичем⁷⁵. Литература по культуре СССР обогащается не только новым фактическим материалом, она явно раздвинула спектр исследуемых вопросов, наметились тенденции нового подхода к самой теме. На несовершенство установившейся схемы и необходимость поисков нового подхода к традиционной теме указали В. Т. Ермаков и М. П. Ким. «Культура развитого социализма, — пишет М. П. Ким, — плохо укладывается в «прокрустово ложе» «отраслевой схемы». Требуется новая схема, исхо-

Саратов. 1975; Н. Кристостурьян. Сущность и основные черты социалистического образа жизни. «Коммунист Советской Латвии», 1975, № 9; Н. С. Мансуров, Т. К. Касумов. Методологические проблемы изучения социалистического образа жизни. «Философские науки», 1975, № 6; В. З. Роговин. Нравственные основы социалистического образа жизни. М. 1976; В. И. Толстых. Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы. М. 1975; «Социалистический образ жизни». Руководитель коллектива Н. Г. Кристостурьян. М. 1976.

⁷⁰ «Социалистический образ жизни и современная идеологическая борьба». Материалы конференции. «Вопросы философии», 1975, № 3; Н. И. Ефимов. Два мира — два образа жизни. М. 1975.

⁷¹ М. П. Ким. Советский народ — новая историческая общность. М. 1972.

⁷² «Социалистический образ жизни и новый человек». Тула. 1970.

⁷³ «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 87.

⁷⁴ «Партия и социалистическая культура. XXIV съезд КПСС и проблемы духовной культуры социализма». М. 1972; «КПСС во главе культурной революции в СССР». М. 1972; «Духовный мир советского рабочего». М. 1972; К. Б. Буранов. Диалектика развития социалистической культуры. Ташкент. 1974; «Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества». Свердловск. 1974; А. И. Арнольд. Культура развитого социализма. М. 1975; В. В. Украинцев. КПСС — организатор культурного строительства в период развитого социализма. М. 1975; «Проблемы духовной жизни развитого социализма (на материалах УзССР)». «Научные труды» Ташкентского пединститута. Т. 145. Ташкент. 1975; Ф. Р. Филиппов. Образование в условиях развитого социализма. М. 1976.

⁷⁵ А. Егоров. Проблемы эстетики. М. 1974; Л. Волович. Эстетическое воспитание трудящихся в условиях развитого социализма. М. 1976.

дьячая из более широкого, комплексного, синтетического подхода к культуре...»⁷⁶. Тенденции этого нового подхода уже намечаются в литературе, о чем свидетельствует, например, монография Ш. М. Султанова «Партийное руководство культурным строительством в условиях развитого социализма (на материалах Таджикской ССР)» (Душанбе, 1976). Однако происходит это медленно и преимущественно в статьях и брошюрах.

Продолжается обмен мнениями о содержании духовной культуры развитого социализма в СССР. «Различные элементы духовной культуры социализма,— пишет М. Т. Иовчук,— взаимосвязаны между собой и в той или иной форме (непосредственно или опосредованно) — с материальными элементами культуры, с материальным, экономическим базисом. Поэтому в процессе развития духовной культуры, в том числе и в деле ее социального планирования, нельзя отодвинуть на задний план, забыть идейные, политические, мировоззренческие и другие аспекты духовной культуры, ибо это значило бы невольно обеднить духовную жизнь советских людей»⁷⁷. М. Т. Иовчук выступает против принижения роли рабочего класса в развитии культуры, которое вольно или невольно допускается в трудах, где роль рабочего класса сводится лишь к социальному заказу в области духовной культуры, то есть лишь к потреблению культурных благ⁷⁸. В свете указаний XXV съезда КПСС особое место в исследованиях должны занять вопросы нравственного воспитания, практические рекомендации по воспитанию сознательного отношения к выполнению общественного долга, дисциплине, нетерпимости к нарушениям норм социалистического общежития.

Важным является указание XXV съезда КПСС об углублении сотрудничества различных наук. Это закономерность развития науки в условиях зрелого социалистического общества. Историки активно участвуют в этом прогрессивном процессе своими исследованиями актуальных проблем коммунистического строительства, а также в непосредственном создании комплексных трудов совместно с экономистами, философами по теоретическим вопросам развитого социализма, научно-технической революции, культуры, социальной структуры советского общества⁷⁹.

В условиях зрелого социализма процесс интеграции наук углубляется в двух направлениях: внутри общественных наук и между естественными и общественными науками. XXV съезд КПСС указал перспективы этой многоотраслевой научной интеграции. Комплексные усилия обществоведов сосредоточиваются на проблемах, вытекающих из тенденций развития нашего общества: характер и содержание труда в условиях зрелого социализма, совершенствование распределения по труду, проблемы быта и культуры, форм и методов воспитательной и идеологической работы, изучение общественного мнения⁸⁰. Историки имеют уже опыт исследований ряда этих проблем совместно с экономистами,

⁷⁶ В. Т. Ермаков. Советская культура как предмет исторического исследования. «Вопросы истории», 1973, № 11; М. П. Ким. О культуре как предмете исторического изучения. «Вопросы истории», 1974, № 11, стр. 33.

⁷⁷ М. Т. Иовчук. Актуальные проблемы социального планирования и развития духовной культуры на современном этапе. «Социально-экономическое планирование и идеологическая работа». По материалам Всесоюзной научно-практической конференции в Ленинграде. 30 сентября — 2 октября 1975 г. М. 1976, стр. 71.

⁷⁸ См. там же, стр. 73.

⁷⁹ Назовем новейшие издания, в которых совместно с экономистами и философами приняли участие историки: «Развитое социалистическое общество: сущность, критерии зрелости, критика ревизионистских концепций»; «Вопросы методологии и истории наук». Материалы Всесоюзной конференции (29—30 июня 1972 г.). Иркутск. 1973; «Партия и современная научно-техническая революция в СССР»; «Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества»; «Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР».

⁸⁰ См. «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 72—73.

философами, социологами. По-иному обстоит дело с осуществлением сотрудничества с представителями естествознания. За исключением отдельных попыток применения математических методов при исследовании исторических процессов и социально-экономической истории⁸¹, сотрудничество историков с естественниками не соответствует требованиям жизни. Между тем условия развитого социализма и научно-технической революции настоятельно требуют расширения взаимодействия между ними. «Новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера,— отмечаются в Отчете ЦК КПСС XXV съезду партии,— открываются на стыке различных наук, в частности естественных и общественных. Их следует использовать в полной мере»⁸².

Практика показывает возрастающую необходимость использования данных общественных наук во многих экономических процессах, а естественных наук — в решении социальных проблем дальнейшего развития общества. Их функции и сотрудничество расширяются в решении задач повышения эффективности производства и ускорения темпов научно-технической революции, развития духовной культуры, нравственно-воспитания людей, формирования у них коммунистического мировоззрения. Во многих сферах жизнедеятельности общества можно найти проблемы и объекты сотрудничества историков с представителями естественных наук. С уверенностью можно утверждать, что здесь нас ждет много интересных проблем, открытий, обогащение существующих концепций, выводов, оценок. Историкам важно уже сейчас начать с учеными других специальностей обсуждение вопросов о комплексных исследованиях актуальных проблем развитого социализма, на которые указал XXV съезд КПСС. Это сотрудничество еще больше повысит роль марксистско-ленинской методологии, углубит процесс превращения науки в непосредственную производительную силу, усилит мировоззренческое и прикладное значение и исторической науки.

Исследовательская работа по истории строительства и развития зрелого социализма приняла массовый характер. В этих условиях повышается роль и правильное употребление понятий и терминов. Известно, что научные категории не являются неизменными по своему содержанию и исполнению функций. На процесс их обогащения и видоизменений существенное влияние оказывает общий процесс общественного развития, идейная борьба с противниками марксизма-ленинизма, обобщение партией практического опыта коммунистического строительства, современная научно-техническая революция и другие факторы. «Если *все* развивается,— писал В. И. Ленин,— то относится ли сие к самым общим понятиям и категориям мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит, есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение»⁸³. В сложной работе по совершенствованию понятийного арсенала общественных наук обязательным правилом должны быть ленинские методологические указания. Во-первых, понятия должны отражать сущность и коренные признаки объекта исследования. Во-вторых, они должны быть «обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир». В-третьих, любую категорию «надо *вывести* (а не произвольно или механически взять)»⁸⁴. В. И. Ленин резко

⁸¹ И. Д. Ковальченко. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях. «Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы». М. 1969; «Математические методы в исторических исследованиях». М. 1972; «Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории». М. 1975; П. Е. Сивоконь и В. М. Леонтьев. Роль естествознания в развитии общественных наук. К постановке вопроса. М. 1976.

⁸² «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 72.

⁸³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 29, стр. 229.

⁸⁴ Там же, стр. 131, 86.

выступал против «казуистики, спора о словах»⁸⁵, против «схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм)...»⁸⁶.

К сожалению, в спорах о терминологии развитого социализма нередко внимание концентрируется именно на логико-семантической стороне понятий. Нельзя признать нормальным положение, когда вместо творческого анализа сущности, закономерностей, специфики, связей процессов и явлений современной общественной жизни ведутся продолжительные дискуссии по поводу тех или иных терминов и дефиниций.

В. И. Ленин учил тому, чтобы теоретическое познание было неотделимо от практики: «Необходимо *соединение познания и практики*»⁸⁷. Решение сложных теоретических проблем, выдвигаемых практикой развития социализма и постепенным переходом к коммунизму, стало эффективным в благоприятных условиях для научного творчества, созданных в нашей стране. Как и прежде, советская историческая наука развивается и обогащается в борьбе за чистоту марксизма-ленинизма. В современных условиях ее роль возрастает в связи с усложнением процессов коммунистического строительства, важнейшими изменениями в нашей жизни, совершающимися под влиянием научно-технической революции, а также в связи с непрекращающейся идеологической борьбой на мировой арене.

Изучение современной истории, как это еще раз подтверждает историография развитого социализма,— сложное, нелегкое и ответственное дело. Здесь возможны неточности и издержки, которые понятны и объяснимы, если очевидны стремления ученых постичь объективную истину с позиций марксистско-ленинской методологии. Вместе с тем трудно объяснить позицию тех авторов, которые ограничиваются повторением общеизвестных истин, пересказывают уже достигнутое другими или ограничиваются описанием фактов и явлений без глубоких теоретических обобщений и практических рекомендаций. Историография развитого социализма в СССР в настоящее время вышла на новые рубежи, когда на первое место выдвигаются задачи улучшения качества литературы, ее научных, прежде всего теоретических основ, более квалифицированного обобщения опыта современной жизни советского общества, более плодотворного содействия усилиям партии по совершенствованию общественных отношений, в поисках новых форм и методов продвижения нашей страны к коммунизму. «Мы должны добиться того,— пишет П. Н. Федосеев,— чтобы принципиальные установки XXV съезда партии, касающиеся дальнейшего развития марксистско-ленинской теоретической мысли, воплотились в практические дела, в исследования, глубоко и всесторонне обобщающие процессы общественно-исторического развития и современные научные данные, решающие актуальные, существенно важные для политики Коммунистической партии проблемы»⁸⁸. Этот призыв относится и к исследователям проблем развитого социализма в СССР.

⁸⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 354.

⁸⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 98.

⁸⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 29, стр. 198.

⁸⁸ П. Н. Федосеев. XXV съезд КПСС и задачи общественных наук. «Вопросы философии», 1976, № 5, стр. 15.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И КРЕСТЬЯНСТВО СИБИРИ К КОНЦУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Л. Н. Ульянов

За последние годы советские историки и экономисты проделали большую работу по исследованию состояния сельского хозяйства СССР в послевоенный период, выяснили степень урона, нанесенного войной колхозам, МТС и совхозам, определили его состояние к концу 1944 — началу 1945 года¹. Данная проблема в какой-то степени проанализирована и применительно к Сибири в трудах местных историков². Некоторое отражение исследуемый вопрос нашел также в очерках истории ряда автономных республик, краев и областей Сибири, их партийных организаций³. В большинстве своем эти работы посвящены раскрытию положения в сельском хозяйстве определенной административной единицы, проблема же состояния сельского хозяйства Сибири в целом к 1945 г. раскрыта далеко не полно, нередко авторы ограничиваются лишь общими фразами⁴. Первая попытка широко и объективно показать состояние сельского хозяйства всего региона, с включением в него Дальнего Востока, была предпринята авторами пятого тома «Истории Сибири», и в целом они с этой задачей справились.

Названные труды свидетельствуют о том, что за последние годы было положено начало объективному рассмотрению истории сельского хозяйства и крестьянства в годы войны и в послевоенный период как страны в целом, так и Сибири. В литературе, однако, исследованы далеко не все важные проблемы, в частности не выявлена специфика

¹ Ю. В. Арутюнян. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны, М. 1963; 2-е изд. М. 1970; «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945». Т. 6. М. 1965; И. Е. Зеленгин. Совхозы СССР. 1941—1950. М. 1969; Г. С. Кравченко. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М. 1970; И. М. Волков. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М. 1972, и др.

² В. Т. Анисков. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока — фронт. 1941—1945. Барнаул. 1968; А. П. Косых. Развитие сельского хозяйства Восточной Сибири в послевоенный период (1946—1953 гг.). «Из истории сельского хозяйства Советской Сибири». Иркутск. 1967; А. С. Бочарова. О восстановлении и дальнейшем развитии сельского хозяйства Новосибирской области в послевоенный период. «Вопросы истории Советской Сибири». Новосибирск. 1968; Ю. В. Зайцев. Деятельность партии по организационно-хозяйственному укреплению колхозов Западной Сибири в четвертой пятилетке. «Вопросы теории и практики социалистического и коммунистического строительства в сибирской деревне». Новосибирск. 1970; И. И. Кузнецов. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны. Автореф. докт. дисс. Томск. 1973.

³ «Очерки истории партийной организации Тюменской области». Свердловск. 1965; «Очерки истории Курганской области». Челябинск. 1968; «Очерки истории Красноярской партийной организации». Т. 2. Красноярск. 1970; «Алтай в послевоенный период». Барнаул. 1974; «Очерки истории Горно-Алтайской автономной области». Горно-Алтайск. 1973, и др.

⁴ См., например, «Очерки истории партийной организации Тюменской области», стр. 248.

Сибирского региона, не раскрыты особенности развития полеводства и животноводства, вопросы состояния и степени использования машинного парка, а также сельских кадров, изменения в доходах и неделимых фондах колхозов. Менее всего исследовано положение сибирского крестьянства к моменту окончания войны. Но без объективного и обстоятельного изучения этих вопросов нельзя глубоко понять правомерность мероприятий, проведенных Коммунистической партией и Советским правительством в области сельского хозяйства, объем трудностей, которые пришлось преодолеть советскому народу, значимость самоотверженного подвига, совершенного колхозным крестьянством, рабочим классом, специалистами и руководящим составом машинно-тракторных станций и совхозов в первые послевоенные годы. В настоящей статье ставится задача выявить некоторые специфические условия развития сельского хозяйства Сибири в военные годы, определить степень снижения уровня основных составных частей сельскохозяйственного производства региона, а также показать положение сибирского крестьянства ко времени окончания войны. Для анализа взяты данные Западной и Восточной Сибири от Курганской области до Якутской АССР.

Война нанесла сельскому хозяйству страны, в особенности районам, подвергшимся фашистской оккупации, огромный урон. Оккупанты уничтожили и разграбили 98 тыс. колхозов (более 41% артелей всей страны), 1876 совхозов (45%) и 2890 машинно-тракторных станций (41%). Они занесли ряд болезней растений, злостные карантинные сорняки, сельхозвредителей. Полностью была нарушена культура земледелия⁵. Ущерб, причиненный только колхозам и МТС, исчислялся суммой 184,7 млрд. руб. в государственных ценах 1941 года⁶. Все это не могло не сказаться и действительно отрицательно сказалось на состоянии сельскохозяйственного производства. Валовая продукция сельского хозяйства СССР — обобщенный показатель его состояния — в 1945 г. по отношению к предвоенному году составляла лишь 60%, а производственные основные фонды колхозов и государственных сельхозпредприятий — 71%. Производительность труда снизилась до 60%. Производство зерна в стране уменьшилось более чем в 2 раза, мяса — в 1,8, молока — почти в 1,3 раза⁷. Развитие колхозно-совхозного производства было не только задержано на ряд лет, но и отброшено войной на многие годы назад⁸. Таковы общие данные по стране в целом.

К концу войны в тяжелом положении оказалось и сельское хозяйство Сибири, хотя она находилась в глубоком тылу. При плановом ведении хозяйства, централизации заготовок, мобилизации людских и технических средств на нужды войны, при общей системе организации и оплаты труда положение на социалистических предприятиях, в том числе в колхозах и совхозах, было в различных экономических районах страны приблизительно одинаковым. Тем не менее многие показатели сельского хозяйства отдельных регионов, а внутри них — различных областей, краев и автономных республик (в зависимости от основного направления хозяйства) в немалой степени отличались от общих и имели ряд специфических черт.

Хотя в Сибирском регионе действовало немало передовых колхозов и совхозов, где снижения уровня экономики за годы войны не произошло, общий вывод в целом остается правильным. Здесь значительно сократились людские ресурсы отрасли, уменьшилась техническая вооруженность колхозов и совхозов, а также посевные площади, ухудшилась

⁵ «Правда», 13.IX.1945. Указ. соч. Изд. 2-е, стр. 241, 242.

⁶ Ю. В. А р у т ю н я н. Указ. соч. Изд. 2-е, стр. 241, 242.

⁷ Подсчитано по: «Страна Советов за 50 лет». Сборник статистических материалов. М. 1967, стр. 30, 118, 125.

⁸ Показатели по валовой продукции сельского хозяйства и посевным площадям оказались в 1945 г. ниже уровня 1940 г. (И. М. Волков. Указ. соч., стр. 26—27).

обработка земли, снизились валовые урожаи, сократилось количество скота, уменьшились заготовки продуктов. Но степень снижения многих показателей в Сибири по сравнению со страной в целом и с рядом других экономических районов была, как правило, больше, а многие причины этого явления для Сибирского края оказывались нередко иными. Кроме частых засух в годы войны, объяснялось это рядом специфических особенностей, которые состояли в следующем.

В Сибири, как в довоенный, так и в военный период, основную долю жителей составляло сельское население⁹, на которое в годы войны почти не распространялась система бронирования. Из колхозов, МТС и совхозов Сибири больше людей, чем из промышленно-развитых районов страны, было призвано в ряды Красной Армии, что резко уменьшило трудовые ресурсы сельхозпредприятий. Кроме того, кадры сельского хозяйства (взрослых и подростков) поглощала бурно развивавшаяся в Сибири промышленность¹⁰.

Имелись особенности и иного порядка. Перед войной сельское хозяйство Сибирского края было механизировано в большей степени, чем во многих других экономических районах страны¹¹. В годы войны значительная часть тракторов и автомобилей была изъята у сельхозпредприятий на нужды Действующей армии¹². Практически почти вся нагрузка по обработке земли легла на живую тягловую силу. Но, во-первых, в Сибири лошадей в расчете на посевные площади было меньше, чем во многих других районах страны; а во-вторых, лучшие лошади были направлены в армию: за годы войны количество лошадей в колхозах и совхозах региона сократилось в 2—3 раза, немалая часть их к концу войны была больна или истощена¹³. Все это привело к значительному сужению механической обработки полей, росту нагрузки на живую тягловую силу, что, конечно, не могло не сказаться отрицательно на колхозно-совхозном производстве.

Сибирь, как и другие регионы, выделяла значительные людские силы, а также технику, скот для восстановления сельского хозяйства западных районов страны, пострадавших от фашистской оккупации и поэтому находившихся в особенно тяжелом положении¹⁴.

⁹ По данным переписи 1939 г., в сельской местности Западно-Сибирского района проживало 70%, Восточно-Сибирского — 64% всего их населения («Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР». М. 1962, стр. 21, 23).

¹⁰ Валовая продукция всей промышленности СССР в 1945 г. была меньше довоенной на 8%, в то время как в Западной Сибири она увеличилась до 270%, а в Восточной — до 125% (Г. С. Кравченко. Указ. соч., стр. 224). В 1945 г. число трудоспособных колхозников Сибири, работавших в промышленности, на транспорте и т. п., но являвшихся членами сельхозартелей, составляло около 40 тыс. человек (ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019-а, л. 22 об.).

¹¹ В 1940 г. тракторы в составе тяги занимали в зерновых областях Сибири 57%, Урала — 53%, Центра — 40%, а рабочий скот соответственно 43%, 47% и 60% (Ю. В. Арутюнян. Указ. соч. Изд. 2-е, стр. 153).

¹² МТС и колхозы Западной Сибири только за второе полугодие 1941 г. направили на фронт тысячи тракторов общей мощностью свыше 103 тыс. л. с., около 11 тыс. грузовых автомобилей (почти 93% колхозного автопарка), более 202 тыс. лошадей (24% всего поголовья). Из МТС Восточной Сибири за годы войны было передано в армию тракторов общей мощностью примерно 44,5 тыс. л. с. (Подсчитано по: К. М. Щеголев. Участие эвакуированного населения в колхозном производстве Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. «История СССР», 1952, № 2, стр. 140—141; В. Т. Анисков. Указ. соч., стр. 113; данным отдела статистики сельского хозяйства ЦСУ РСФСР — «Динамика основных показателей работы МТС за 1940, 1945, 1950—1957 годы»).

¹³ По данным сводных годовых отчетов колхозов и совхозов Сибири за 1940 и 1945 годы. ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 7.

¹⁴ За 1943 — первую половину 1945 г. только Алтайский крайком, Омский и Кемеровский обкомы партии и комсомола послали на восстановление западных районов более 2,4 тыс. руководящих партийных, советских и комсомольских работников и активистов. Колхозы, МТС и совхозы Западной Сибири за это же время направили в освобожденные от врага районы 2067 тракторов (13,6% от всех поставок по СССР), почти 2 тыс. тракторных плугов (17,9%), 270 комбайнов (36%), около 1,3 тыс. сея-

Совокупность этих и ряда других особенностей (суровый климат, малые сроки полевых работ при уменьшившихся возможностях и пр.) позволяет понять причины весьма значительного снижения показателей сельскохозяйственного производства в Сибири за годы войны. Рассмотрим конкретные данные.

Война внесла существенные изменения прежде всего в состояние трудовых ресурсов сельхозартелей, в состав колхозного крестьянства. В колхозах Сибири, имевших в производстве продуктов и сырья преобладающий удельный вес в общественном секторе, все наличное население в 1945 г. по отношению к довоенному 1940 г. уменьшилось на 25%, а трудоспособное наличное население — на 35%, в том числе в Западной Сибири на 38%. В среднем по колхозам СССР это уменьшение составило соответственно 15 и 34%¹⁵. Естественно, что сокращение численности сельского населения произошло прежде всего за счет трудоспособных мужчин: по колхозам Западной Сибири — на 73%, Восточной — на 63%¹⁶. Ввиду мобилизации в учебные заведения трудовых резервов и перехода на работу в промышленность значительно сократилось на селе число подростков от 12 до 16 лет: в Западной Сибири — на 25%, в стране в целом — примерно на 15%. Женский труд в колхозах был преобладающим: в 1945 г. в Западной Сибири трудоспособные мужчины выработали 21% от общего количества трудодней, женщины — 52%, подростки — 27%¹⁷. Заметное сокращение трудовых ресурсов произошло в МТС и совхозах, ибо основная масса трудоспособных мужчин (в особенности механизаторов) была призывного возраста¹⁸.

Сокращение людских ресурсов в сельском хозяйстве, преобладание женского труда (а среднегодовая выработка у женщин-колхозниц Сибири была примерно на 25% ниже, чем у мужчин¹⁹) привели к тому, что в 1945 г. за работу в колхозном производстве в Сибири было начислено на 19,6% трудодней меньше, чем в 1940 г.²⁰, то есть в колхозное производство было вложено труда почти на 1/5 часть меньше, чем раньше. Характерно, однако, что возросла среднегодовая выработка трудодней наличным колхозным населением: выработка одного мужчины и одной женщины повысилась в 1945 г. по сравнению с 1940 г. в Западной Сибири с 295 до 297, а в Восточной — с 289 до 298. Особенно заметен рост выработки трудодней, приходившихся в среднем на одну женщину: в Западной Сибири с 228 до 276 (на 21%), в Восточной — с 218 до 269 (на 23%), по СССР он составлял 16%, по РСФСР — 18%. За эти годы несколько снизился процент женщин, не выработавших обязательного годового минимума трудодней: в Западной Сибири — с 11,2 до 9 и в Восточной — с 9,6 до 9,3²¹. Все это говорит не только о существенных изменениях в крестьянстве, но также о большом трудовом напряжении

лок (25%) и 186 автомобилей (18%), не менее 280 тыс. голов скота (20% от скота, полученного освобожденными районами от страны в целом). Помощь шла и от трудящихся Восточной Сибири. Кроме тракторов и других машин и сельхозорудий, только Бурятия, Якутия и Читинская область направили свыше 66 тыс. голов скота (Л. И. Снегирев а. Деятельность партийных комитетов Западной Сибири по организации помощи освобожденным районам страны в годы Великой Отечественной войны (1942—1945 гг.). Автореф. канд. дисс. Новосибирск. 1973, стр. 15, 20—21; Партийный архив Бурятского обкома КПСС (ПАБО), ф. 1, оп. 2, л. 64, л. 52; Г. А. Докучаев. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск. 1968, стр. 285).

¹⁵ Подсчитано по: ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019-а, лл. 17, 23.

¹⁶ Подсчитано по тем же данным, л. 26.

¹⁷ Подсчитано по тем же данным, лл. 25, 45, 50, 51.

¹⁸ См. сводные годовые отчеты МТС и совхозов Сибири за 1940 и 1945 гг.

¹⁹ Подсчитано по: ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019-а, лл. 53, 54.

²⁰ По колхозам страны в 1945 г. было начислено трудодней на 24% меньше, чем в 1940 году (подсчитано по тем же данным, л. 45).

²¹ Подсчитано по тем же данным, лл. 54, 55, 69, и сводным годовым отчетам колхозов Алтайского края, Тюменской и Читинской областей за 1940 г. (Восточная Сибирь без Тувы).

и самоотверженности как взрослых, так и подростков в тяжелое военное время.

В войну ослабла производственная, в том числе и материально-техническая база сельского хозяйства: на 41% сократились в стране его энергетические мощности, уменьшилась энерговооруженность труда. На 28% стало меньше тракторов, более чем на 19% — зерновых комбайнов и на 73% — грузовых автомобилей. Произошло также значительное сокращение парка прицепных орудий²³. Все это, естественно, привело к сужению объема механизации сельскохозяйственных работ.

В техническом состоянии сельского хозяйства Сибири были некоторые отличительные черты, причем позитивного характера по сравнению с данными по РСФСР в целом. Рассмотрим их на примерах машинно-тракторных станций, где количество техники и удельный вес их работ в колхозах были доминирующими. Произошли прежде всего количественные изменения машинного парка. В 1945 г. по сравнению с довоенным 1940 г. число тракторов уменьшилось в Сибири на 18,1% (в РСФСР — на 26,8%), автомобилей (без учета автоцистерн) — на 50% (в РСФСР — на 53,1%), в то же время количество комбайнов увеличилось на 7,4% (при уменьшении их числа по РСФСР в целом на 19,8%)²⁴. Сокращение численности тракторного и автомобильного парка объясняется изъятием машин для нужд фронта, а также тем, что за годы войны примерно 12% от их наличия в предвоенное время износилось и было списано²⁵. Увеличение числа комбайнов в Сибири произошло благодаря тому, что часть их в первые годы войны была перевезена с Запада; кроме того, за 1943—1945 гг. Красноярским заводом комбайнов было выпущено 507 «Коммунаров», которые остались в основном на сибирских полях²⁶.

Меньшее снижение количества машин в Сибири по сравнению с данными по РСФСР в целом объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, тем, что в Сибири — глубоком тылу страны — наличная сельскохозяйственная техника была сохранена, в то время как во многих западных районах Российской Федерации, подвергавшихся фашистскому нашествию, она была почти полностью разграблена или уничтожена оккупантами²⁷. Во-вторых, правительство СССР учитывало значимость Сибири как одной из важнейших сельскохозяйственных баз страны, где по возможности поддерживался минимум механизации полевых работ. В-третьих, бурное развитие промышленности в Сибирском регионе позволяло в какой-то степени снабжать сельское хозяйство запасными частями и поддерживать машины в рабочем состоянии. Не случайно в Сибири $\frac{4}{5}$ состава наличного тракторного парка (66,9 тыс. из 81,6 тыс. машин) были сохранены²⁸.

Однако надо иметь в виду, что тракторы эти были в основном малопроизводительные — колесные²⁹; тракторный, комбайновый и автомо-

²³ В 1945 г. энергетических мощностей на одного работника в стране приходилось на 27%, а на 100 га посевной площади на 19% меньше, чем в 1940 г. (подсчитано по: «Страна Советов за 50 лет», стр. 152, 154, 156).

²⁴ Подсчитано по данным отдела статистики сельского хозяйства ЦСУ РСФСР — «Динамика основных показателей работы МТС за 1940, 1945, 1950—1957 годы».

²⁵ Подсчитано, исходя из 3% ежегодного износа и списывания.

²⁶ По данным планового отдела Красноярского комбайнового завода.

²⁷ Гитлеровцы уничтожили в оккупированных областях РСФСР более тысячи МТС, вывели из строя или вывезли 46 тыс. тракторов, 18 тыс. комбайнов, 23 тыс. сеялок («Нюрнбергский процесс». Т. 1. М. 1954, стр. 741).

²⁸ Подсчитано по данным отдела статистики сельского хозяйства ЦСУ РСФСР — «Динамика основных показателей работы МТС за 1940, 1945, 1950—1957 годы».

²⁹ В Новосибирской области на 1 января 1945 г. имелось 3198 тракторов колесных и лишь 1409 — гусеничных; в Читинской области на конец 1945 г. — 1608 колесных и только 827 гусеничных; в Иркутской — соответственно 2147 и 775. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. 11, оп. 2, д. 7388, л. 13; Государственный архив Читинской области (ГАЧО), ф. р.—1110, оп. 2, д. 26, л. 197; Государственный архив Иркутской области (ГИАИО), ф. 2679, оп. 8, д. 120, л. 27.

бильный парк, не обновлявшиеся и плохо отремонтировавшиеся ряд лет, были сильно изношены — большое количество машин, значившихся в числе стоявших в строю, фактически не могло быть использовано³⁰. Все это дает основание для вывода о далеко не достаточной обеспеченности тракторами и комбайнами колхозов и совхозов ко времени окончания войны. И как результат этого — по МТС Сибири выработка на один среднегодовой трактор сократилась на 35,3%, на один среднесезонный комбайн — на 53,1%, объем работ МТС в колхозах уменьшился на 53%, удельный вес важнейших работ МТС в колхозах снизился по посеву зерновых культур с 54,5% до 39,1%, по уборке хлебов комбайнами — с 49% до 39,2%³¹.

Работая на изношенной технике, имея государственный план, исчислявшийся в гектарах мягкой пахоты, вне зависимости от получаемого урожая, механизаторы обычно старались сделать больше легких работ — бороньбы и культивации и меньше тех, которые были связаны со вспашкой земли и уборкой зерновых комбайнами, что отрицательно влияло на качество обработки полей и, следовательно, на их урожайность, на сбор зерновых культур.

К ослаблению технической базы сельского хозяйства следует добавить ухудшение семенного дела и уменьшение в 5 раз поставок минеральных удобрений³².

Все это, вместе взятое, привело к существенным негативным показателям в развитии сельского хозяйства Сибирского региона, о чем говорят данные таблицы³³.

Посевная площадь, средний и валовой сборы зерновых культур
в 1940 и 1945 гг.

	Посевная площадь (тыс. га)			Средний сбор (ц с га)			Валовой сбор (тыс. т)		
	1940	1945	1945 в % к 1940	1940	1945	1945 в % к 1940	1940	1945	1945 в % к 1940
Сибирь	13 823	10 107	73,1	7,6	4,1	54,0	9 150	4 144	45,3
В том числе:									
Западная	10 344	7 459	72,1	7,0	5,0	71,4	6 310	3 082	48,8
Восточная	3 479	2 648	76,1	8,2	4,0	48,8	2 840	1 062	37,4

В таблице обращает на себя внимание то, что при сравнительно небольшом уменьшении посевных площадей (на 26,9%) произошло резкое сокращение урожайности зерновых культур (на 46%) и валового их сбора (на 54,7%), что говорит главным образом о снизившейся культуре земледелия — ухудшении обработки почвы, качества семян, засорении земель, уменьшении внесения в них органических и минеральных удобрений.

³⁰ В МТС и совхозах Новосибирской области на 1 июля 1945 г. из всего количества тракторов работало лишь 75%, 6,5% находились на капитальном и восстановительном, а остальные на текущем ремонте или же простоявали из-за нехватки трактористов. Из 4710 зерновых комбайнов вполне исправных было лишь 204, то есть 4,3%; 20% парка последние два года не участвовали в уборке из-за различных неисправностей. Комбайны были в основном старые: 82,6% их выпущено до 1939 года (подсчитано по: ГАНУ, ф. 11, оп. 2, д. 1295, лл. 97, 98; д. 1293, л. 40; д. 1292, л. 128).

³¹ Подсчитано по данным отдела статистики сельского хозяйства ЦСУ РСФСР — «Динамика основных показателей работы МТС за 1940, 1945, 1950—1957 годы».

³² «Страна Советов за 50 лет», стр. 160.

³³ Таблица составлена и исчислена по: «Народное хозяйство СССР в 1968 г.». Статистический ежегодник. М. 1969, стр. 349; «Сельское хозяйство СССР». Статистический сборник. М. 1960, стр. 132, 196; «Страна Советов за 50 лет», стр. 128; данным отдела статистики сельского хозяйства ЦСУ РСФСР.

За годы войны заметно изменилась и структура посевных площадей. Произошло сокращение посевов зерновых культур в целом (причем наибольшее — по ведущей культуре Сибири — яровой пшенице) при значительном росте площадей под рожью и просом³⁴. Это объяснялось нехваткой семян пшеницы, неприхотливостью проса к погоде (засухе) и обработке почвы, а также посевами его в личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих МТС и совхозов. Немаловажное значение имело стремление руководителей хозяйств сеять такие культуры (например, рожь), которые позволяли бы при нехватке рабочей силы равномернее распределить ее в период посевных и уборочных работ.

Особенно большой рост посевных площадей произошел под картофелем и овощами. Так, на Алтае они увеличились в 1,6 раза, в Кемеровской области — в 2,5 при росте по стране в целом в 1,1 раза³⁵. Причины заключались в том, что вокруг крупных промышленных центров были созданы картофелеовощные базы, а также развивалось индивидуальное огородничество рабочих и служащих. Это, безусловно, было большим подспорьем в снабжении населения городов, рабочих поселков и районных центров³⁶.

Из анализа различных по хозяйственной направленности районов Сибири (см. сноску 34) можно сделать вывод, что наибольшее сокращение посевных площадей произошло в зерновых районах (Алтай), меньшее — в животноводческих (Бурятия) и совсем незначительное в Кузбассе. В Кемеровской области меньше, чем на Алтае и в Бурятии, снились валовые сборы зерновых культур (54,6% против 57,7% и 79,9%)³⁷. Это произошло потому, что, например, в Бурятии и до войны полеводство было развито и механизировано слабо; в лихую годину мало что изменилось — здесь приложение людского труда, а также живой тягловой силы в земледелии оставалось незначительным. В Кемеровской области в годы войны большое развитие получили подсобные хозяйства промышленных предприятий, шахт, состояние полеводства и животноводства в которых поддерживалось на более высоком уровне, чем в колхозах. Кроме того, в Кузбассе, как нигде в других районах Сибири, имелись большие возможности оказания постоянной помощи селу со стороны городов как путем выпуска запасных частей к сельхозмашинам, ремонта их на своих предприятиях, так и путем массового ежегодного участия горожан в посевных и уборочных кампаниях. Все это позволяло поддерживать значительное количество техники МТС, совхозов и подсобных хозяйств в рабочем состоянии и, следовательно, не допустить большого снижения культуры земледелия. Алтай, где преобладало полеводство, не имел этих особенностей и преимуществ.

Война серьезно отразилась и на животноводстве: уменьшилось количество скота, в большинстве хозяйств снизилась его продуктивность, что, естественно, повело к сокращению производства продуктов животноводства и их заготовок. Этот процесс характерен как для страны в

³⁴ Посевные площади за годы войны сократились в целом по СССР на 24,3%, а по Алтаю — на 25,1%, по промышленно развитой Кемеровской области — лишь на 3,8%, а по Бурятии (ведущая отрасль хозяйства — животноводство) — на 7,3%. При этом посевы зерновых культур по всем категориям хозяйств уменьшились в целом по СССР на 22,9%, по Алтаю — на 26,8%, Кемеровской области — на 14,4%, Бурятии — на 4,3%. Однако сокращение посевов яровой пшеницы составило соответственно 38,8%, 40,9%, 50,7% и 0,6%. Одновременно на Алтае, например, посевы ржи увеличились в 2,2 раза, проса — в 2,6 раза (подсчитано по: «Посевные площади СССР». Статистический сборник. Т. 1. М. 1957, стр. 6—7; данным отдела статистики сельского хозяйства ЦСУ РСФСР и местных статистических сборников Сибири).

³⁵ «Посевные площади СССР». Т. 1, стр. 8—9, и местные статистические сборники.

³⁶ По Кемеровской области на душу городского населения в 1943 г. приходилось картофеля 265 кг, овощей — 66 кг; в 1944—1945 гг. соответственно—427 и 100 кг (Партийный архив Кемеровского обкома КПСС (ПАКО). ф. 75, оп. 1, д. 442, л. 73).

³⁷ Подсчитано по данным отдела статистики сельского хозяйства ЦСУ РСФСР.

целом, так и для Сибири, хотя она имела ряд особенностей. Количественные изменения поголовья скота видны из таблицы ³⁸.

Поголовье скота в 1941 и 1946 гг.
(во всех категориях хозяйств, на начало года, тыс. голов)

	Крупный рогатый скот			В том числе коровы			Свиньи			Овцы и козы		
	1941	1946	1946 в % к 1941	1941	1946	1946 в % к 1941	1941	1946	1946 в % к 1941	1941	1946	1946 в % к 1941
Сибирь	5 636	4 528	80,4	2 616	2 195	83,8	1 670	793	47,3	9 441	5 577	59,0
В том числе:												
Западная	3 549	3 076	86,6	1 700	1 383	81,3	969	553	57,0	5 751	3 674	63,9
Восточная	2 087	1 452	69,3	916	812	88,3	701	240	34,3	3 690	1 903	51,5

Как видно, численность всех видов скота, в особенности свиней и овец, за войну значительно уменьшилась. Вместе с тем в Сибири уровень снижения численности поголовья коров был на 2,4% и свиней на 12,5% меньше общесоюзного ³⁹. За годы войны заметно увеличилось количество крупного рогатого скота, в том числе коров, в личной собственности колхозников и в особенности рабочих и служащих, при одновременном значительном снижении количества всех видов скота в общественном секторе. Что касается продуктивности животных, то, например, в колхозах страны в 1945 г. по сравнению с 1940 г. она снизилась: по удою молока на одну фуражную корову — на 7,1%, по настригу шерсти на одну овцу — на 20% ⁴⁰. Несколько иное положение наблюдалось в Сибири: в колхозах западной ее части за эти годы удои увеличились на 1,7%, восточной — на 9,3%; настриг шерсти с одной овцы снизился на 13% в Западной и на 11,7% в Восточной Сибири, то есть меньше, чем по стране в целом ⁴¹.

Чем можно объяснить значительное уменьшение численности скота в Сибири и вместе с тем меньшее по сравнению со средними показателями по стране снижение его продуктивности, а по удою молока даже некоторый рост?

Известно, что основой развития животноводства является его кормовая база, а также содержание скота и уход за ним. За годы войны кормовая база была основательно подорвана. Посев кормовых культур уменьшился от 27% (Алтай) до 43% (Бурятия) ⁴² и более. Корнеплоды не сеялись, зернофураж на корм скоту почти не выделялся. Ухудшились и сузились площади сенокосных и пастбищных угодий, уменьшился сбор сена с них. Значит, сочные корма отсутствовали, грубых не хватало ⁴³. Полуголодное существование скота усугублялось тем, что в долгие сибирские зимы он находился в основном в примитивных, пришедших в

³⁸ Таблица исчислена по местным статистическим сборникам. Западная Сибирь показана без Тюменской и Курганской областей, Восточная — без Якутии и Тувы, сведения по которым за 1945 г. не публиковались.

³⁹ Подсчитано по: «Страна Советов за 50 лет», стр. 150, и местным статистическим сборникам.

⁴⁰ Подсчитано по: «Страна Советов за 50 лет», стр. 151.

⁴¹ Подсчитано по: ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019-6, лл. 27, 28.

⁴² «Народное хозяйство Алтайского края». Статистический сборник. Барнаул. 1957, стр. 57; «Народное хозяйство Бурятской АССР». Статистический сборник. Улан-Удэ. 1963, стр. 50.

⁴³ В Бурятии ввиду зарастания кустарником, задернения и заблачивания больших массивов из 2 млн. га пастбищ, выгонов и сенокосов, которые имелись перед войной, в конце ее использовалась лишь 1/4 часть; сбор сена снизился с 10—12 ц до 7—8 ц с га. Перед войной на одну голову скота (в переводе на взрослый) заготавливалось грубых кормов 16,2 ц (при норме 23 ц), в 1945 г. — 12,2 ц, то есть почти

негодность или разобранных на топливо животноводческих помещениях. Пойли животных в прорубях рек и озер. Ухудшился уход за животными. Частая смена из-за призыва в армию руководителей, специалистов колхозов и ферм, а также животноводов приводила к обезличке. Все это, вместе взятое, вело к большому падежу скота (10% и более наличных животных в год)⁴⁴, немалым потерям от хищников, повышению яловости маток⁴⁵.

Следовательно, недостаточное кормление, плохие содержание и уход за скотом приводили к большим его потерям в хозяйствах. Кроме того, в годы войны были очень напряженными планы мясоставок, широко практиковалась сдача мяса в счет зерновых культур, сена, картофеля, овощей и других продуктов⁴⁶. Общественный скот колхозов, отмечал секретарь Бурятского обкома партии А. В. Кудрявцев на областной партконференции в 1948 г., на протяжении ряда лет являлся «разменной монетой, когда скотом расплачивались чуть ли не за все виды поставок, за семена, за платежи и т. д.»⁴⁷. Это, конечно, отрицательно влияло на количественные показатели животноводства. Немало скота сдавалось дополнительно из-за плохой его упитанности и незначительного веса⁴⁸. Значительными были расходы животных на внутрихозяйственные нужды. На сокращении численности скота сказалось, конечно, и то обстоятельство, что, несмотря на трудности, Сибирь, как показано выше, отправила сотни тысяч голов скота в районы, освобожденные от фашистских оккупантов.

Были и субъективные причины снижения поголовья скота. Они состояли в том, что партийные, советские и государственные органы не занимались вопросами животноводства так же постоянно и напряженно, как полеводством. Одна из причин слабого развития животноводства в годы войны, говорил в 1948 г. на пленуме секретарь Новосибирского обкома партии М. В. Кулагин, состоит в том, что мы животноводством по-настоящему не руководили, «отодвинули его на второй план»⁴⁹. Целые республики и области слабо укреплялись специалистами — зоотехниками и ветврачами, их не хватало. Даже в Управлении животноводства Наркомзема Бурятской АССР не было специалистов по овцеводству, крупному рогатому скоту, по группам районов⁵⁰. В Кемеровской области в Управлении животноводства работало лишь три человека, а ветуправление было совсем без специалистов⁵¹.

¹/₂ потребного количества (ПАБО, ф. 1, оп. 2, д. 64, л. 52; оп. 127, д. 1, л. 55). В Читинской области в 1945 г. было заскирдовано сена менее ¹/₃ и заложено силоса 79% к потребности (ГАЧО, ф. р.— 1645, оп. 2, д. 107, л. 5).

⁴⁴ В Бурятии за годы войны увеличился падеж телят с 10% до 16%, ягнят — с 9% до 15%, жеребят — с 8% до 9% (ПАБО, ф. 1, оп. 2, д. 64, л. 1).

⁴⁵ Выход молодняка на 100 маток в 1945 г. по сравнению с 1940 г. сократился: в Бурятии жеребят — с 67 до 48, телят — с 67 до 48, ягнят — с 80 до 63, поросят — с 757 до 342 (ПАБО, ф. 1, оп. 2, д. 64, л. 15); в колхозах Алтайского края жеребят — с 63 до 38, телят — с 96 до 86, поросят — с 940 до 837, ягнят — со 108 до 89 (ЦГАНХ СССР, ф. 9476, оп. 1, д. 735, л. 107).

⁴⁶ В Читинской области, например, вместо зерна и других сельхозпродуктов было сдано в 1943 г. 120 тыс. овец и коз, в 1945 г. — 11,2 тыс. голов разного скота (28,7% общего расхода колхозного стада); в Кемеровской области в 1944 г. — 4 тыс. голов крупного рогатого скота, 9 тыс. свиней, 4 тыс. овец. Лишь за IV квартал 1945 г. в счет всех видов поставок колхозы, совхозы и подсобные хозяйства сдали около 48 тыс. голов скота (Партийный архив Читинского обкома КПСС (ПАЧО), ф. 3/10, оп. 7, д. 49, л. 6; ГАЧО, ф. р.— 1645, оп. 2, д. 207, л. 6; ПАКО, ф. 75, оп. 1, д. 54, л. 310).

⁴⁷ ПАБО, ф. 1, оп. 4, л. 13, л. 13.

⁴⁸ Только в Томской области из-за слабой упитанности скота («тошак») в 1945 г. было дополнительно сдано более 3500 голов (Партийный архив Томского обкома КПСС (ПАТО), ф. 607, оп. 41, д. 154, л. 20).

⁴⁹ Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ПАНО), ф. 4, оп. 33, д. 937, л. 25.

⁵⁰ ПАБО, ф. 1, оп. 2, д. 66, л. 59.

⁵¹ ПАКО, ф. 75, оп. 1, д. 54, л. 310.

Вся совокупность объективных и субъективных причин и объясняет значительное сокращение численности поголовья скота в Сибири за период войны.

Причины того, что продуктивность сибирского скота за годы войны сократилась меньше, чем в среднем по стране, а по удою молока даже несколько возросла, состоят в следующем. Еще до войны главную роль в животноводстве региона играли женщины. В период войны их численность в отрасли почти не уменьшилась, а следовательно, незначительно сократилось здесь и приложение труда⁵². В животноводстве шире, чем в полеводстве, применялась поощрительная система, причем в Сибири больше, чем в целом по стране и другим экономическим районам⁵³. И самое важное — наличие в Сибири немалых площадей пастбищ, выгонов и сенокосов. Для восточной ее части, а также для Горно-Алтайской автономной области пастьба скота круглый год («тебеневка») в немалой степени «скрадывала» нехватку заготовленных кормов. Все это позволило удержать уровень продуктивности скота в Сибири почти в пределах предвоенного года и выше, чем в среднем по стране.

Из анализа данного вопроса вытекают два важных вывода. Во-первых, как видно из таблицы (стр. 33), большая часть продуктивного скота, несмотря на огромные трудности военного времени, была сохранена и, следовательно, имелась здоровая основа для развития животноводства в послевоенный период. Во-вторых, тем самым еще раз были подтверждены преимущества колхозно-совхозного строя, в котором органически сочетаются общественная собственность на средства производства с личным подсобным хозяйством колхозников, а также рабочих и служащих совхозов.

За период войны выросли в абсолютном выражении неделимые фонды колхозов Сибири: Западной — с 1459 млн. до 2188,1 млн. руб., то есть на 32,9%, Восточной — с 753,1 млн. до 1214,9 млн. руб. — на 61,3% при увеличении их по СССР на 32,4%⁵⁴. Однако следует иметь в виду, что реальная стоимость этих средств в 1945 г. была во много раз ниже, чем в предвоенные годы. Не случайно увеличилась сумма недовнесенных средств в неделимые фонды⁵⁵. Ценность этих фондов снижалась фактическим уменьшением количества и ухудшением состояния сельхозмашин, орудий, различных построек и сооружений. Основные средства производства по колхозам Сибири за годы войны уменьшились на 5%, а сумма затрат на капитальные вложения — на 8%⁵⁶.

Незначительные денежные доходы (в Сибири в 1945 г. по сравнению с 1940 г. денежные доходы, приходившиеся на один колхоз, уменьшились на 9,4%)⁵⁷, а также снижение валовых сборов зерновых и других культур привели к заметному уменьшению оплаты труда членов артелей, к ухудшению материального положения колхозников. В 1945 г. было оп-

⁵² В колхозах Восточной Сибири в растениеводстве число выработанных трудодней с 1940 до 1945 г. сократилось примерно на 26%, а в продуктивном животноводстве — лишь на 9%, в то время как по СССР в целом это сокращение составило соответственно 31% и 23% (подсчитано по: ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019-а, лл. 46, 47). Сведений в целом по Западной Сибири нет.

⁵³ Дополнительную оплату труда в 1945 г. начисляло колхозов: СССР в целом — в полеводстве 10,3%, в животноводстве — 38,4%, Средняя Азия и Казахстан соответственно — 24,6 и 40,4%, Закавказье — 19,6 и 14,6%, Сибирь — 5,6 и 62,2% (в том числе Западная — 4,5 и 67,4%, Восточная — 6,8 и 57%). (ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019-а, лл. 76, 77).

⁵⁴ Подсчитано по: ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019-6, л. 56. В целом по Западной Сибири сведений за 1940 г. нет. Цифра 1459 млн. руб. исчислена по аналогии увеличения неделимых фондов в колхозах ряда областей, по которым данные имеются.

⁵⁵ По колхозам Сибири в целом в 1945 г. сумма недовнесенных средств в неделимые фонды составляла 297,9 млн. руб., что на 48% больше, чем было в 1940 г. (ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019-6, л. 44).

⁵⁶ Подсчитано по тем же данным, л.л. 40, 49, и сводным годовым отчетам колхозов Сибири за 1940 год.

⁵⁷ Подсчитано по: ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019-6, л. 36.

ределено к выдаче по трудодням колхозникам и трактористам на душу наличного населения зерновых и бобовых в Западной Сибири по 70 кг, или по 200 г в день, — в два раза меньше, чем до войны; в Восточной Сибири — по 83 кг, то есть по 230 г на день, — в три раза меньше, чем до войны. Выдача этих продуктов в Западной Сибири была несколько ниже, чем в среднем по колхозам Российской Федерации и страны в целом и значительно меньше, чем в Средней Азии и Казахстане и тем более в Закавказье, где доходы колхозников были выше вследствие того, что они базировались главным образом на реализации продукции технических культур⁵⁸. Минимальными были выдачи картофеля и других продуктов. В весьма незначительных размерах начислялись деньги. В 1945 г. на один трудодень колхозникам и трактористам было определено к выдаче лишь по 0,69 рубля в Западной и по 1 руб. 26 коп. в Восточной Сибири⁵⁹. В 1945 г. почти 3% колхозов Сибири не выдавали на трудодни зерна и около 10% — денег⁶⁰.

Ухудшилось материальное положение и работников совхозов. За годы войны их среднегодовая заработная плата снизилась на 7,4% — с 225 до 208 руб. в месяц, и это при обесценении денег. Особенно заметно уменьшилась зарплата механизаторов⁶¹.

В результате личное подсобное хозяйство колхозников, работников МТС и совхозов заняло ведущее положение в материальном обеспечении основной массы сельского населения. В среднем по стране в 1945 г. приход продуктов от личного подсобного хозяйства колхозной семьи составлял: картофеля — 88,6% (вместо 66,9% в 1940 г.), мяса — 85,5%, яиц — 97,1%. С подсобных хозяйств членов сельхозартелей на душу наличного колхозного населения приходилось около 39 кг зерновых (до войны не было совсем) и более 223 кг молока — на 23% больше, чем в предвоенном году⁶².

Победа, которую одержал советский народ над фашистской Германией, досталась ценой невероятных лишений тылового населения, ограничения его во всем необходимом, в том числе в питании. Это наглядно показывает самоотверженность, выдержку и стойкость советских людей, в том числе колхозного крестьянства, в годы военных испытаний, когда шла речь о судьбе социалистического государства, колхозно-совхозного строя.

За годы войны произошли заметные изменения и в организационной стороне колхозов, совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий. По Сибири, ввиду укрупнения ряда артелей, их количество сократилось с 21 970 до 21 161, или на 3,7%⁶³. Уменьшилась также численность совхозов из-за передачи их промышленным предприятиям и военному ведомству в качестве подсобных хозяйств. В Западной Сибири, например, в 1940 г. их было 337, а в 1945 г. — 308⁶⁴. Главным образом из-за ухода многих семей на работу в промышленность увеличилось количество мелких колхозов, сократилась численность бригад, а в совхозах — отделений и ферм. Широкое распространение получила в колхозах звеньевая, а в совхозах — бригадно-звеньевая организация труда.

⁵⁸ Подсчитано по тем же данным, лл. 81, 82, и сводным годовым отчетам колхозов Восточной Сибири.

⁵⁹ По тем же данным, л. 81. В Средней Азии и Казахстане на трудодень в 1945 г. было определено выдать по 1 руб. 91 коп., в Закавказье — по 2 руб. 66 коп. (по тем же данным, л. 80).

⁶⁰ По тем же данным, лл. 81, 84, 89.

⁶¹ И. Е. Зеленин. Указ. соч., стр. 45.

⁶² В. Б. Островский. Колхозное крестьянство СССР. Саратов. 1967, стр. 80.

⁶³ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019-а, л. 1.

⁶⁴ Е. А. Микшина. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по укреплению и развитию совхозов в послевоенные годы (1945—1950 гг.). Автореф. канд. дисс. Томск. 1970, стр. 5.

Существенные изменения произошли также в составе руководителей колхозов и совхозов. К управлению хозяйствами пришло много новых людей. Однако партии удалось сохранить значительный и устойчивый костяк руководителей: в 1945 г. 34% председателей колхозов Сибири работали свыше 3 лет (в 1940 г. их было 22%), 93,5% директоров совхозов Управления Сибири Наркомата совхозов СССР работали в этой должности свыше 5 лет⁶⁵. Однако образование у большинства из них было ниже среднего. В составе руководителей почти полностью отсутствовали специалисты сельского хозяйства. Вместе с тем весьма слабым и неопытным был руководящий состав среднего звена: абсолютным его большинством были практики с низким образованием. МТС и совхозы постоянно ощущали острый дефицит в инженерно-технических и агрозоотехнических специалистах.

Таким образом, война нанесла сельскому хозяйству страны, в том числе и Сибири, огромный урон, отбросив его по некоторым отраслям на много лет назад. В то время «наше сельское хозяйство,— говорил М. И. Калинин,— больше давало государству, чем могло получить от него»⁶⁶.

Существенные негативные изменения произошли и в крестьянстве. Уменьшилось количество колхозного, в том числе трудоспособного, и прежде всего мужского, населения. В колхозах стал преобладать женский труд. Десятки тысяч семей бывших членов сельхозартелей перешли в ряды рабочего класса. Война ухудшила материальное положение крестьян, других тружеников сел и деревень; главным источником поддержания жизненного уровня сельского населения стало личное подсобное хозяйство.

Вместе с тем приведенные выше данные подтверждают, что советскому народу под руководством Коммунистической партии, несмотря на разрушительную войну, удалось сохранить основные производительные силы сельского хозяйства. В тяжелые годы поддерживалась постоянная жизнедеятельность сельскохозяйственного производства, которое непрерывно обеспечивало население продуктами питания, а промышленность — сырьем. Только Сибирь дала за годы войны государству более 700 млн. пудов хлеба — $\frac{1}{6}$ часть всего зерна, заготовленного в целом по стране, или же 50% товарного хлеба, полученного в России за четыре года первой мировой войны⁶⁷. Это свидетельствует как о героизме и самоотверженности советских людей, так и о жизнестойкости общественного сельскохозяйственного производства, созданного на основе ленинского кооперативного плана. Колхозно-совхозный строй проявил свои положительные качества и в суровые годы войны.

В то же время это и результат постоянного внимания к сельскому хозяйству страны, в том числе и Сибири, со стороны Центрального Комитета партии и Советского правительства. Достаточно сказать, что с 1943 г. до конца войны ЦК ВКП(б) регулярно заслушивал отчеты руководителей Красноярского края, Иркутской, Курганской, Новосибирской, Омской областей и Бурятии о положении в сельском хозяйстве,

⁶⁵ Подсчитано по: ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7, д. 1019-в, лл. 3, 5, 7; ф. 7803, оп. 1, д. 1186, л. 27.

⁶⁶ М. И. Калинин. Беседы с народом. М. 1960, стр. 347.

⁶⁷ В. Т. Анисков. Указ. соч., стр. 362. За годы войны только Алтай дал стране 158,7 млн. пуд. хлеба, 9,4 млн. пуд. мяса, 9,9 млн. пуд. картофеля и овощей, 2,2 млн. пуд. животного масла, более 3 млн. пуд. сахара и другую продукцию. Красноярский край, Омская, Тюменская, Новосибирская, Томская, Читинская области, вместе взятые, за годы войны дали государству 364 млн. пуд. хлеба, 29 млн. пуд. мяса, большое количество другой животноводческой продукции (подсчитано по: Партийный архив Алтайского крайкома КПСС (ПААК), ф. 1, оп. 80, д. 1, л. 58; Партийный архив Красноярского крайкома КПСС (ПАКК), ф. 26, оп. 15, д. 21, л. 8; «Омская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Т. 2. Омск. 1961, стр. 280—281; «Тюменская правда». 6.XI.1947; ПАНО, ф. 4, оп. 33, д. 1261, л. 10; ПАТО, ф. 607, оп. 41, д. 90, л. 4; ПАЧО, ф. 3/10, оп. 8, д. 1, л. 10).

намечал действенные меры по его подъему, добивался их осуществления⁶⁸.

Несмотря на сложную обстановку, за годы войны в Сибири были построены Алтайский тракторный и Красноярский комбайновый заводы, которые к концу 1945 г. выпустили соответственно 6 440 тракторов и 507 комбайнов, а также почти на 72 млн. рублей запасных частей к сельхозтехнике⁶⁹. С начала 1944 г. стали возрастать поставки в сельское хозяйство горючего, улучшаться дело подбора и подготовки кадров руководителей колхозов, МТС и совхозов, а также механизаторов. Всесоюзное социалистическое соревнование работников сельского хозяйства, возглавляемое партийными организациями, способствовало усилению трудового энтузиазма колхозников, работников МТС и совхозов, преодолению ими трудностей военного времени.

В результате сельское хозяйство страны, несмотря на огромный урон, понесенный в годы войны, в целом успешно справилось со своей главной задачей. «Наши колхозы и совхозы,— отмечал Л. И. Брежнев в 50-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции,— несмотря на острую нехватку рабочих рук и сельскохозяйственных машин, несмотря на резкое сокращение посевных площадей, дали стране хлеб для победы. Это был гражданский, патриотический подвиг народа. Это был подвиг людей, которые видели в труде во имя победы смысл своей жизни. И они сделали все, чтобы Родина победила»⁷⁰.

Уровень 1945 г. был той базой, с которой началось восстановление, а с 1950 г. и дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства. Урон, понесенный колхозами, МТС и совхозами в годы войны, был важнейшей объективной трудностью, которую пришлось преодолевать советскому народу в годы мирного строительства.

⁶⁸ «История Коммунистической партии Советского Союза». Т. 5, кн. 1. М. 1970, стр. 465.

⁶⁹ По данным плановых отделов указанных заводов.

⁷⁰ Л. И. Брежнев. Левинским курсом. Речи и статьи. Т. 2. М. 1973, стр. 90—91.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КОЧЕВНИКОВ В СРЕДНЕВЕКОВУЮ ЭПОХУ

Г. А. Федоров-Давыдов

В литературе XVIII — XIX вв. общество кочевников представлялось аморфным, лишенным структуры, диким, неорганизованным. Считалось, что кочевые орды объединяются предводителями, которые и вносят момент организации и упорядочения в кочевую стихию. Отсюда — идеализация военных предводителей тюркских племен. Только сильная личность может преодолеть анархию кочевой среды, и социальные противоречия исчезнут под ее эгидой — такую точку зрения развивал и В. В. Бартольд в ряде своих трудов. Но позднее он отошел от представления о кочевом обществе как об аморфном; темы социальной структуры кочевников и последствий соединения ее с укладом оседлого населения зазвучали в его работах весьма отчетливо.

С вопросом об общественном строе кочевников соприкасается и проблема личности Чингис-хана. Если общество кочевников бесструктурно и хаотично, то Чингис-хан — историческое явление, необъяснимое предшествующей эволюцией кочевников-монголов. Если же общество последних развивается как определенная система отношений, то Чингис-хан являлся выразителем этой системы независимо от того, какими личными свойствами он обладал. В этой связи характерна эволюция взглядов Б. Я. Владимирцова: от оценки Чингис-хана как «исторического чуда» к теории «кочевого феодализма»¹, в соответствии с которой этот завоеватель, его войны и его государство стали звеном в развитии монгольского общества. Однако именно теория «кочевого феодализма» в настоящее время пересматривается рядом ученых, среди которых наиболее определенно свое мнение изложил С. Е. Толыбеков².

Беспорно, теория «кочевого феодализма» Б. Я. Владимирцова во многих своих частях устарела. Сразу после выхода его книги были высказаны сомнения по поводу аналогий с феодальной Европой³. Уровень феодализации монголов был Б. Я. Владимирцовым явно преувеличен; оказалась спорной его теория «унаган-богола»⁴; отпало представление о «кочевом феодализме» как об обществе кочевников без

¹ Б. Я. Владимирцов. Чингис-хан. Берлин. Пгг.-М. 1922; его же. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л. 1934.

² С. Е. Толыбеков. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алма-Ата. 1971. См. рец. И. Васильченко на эту работу («Вопросы истории», 1974, № 4).

³ А. Ю. Якубовский. Книга Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» и перспективы дальнейшего изучения Золотой Орды. «Исторический сборник». Т. V. М.-Л. 1936.

⁴ Этим термином Б. Я. Владимирцов называл категорию населения в монгольском обществе, статус которой он сближал с положением крепостных оседлых феодальных стран. Критику см.: Э. Р. Рыгдылон. О монгольском термине онгу-богол. «Филология и история монгольских народов». М. 1958; Г. А. Федоров-Давыдов. Общественный строй Золотой Орды. М. 1973, стр. 36 и сл.

городов. Требуют уточнения его взгляды на соотношение аильного и куренного способов ведения кочевого хозяйства⁵. Но признание феодального способа производства у монголов эпохи Чингис-хана и у других кочевников на разных стадиях их развития является заслугой Б. Я. Владимирцова. Было бы ошибкой полностью отрицать его теорию, утверждать, что кочевники не могут по самому существу своего хозяйства пройти стадию феодализма, а в состоянии дорости только до переходной (от первобытнообщинной стадии к феодальной) ступени, которую исследователи называют по-разному («патриархально-феодальный этап», «полуфеодальный», «прафеодальный» и т. п.).

По поводу того, что представляло собой общество у средневековых и позднесредневековых кочевых народов, было несколько дискуссий⁶. Нам кажется, что проблема феодализма у кочевых народов сводится к наличию или отсутствию у них феодальной собственности на землю. В этом корень споров, и здесь взгляды ученых размежевались. Одни (например, С. Е. Тольбеков) считают, что феодальной собственности на землю у кочевников не может быть до перехода их к оседлости, хотя бы частичной. Но на чем же тогда основана эксплуатация в этом обществе, раз нет монополии на важнейшее средство производства? Эксплуатация осуществляется через собственность на скот, полагают эти исследователи. Другие ученые (например, С. З. Зиманов) утверждают, что в ряде явлений (общих у кочевников на определенных стадиях их развития) можно видеть феодальную собственность на землю, а эксплуатация через собственность на скот не являлась основной, так как верхушка общества не владела скотом монопольно.

Нам представляется, что в вопросе о феодальной собственности на землю (исследователи, отрицающие ее у кочевников, часто говорят о «частной» собственности на землю) допускаются неточности и анахронизмы. Частная собственность на землю достигает расцвета в капиталистическом обществе, когда земля юридически признается отчуждаемым товаром и собственнику предоставляются полные и единоличные права на земельный участок. В эпоху феодализма и особенно у кочевников земельная собственность выступает часто в завуалированной форме благодаря различным, иногда сильным, родоплеменным пережиткам патриархальной старины. В этот период следовало бы говорить не о частной, а о феодальной собственности на землю. Последняя может быть в форме и аллода, и расчлененной или иерархической собственности, и общегосударственной или княжеской и т. п., причем феодальная собственность сеньора на землю может совмещаться с общинным владением землей и общинным ее использованием непосредственными производителями, как это было в русской уравнильно-передельной общине⁷. Нам кажется, что замаскированность племенными и патриархальными пережитками (столь сильными и живучими в кочевом мире) феодальной сущности собственности на землю у кочевников в период средневековья и породила представление об отсутствии ее вообще.

Действительно, сторонники тезиса о том, что собственности («частной») на землю у средневековых кочевников не было, приводят массу сообщений и наблюдений относительно того, что у кочевников не су-

⁵ См. Г. Е. Марков. Очерки истории формирования северных туркмен. М. 1961, стр. 204.

⁶ См.: «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период» (1954). Ташкент. 1955; дискуссия на страницах журнала «Вопросы истории» в 1955—1956 годах. Полярные точки зрения изложены С. З. Зимановым («Общественный строй казахов в первой половине XIX в.». Алма-Ата. 1958) и С. Е. Тольбековым (указ. соч.).

⁷ С. Д. Сказкин. Избранные труды по истории. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М. 1973, стр. 64—65; см. также В. А. Александров. Земельно-передельный тип сельской общины в позднефеодальной России (XVII—начало XIX в.). «Вопросы истории», 1975, № 10, стр. 53 и сл.

ществовало юридически зафиксированной «частной» собственности на землю, которая и в оседлых странах в средневековую эпоху была лишь одной из форм земельных отношений и полностью развилась много позднее. Но, зафиксировав и выявив специфику кочевнического хозяйства, особенности пользования и эксплуатации земли у номадов, их отличие от оседлого сельскохозяйственного использования земли, следовало бы именно в силу этих особенностей не отрицать феодальную собственность на землю у номадов средневековья, а выявить ее скрытую, «неявную» форму. У кочевников не было точно такой же формы собственности на землю, которая была у оседлых народов. Тем не менее у них существовала монопольная сословная феодальная собственность на землю, но в скрытом виде. В силу их кочевого образа жизни она была, во-первых, чрезвычайно неопределенной по своим границам и, во-вторых, реализовывалась через управление кочеванием зависимых от кочевого феодала групп номадов⁸. О регулировании кочевания и о распределении кочевых угодий между зависимыми от ханов группами номадов есть много свидетельств. Например, посол русского царя у ногаев писал в 1549 г. о распределении зимних кочеваний: «А Исупу, государь, сказывают, зимовати у Сарайчика на Яйке, а Смаилоу и Кошумовым детем зимовать на Волге, а Уразлыю, государь, на Жеми, а Касаю на Каравле межь Ейка и Зодпай». Районы кочевий закреплялись за отдельными вассальными ногайскими беями. Образовалось даже пастбищное угодье «нураддинов» — удельное держание, даваемое непосредственному наследнику хана⁹. О сходстве этих явлений с феодальным землевладением писали многие ученые¹⁰.

Военная десятичная система Чингис-хана не была племенной. После распределения населения на сотни, тысячи и тумены в один и тот же тумен или тысячу могли попасть люди разных племен и наоборот. Такое деление было произведено вопреки старым племенным членениям (хотя иногда и совпадало с ними), часто шло вразрез им¹¹. Чем же в таком случае оно являлось? Во всяком случае, не искусственным мероприятием, рассчитанным только на войну, на упорядочение армии. Это была раздача населения в уделы на условиях несения военной службы. В. Рубрук свидетельствовал, что «всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также, где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью». П. Карпини рассказывал, что «никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают тысячникам, тысячники — сотникам, сотники — десятникам»¹². Речь идет о месте не в армии, в строю, а о системе улусов (туменов и тысяч), условном военном держании с определенным земельным участком.

Тот представитель социальных верхов у номадов, который осуществлял управление и регулирование маршрутов кочеваний, являлся собственником земли в широком смысле, в том, в каком следует понимать феодальную собственность на землю как основную социально-экономическую категорию формации. Закрепление пастбищ за теми или

⁸ См. И. Васильченко. Указ. соч., стр. 195—196.

⁹ «Продолжение древнерусской виблиофики». Т. VIII. СПб. 1793, стр. 170; Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 169.

¹⁰ См., например: А. И. Першиц. Некоторые особенности классового общества в обществах кочевых скотоводов. Конференция «Возникновение раннеклассового общества». Тезисы. М. 1973, стр. 48—49; Н. В. Устюгов. Научное наследие. М. 1974, стр. 200 и сл.

¹¹ Об этом см. свидетельства Рашид-ад-Дина (Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, ч. I. М.—Л. 1952, стр. 55, 273, 277).

¹² «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М. 1957, стр. 45, 91.

ными кочевыми коллективами наряду с властью над этими коллективами какого-либо представителя аристократии приводило к установлению собственности кочевых феодалов на землю. При этом проявлялась характерная особенность феодальной собственности — иерархичность и расчлененность. Власть над кочевым коллективом делила восходящая к хану иерархия кочевой знати, кочевых сеньоров (эмиры и беки — сотники, тысячники, темники), а земля и пастбища, будучи собственностью аристократии, были во владении (чаще всего общинном) кочевых групп. Общинное владение землей (так же, как и уравнительно-передельная русская община поры средневековья) не противоречило феодальной собственности на землю. Последнюю осуществляли в странах с оседлым населением сеньория, владелец манора, князь, боярин, барон и т. п., в государствах кочевников — хан, нойон, то есть тот, кому община, группа производителей-номадов была отдана в подчинение. Подчинение это выражалось в ряде повинностей и платежей, что и было экономической реализацией феодальной собственности, то есть феодальной рентой.

В эпоху первобытности распределение пастбищ осуществлялось вольнозахватным способом: «Аулы каждой родовой группы не потому кочевали одними и теми же путями и зимовали по соседству, что эти пути и зимние пастбища были когда-либо и кем-либо указаны, разграничены и закреплены, а потому, что каждый аул придерживался тех кочевых путей и остановок, где он мог скорее встретить своих ближайших родственников»¹³. Так было в действительности, но только на той стадии развития кочевого общества, которую можно сопоставить с первобытнообщинным этапом. Тогда вольнозахватным способом формировалась общинная собственность на землю, собственность всей кочевой группы — рода, общины и т. п. (так же, как, между прочим, формировалась она и в ряде оседлых областей). Но позднее на эту общинную собственность была наложена феодальная собственность верхушки кочевого общества при сохранении общины в той или иной ее форме. Процесс трансформации общинного землевладения в монопольную собственность сословия и класса феодалов шел и на оседлых землях. И там и здесь население вместе с землей, на которой оно обитает и хозяйничает, или (переставим акценты) земля с населением, обитающим и хозяйничающим на ней, распределяется тем или иным, обычно насильственным, путем между аристократией. Отличие было в том, что «обвешанная» множеством пережитков патриархального быта, правовых норм и обычаев племенного строя феодальная собственность на землю у кочевников приобрела неявные, нечеткие формы как в отношении неясности, расплывчатости границ земельных участков (которые в условиях кочевого быта, естественно, очень неопределенны, ибо речь шла об огромных пустынных пространствах), так и в том смысле, что собственность, как правило, не получала правового юридического выражения и актового закрепления.

Именно в перераспределении пастбищ и кочевого населения и проявился сословно-монопольный характер феодальной собственности на землю. Это перераспределение происходило в момент создания классового государства и четко фиксируется в ряде случаев, например, при завоевании Дешт-и-Кыпчака монгольскими войсками и образовании Золотой Орды. Монгольские ханы вытесняют старую кыпчакскую знать, становятся на ее место, управляют кочеванием полвецких группировок, перераспределяют пастбища и районы кочевков, пересекают часть старого степного населения. Когда Чингис-хан и последовавшие за ним монгольские кааны и ханы перераспределяли население

¹³ С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата. 1959, стр. 121.

между своими нойонами и огланами, формировали сотни, тысячи и тумены, они одновременно и перераспределяли пастбища, территории кочевков, выпасные угодья. И хотя некоторые ученые считают, что это перераспределение не привело к образованию новых, то есть не общинных, а феодальных форм собственности на землю, мы склонны видеть в нем возникновение именно феодальной собственности на землю у кочевников.

Формируя улусы, свои тысячи и тумены, Чингис-хан и его преемники создавали кочевые бенефиции, которые позднее стали феодами. Монгольский нойон или нукер, получавший тумен или улус, получал определенное количество людей со скотом, определенное количество семей, родов, иногда из одного, а иногда и из разных племен. За это владелец улуса должен был выставлять для ханской охоты и войны определенное число воинов и с ними участвовать в боях, занимая место в том или ином подразделении армии хана. Это была система феодальная, иерархическая с условным держанием улуса как кочевого бенефиция. Она являлась не повторением племенного деления монголов, а феодальной, новой по существу, «улусной» системой в рамках классового государства, лишь прикрытой пережитками племенного строя. От империи Чингис-хана с его улусной системой не было пути назад; она была необратимым этапом; общество не могло вернуться к первобытнообщинному строю, хотя и могло деградировать, утратив какие-либо новые черты и восстановив некоторые архаические, старье.

Коллективная, общинная форма собственности на землю у кочевников после образования классов и государства сохранилась, но рядом с ней возникла другая, монополярная собственность феодализирующейся верхушки. Регулируя кочевание и размещение стоянок, знать получала преимущественное право на землю, возможность выделять своим стадам лучшие земли, устраивать свои заповедники. Но не это главное. Знать осуществляет свое господство над людьми, непосредственными производителями. Ее преимущественное право на землю, кочевые угодья становится ее монопольным правом, когда она противопоставляет себя общине¹⁴. А это именно и происходит при образовании государства. Как и всюду, у кочевников возникновение монополярной феодальной собственности на землю тесно связано с образованием государства и часто с перераспределением земли путем насилия, завоевания. Этот тезис совершенно не противоречит марксизму и не является возрождением теории Дюринга, как полагает С. Е. Тольбеков¹⁵. Ведь Ф. Энгельс возражал против понимания насилия как единственного первичного источника и власти одних людей над другими, и собственности, и эксплуатации. Он указывал, что само по себе насилие не может привести к данным социальным явлениям, если ему не предшест-

¹⁴ Возражая против тезиса о том, что феодальная собственность у кочевников принимает форму регулирования и безоговорочного распоряжения кочевыми территориями и перекочевками, Г. Е. Марков писал: «С таким же основанием «феодальные» права можно найти у предводителей охотников в первобытном обществе» (Г. Е. Марков. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии. СЭ, 1970, № 6, стр. 76). Но эти первобытные предводители тем и отличаются от богатой кочевнической знати эпохи средневековья, что эта знать в результате классовобразования и социальной дифференциации (которую нельзя игнорировать) противопоставит в своих эгоистических материальных интересах обществу, общине кочевников, располагает силой подчинения и принуждения, которую тоже, несмотря на большую вооруженность масс кочевников, чем оседлого населения (которое, кстати, тоже принимало участие в ополчениях и вооружалось), отрицать невозможно. Распоряжение перекочевками становится из права общинного вождя (базирующегося на авторитете) феодальным правом, основанным на принуждении со времени возникновения государства в связи с перераспределением им кочевнического населения и пастбищных территорий.

¹⁵ С. Е. Тольбеков. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века, стр. 224.

вует длительный процесс социальной и имущественной дифференциации, то есть процесс классовообразования и общественного разделения труда. Оформление же классов (завершение этого процесса) совпадает с образованием государства, часто непосредственно связанным с жесточайшим насилием и войнами¹⁶. Для того, чтобы возникла феодальная собственность на землю, требовался определенный уровень сначала имущественной, потом социальной дифференциации. Имущественная дифференциация идет часто по линии накопления имущества, представленного не землей, а драгоценностями, скотом — движимой формой богатства. Так было и у кочевников, где распределению земель и пастбищ с кочевавшим на них населением предшествовал длительный процесс разделения имущества, и в первую очередь скота. Неравномерность владения скотом не опровергает феодальную собственность на землю у кочевников, а является ее условием.

Признание наличия у кочевников феодальной собственности на землю не исключает того, что баяи или ханы были крупными скотовладельцами и при помощи скота, сдавая его в аренду, осуществляли эксплуатацию. Условием эксплуатации производителей было внеэкономическое принуждение, основанное на прямой власти над ними. Дело заключалось не в том, что богатый собственник скота давал лишенному его производителю скот в аренду и потом в качестве платы получал от него прибавочный продукт (и такое было, конечно); суть эксплуатации состояла не в этих свободных юридически, чисто экономических взаимоотношениях. Не потому работал бедняк-кочевник на бая или нойона, что не было у него своего скота (хотя так бывало и нередко в средние века: не имевшие скота бедняки образовывали временно перешедшие к оседлости слои, так называемые джаттачества). Не потому работал крестьянин на феодала и отдавал ему прибавочный продукт, что у него не было земли и инвентаря, рабочего скота или зерна для посева (хотя так тоже бывало). Сущность феодальной эксплуатации заключалась в ином: земля у крестьянина имела, он даже был к ней часто прикреплен. Феодал взимал прибавочный продукт или труд крестьянина потому, что располагал властью над ним в силу внеэкономического принуждения и наличия земельной феодальной собственности. При этом крестьянин, как правило, продолжал вести свое собственное хозяйство.

Суть феодальной эксплуатации в обществе кочевников состояла в том, что у бека или хана была масса зависимых от него людей, зависимых в силу военной мощи хана, традиций племенного подчинения, традиций, поддержанных дружиной хана, в силу, наконец, раздачи верховной властью части кочевого населения в удел, во владение, в условное или иное улусное держание и вследствие коммандий. Эта зависимость являлась той основой, которая давала ханам возможность получать прибавочный продукт в виде дани, приношений, сбора натурального продукта, управлять перекочевками, привлекать людей подчиненного коллектива к выполнению различных служб, начиная от участия в «благородной» охоте и кончая уходом за ханским скотом. Но эта власть над людьми, данными в удел (улус у монголов), была связана с собственностью на большой участок земли — территорию кочеваний улуса (юрт).

В земледельческих странах внеэкономическая власть сеньора над производителем давала возможность взимать прибавочный продукт, ренту, но не определяла, не конституировала ее. Ренту определяла земельная феодальная собственность, то есть комплекс обязанностей по отношению к сюзерену, приписанный тому или иному земельному держанию, закрепленный обычаем, законом, обусловленный экономическими возможностями хозяйства на этой земле. Феодальная поземель-

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 162—189.

ная собственность вносила структурную упорядоченность в общественные отношения, без нее в средневековом обществе был бы полный социальный хаос. Так было и в обществе кочевников. Не просто внеэкономическим принуждением и властью над людьми, данными в удел какому-либо аристократу, ограничивалось дело и определялась рента (в виде продуктов, налогов или отработок). Сама совокупность этих повинностей, установленная реальным соотношением обычаев, законов, экономических возможностей скотоводческих хозяйств, соображениями общегосударственной целесообразности и т. п., закрепленная и приписанная тому или иному кочевому подразделению — улусу, оказывалась комплексом платежей и повинностей, приписанных одновременно тому или иному земельному участку, обычно целому округу.

Наличие таких социальных отношений в кочевом обществе зафиксировано многими исследователями. Вот, например, как характеризуется общество башкир недавнего прошлого. «Некоторые феодалы имели до десяти и более зависимых от них пастбищных кочевых групп, за которыми, как за обычными родовыми подразделениями, закреплялись определенные пастбища... Башкирские феодалы раздавали скот на выпас зависимым сородичам, в этом случае родовое подразделение сохранялось, но его стадо состояло уже из скота бая. Аймак продолжал кочевать на своих традиционных кочевьях со скотом феодалов. Феодалная верхушка башкирского общества устанавливала... фактическую собственность на огромные земельные вотчины, которыми она распоряжалась в силу существования патриархально-родовых традиций»¹⁷. При феодальной собственности сдача на выпас скота есть своего рода отработочная рента, как бы «кочевая барщина», один из способов эксплуатации¹⁸, основанный на власти над кочевым аймаком, маскируемый патриархально-родовыми традициями. Другим способом был сбор дани, налога, ясака, калана, копчура и т. п., то есть ренты-налога в продуктовой или денежной форме.

Таким образом, если рассматривать феодальную собственность на землю не как частную собственность типа капиталистической и не как частную земельную собственность, существовавшую в античном мире, а как власть над определенной территорией и людьми, на ней обитающими, то такая собственность на землю у кочевников имела, хотя часто в завуалированной форме. В период феодализма очень силен был элемент внеэкономического принуждения, что всегда подчеркивают исследователи средневековья. Но если понимать собственность только как экономическое орудие эксплуатации, каким является частная собственность на средства производства при капитализме, то этот элемент исчезнет. Феодальная собственность на землю была именно потому феодальной, что предполагала не отчуждение земли от производителя продуктов земли (только при этом возможны чисто экономические основы эксплуатации производителя), а соединение земли с ним, но под властью феодала. Именно власть феодала, или феодального класса в целом (воплощенного в правителе, хане, короле, халифе и т. п.) над производителями продуктов земли, не только не отчуждающая производителя от земли, но присоединяющая его к ней, прикрепляющая часто его к земле, и является сутью феодальной эксплуатации. Поэтому при феодальной собственности имеется двойное или многостепенное владение землей, ею одновременно владеют и крестьянин и феодал или все сословие феодалов.

Феодальная собственность на землю была категорией господства, внеэкономического принуждения. Ее не мог заменить никакой другой

¹⁷ Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Зауральские башкиры. «Археология и этнография Башкирии». Т. I. Уфа. 1962, стр. 208.

¹⁸ См. И. Васильченко. Указ. соч., стр. 197.

вид собственности, так как только в категориях территориальных могла в средневековье осуществляться власть над людьми. Даже у кочевников, где власть распространялась не столько на людей определенной территории, сколько на подвижный сплоченный общинными узами коллектив людей, то есть на улус, всегда четко выступает понятие «юрт», то есть территория кочевков данного улуса, находящегося в подчинении у какого-нибудь знатного представителя верхушки общества. Улус неотделим от «юрта» — древней или новой территории кочевания улуса. Когда в удел оглану или нойону давался улус, то им давался и юрт этого улуса. Источники показывают терминологическое сопряжение этих понятий.

В. И. Ленин писал о том, что при родовом строе господствуют родовые связи, при феодализме — территориальные, при капитализме — национальные¹⁹. У кочевников, несмотря на пережитки родоплеменного строя, в средние века территориально-соседские связи преобладают над родовыми. Кочевая группа состоит из семей, не обязательно родственно связанных между собой, напоминая (в этом согласно большинство исследователей) соседскую оседлую общину. Генеалогические связи у кочевников обычно оказываются вымышленными и мифическими; они включают племена, которые состоят не из родственных, а из чуждых групп, втянутых в орбиту влияния того или иного знатного рода и получивших часто по этому роду или по имени его предводителя свое наименование²⁰. Территориальные связи неизбежно вели к тому, что власть над людьми приобрела в той или иной степени форму территориальной власти. Поэтому нам представляется необоснованным полный отказ от теории «кочевого феодализма», созданной Б. Я. Владимирцовым и развитой советской исторической наукой.

Система феодальных отношений существовала в ряде кочевых обществ, в первую очередь монгольском (эпохи Чингис-хана и его преемников), в Золотой Орде (в ее кочевой части). Это была сословная феодальная собственность на землю, реализуемая в управлении кочеванием; в эксплуатации рядовых кочевников, вынужденных следовать со своим скотом по указанным ханами и нойонами маршрутам; во власти над людьми, распределенными по юртам и улусам, признаваемой рядовыми кочевниками путем уплаты определенной доли своего продукта классу феодалов. Перед нами система феодальных пожалований улусов (то есть народа, данного в удел вместе со своим скотом, со своими юртами), иерархия вассалитета, растущий иммунитет феодальных пожалований и т. п. — типичные признаки феодализма. Они развиваются и без перехода к оседлости, хотя оседлость (сельская или городская) наличествует, но не она определяет причины и ход процесса, его главные черты. Кочевое общество само приходило к феодализму и не тогда, когда кочевники стали в массовом порядке переходить к оседлости, а уже в то время, когда кочевание у них превратилось из беспорядочного блуждания в передвижение по установленным маршрутам.

Как установились эти маршруты? Вначале их определяли сами кочевые общины произвольно, вольнозахватным способом; затем они закрепились как традиция; затем совершались по указанию хана, бека, феодала вообще, реализующего свою сословную собственность на пастбища и свою власть над людьми. Как феодальный собственник земельного участка хан, или нойон, или бек является и выступает в качестве правителя кочевого населения, данного ему в удел. И в кочевом обществе наблюдается то же, что в феодальном оседлом. «В феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной

¹⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 153, 154.

²⁰ С. А. Абрамзон. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ. СЭ, 1970, № 6, стр. 72.

собственности», — писал К. Маркс²¹. Кочевые феодалы с течением времени получают в своем улусе право сбора прибавочного продукта — ренты и право судебного иммунитета (освобождаются от повинностей в пользу государя всей империи), иными словами, развивается тарханство, то есть феодальный иммунитет²². В кочевом средневековом обществе (как вообще в феодальном) существовало характерное недифференцированное воззрение на власть сеньора одновременно как на власть и собственника и правителя. Феодальный барон — и собственник своего феодала и правитель по отношению к его населению. Характерно, что термин, которым определялось кочевое держание — «улус» (то есть народ, данный в удел), стал обозначать и народ-государство, а позднее — просто державу, государство²³.

Оседлый крестьянин признает, что земля не его, а феодального сеньора, когда выплачивает ему натурой, деньгами или своим трудом ренту. Одновременно он признает и власть над собой этого сеньора и стоящего за ним всего класса феодалов, всего феодального государства. Когда простые скотоводы платят своему беку или хану подати и работают на него, содержа его скот и ухаживая за ним, они признают его своим правителем. Признание этого кочевого сеньора собственником земли, по сути дела, имеется и здесь в том, что скотоводы признают право хана или бека регламентировать их кочевания и указывать им районы зимних и летних пастбищ. Как и крестьянская семья, кочевой аил самостоятельно ведет свое хозяйство; он работает на сеньора-феодала не потому, что производитель лишен средств производства, а потому, что у феодала есть над ним власть, основанная на силе.

Нам кажется, что исследование вопроса о феодальной собственности на землю нужно начинать с выяснения зависимости крестьянина от феодала, а для кочевников — с отношений нойона, бека или оглана, с одной стороны, и улуса как кочевой группы, зависимой от них, — с другой. В оседлых странах эти отношения переходили, «транспонировались» на землю. К. Маркс писал, что при рабстве и крепостничестве земельная собственность есть «составная часть» собственности на личность непосредственного производителя²⁴. Было ли это так в обществе номадов, расчлененном на феодальные держания типа улусов? Да, было, хотя и не всюду и не всегда это оказывалось осознанным. Улус имел юрт, то есть свою территорию кочевков. Так образуются не только пожалования людьми (лены-улусы), но и держания земли (лены-юрты). Почему же не «транспонировались» отношения личной зависимости хана и простых номадов на их скот? Потому же, почему не произошло этого в оседлых странах: власть феодала над крестьянином перенесена была не на все его имущество, а на землю, ибо феодальный способ производства предполагает наличие у мелкого производителя собственности хозяйства, самовоспроизводство последнего.

Когда говорят о том, что кочевое общество может достичь в лучшем случае того уровня феодализации, который отмечается в раннефеодальных обществах типа Киевской Руси (для которых были характерны, по выражению К. Маркса, «вассальная зависимость без фьефов или фьефы, состоявшие только из даней»²⁵), то допускают ошибку. В ранний период феодализации имело место «окняжение» территории путем передачи массы людей под власть того или иного представителя феодального класса, было характерно пожалование власти над населением, в силу чего возникла возможность эксплуатации. На более развитом

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 344.

²² См. Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 124 и сл.

²³ Там же, стр. 114 и сл.

²⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 183—184.

²⁵ К. Маркс. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. L. 1899, p. 76.

этапе феодализма эта власть над населением окрашивается аграрными отношениями, преобразуется в феодальную собственность на землю. Сеньория «накладывается» на общину. В кочевом обществе раздача власти над кочевым населением выступает очень ярко (раздел завоеванного населения Чингис-ханом между своими нукерами и нойонами). Власть хана или нойона с его ордой и нукерами «накладывается» на кочевую общину, кочевое племя. Орда — это своего рода «кочевая сеньория» — место присвоения и потребления прибавочного продукта, сосредоточение вооруженной власти сеньора, место, откуда он управляет массой номадов. Вначале такие феодальные лены-улусы не всегда имели четкую территорию, границы их юртов могли быть легко изменяемы. Но по мере развития этой системы кочевых наделов и держаний улус сросся с юртом, население — со своим районом кочевков, и в этом отношении у кочевых народов возникает феодальная собственность на землю.

Но следует ли отказываться от термина «патриархально-феодальный» строй, часто употребляемого для характеристики общественного строя средневековых номадов? Нам кажется, что это не было бы оправданно. Данный термин хорошо отражает сильные патриархально-родовые пережитки в феодальных отношениях у кочевников, в том числе и «неявную» форму феодальной собственности. Было бы ошибкой отрицать своеобразие феодальных отношений у них. Но при этом нельзя забывать и общих, внутренних и самых существенных черт в их общественном строе, сходных в принципе с общими чертами «оседлого» феодализма.

Феодализация невозможна без государства как аппарата классового насилия. Будучи само продуктом классового образования, возникнув в результате определенного исторического скачка, оно в условиях средневековья становится мощным стимулом развития процесса феодализации, создания поземельной феодальной собственности. У кочевников феодальные отношения развиваются именно там, где возникает мощное государство, обычно связанное с завоеваниями, как это имело место в эпоху походов Чингис-хана и его преемников. В тех же районах обитания кочевников, где поставленная над обществом власть вышла из институтов родоплеменной субординации без резких внутренних объединительных войн и внешних завоеваний, выдвигающих один род, одну семью на недосыгаемую высоту богатства и власти, такие отношения действительно остаются недоразвитыми. Там не происходит феодальной по существу раздачи в уделы населения, перераспределения земли, ломки старой общественной структуры.

Софизмом оказалось бы, однако, заключение о том, что этот тезис приводит к идее о прогрессивности монгольского завоевания и Золотой Орды, в частности, потому, что они якобы способствовали развитию у номадов феодализма. Монгольские завоевания были реакционным явлением, задержавшим развитие ряда стран и разрушившим огромную массу производительных сил. Созданные завоевателями государства являлись паразитическими, такими же наростами были и недолговечные, хотя и буйно расцветшие города Золотой Орды. Но государство Золотой Орды, государство Чингизидов в Монголии оставались тем не менее феодальными и более того — феодально-кочевническими. Города и оседлость, с одной стороны, и кочевые степи — с другой, являлись двумя социально-экономическими сферами в Золотой Орде, мало и поверхностно связанными друг с другом. Наличие городов не отрицает ни феодальных отношений в кочевых районах Золотой Орды, ни теории «кочевого феодализма». Но такой путь феодальных отношений в кочевых районах был «тупиковым», так же как историческим «пустоцветом» оказались золотоордынские города. Реакционность держав подобного типа именно в этом, видимо, и заключалась.

ПАРТИЙНАЯ РЕФОРМА В ИНДОНЕЗИИ: 1965—1975 ГОДЫ

Ю. А. Анинский

Прошло более 10 лет с тех пор, как в Индонезии к власти пришла верхушка сухопутных вооруженных сил, опирающаяся на военно-бюрократический аппарат, буржуазию и полуфеодалские элементы в деревне. Это определило государственный курс страны, привело к серьезным изменениям в экономической и политической структуре общества. За счет ослабления государственного сектора укрепляются позиции частного капитала. Но еще большими темпами растет влияние западного монополистического капитала, подрывающего национальную экономику Индонезии и затрудняющего достижение ею экономической самостоятельности. Прогрессивные общественные круги справедливо усматривают в этом угрозу политическому суверенитету Индонезии, сохранению ею приверженности традиционной политике неприсоединения.

В обстановке недовольства широких масс условиями жизни правящие круги стремятся сохранить за армией роль ведущей социально-политической силы. Народу постоянно внушается мысль о том, что только она способна возглавить политическое руководство страной. «С появлением в Индонезии «нового порядка»¹ ...вооруженные силы страны стали доминировать в различных сферах жизни. Более того, они стабилизируют, ускоряют, а также обеспечивают безопасность политики «нового порядка»² — именно такой индонезийские власти хотели бы сегодня представить роль армии. Чтобы сохранить это положение, был взят курс на нейтрализацию политических партий, которые после разгрома в 1965—1966 гг. Коммунистической партии Индонезии рассматривались «новым порядком» в качестве основных противников авторитарного правления армейской верхушки.

Взаимоотношения гражданских с военными — одна из основных внутривнутриполитических проблем индонезийской политики. С момента образования республики вооруженные силы претендуют на то, чтобы играть политическую роль в жизни общества. Более 10 лет в руководстве вооруженных сил Индонезии существует концепция «двух функций» армии, автором которой является генерал А. Х. Насутион. В 1964 г. вышли его книги³, в которых он изложил свою точку зрения на роль военных в экономической и общественно-политической жизни страны. Суть концепции состоит в том, что в индонезийском обществе армия наряду с другими социально-политическими силами должна активно участвовать в решении не только военных, но и экономических и поли-

¹ Современный политический режим в Индонезии принято называть «новым порядком» в отличие от «старого порядка», существовавшего до осени 1965 года.

² «Dasar—dasar pemikiran tentang Akselerasi Modernisasi Pembangunan 25 Tahun». Djakarta. 1973, p. 48.

³ A. H. Nasution. To Safeguard the Banner of the Revolution. Jakarta. 1964; e j u s d. Towards a People's Army. Jakarta. 1964.

тических задач. Французская газета «Le Monde» привела следующее высказывание президента Сухарто по поводу места военных в Индонезии: «Армия, как и все другие политические и экономические группы, должна играть важную роль в нашем развитии. Поэтому вполне справедливо, что в рамках нашей демократической системы военные могут вмешиваться в законодательную и судебную деятельность. В исполнительных и законодательных органах наши вооруженные силы представляют одновременно фактор стабильности и фактор национального динамизма»⁴. Политические партии в принципе признавали правомерность притязаний военных на участие в политике. Но одновременно они выступали против перевеса военной власти, что хотя и не имело места в центральном правительстве, наблюдалось на среднем и низшем административном уровне. Но уже накануне всеобщих выборов в 1971 г. политические обозреватели подчеркивали, что армия в Индонезии главенствует на всех уровнях. Нет ни одного органа власти или любой другой организации, в составе которых не было хотя бы одного представителя военных⁵.

Специфические условия развития Индонезии в конце 40-х — начале 50-х годов привели к тому, что военные стали участвовать и во внутриполитических событиях. Военачальники в округах и провинциях являлись единственной опорой «стабильности и внутреннего порядка» на местах. Развал парламентской формы правления и утверждение «направляемой демократии» А. Сукарно в конце 50-х годов способствовали тому, что армия, не желавшая мириться с отведенной ей второстепенной ролью в жизни Индонезии и уступать завоеванных позиций, активизировала свою деятельность как в экономике, так и в политике. Она уже не ждала, когда на нее возложат дополнительные функции гражданских органов управления, а сама присваивала их. Претензии армейских офицеров сочетались с постоянно растущим отрицательным отношением военных к политическим партиям в целом. В 1965 г., после перехода верховной власти в руки генералов, они получили реальную возможность для удовлетворения своих амбиций.

Военные пытались сразу изменить политическую структуру общества через законодательные органы. С этой целью высший законодательный орган власти в стране — Временный народный консультативный конгресс (ВНКК) на сессии 5 июля 1966 г. принял постановление «О политических партиях, общественных организациях и функциональных группах», которое гласило: «Правительство вместе с Советом народных представителей (парламент) с целью упрощения партийно-политической системы страны незамедлительно издаст закон, регулирующий деятельность партий, массовых организаций и функциональных групп»⁶. Президент Сухарто отмечал, что такой законопроект был подготовлен и внесен на рассмотрение парламента в 1966 году. Однако, как заявил президент, «был принят лишь закон о всеобщих выборах. Законопроект о политических партиях, массовых организациях и функциональных группах пришлось пересмотреть и привести в соответствие с обстановкой и реальностью момента»⁷. В условиях тогдашнего внутривнутриполитического положения в Индонезии такое решение было вполне объяснимым. В первые годы «нового порядка» партии в стране еще представляли собой силу, с которой военные не могли не считаться. В то время армия не располагала сильными позициями в законодательных органах, и партии отклонили бы в парламенте любой проект, ущемлявший их интересы.

Отсрочка принятия такого закона не означала, что военные власти

⁴ Цит. по: «Международная жизнь», 1973, № 12.

⁵ «Far Eastern Economic Review», 16.I.1971.

⁶ «Kitab Himpunan Hasil Karya MPRS» (Сборник рабочих документов ВНКК). Jakarta. 1970.

⁷ «Antara», 12.III.1973.

отказались от этой идеи. Сухарто на церемонии приведения к присяге новых членов парламента в 1971 г. подчеркнул, что «Индонезия нуждается в таком законе», поскольку «политическая организация и современная политическая жизнь Индонезии в целом не отвечают требованиям конституции 1945 г. и не могут стать тем инструментом демократии, который можно использовать для развития страны». По его мнению, задержка в принятии закона произошла не по вине парламента, а потому, что до всеобщих выборов 1971 г. «политическая обстановка и состояние общества в Индонезии не были готовы к проведению таких преобразований»⁸. Чтобы создать нужную политическую атмосферу в стране, был взят курс на изоляцию партий, на их дискредитацию в глазах народа, чтобы таким образом подготовить почву для их «самостоятельного» роспуска и образования угодных новому режиму союзов.

Однако «новому порядку» понадобилось почти 10 лет, чтобы нейтрализовать партии и создать в стране такую политическую структуру, которая отвечала бы его интересам. Результаты этой политики очевидны. Число существующих легальных партий сокращено с 9 до 2 — Демократическая партия Индонезии (ДПИ) и Партия единства и развития (ПЕР), функционирует новая проправительственная политическая организация — Голкар. Примыкавшие к партиям профсоюзы, крестьянские и молодежные организации ликвидированы, и на их базе сформированы единый профсоюз — «Федерация рабочих Индонезии» (ФБСИ), «Союз единства крестьян Индонезии» (ЖКТИ) и «Национальный комитет молодежи Индонезии» (КНПИ), руководящие посты в которых принадлежат голкаровцам. Основная суть реорганизации состоит в том, чтобы еще больше усилить позиции исполнительной власти, ввести политическую деятельность в русло безоговорочной поддержки «нового порядка».

Весь этот процесс условно можно разбить на два этапа: первый — до выборов 1971 г., второй — после выборов до принятия в 1975 г. «Закона о политических партиях и Голкар». Выборы явились своего рода индикатором сил, после которых враждующие стороны смогли реально оценить возможности свои и противника, чтобы трезво рассчитать, на что они могут претендовать и что могут получить.

Осуществление своих планов изменения политической структуры общества «новый порядок» решил начать с партий. Расчет строился на том, что именно политические партии могли оказать серьезное сопротивление военным в проведении этого мероприятия, а также на том, что массовые общественные организации после «упрощения» (термин, впервые введенный в обращение еще Сукарно) партийной системы серьезной угрозы для реализации этих планов уже не представляют. В борьбе против политических партий военные нуждались в организации, которая служила бы им социальной опорой и позволяла влиять на массы. С этой целью и был создан Объединенный секретариат функциональных групп (по-индонезийски «Секретариат Берсама Голонган Карья», сокращенно Голкар).

Впервые термин «функциональная группа» был введен Сукарно в его доктрине, по которой все индонезийское общество делилось на такого рода группы. Члены их объединялись между собой не по классовому признаку, поскольку он считал, что в Индонезии «нет классов», а были связаны общей сферой деятельности (общими функциями) или какими-нибудь другим признаком. В 1964 г. функциональные группы, крупнейшими из которых в тот период были вооруженные силы, рабочие, крестьяне, религиозные деятели, молодежь, женщины, интеллигенция и др., объединились в рамках Секретариата и стали выступать уже как единая организация. Председателем был назначен генерал С. Соковати.

⁸ «Antara», 28.X. 1971.

В первые годы после разгрома «движения 30 сентября 1965 г.» — выступления прогрессивных офицеров против готовившегося заговора совета генералов — Голкар не принимал активного участия в политической борьбе. Обстановка в Индонезии была такой, что армия, используя насильственные методы, сама справлялась со своими противниками. Во-вторых, Голкар организационно был настолько аморфным, что поднять его на какую-нибудь кампанию не представлялось возможным. Военные исподволь готовили почву для превращения его в ведущую политическую организацию. Командующим военными округами и военнотрудовым было запрещено вступать в политические партии и их массовые организации. Им разрешалось быть членами только Голкар и тех объединений, которые не находятся под влиянием политических партий. Это положение распространялось также и на гражданских служащих сухопутных войск⁹. В результате подобных мер к всеобщим выборам 1971 г. эта организация уже могла успешно играть роль противовеса партиям.

Параллельно с созданием Голкар и его последующим организационным укреплением велась «обработка» политических партий с целью их «приручения», что принесло свои плоды. Острые атаки после событий 1965 г. было направлено в первую очередь против Национальной партии Индонезии (НПИ). Объяснялось это тем, что «новый порядок» видел в ней опору Сукарно, против которого велась борьба. Вместе с тем военные власти учитывали, что левое крыло партии, известное своими демократическими взглядами, могло выступить против террора и репрессий в отношении своих сторонников. В ходе антидемократической и антисукарновской кампании «новый порядок» обрушился не только на коммунистов, но и на демократов вообще, на всех, в ком он видел препятствие к утверждению своей власти. Организациям НПИ в центре и на местах был нанесен значительный урон. Командующие военными округами запретили их деятельность. По обвинению в сотрудничестве с коммунистами и в поддержке Сукарно тысячи членов НПИ были брошены в тюрьмы. Партия стала объектом нападков со стороны не только военных, но и мусульман, которые воспользовались моментом, чтобы ослабить своего давнего идейного противника.

«Новый порядок» неоднократно откровенно вмешивался во внутренние дела НПИ. Первое такое вмешательство произошло на съезде партии в Бандунге в апреле 1966 года. От руководства НПИ были отстранены представители левого крыла партии во главе с Али Састроамиджой, и под нажимом военных к руководству партией пришла правая группировка Оса Малики. После этого началась новая волна чистки НПИ от левых элементов. На праздновании 40-летия НПИ в июле 1967 г. некоторые ее лидеры выступили с критикой внешнеполитического курса Индонезии, охарактеризовав его как отход от «активной независимой внешней политики». Это вызвало резкую реакцию со стороны военных. После съезда отделения НПИ были распущены на Суматре, Восточной Яве и Южном Сулавеси. Преследовалось распространение и мархаенизма — идеологического учения НПИ. Партийная газета «Suluh Maghaen» расценила эти действия как противозаконные, поскольку военные власти «не имеют права запрещать легально существующую в рамках конституции политическую партию»¹⁰. Отмена решения о запрещении НПИ во многих районах была произведена только весной 1968 г., после того, как партия согласилась отменить присвоенный ею Сукарно титул «отца мархаенизма». В результате этих мер новые лидеры НПИ не смогли оказать существенной поддержки своему покровителю Сукарно. Однако, несмотря на значительный урон, кото-

⁹ «Angkatan Bersenjata», 11.XII.1968.

¹⁰ Цит. по: «Новое время», 1967, № 44.

рый понесла НПИ в 1965—1967 гг., и смену руководства в 1966 г., она не поддавалась «приручению». Военные поняли, что не могут положиться на нее и что при определенных обстоятельствах она выступит не как опора «нового порядка», а как противник авторитарной власти армии. Поэтому продолжали приниматься меры, направленные на нейтрализацию влияния НПИ и подчинение ее верхушки воле военных. В 1969 г. умер председатель партии Оса Малики. На очередном съезде НПИ в 1970 г. разгорелась борьба вокруг избрания нового председателя партии. Обстановка в Индонезии в тот период значительно отличалась от той, какой она была в 1966 году. Некоторые деятели партии, а также печать уже брали на себя смелость критиковать отдельные мероприятия «нового порядка». Для многих постепенно наступало отрезвление от того антидемократического угара периода массовых казней, репрессий и страха, который царил в годы разгрома «старого порядка». Рядовые члены НПИ и отдельные руководители уже могли реально оценить обстановку в стране, положение политических партий и их массовых организаций.

Партийная газета «Suluh Marhaen» сообщала накануне съезда о вмешательстве в его подготовку заинтересованных лиц, преследующих известные лишь им цели¹¹. Сообщалось также о прибытии на съезд людей, которые не были делегатами, однако вели среди присутствующих определенную работу. После смерти Оса Малики исполняющий обязанности генерального председателя партии Харди вскрыл факты, когда военные оказывали нажим на делегатов НПИ, с тем чтобы они избрали руководителем партии С. Хадисубено¹². Как информировала печать, военные отстранили Харди за «непризнание им «двух функций» вооруженных сил»¹³. В первом же своем публичном выступлении новый председатель партии С. Хадисубено призвал к сотрудничеству с вооруженными силами. Но и эта смена руководства НПИ еще не означала, что партия перешла на сторону «нового порядка». Она по-прежнему с трудом вписывалась в политическую структуру Индонезии. В глазах военных НПИ даже после основательной чистки была слишком «левой». Они опасались, что на каком-то этапе развития страны партия, используя националистические лозунги Сукарно, сможет объединить противников существующего режима. Поэтому военные постоянно держали НПИ в поле зрения и стремились не допустить, чтобы во главе ее стали люди, способные проявить определенную самостоятельность по отношению к «новому порядку».

Разгром компартии и левого крыла НПИ привел к изменению соотношения сил среди политических партий в целом. На первое место вышли мусульманские партии, и прежде всего Нахдатул Улама (НУ). Их руководство считало своей большой «заслужкой» участие в гонениях на коммунистов и демократов, в их физическом уничтожении. По сравнению с другими политическими партиями их положение значительно укрепилось. Мусульмане даже вновь вернулись к идее превращения Индонезии в исламское государство. Военные же не только не могли согласиться с этой идеей, но и вообще не собирались уступать даже малой части своих позиций. Главную опасность для «нового порядка» представляло то, что мусульманские партии во имя достижения своих целей могли объединиться и выступить сообща. Поэтому был взят курс на раскол мусульман и лишение НУ ее ведущей роли.

В 1966 г. бывшие лидеры мусульманской партии Машуми, запрещенной за реакционную деятельность президентом Сукарно в 1960 г., обратились к правительству с просьбой легализовать партию. перегово-

¹¹ «Suluh Marhaen», 18.IV.1970.

¹² «Harian Kami», 14.IV.1970.

¹³ «Harian Kami», 18.VI.1973.

ры продолжались до 1968 года. Военные специально затягивали их, желая показать, кто является хозяином положения. Наконец, машумисты получили разрешение создать свою партию, однако под другим названием; кроме того, им запрещалось включать бывших лидеров Машуми в состав руководства. Таким образом, партия сразу попала в зависимое положение от военных. С большим неудовольствием эти условия были приняты, и 20 февраля 1968 г. было официально объявлено о создании «Мусульманской партии Индонезии», сокращенно Пармуси. С первых дней своего существования Пармуси чаще других мусульманских партий отстаивала свою самостоятельность, боролась за ограничение власти военных, за переход к гражданскому правлению. Такой курс вызвал недовольство «нового порядка», и над партией был установлен жесткий контроль. В ноябре 1970 г. во главе Пармуси был поставлен министр Минтареджа¹⁴, который в момент своего назначения даже не состоял в партии.

Накануне выборов 1971 г. военные предприняли попытку «упрощения» партийной системы. Вначале дело было представлено таким образом, как будто инициатива шла снизу, от самих партий, которые «не были удовлетворены существующим положением». В ноябре 1968 г. на съезде организации «Молодое поколение католиков» (АМКРИ) было заявлено, что настоящая «партийная система не подходит для развития страны», поэтому «АМКРИ призывает партии к самораспуску». Это решение молодежной организации, являющейся коллективным членом Католической партии, получило одобрение на IX съезде этой партии в декабре того же года. Католики предложили выступить инициаторами обновления политической структуры общества, самораспуститься и стать частью любого «партийного союза». В то же время командующий дивизией «Силиванги» на Западной Яве генерал Дарсоно якобы от имени местного населения провинции потребовал распустить партии и создать в Индонезии двухпартийную систему¹⁵.

Однако крупные партии, имевшие влияние в законодательных органах, решительно отказались самораспуститься. НПИ и Союз мусульман Индонезии в официальных заявлениях высказали пожелание, чтобы «всякое предложение об изменении политической системы в национальном масштабе проходило через законодательные органы»¹⁶. Их поддержало большинство других партий. Армия тогда не пошла по пути насильственного навязывания своей инициативы, поскольку у нее не было уверенности в успехе задуманного предприятия. Позже, в 1970 г., президент Сухарто встретился с лидерами политических партий — НПИ, НУ, Союза защитников независимости (ИПКИ), Христианской партии, Католической партии, Партии союз мусульман Индонезии (ПСИИ), Движения за исламское воспитание (ПЕРТИ), Пармуси, Партии неимущего люда (Мурба) и Голкар — и обсудил с ними возможность «упрощения» партийной системы в связи с предстоящими выборами. Была выдвинута идея создания трех партийных коалиций: националисты, религиозные партии и Голкар. В первую группу предполагалось включить НПИ, ИПКИ, Мурба, Католическую и Христианскую партии, во вторую — четыре мусульманские партии. Никто из представителей партий не осмелился выступить против данной идеи (это противоречило бы июльскому решению ВНКК 1966 г. и повлекло бы за собой соответствующие меры в адрес виновных). В своих комментариях относительно предложения президента все партии постарались под различными предлогами, например, «необходимость дальнейшего изучения вопроса о путях претворения в жизнь концепции Сухарто» (НПИ) или «вызывает сомнение

¹⁴ См. подробнее: А. Ю. Юрьев. Индонезия после событий 1965 г. М. 1973, стр. 102—104.

¹⁵ «Angkatan Bersenjata», 13.XII.1968.

¹⁶ «Angkatan Bersenjata», 3.IV.1969.

возможность ее осуществления с технической точки зрения»¹⁷ (Пармуси), не обострять данного вопроса и поставить его решение в зависимость от результатов всеобщих выборов, на которые они возлагали большие надежды. Для них выборы оставались единственной возможностью в случае победы хоть сколько-нибудь ограничить влияние военных.

В ноябре 1969 г. при принятии закона о выборах партии были принуждены согласиться на то, чтобы 22% мест в парламенте и 1/3 мест в конгрессе принадлежали депутатам, назначенным правительством. Другими словами, армии. Военные получали места в законодательных органах в качестве компенсации за отказ от участия в выборах. Партии признали также роль «фракции военных» в парламенте и конгрессе как элемента объединения и стабилизации. Они сознавали, что посредством мероприятий, находившихся на грани законности, власть военных в государстве непрерывно усиливается, однако помешать этому практически не могли. Осенью 1970 г., во время больших студенческих демонстраций против засилья военных во всех сферах жизни Индонезии, обществу ясно дали понять, что «попытка ограничить функции армии выполнением только военных задач может спровоцировать солдат на недемократические действия»¹⁸.

В ходе предвыборной кампании «новый порядок» сделал все, чтобы ослабить позиции политических партий и обеспечить победу Голкар. Выдвинутое в предвыборной программе Голкар требование реорганизовать политическую структуру страны носило откровенно антипартийный характер. Избирателям внушалась мысль, что только партии с их «узкоэгоистическими амбициозными устремлениями» повинны в политической неразберихе и экономической отсталости, господствующих в Индонезии. Руководители Голкар в своих выступлениях подчеркивали, что индонезийский народ за 25 лет независимости не смог добиться решения своих насущных проблем из-за бесконечных распрей между партиями, что привело к апатии и разочарованию среди населения. На партии возлагалась ответственность за развал экономики и события 1965 года.

Военные путем откровенного нажима, шантажа и угроз в отношении избирателей стремились заставить их выйти из партий и отдать свои голоса Голкар. Чиновникам, например, пригрозили увольнением за отказ вступить в Голкар, а администрация в сельской местности действовала еще более решительно и грубо. В результате такой политики от партий была отсечена значительная по численности и политически наиболее активная часть населения. Они лишились голосов не только рядовых членов, но и многих кадровых работников. Вот что сообщила газета «*Verita Yud ha*» за месяц до выборов, 31 мая 1971 г.: «На Центральном Сулавеси за последние шесть недель 17 022 человека вышли из ПСИИ и вступили в Голкар; Нахдагул Улама потеряла 5007 членов партии, НПИ — 10 513 человек и Пармуси — 1019 человек». Этот пример, кроме того, ярко свидетельствует об обстановке внутри самих партий.

НПИ пришла к выборам сильно ослабленной. Репрессии, чистки, насильственные смены руководства в 1966 и 1970 гг., неспособность лидеров решительно выступить против преследований рядовых членов партии усилили разброд в НПИ, привели к падению ее престижа, оттолкнули от партии многих ее сторонников. Избиратели боялись голосовать за нее, зная, что в случае репрессий со стороны «нового порядка» защитить их будет некому. Приспособленческая политика новых лидеров партии препятствовала консолидации ее рядов. Вылились наружу также большие разногласия между верхушкой партии и молодежными орга-

¹⁷ «*The Djakarta Times*», 2.III.1970.

¹⁸ «*Far Eastern Economic Review*», 24.X.1970.

низациями, ее провинциальными отделениями и Центральным руководящим советом, который обвинялся в неспособности руководить партией¹⁹. Все это не могло не сказаться на результатах выборов. НПИ собрала около 7% голосов и провела в парламент 20 депутатов из 460, в то время как на выборах в 1955 г. она завоевала около 22% голосов и получила в парламенте 57 мест из 260.

Мусульманским партиям сопутствовал большой успех. Они не испытали на себе того, что пришлось перенести националистам, кроме того, сыграла свою роль традиционная приверженность населения к исламу, а также то, что ряд лидеров этих партий, прежде всего НУ, в ходе предвыборной кампании широко использовали в своих интересах лозунги либерализации режима, ликвидации засилья армии во всех звеньях государственного аппарата, борьбы против коррупции²⁰. Хотя эти лозунги и не отражали подлинных взглядов и планов этих партий, они импонировали избирателям. Мусульманские партии получили в парламенте 94 места.

После выборов «новый порядок» обеспечил себе большинство голосов в законодательных органах и усилил нажим на партии с целью их слияния. В декабре 1971 г. на II национальном совещании губернаторов было объявлено о создании «Корпуса служащих Республики Индонезии» (КОРПРИ), «являющегося единственной организацией, объединяющей «вне службы» всех чиновников госаппарата»²¹. Это решение нанесло сильный удар по партиям. Из-под их влияния выводилась многочисленная активная часть индонезийского общества — чиновники, которые в прошлом играли видную роль в руководстве партий. Кроме того, Корпус служащих вошел в Голкар и значительно способствовал его укреплению. С принятием данного постановления отрыв чиновников от партий закреплялся юридически. Их общественная и политическая деятельность ограничивалась администрацией учреждений, в которых они работали. С помощью административных мер, а также путем улучшения материального положения чиновников «новый порядок» превращал их в опору своей власти. На август 1973 г. число членов КОРПРИ превысило 2 миллиона²².

Партии усмотрели в этой мере дальнейшее ущемление своих интересов. Однако они не выразили протеста, поскольку уже примирились с утратой своего влияния на государственный аппарат. Председатель НПИ М. Иснаени лишь высказал «пожелание», чтобы КОРПРИ понастоящему освободился от воздействия политических партий, включая Голкар, и на деле представлял собой профессиональный союз. По словам Иснаени, «Голкар также ведет политическую деятельность и практически является политической организацией»²³. Молодежная газета «*Harian Kami*» очень точно охарактеризовала положение партий в тот период: «Мы являемся свидетелями того, как с каждым днем падает влияние политических партий в нашей стране. Они превратились в своего рода «занятие» для правительства, с ними играют в «ожидалочку»: их бьют, они приспосабливаются к новым условиям, затем замирают в ожидании нового удара, чтобы потом вновь приспособиться, и т. д. Это, по-видимому, будет продолжаться до тех пор, пока партии не умрут... Нам не стоит удивляться, если в будущем от партий останутся только имена без прав и возможностей определить свою судьбу, ожидающих «последнего решения» со стороны правительства»²⁴.

¹⁹ «The Djakarta Times», 19.VI.1971.

²⁰ А. Ю. Юрьев. Указ. соч., стр. 125.

²¹ «Народы Азии и Африки», 1975, № 2, стр. 26.

²² «Angkatan Beresanjata», 8.VIII.1973.

²³ «Berita Buana», 7.XII.1971.

²⁴ «Harian Kami», 28.I.1972.

В октябре 1971 г. президент Сухарто вновь встретился с лидерами партий и Голкар. Атмосфера этой встречи значительно отличалась от той, какая была в 1970 году. Если тогда партии были полны надежд укрепить свое положение на выборах и поэтому сопротивлялись оказываемому на них нажиму, то на этой встрече они были готовы поставить подписи под любым документом. Во время встречи были согласованы все важные вопросы, касавшиеся государственного устройства Индонезии. «Демократия» была соблюдена. Партии согласились на создание в парламенте четырех фракций: «вооруженные силы», «Голкар», «единство и развитие» и «демократия и развитие». Во фракцию «единства и развития» объединялись депутаты мусульманских партий, а «демократии и развития» — депутаты НПИ, Христианской и Католической партий²⁵. Такие же фракции создавались и в конгрессе. Таким образом, в законодательных органах образовались союзы, послужившие прообразом будущих новых партий. Давая согласие на объединение своих депутатов в рамках фракций, партии фактически шли на слияние самих партий.

После выборов «новый порядок» принял меры к тому, чтобы нейтрализовать успех на них мусульманских партий. Власти понимали, что мусульмане, ободренные успехом, которого они добились, в частности, благодаря критике антидемократических методов «нового порядка», будут стремиться таким же путем еще больше укрепить свои позиции. В сентябре 1971 г. председатель совета партии НУ К. Х. Дахлан был смещен с поста министра религии, хотя эту должность традиционно занимал представитель этой партии. В декабре того же года состоялся съезд НУ. Печать сообщала о сильноном нажиме правящих кругов на руководство партии в преддверии съезда. Основным в повестке дня был вопрос об отношении НУ к упрощению партийной системы. На съезде среди делегатов и руководства партии значительно обострились разногласия. Четко выявилась оппозиция во главе с З. Е. Субханом. Он и его сторонники выступили за самостоятельность НУ, за проведение лидерами партии независимого курса. Они не поддержали выдвинутую накануне съезда идею «возрождения в партии духа 1926 г.», на деле означавшую отказ от политической работы и возвращение к «культурно-просветительной деятельности», характерной для НУ того периода. По существу, эта идея отвечала курсу на «деполитизацию» широких народных масс, принятому «новым порядком» после выборов. Из-за больших разногласий съезд не пришел к единому мнению относительно изменения политической структуры общества. Было также принято решение продолжать политическую деятельность партии. Прозвучавшая на съезде критика в адрес «нового порядка», а также итоги выборов руководящих органов партии, в частности избрание Субхана в руководство НУ, вызвали недовольство военных. Была активизирована деятельность по расколу НУ, окончившаяся тем, что лидер оппозиции Субхан²⁶ и его сторонники вскоре после съезда были исключены из партии.

Так постепенно «новый порядок», преодолевая сопротивление партий, шаг за шагом отвоевывал у них одну позицию за другой и ставил их в такие условия, когда им не оставалось ничего другого, как подчиниться его нажиму. Властям в тот период нужно было лишь принципиальное согласие партий на изменение политической структуры общества. Выдвигавшиеся в ходе дискуссии оговорки и условия они рассчитывали преодолеть при обсуждении законопроекта в парламенте, поскольку располагали там подавляющим большинством голосов. Поэтому, когда в декабре 1971 г. X съезд Католической партии обсудил

²⁵ ИПКИ и Мурба также были включены в состав этой фракции, но мест в парламенте они не получили.

²⁶ В январе 1972 г. Субхан погиб в автомобильной катастрофе при невыясненных обстоятельствах.

вопрос об изменении политической структуры, его инициатива получила одобрение «нового порядка», несмотря на то, что большинство делегатов высказалось против такой реформы. «Angkatan Bersenjata» призвала в тот период все партии провести такие съезды до того, «как парламент приступит к обсуждению подобного законопроекта»²⁷.

Летом и осенью 1972 г. из провинций начали поступать известия о слиянии местных отделений партий в союзы, подобные фракциям в парламенте. Желая создать впечатление, будто инициатива идет снизу, военные власти принуждали руководителей местных отделений подписывать заявления о слиянии. Объяснялось это тем, что администрация на местах чувствовала себя более прочно, не играла в дипломатию, а сразу приступала к выполнению отданных сверху приказов. В качестве обоснования данного мероприятия выдвигался тезис о необходимости «деполитизации» общественной жизни в сельской местности. Военные активно использовали также Голкар для реализации планов изменения политической структуры общества. Он был связующим звеном между армией и сторонниками «нового порядка» среди гражданского населения. Численное превосходство представителей Голкар и армии в местных органах власти означало, что на заседаниях автоматически принимались нужные им решения, которые потом выдавались за пожелания населения. Голкар предполагалось выдвинуть как инициатора реформы, с тем чтобы он выступил в качестве силы, способной создать новую политическую структуру²⁸.

Некоторые лидеры партий, в частности председатель ПСИИ Ибрагим, протестовали против давления извне на местные отделения. Ибрагим потребовал даже наказания тех лиц, которые пошли на слияние с другими партиями, поскольку никаких указаний им на этот счет не было. Его действия были расценены как прямой бунт против политики «нового порядка». В отношении виновника были приняты строгие меры. В декабре 1972 г. группа молодых членов партии объявила себя «комитетом спасения ПСИИ» и захватила здание секретариата партии. В опубликованном заявлении лидеры «комитета» отказались признать руководство партии во главе с Ибрагимом, поскольку оно шло не в ногу с развитием обстановки. Председатель ПСИИ обвинялся в том, что он выступает против партийной реформы, хотя этого требуют интересы государства. Вскоре было сформировано новое руководство партии.

Партийную реформу как часть общего процесса изменения политической структуры общества намечено было провести накануне выборов 1977 года. Однако события 1972 г. ускорили ее проведение. 1 октября 1972 г. ВНКК сложил свои полномочия. Состоялись организационные заседания членов нового конгресса. Фракции Голкар и военных получили 80% мест, что свидетельствовало о дальнейшем укреплении их позиций и ослаблении влияния политических партий. В конгресс был передан на рассмотрение проект документа «Об основных направлениях государственного курса Индонезии», подлежащий утверждению. В этом документе нашел отражение и план изменения политической структуры страны. При обсуждении проекта депутаты от фракций военных и Голкар настояли на том, чтобы оставить в нем данный план, утвердить его на сессии конгресса, а затем поставить вопрос о политических партиях в парламенте. Они были уверены, что, имея в нем большинство, смогут провести нужный им закон. Лидеры партий, в свою очередь, понимали, что не в их интересах дожидаться решения, что лучше пойти на слияние по «своей» воле и на «своих» условиях. Как раз в это время произошел инцидент в ПСИИ. Отстранение Ибрагима от руководства явилось

²⁷ «Angkatan Bersenjata», 14.XII.1971.

²⁸ «Dasar-dasar pemikiran tentang Akselerasi Modernisasi Pembangunan 25 Tahun», p. 97.

строгим предупреждением лидерам других партий, что «новый порядок» не потерпит никаких отклонений от выработанного им курса, тем более попытки идти против его политики. Все это и ускорило принятие партийной реформы.

На заседании руководителей мусульманских партий 5 января 1973 г. было объявлено о создании Партии единства и развития (ПЕР). В ПЕР вошли четыре мусульманские партии — НУ, Пармуси, ПСИИ и ПЕРТИ. В совместном заявлении указывалось, что партии объединяют свою политическую деятельность в рамках единой организации, в то время как каждая из них сохраняет самостоятельность при ведении культурно-просветительной и религиозной работы среди населения. Было решено создать специальный орган для подготовки устава и документа об организационной структуре объединенной партии. Председателем ее стал лидер Нахдатул Улама И. Халид. Для многих это событие явилось неожиданностью. По-видимому, этот вопрос даже не был согласован с руководством партий, поскольку один из лидеров НУ заявил, что «он и его коллеги узнали об этом из газет».

По взаимной договоренности лидеры вошедших в ПЕР партий ограничили ее возможности в области изменения состава парламентской фракции и при формировании ее руководящих органов на местах. Вплоть до будущих выборов замена депутатов в центре и на местах могла осуществляться руководством ПЕР только при согласовании с партией, к которой тот или иной депутат принадлежал. В ее руководящих органах до I организационного съезда должны быть представлены все партии, подписавшие заявление о слиянии. При такой постановке вопроса укреплялась самостоятельность лидеров бывших партий. Они получали возможность продолжать работу среди населения в рамках «социальной» деятельности и критиковать «новый порядок» в законодательных органах, не опасаясь, что сторонники военных в Центральном руководстве ПЕР лишат их депутатских полномочий.

Однако очень скоро практика показала, что военные не намерены считаться с этими условиями. Так, после раскола ПСИИ и смены ее руководства только что созданная Партия единства и развития направила письмо за подписью члена правления ПЕР Минтареджа в парламент с просьбой отозвать двух депутатов ПСИИ из Совета народных представителей (СНП) и одного из НКК, являвшихся сторонниками бывшего председателя Ибрагима. Несмотря на решительный протест провинциального руководства ПСИИ, в котором говорилось, что «ПЕР не имеет права отзывать этих трех депутатов, поскольку они избраны народом на выборах и только руководство партии, членами которой они являются, может сделать это»²⁹, решение о замене их другими людьми было принято и утверждено президентом Сухарто.

После создания ПЕР перед партиями фракции «демократия и развитие» не оставалось иного пути, как последовать примеру мусульман. 10 января 1973 г. видные деятели НПИ М. Иснаени и С. Суковати объявили о создании Демократической партии Индонезии (ДПИ). Ее председателем был избран Иснаени. В качестве идеологической основы партии избирались принципы Панча сила. Так, накануне сессии НКК в марте 1973 г. в Индонезии были образованы две федерации политических партий. Поэтому ни для кого не было неожиданностью, когда было объявлено, что в выборах в 1977 г. будут участвовать только эти две федерации и Голкар.

«Новый порядок» на первом этапе деятельности вновь созданных партий даже способствовал их становлению. Администрация на местах оказывала помощь миссиям ДПИ, направленным в различные районы

²⁹ «Abadi», 3.III.1973.

страны для налаживания работы низовых организаций. Однако, несмотря на подталкивание, этот процесс продолжает идти крайне медленно. По словам Иснаени, спустя больше года со дня основания ДПИ из 281 районного отделения партии было создано только 195³⁰. При образовании федераций сообщалось, что все члены их проведут съезды, на которых объявят о самороспуске и объединении в рамках ПЕР и ДПИ. Однако спустя три года ни одна партия, кроме ИПКИ, не сделала этого. Руководящий совет Католической партии, например, принял решение, что «все руководящие органы партии будут функционировать вплоть до I Национального съезда Демократической партии Индонезии»³¹.

В декабре 1974 г. проект закона о политических партиях и Голкар, о котором столько говорилось, был, наконец, передан в парламент для обсуждения. Власти надеялись, что обстановка в стране в целом после подавления январских антиправительственных выступлений 1974 г. будет способствовать его скорейшему утверждению. В случае одобрения законопроекта было бы закреплено ведущее положение военных, которые таким образом усиливали свои позиции как главной политической силы страны. Положения проекта ограничивали возможности партий по ведению работы в массах, ставили их под полный контроль властей. Им запрещалось иметь свои организации в сельской местности, чиновники, желавшие вступить в партии, должны были заручиться письменным разрешением «компетентного должностного лица». Президент получал право «замораживать» деятельность партий и Голкар, если их работа шла вразрез с положениями закона. Отдельные положения проекта были прямо направлены против мусульманской оппозиции, против попыток усилить позиции ПЕР. Проект запрещал всякую идеологию в стране, кроме принципов Панча сила, что лишало мусульман возможности выдвинуть исламское учение в качестве идеологической концепции партии. Рекомендовалось также принимать в партии только лиц, умеющих читать и писать на базе латинского алфавита, тогда как в мусульманских школах обучение ведется на основе арабского шрифта.

Длившаяся восемь месяцев дебаты в парламенте опрокинули планы «нового порядка» на быстрое утверждение внесенного проекта. В отличие от фракций Голкар и вооруженных сил представители партийных фракций выступили с резкой критикой его положений. Для обсуждения законопроекта была образована специальная комиссия из 46 членов парламента: 26 — от фракции Голкар, 9 — от фракции ПЕР, 7 — от фракции вооруженных сил и 4 — от фракции ДПИ. Члены этой комиссии, по сообщениям печати, работали очень интенсивно, но тем не менее возникла опасность переноса обсуждения проекта на следующий (1975/76) год работы парламента, который начинается в Индонезии 17 августа, а это ставило под угрозу утверждение законопроекта о выборах. Кроме того, на готовившихся 15—17 августа 1975 г. торжествах по случаю 30-летия независимости Индонезии предполагалось продемонстрировать единство политических сил страны. Этим частично объясняется тот факт, что власти не пошли на открытое голосование по данному проекту, хотя, несомненно, собрали бы большинство голосов. Для них важнее было добиться одобрения проекта путем «общего согласия».

14 августа 1975 г. проект был одобрен. «Общее согласие» было достигнуто с помощью чрезвычайных мер: встречи президента с руководителями партий, проведения специального заседания Совета политической стабилизации, установления крайнего срока принятия законопроекта и т. д. Властям удалось, за некоторым исключением, отстоять свои позиции по основным положениям проекта. В связи с этим мусульман-

³⁰ «Angkatan Bersenjata», 7.III.1974.

³¹ «Kompas», 2.III.1973.

ская фракция выступила с «нотой меньшинства», в которой, в частности, выразила несогласие с правом президента «замораживать» деятельность руководства партии. Этим своим шагом она свела на нет факт одобрения проекта путем «общего согласия».

Принятие закона о политических партиях и Голкар подвело итог реформе партийной структуры Индонезии, длившейся почти 10 лет. Уже в течение многих лет политические партии в Индонезии переживают идейно-политический и организационный кризис. Ни одна из них не имеет своей программы, в которой были бы изложены цели, задачи партии, ее доктрина. Поражение партий на выборах 1971 г. объясняется не только нажимом на них со стороны военных, но и отсутствием у них программы действий. Партийные лидеры не могли предложить избирателям ничего, за что они стали бы бороться, несмотря на насилие и угрозы. Газета «*Angkatan Bersenjata*» отмечала: «Они (партии.— Ю. А.) испытывают трудности в разработке своих доктрин, которые явились бы цементирующим материалом для их внутреннего единства, чтобы они были в состоянии работать и бороться... Наши партии недавно пережили сильное «политическое и психологическое потрясение». Процесс слияния, несмотря на то, что он был одобрен партийными лидерами, по-видимому, произошел «очень быстро». Не было проведено необходимой всесторонней подготовки. Это привело к тому, что партии после слияния не могут выполнять должным образом свои функции...»³².

Массовые антиправительственные выступления в конце 1973 — начале 1974 г., в которых только в Джакарте приняли участие сотни тысяч человек, показали, что в индонезийском обществе ширится недовольство антидемократическими методами правления страной. Это недовольство распространяется и на лидеров политических партий, известных своим пресмыкательством перед военными. Все больше людей приходит к выводу, что линия партийных руководителей в конечном итоге ведет к полному падению их авторитета и роли партий в целом. У них нет идеологической основы, опираясь на которую они могли бы привлечь новых членов в свои ряды. Более того, от них уходят даже те, кто в течение многих лет был их верным сторонником. «*Harian Kami*» в дни годовщины образования НПИ отмечала: «Сейчас в Национальной партии мало активистов, которые заботятся о престиже партии. Большинство членов думает о том, как им получить посты в руководстве ДПИ. Они теряют веру в принципы, которым недавно поклонялись»³³. Очень многие члены НПИ отождествляли мархаенизм — идеологию партии — с политическими взглядами Сукарно. После его смерти в партии начался кризис веры в мархаенизм. Положение еще больше ухудшилось, когда приверженность к мархаенизму стала мешать партии в поисках своего места в политической жизни страны. В отличие от мусульманских партий, которые могли действовать в сфере образования и религии, проводить свою линию и вербовать сторонников, у НПИ такой возможности не было.

Однако сами военные все больше приходят к выводу, что такое положение, когда партии не играют больше никакой роли в обществе «и как бы мертвы для общественности, хотя их существование необходимо»³⁴, чревато серьезными последствиями. Внутренние проблемы, с которыми сталкивается индонезийское общество, вынуждают его искать пути для защиты своих интересов. Видя полную зависимость Голкар от воли военных, бездеятельность партий и их лидеров, а также профессиональных и общественных организаций, народные массы понимают, что им неоткуда ждать поддержки своих требований. Поэтому в кри-

³² «*Angkatan Bersenjata*», 25.IX.1973.

³³ «*Harian Kami*», 6.VII.1973.

³⁴ «*Kompas*», 10.IX.1973.

зисных ситуациях по всей стране стихийно возникают различные общественные и политические организации, оппозиционные режиму. Во время волнений 1973—1974 гг. были созданы такие союзы, как «Индонезия — для индонезийцев», «Комитет борьбы против роскоши», «Молодое поколение оппозиционеров»³⁵ и др.

В это же время в печати появились сообщения о движении за создание новой партии, «которая пригласит народ принять полное участие в определении политики страны. Это значит, что Индонезией не будет управлять только небольшая группа правителей». Инициаторы движения призывали провести в стране «коренные политические реформы», поскольку, по их словам, политическая структура в Индонезии ничем не отличается от прежней³⁶. Это встревожило «новый порядок», который, конечно, не был заинтересован в появлении новой партии. В случае ее образования оказались бы напрасными многолетние усилия, затраченные им на проведение партийной реформы. Новая партия могла бы объединить в своих рядах многих недовольных и превратиться в серьезную оппозиционную силу. Властям достаточно хлопот доставляет тот факт, что оппозиция использует каждый удобный случай, чтобы подчеркнуть, как недемократично обошлись они с партиями. Во время встреч и консультаций с лидерами Голкар, ДПИ и ПЕР последним было предложено активизировать свою работу. Было принято решение выделять каждой партии ежемесячно с апреля 1974 г. денежное пособие в размере 2500 тыс. рупий и помочь ДПИ и ПЕР провести организационные съезды, которые они долгое время не могли созвать из-за внутренних разногласий. Однако ощутимых результатов эти меры пока не принесли.

С принятием закона о политических партиях и Голкар была завершена реорганизация политической структуры индонезийского общества в интересах «нового порядка». Центральная законодательная и исполнительная власть в стране оказалась сосредоточенной в руках небольшого круга лиц из армейской верхушки. Задача военных облегчалась тем, что уже на первом этапе становления нового режима они нанесли удар по левым силам, убрали с политической арены Коммунистическую партию Индонезии. Обвинив коммунистов в участии в событиях 30 сентября 1965 г., правые силы обрушили на КПИ подготовленный заранее террористический удар. В результате только осенью 1965 г. и весной 1966 г. погибли сотни тысяч индонезийских патриотов, в том числе большинство руководителей компартии. 12 марта 1966 г. был издан декрет о роспуске и запрещении КПИ и примыкавших к ней организаций. Партия перешла на нелегальное положение.

В последующие годы индонезийские коммунисты в своих программных документах «За правильный путь индонезийской революции», «Насущные задачи коммунистического движения в Индонезии» и др. дали критическую оценку деятельности руководства КПИ в годы «направляемой демократии» Сукарно. Они выступают против псевдореволюционных установок маоистов, противоречащих интересам развития революционного движения в Индонезии и не учитывающих действительных национальных устремлений индонезийского народа. Своей насущной задачей КПИ считает создание в стране широкого демократического фронта национального единства. Политическое развитие в Индонезии в ближайшие годы будет во многом зависеть от того, насколько левым демократическим силам удастся сплотить свои ряды, чтобы вместе бороться за демократизацию режима.

³⁵ «Fakta dan latar belakang Peristiwa 15 January». Djakarta. 1974, p. 120.

³⁶ «Abadi», 24.XII.1973.

АГРЕССИЯ ИТАЛИИ В ЭФИОПИИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В. А. Трофимов

Последние годы ознаменовались важными событиями в жизни народов Эфиопии. Свергнут феодально-монархический режим, и предприняты шаги по пути глубоких антифеодальных, антиимпериалистических и антикапиталистических преобразований. Национализация группы промышленных предприятий и установление государственного контроля над рядом предприятий, национализация земли и начало проведения в жизнь аграрной реформы, осуществление важных социальных мер в интересах трудящихся (законодательное введение 8-часового рабочего дня, ежегодных оплачиваемых отпусков) — все это свидетельствует о том, что в жизни народов этой древней африканской страны произошли крупные прогрессивные изменения, сущность которых состоит в стремлении к ликвидации отсталости во всех областях жизни — в экономике, политической системе, социально-классовых отношениях. Сегодня, когда прогрессивные силы Эфиопии ведут напряженную борьбу за преодоление отсталости страны и нищеты широких масс населения, встает вопрос о причинах этих явлений. Среди целого комплекса причин одной из наиболее существенных является колониалистская политика империалистических держав в отношении Эфиопии.

С этой точки зрения представляется важным исследование итальянской политики в отношении Эфиопии в 30-х годах XX в., особенно социально-экономических и политических последствий агрессии фашистской Италии против Эфиопии для обеих стран. Советские историки начали изучать итальянскую политику, в первую очередь ее международно-дипломатические аспекты, буквально по следам событий¹. Строжайшая цензура, введенная фашистскими колониальными властями на всякую информацию из Восточной Африки и существовавшая с 1935 по 1941 г., лишала возможности получить достаточно полное представление об итальянской политике в Эфиопии. Только после окончания второй мировой войны эфиопским правительством были изданы публикации, содержавшие некоторые документы о политике Италии в Эфиопии во второй половине 30-х годов². Затем в 40—50-х годах на страницах газеты «New Times and Ethiopia News» и журнала «Ethiopia Observer» публиковались документы и свидетельства очевидцев, которые в наибольшей степени использованы Д. Р. Вобликовым³. Однако итальянская политика не была предметом его специального исследования. Между

¹ П. А. Лисовский. Война в Африке. М.-Л. 1935; его же. Итало-абиссинский конфликт. М.-Л. 1935; его же. Абиссинская авантюра итальянского фашизма. М.-Л. 1936; К. Н. Лукницкий. Итало-абиссинская война. «Абиссиния (Эфиопия)». М.-Л. 1936.

² «La civilisation de l'Italie fasciste en Ethiopie». Tt. I—II. Addis-Abeba. [S. a.]

³ Д. Р. Вобликов. Эфиопия в борьбе за сохранение независимости. М. 1961.

тем в 50-х — первой половине 70-х годов в Италии и Эфиопии появилось немало изданий, создающих основу для более глубокого анализа итальянской политики в Эфиопии и ее последствий для обеих стран. Среди этих изданий следует в первую очередь назвать работы и публикации А. Дель Бока, Э. Сантарелли, Дж. Роша, К. Дзаги, Р. Панкхерста⁴. Со второй половины 60-х годов возросло количество «трудов» неофашистских историков и политиков, которые пытаются обелить деяния итальянского фашизма вообще, его политику в отношении Эфиопии в частности. Они объявляют агрессивную войну итальянского фашизма против древней африканской страны чуть ли не благодеянием для ее народов и предметом гордости для Италии. Новые документы из Архива итальянского министерства иностранных дел и из Центрального государственного архива Италии, опубликованные в последние годы, помогают полнее раскрыть политику фашистских захватчиков в Эфиопии и показать несостоятельность утверждений неофашистских фальсификаторов.

Итальянский фашизм, по сути дела, возродил агрессивные, колониалистские устремления итальянских имущих классов в отношении Эфиопии, проявившиеся еще в конце XIX века. Тогда эти устремления были сорваны героической борьбой народов Эфиопии, которые в решающем сражении при Адуа в марте 1896 г. нанесли сокрушительный удар итальянским захватчикам. В первое время после захвата власти итальянские фашисты заявляли о своем намерении уважать независимость Эфиопии. В самом начале своей деятельности в качестве премьер-министра и министра иностранных дел Муссолини публично заявил в середине ноября 1922 г.: «Основой основ нашей политики в Восточной Африке остается поддержание строгой целостности Эфиопии». В инструкции послу Италии в Аддис-Абебе от 15 декабря 1922 г. говорилось: «Политика королевского правительства основывается на скрупулезном уважении целостности и независимости Эфиопии»⁵. В тогдашних условиях эта позиция была призвана предотвратить поползновения других империалистических держав в отношении Эфиопии, с тем чтобы сохранить ее в качестве объекта для будущей экспансии итальянского империализма. В то время правительство фашистской Италии не могло предпринять какие-либо реальные шаги по захвату Эфиопии, во-первых, потому, что считало главной задачей добиться от Англии и Франции выполнения условий статьи 13 Лондонского соглашения 1915 г. о колониальных компенсациях Италии, а во-вторых, потому, что в 1919 и 1922 гг. английское правительство совершенно недвусмысленно отклонило соответствующие домогательства итальянских «либеральных» правительств, рассчитывая укрепить в Эфиопии собственные позиции. Предпринимать же что-либо без согласия Англии (а тем более вопреки ей) фашистское правительство Италии просто не решалось.

⁴ A. Del Boca. La guerra d'Abissinia, 1935—1941. Milano. 1965; E. Santarelli. Storia del fascismo. Vol. I—III. Roma. 1973; e j u s d. Fascismo e neofascismo. Roma. 1974. Значительный интерес представляют документы, публикуемые прогрессивным итальянским историком Дж. Роша в исторических журналах и других изданиях. Среди них — G. Rochat. La missione Malladra e la responsabilità della preparazione militare in Africa Orientale nel 1926. «Il Risorgimento», Vol. XXII, 1970, № 3; e j u s d. Militari e politici nella preparazione della campagna d'Etiochia. Studio e documenti. Milano. 1971; e j u s d. Il colonialismo italiano. Torino. 1973; e j u s d. L'attentato a Graziani e la repressione italiana in Etiopia nel 1936—1937. «Italia contemporanea», № 118, gennaio—marzo 1975. См. также: C. Zaghì. L'Africa nella coscienza europea e l'imperialismo italiano. Napoli. 1973; R. Pankhurst. A Chapter in Ethiopia's Commercial History. Developments during the Fascist Occupation 1936—1941. «Ethiopia Observer», Vol. XIV, 1971, № 1; e j u s d. Economic Verdict on the Italian Occupation of Ethiopia 1936—1941. «Ethiopia Observer», Vol. XIV, № 1, 1971.

⁵ Documenti diplomatici italiani (далее — DDI). Ser. 7, Vol. I. Roma. 1953, № 222, p. 150; № 232, p. 156.

Убедившись в конце 1924 г., что британским правящим кругам не удастся самим добиться от Эфиопии выгодных для себя уступок и что в Лондоне заинтересованы в итальянской поддержке по ряду других международных проблем, итальянское правительство решило вновь поставить перед Англией «эфиопскую проблему»⁶. В конце июня — начале июля 1925 г. английские правящие круги сами предложили итальянскому правительству осуществить совместный нажим на Эфиопию⁷. В этих условиях Муссолини сформулировал две, как он считал, основные задачи итальянской политики по отношению к Эфиопии: 1) «подготовиться в военном и дипломатическом отношении к тому, чтобы воспользоваться возможным распадом Эфиопской империи»; 2) «в ожидании (этого.— В. Т.), насколько это возможно, молчаливо работать совместно с англичанами и усыплять абиссинский официальный мир»⁸.

Результатом совместной «с англичанами работы» явилось известное соглашение Муссолини — Грэхема (декабрь 1925 г.), эта типично империалистическая сделка двух держав, которые за спиной Эфиопии договорились об объединении усилий для получения выгодных концессий, а также о совместном нажиме на правительство этой страны. Содержание этого соглашения широко освещалось в советской литературе⁹. Фактически это соглашение санкционировало возобновление политической и экономической экспансионистской активности Италии в Эфиопии на новом историческом этапе. Соглашение вызвало недовольство в Эфиопии и протесты ее правительства. В ответ на это итальянские правящие круги принялись уверять руководителей Эфиопии в своих дружественных чувствах и отсутствии каких-либо агрессивных намерений¹⁰.

Одновременно летом 1926 г. для изучения «военных возможностей» и выработки предложений о лучшей подготовке Эритреи к войне против Эфиопии туда была направлена специальная военная миссия во главе с генералом Дж. Малладра. По ее материалам был подготовлен доклад, авторы которого предлагали осуществить ряд экстренных мер для подготовки Эритреи к возможной войне против Эфиопии, и в том числе выделение чрезвычайных средств на «военную организацию колонии» (строительство шоссейных и железных дорог, военных сооружений, складов и т. д.), создание широкой шпионской сети в Эфиопии, подготовку и направление в Эритрею 20 мобильных дивизий по 8 тыс. человек каждая, а также мобилизацию 30—40 тыс. эритрейцев. Доклад миссии Малладра обсуждался и получил одобрение в специально созданном межминистерском комитете, куда вошли представители министерства колоний и трех военных министерств¹¹.

Однако в то время предложения миссии Малладра не были реализованы. В вопросе о политическом курсе в отношении Эфиопии в 1926—1928 гг. возобладала точка зрения тех деятелей фашистской Италии, которые считали, что следует ориентироваться в основном на развитие дружественных отношений с центральной властью Эфиопии, чтобы мирным путем добиться утверждения политического влияния и экономических позиций Италии в этой стране. Конкретное средство, призванное обеспечить проникновение итальянского капитала и усиление итальянского влияния в Эфиопии, фашистские правящие круги видели в то время в заключении конвенции о строительстве шоссейной дороги между

⁶ См. DDI. Ser. 7, Vol. III. Roma. 1959, № 605, pp. 364—365.

⁷ G. P. Carocci. La politica estera dell'Italia fascista (1925—1928). Bari. 1969, pp. 48—49.

⁸ Из документов Центрального государственного архива Италии, опубликованных в журнале «Il Risorgimento», 1970, № 3, p. 148.

⁹ См., например, «Дипломатический словарь». Т. II. М. 1971, стр. 342; В. С. Ягья. Внешнеполитические факторы развития Эфиопии в новейшее время. «Вопросы истории», 1972, № 4, стр. 78.

¹⁰ DDI. Ser. 7, Vol. IV. Roma. 1962, № 267, p. 190; № 338, p. 246.

¹¹ «Il Risorgimento», 1970, № 3, pp. 139—141.

расположенным на Красном море городом Асэб (Эритрея) и эфиопским городом Дэссе. Руководители Эфиопии обусловили согласие на эту конвенцию вначале предоставлением Эфиопии выхода к морю и поставкой некоторых видов современного оружия, а затем подписанием договора о дружбе и добрососедстве между Италией и Эфиопией. Руководители фашистской Италии не могли отклонить подобное предложение, но постарались сделать все, чтобы на Италию этот договор налагал минимум обязательств. Главной же их целью было подписание дорожной конвенции. 2 августа 1928 г. договор и конвенция были подписаны. В соответствии с договором стороны взяли на себя обязательство «не совершать ни под каким предлогом никаких актов, способных нанести вред или ущерб независимости другой стороны».

В правящих кругах Италии не придавали большого значения договору о дружбе, для них гораздо важнее была дорожная конвенция. Как подчеркивалось в докладной записке министерства иностранных дел Муссолини, главное достоинство конвенции состояло в том, что она открывала возможность «нашего большего проникновения в империю (Эфиопскую.— В. Т.), не говоря уже о соображениях военного характера». Пресса, связанная с деловыми кругами, особое внимание обращала на экономическое значение дороги, предназначенной, как писала газета «Stampa», для того, чтобы сделать Эфиопию «прекрасным источником сырья» для итальянской промышленности. Вслед за подписанием договора и конвенции был создан специальный синдикат для строительства дороги, в который вложили свои капиталы банк «Кредито итальяно», ФИАТ и генуэзская компания «Марескалки». Итальянская сторона действовала энергично и напористо. Это проявилось, в частности, на встрече итальянской и эфиопской миссий, обсуждавших конкретные вопросы строительства дороги. По признанию посла Италии в Эфиопии Дж. Кора, поведение итальянской миссии «как по поводу выбора трассы на эфиопской территории, так и в связи с нашей будущей деятельностью за пределами эритрейских границ породило у абиссинцев подозрение, что мы намеревались вести себя как хозяева и у них дома»¹².

Настороженное отношение центральных властей Эфиопии побудило правящие круги Италии в 1929 г. существенно изменить свою тактику и сделать ставку на установление контактов с местными феодалами, подрыв центральной власти и откол от Эфиопии отдельных территорий, граничивших с итальянскими колониями. Однако консолидация центральной власти в феодальной Эфиопии в начале 30-х годов сорвала тактические расчеты колонизаторов. В этих условиях побуждаемые к тому же и острейшим экономическим кризисом правящие круги фашистской Италии, завершившие к тому времени поражение в Ливии, стали всерьез обсуждать вопрос о подготовке войны против Эфиопии. Соответствующие предложения делались как министерством иностранных дел, так и министерством колоний¹³. В конце 1932 г. тогдашний министр колоний Э. Де Боно высказал в письмах военному министру, министру военно-воздушных сил и губернатору Эритреи свои соображения относительно плана боевых действий Италии против Эфиопии¹⁴. В начале 1934 г. по указанию Муссолини военное министерство и генеральный штаб вооруженных сил Италии приступили к разработке плана войны.

30 декабря 1934 г. Муссолини, сосредоточивший к тому времени в своих руках руководство министерством иностранных дел и всеми

¹² G. Vedóvato. Studi africani e asiatici. Vol. I. Firenze. 1964, pp. 258—259, 263, 349.

¹³ См. R. Guariglia. Ricordi. 1922—1946. Napoli. 1950, pp. 763—773; G. Bianchi. Rivelazioni sul conflitto italo-etiopeico. Milano. 1967, pp. 125—131.

¹⁴ См. G. Rochat. Militari e politici nella preparazione della campagna d'Etiopia, pp. 277—293.

тремя военными министерствами (а с января 1935 г. также и министерством колоний), направил соответствующим должностным лицам секретный меморандум, содержащий директивы о форсированной подготовке войны против Эфиопии¹⁵. В нем определялись не только цель агрессии — «уничтожение абиссинских вооруженных сил и полное завоевание Эфиопии», но и способ ведения войны — внезапное, без предварительного объявления нападение, активные наступательные действия крупными силами с эритрейского и сомалийского фронтов, а также многие другие вопросы. До начала октября 1935 г. вся машина фашистского режима работала на полную мощность, подготавливая быстрый и тотальный разгром Эфиопии. В Италии шла активная мобилизация людских и материальных ресурсов, экономика перестраивалась на военный лад, раздувалась националистическая и шовинистическая пропаганда. Дипломатия была занята обеспечением благоприятных международных условий для предстоящей агрессии. В Эритрею и Сомали перебрасывались воинские части и вооружения всех видов.

3 октября 1935 г. войска фашистской Италии начали вторжение в Эфиопию, против которой были брошены итальянские войсковые соединения (около 140 тыс. человек), а также так называемые «туземные части» (свыше 80 тыс. человек), состоявшие в основном из на вербованных эритрейцев и сомалийцев, под командованием итальянских офицеров. Войска агрессоров имели, помимо современного индивидуального стрелкового оружия, около 6 тыс. пулеметов, 700 орудий, 170 самолетов, более 5,5 тыс. автомашин¹⁶. В дальнейшем происходило непрерывное наращивание сил, участвовавших в войне.

Несмотря на решающее превосходство в вооружении и усилия фашистских войск, агрессор не смог одержать победу в короткий срок. Народ Эфиопии оказал мужественное сопротивление захватчикам. Итальянские войска захватили столицу Эфиопии Аддис-Абебу и объявили о создании Восточноафриканской империи только в мае 1936 года. Этот акт, по замыслам итальянских фашистов, должен был означать официальное окончание войны¹⁷. Однако в действительности она продолжалась. Провозглашенная фашистами «империя» существовала только на бумаге: более $\frac{2}{3}$ территории Эфиопии оставались вне итальянского контроля. Фашистские войска продолжали военные действия, сначала преследуя цель оккупировать всю Эфиопию, а затем подавить массовое партизанское движение и многочисленные восстания патриотических сил, которые продолжали борьбу вплоть до полного освобождения страны в 1941 году. Все это время в Эфиопии не прекращалась вооруженная борьба. Общая численность войск фашистской Италии в Эфиопии (итальянские и «туземные» части), превышавшая в августе 1936 г. 300 тыс. человек и сократившаяся к началу 1938 г. до 200 тыс., в 1940 г. вновь достигла почти 300 тыс. человек. «Для итальянцев началась новая война, более трудная, более коварная, война засад и ловушек, в которой их преимущество в вооружении имело малое значение», — пишет итальянский исследователь о том периоде, который наступил после провозглашения аннексии Эфиопии¹⁸.

Коммунисты развернули активную работу против войны под лозунгом «Руки прочь от Абиссинии!». Антивоенная, антифашистская борьба итальянских коммунистов была частью той всемирной борьбы против фашистской агрессии в Эфиопии, которую организовало в то время международное коммунистическое движение. Коминтерн обратился ко всем

¹⁵ Ibid., pp. 376—379.

¹⁶ G. R o c h a t. Il colonialismo italiano, p. 139.

¹⁷ Ход военных действий на этом этапе достаточно подробно изложен в работах: Н. Г. Корсун. Итало-абиссинская война 1935—36 гг. М. 1939; Р. Ксиландер. Завоевание Абиссинии в 1935—36 гг. М. 1941; Д. Р. Вобликов. Указ. соч.

¹⁸ A. D e l V o c a. Op. cit., p. 218.

рабочим и их организациям, ко всем противникам войны и друзьям мира с призывом объединиться, чтобы изолировать и обуздать фашистского зачинщика войны. Во всем мире звучали призывы Коминтерна: «Ни единого поезда, ни единого судна для поддержки итальянской войны в Абиссинии! Окружим фашистских поджигателей войны железным кольцом изоляции! Руки прочь от абиссинского народа! Долой империалистическую войну!»²⁰.

Советский Союз, всегда последовательно проводивший политику мира, поддерживавший освободительную борьбу народов, выступил в защиту независимости Эфиопии, в поддержку мужественной борьбы народов этой страны против агрессии итальянского фашизма. Советские представители в Лиге Наций решительно разоблачали подготовку агрессии и бездействие Лиги Наций, активно боролись за применение санкций к агрессору и настаивали на единстве действий всех членов Лиги в вопросе о санкциях. Советское государство последовательно проводило в жизнь решение о санкциях по отношению к Италии и настаивало на неуклонном осуществлении их всеми государствами, добиваясь, чтобы наряду с экономическими против фашистской Италии были применены и военные санкции. СССР не признал аннексию Италией Эфиопии. Советский народ горячо сочувствовал героической борьбе народов Эфиопии против фашизма²¹.

Навязанная фашистами война принесла народам Эфиопии огромные людские и материальные потери. Погибло свыше 750 тыс. человек²². Материальный ущерб оценивался эфиопским правительством в 132,5 млн. ф. стерлингов²³. Фашистские агрессоры применяли варварские методы ведения войны, использовали оружие массового уничтожения, подвергали жестоким репрессиям гражданское население. Все это делалось по прямым указаниям из Рима, нередко исходившим лично от Муссолини. Уже в самом начале военных действий, 27 октября 1935 г., он разрешил командовавшему южным фронтом генералу Р. Грациани использовать газы, «чтобы сломить вражеское сопротивление, а также в случае контратаки». В декабре 1935 г. в телеграмме Муссолини маршалу П. Бадольо, который в то время командовал итальянскими войсками в Северо-Восточной Африке, говорилось: «Разрешаю вашему превосходительству применять, в том числе и в крупных масштабах, все виды газов и огнеметы». В январе 1936 г. Бадольо и Грациани получили разрешение использовать все существовавшие в то время виды оружия. В телеграмме на имя Бадольо говорилось: «Разрешаю вашему превосходительству применять все средства ведения войны, подчеркиваю: все, как с воздуха, так и на земле». Подобные «разрешения» воспринимались как директивы, и войсковое командование в полной мере ими руководствовалось. Буквально накануне вступления итальянских войск в Аддис-Абебу Муссолини дал 3 мая 1936 г. указание Бадольо о проведении массовых репрессий против населения Эфиопии: расстреливать «коллективно всех, захваченных в городе или в его окрестностях с оружием в руках, а также всех, кто в течение 24 часов не сдаст огнестрельное оружие и боеприпасы». Это распоряжение вскоре было дополнено еще одним, в котором прямо говорилось о проведении жестоких репрессий против гражданского населения. Телеграмма Муссолини от 8 июля 1936 г. новому вице-королю провозглашенной фашиста-

²⁰ «VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма (сборник документов)». М. 1975, стр. 408.

²¹ См. М. В. Райт. Советский Союз и борьба народов Эфиопии против итальянской агрессии. «Основные проблемы африканистики». М. 1973; Д. А. Макеев. Советско-эфиопские отношения в 20—30-е годы. «Народы Азии и Африки», 1975, № 5.

²² G. Rochat. Il colonialismo italiano, p. 185

²³ В. С. Ягья. Эфиопия в 1941—1954 гг. М. 1969, стр. 34.

ми Итальянской Восточной Африки Р. Грациани гласила: «Еще раз разрешаю вашему превосходительству начать и проводить систематически политику террора и массового истребления восставших и поддерживающего их населения»²⁴.

Массовые репрессии в отношении как военнопленных, так и гражданского населения, особенно зверские акции по истреблению людей в Эфиопии, буржуазные историки обычно связывают с именем Грациани, который, по их словам, действовал исключительно по собственной инициативе. Конечно, звериная сущность фашизма нашла в мрачной фигуре Грациани, в его действиях в Эфиопии (а незадолго перед тем и в Ливии) самое яркое проявление. Однако официальные документы показывают, что директивы о применении средств массового уничтожения и о массовых репрессиях против патриотических сил Эфиопии исходили от правителей фашистской Италии. Ответственность за произвол и репрессии против народов Эфиопии лежит, следовательно, на фашизме как строе, на всей правящей верхушке фашистского государства, в которую входил и чью волю исполнял Грациани.

Террор и репрессии против гражданского населения Эфиопии осуществлялись не с февраля 1937 г. (как это считалось прежде), когда было совершено покушение на Грациани, а уже с середины 1936 года. В ходе так называемой кампании по «умиротворению» фашистские каратели стирали с лица земли целые населенные пункты, безжалостно расстреливали пленных и гражданское население, физически уничтожали многих захваченных обманом или силой эфиопских военачальников, обрушивали на остатки регулярных войск массированные бомбардировки, применяли газы и отравляющие вещества. Имеются многочисленные документальные свидетельства организаторов и исполнителей подобных актов. Ограничимся лишь двумя. Генерал Г. Нази в очередном донесении в Аддис-Абебу сообщал 21 октября 1936 г. об «успешном» ходе операции по «прочесыванию»: «Десяток восставших расстрелян... Сожжены все абиссинские тукули (хижины)». Генерал Галлина доносил 30 октября 1936 г.: «Генерал Мариотти сообщил, что вчера, 29-го, он остановился в Балчи и сжег городок, в том числе жилища вождей... Расстреляны 28 восставших»²⁵.

Покушение на Грациани 19 февраля 1937 г. послужило поводом для усиления репрессий. При этом Грациани исходил из прямого распоряжения Муссолини, поступившего в Аддис-Абебу примерно за месяц до этого. Требуя сломить, наконец, сопротивление населения Шоа, Муссолини 15 января 1937 г. телеграфировал: «Это упорство можно сломить просто: усилить гарнизон Аддис-Абебы и всего района, а также выжечь огнем все ненадежные элементы без всякого исключения»²⁶. В день покушения на Грациани министр колоний А. Лессона телеграфировал ему: «Я уверен, что, прежде чем сможет распространиться возбуждение среди абиссинцев в связи с вестью о покушении в Аддис-Абебе, вы примете самые суровые меры, которые на месте окажутся необходимыми». 20 февраля Муссолини сообщал Грациани: «Оно (покушение.— В. Т.) должно знаменовать начало радикальной чистки, абсолютно необходимой, на мой взгляд, в Шоа». А 21 февраля фашистский диктатор дал следующее указание своему генерал-губернатору в Эфиопии: «Ни один из тех, кто уже задержан или будет арестован, не должен быть освобожден без моего приказа. Все гражданские и духовные лица,

²⁴ G. Rochat. Il colonialismo italiano, pp. 168, 169, 170.

²⁵ Документы, свидетельствующие о расправах с населением, см. в публикации: Governo generale AOI. Stato maggiore. «Il primo anno dell'impero». Addis Abeba. Vol. I. 1937; vol. II. 1938. Донесения Г. Нази и Галлина см. *ibid.*, vol. I. Allegati, pp. 144, 228.

²⁶ G. Rochat. L'attentato a Graziani e la repressione italiana in Etiopia nel 1936—1937, p. 14.

в какой-либо мере находящиеся под подозрением, должны быть расстреляны без промедлений»²⁷.

Как ни старались итальянские колонизаторы кровавыми расправами покорить население Эфиопии, сломить его волю к сопротивлению и предотвратить развертывание широкого освободительного народного движения, борьба народа продолжалась вплоть до полного освобождения страны. Характерно в этом отношении признание, сделанное П. Гадзером, одним из фашистских генералов, действовавших тогда в Эфиопии, который писал о «все затоплявшем приливе» массового движения восставших и поддерживавшего их населения. «Именно их натиском в большей мере, чем британцами и бельгийцами с их конголезцами, была сломлена наша воля к сопротивлению...»²⁸.

В 1936—1940 гг. итальянский фашизм попытался ликвидировать территориальную целостность Эфиопии, расчленив ее на четыре губернаторства — Амхара, Харэр, Галла и Сидамо, Шоа (до 1938 г. — Аддис-Абеба), которые были включены в новую административную единицу — «Итальянскую Восточную Африку» (ИВА). Само название «Эфиопия» сохранялось лишь как историческое понятие в связи с новым титулом итальянского короля, который стал именоваться еще и «императором Эфиопии». Установленная колонизаторами система прямого управления в центре и на местах была направлена на полную ликвидацию территориального и политического единства страны.

Одним из существенных аспектов политики итальянского фашизма в Эфиопии был расизм. После провозглашения ИВА расизм в Италии был поднят на уровень государственной политики. Его духом были проникнуты «Директивы фашистского правительства по поводу организации империи», направленные Грациани 5 августа 1936 г. министром колоний. Одна из центральных установок этих директив гласила: «Белая раса должна утвердить свое превосходство не только аксиоматически, но и практически». Для этого итальянской администрации предлагалось сделать так, чтобы белые «вели совершенно отдельную жизнь от жизни туземцев»²⁹.

Колониальная администрация активно проводила в жизнь политику расовой дискриминации и сегрегации в отношении коренного населения Эфиопии: «подданные» (в отличие от «граждан» — итальянцев) фактически лишались всяких политических и гражданских прав; итальянский язык был объявлен официальным языком ИВА, введены ограничения на пользование родными языками; началось наступление на национальную культуру народов Эфиопии, сократились возможности отправления культа; школьное образование для детей местного населения резко ограничивалось; коренному населению запрещалось проживать в тех кварталах, где жили итальянцы; законодательно не допускались браки между итальянцами и местными женщинами. Фашисты рассчитывали, что расистская политика в сочетании с массовыми репрессиями даст им возможность сломить волю и дух народов Эфиопии, выработает у них чувство неполноценности перед лицом представителей «высшей расы». Кроме этого, фашисты пытались натравливать друг на друга различные народности, населявшие Северо-Восточную Африку. Они возбуждали и разжигали вражду между эритрейцами и сомалийцами, с одной стороны, и амхара — с другой; между народностями галла и амхара, между мусульманами и христианами (специальными мерами поощрялась даже мусульманская религия, строились мечети и преследовалась христианская церковь).

Правитель фашистской Италии попытались наладить эксплуатацию сырьевых ресурсов Эфиопии, превратить ее в аграрно-сырьевой прида-

²⁷ G. Rochat. Il colonialismo italiano, pp. 199—200.

²⁸ P. Gazzera. Guerra senza speranza. Roma. 1952, p. 159.

²⁹ G. Rochat. Il colonialismo italiano, p. 189.

ток метрополии. Осуществить это предполагалось совместными усилиями государства и монополий. Уже в 1936 г. в Италии было создано 17 консорциумов, в которые вложили свой капитал около 800 итальянских частных и государственных компаний и банков (в том числе такие ведущие фирмы, как ФИАТ, Монтекатини, Эдисон и др.). Стремясь наладить эксплуатацию природных ресурсов Эфиопии, консорциумы сразу же столкнулись со сложной военно-политической обстановкой и отсутствием развитой системы дорог. Колонизаторы приступили к форсированному строительству шоссейных дорог, имея в виду создать, во-первых, условия для быстрой переброски войск в разные районы страны, а во-вторых, тот необходимый элемент инфраструктуры, без которого невозможно экономическая эксплуатация колонии. За 1936—1940 гг. было построено 17 крупных стратегических дорог протяженностью около 10 800 км и ряд дорог местного значения.

Однако оккупантам не удалось реализовать свои широко задуманные планы по разведке и добыче полезных ископаемых в интересах итальянского монополистического капитала и фашистского режима. Эксплуатация сельскохозяйственных ресурсов Эфиопии, вначале получив некоторое развитие, затем практически сошла на нет и в первую очередь из-за крайне неблагоприятного воздействия, которое оказали на традиционное местное хозяйство финансово-экономические мероприятия колониальной администрации. Уже летом 1936 г. итальянские власти запретили всякий перевод валюты из ИВА без разрешения колониальной администрации, специальными декретами поставили под контроль все экспортные операции и объявили лиру единственной «законной» валютой, приступив к изъятию из обращения эфиопской национальной денежной единицы — галера Марии Терезии. Затем колониальная администрация приняла меры, направленные на дискриминацию иностранных, в первую очередь английских, товаров: торговцам-иностранцам разрешалось ввозить только итальянские товары. С 1936 г. стали вытесняться из Эфиопии иностранные торговые компании. В 1937 г. были вынуждены прекратить торговую деятельность три основные торговые компании: англо-арабская, англо-французская и индийская³⁰.

Испытывая недостаток в иностранной валюте, фашистское правительство дало указание администрации ИВА установить более строгий контроль над экспортом. В начале 1938 г., чтобы увеличить поступление валюты, для экспортеров из ИВА был установлен коэффициент, который ставил в зависимость от экспорта в другие страны объем допустимого экспорта продукции в Италию. Чтобы выкачать золото у населения Эфиопии, итальянские власти монополизировали продажу соли населению, причем продавали ее только за золото. Операция «соль» продолжалась до тех пор, пока не была изъята основная масса золота, находившегося у населения Эфиопии. «Солевой бизнес» стал золотым дном для банков (в том числе для «Банка д'Италия»), занимавшихся обменом соли на золото, а также для крупных фашистских администраторов и дельцов, подвизавшихся в Эфиопии³¹.

Административный произвол в сфере экономики и финансов создал почву для процветания взяточничества, коррупции, воровства, которые охватили всю структуру колониальной власти и аппарата фашистской партии. Сменивший Грациани герцог Аоста говорил, что колониальное чиновничество на 50% состояло из людей бездарных и неумных, а на 25% — просто из воров³².

Наибольшие жертвы от экономического и финансового произвола колонизаторов понесли простые труженики Эфиопии, в первую очередь

³⁰ R. Pankhurst. A Chapter in Ethiopia's Commercial History, p. 53.

³¹ Ibid., p. 57.

³² G. Cianpo. 1937—1938. Diario. Bologna. 1948, p. 194.

крестьяне. Уже с лета 1936 г. крестьянина, привозившего продукцию в город, заставляли брать за нее бумажные лиры, которые не имели, в его представлении, никакой ценности. Сопrotивлявшихся этому подвергали тюремному заключению. Тогда крестьяне сначала сократили, а затем полностью прекратили подвоз сельскохозяйственных продуктов в города. С сельских жителей взимали самые различные налоги и поборы: с урожая, со скота, с дома или хижины. Кроме этого, губернские власти устанавливали дополнительные налоги. Производимую крестьянами продукцию зачастую скупали принудительно, а то и просто реквизировали.

Политика колонизаторов привела к резкому сокращению производства, подрыву сложившейся системы хозяйственных связей и полной дезорганизации экономики Эфиопии. Все это обусловило резкое сокращение объема эфиопского экспорта — с 28 497 т в 1935 г. до 480 т в 1939 году. Экспорт кофе, достигавший в 1935 г. 15 822 т, к 1940 г. совершенно прекратился. Экспорт шкур и кож упал в те же годы с 7954 т до 48 тонн³³. В целом итальянская политика в Эфиопии в 1935—1940 гг. представляла собой колониализм в самых отвратительных его проявлениях. Установленный фашистскими агрессорами режим нанес колоссальный материальный и моральный ущерб народам Эфиопии.

Итальянская агрессия способствовала консервации феодальных отношений, затормозила социально-экономическое развитие страны. После ее освобождения официальная эфиопская пропаганда всячески раздувала роль императора, который, находясь в эмиграции, своей дипломатической деятельностью способствовал мобилизации мирового общественного мнения и организации сопротивления итало-фашистской оккупации внутри страны. В представлении значительных масс населения (особенно отсталых слоев) фигура императора превращалась в олицетворение национальной независимости Эфиопии. В свою очередь, император и связанные с ним феодалы стремились использовать подъем национально-патриотических чувств трудящихся масс Эфиопии в ходе антифашистской освободительной борьбы для упрочения своих классовых и политических позиций. Играя на чувствах масс, монархия и связанная с ней феодальная верхушка старались обеспечить «общенациональное сплочение» вокруг «героя-императора», с тем чтобы помешать развитию прогрессивных движений, развертыванию классовой борьбы в стране и тем самым консервировать архаичные феодальные отношения. Таким образом, косвенно италофашистская агрессия сыграла роль фактора, как бы давшего эфиопской феодальной монархии второе дыхание.

Агрессия в Эфиопии имела многообразные последствия и для самой Италии. Не имея возможности раскрывать их достаточно подробно в рамках настоящей статьи; назовем лишь некоторые. Война против Эфиопии, как и последовавшие за ней другие авантюры итальянских фашистов, дорого обошлась народу Италии, который заплатил за них сотнями тысяч человеческих жизней, неисчислимыми материальными жертвами. Подготовка войны, ее ход, захват Аддис-Абебы и провозглашение империи сопровождалось разгулом национализма, шовинизма и расизма, нагнетаемыми пропагандистской машиной, что способствовало некоторому временному политическому укреплению фашистского режима, росту его престижа. Война содействовала и усилению государственного регулирования экономического развития, начавшегося уже в годы мирового экономического кризиса. Агрессия против Эфиопии и связанная с этим необходимость форсирования военного производства и материального обеспечения войны, чрезвычайно сложного в связи с удаленностью и масштабами театра военных действий, слабостью сырьевой базы метрополии, напряженностью итальянской финансовой

³³ R. Pankhurst. A Chapter in Ethiopia's Commercial History, pp. 64, 66.

системы, потребовали дальнейшей централизации и сосредоточения в руках государства ряда отраслей экономики и крупных финансовых средств, стимулировали усиление развития государственно-монополистических процессов. Фашизм стремился и в дальнейшем усиливать милитаризацию итальянской экономики. С этим и было связано осуществление политики автаркии, основным содержанием которой была поддержка и поощрение тех отраслей промышленности, которые имели военно-экономическое значение. Такая политика предполагала ограничение выгодных и необходимых для страны экономических связей, осуществление явно нерентабельных и неперспективных капиталовложений, которые зачастую были связаны с самым настоящим расточительством национальных богатств, игнорированием нужд и интересов невоенных отраслей экономики.

Диалектика развития капитализма в Италии в 30-е годы была такова, что, складываясь под значительным воздействием агрессивной колониальной войны, итальянский государственно-монополистический капитализм стягивал страну в новые авантюры. В этих условиях происходило все более тесное переплетение силы фашистского государства и могущества монополий в интересах крупного капитала и правившей фашистской верхушки.

Агрессия против Эфиопии привела к колоссальному росту военных расходов, которые составили в 1934—1935 гг. 811 млн. лир, в 1935—1936 гг.— 10 500 млн., а в 1936—1937 гг.— 13 144 млн. лир³⁴. В результате общий объем военных расходов Италии вырос с 25 млрд. лир в 1931—1932 гг. до 43,5 млрд. лир в 1936—1937 годах³⁵. Увеличение объема военных заказов крупнейшим промышленным и судостроительным компаниям, расширение объема операций судоходных компаний привели к колоссальному росту их прибылей. Военные расходы серьезно подорвали финансы Италии. Произошло резкое сокращение золотых запасов государственного банка Италии: с 12,5 млрд. лир в 1933 г. до 5,7 млрд. лир в конце 1935 года. В 1936 г. этот процесс продолжался. В стране росла инфляция: количество денег, находившихся в обращении, выросло с конца 1934 г. по конец 1935 г. с 13,1 млрд. лир до 16,3 млрд. лир³⁶. Дефицит государственного бюджета в 1935/36 г. удвоился по сравнению с 1933/34 г. (с 6,4 млрд. лир до 12,7 млрд. лир), а в 1936/37 г. достиг суммы в 16,2 млрд. лир³⁷.

Характерной чертой экономической эволюции Италии в рассматриваемый период было усиление территориальной неравномерности экономического развития. Разрыв в экономическом уровне между Севером и Югом продолжал углубляться, поскольку промышленное развитие почти не коснулось Юга. По данным на 1937—1938 гг., на долю Юга приходилось 10,7% общего количества промышленных предприятий с числом работающих свыше 500 человек и 11,6% предприятий с числом работающих от 101 до 500³⁸. Фашизм, расходовавший миллиарды лир на снаряжение колониальных экспедиций в Ливию и Эфиопию, громко заявлявший миру о том, что он «несет цивилизацию» народам этих стран, ничего не делал для прогресса южных районов Италии. Интересы отсталых районов Юга он приносил в жертву колониальным устремлениям итальянского империализма.

Колониальная война и сопровождавшие ее военные расходы покрывались правительством Муссолини за счет наступления на жизненный

³⁴ Fr. Catalano. L'economica italiana di guerra. La politica economica finanziaria del fascismo dalla guerra d'Etiopia alla caduta del regime. 1935—1943. Milano. 1969, p. 10.

³⁵ G. Rochat. Il colonialismo italiano, p. 140.

³⁶ C. Zagni. Op. cit., p. 460; Fr. Catalano. Op. cit., p. 14.

³⁷ Fr. Catalano. Op. cit., p. 35.

³⁸ R. Romeo. Breve storia della grande industria in Italia. Roma. 1967, p. 189.

уровень трудящихся. Индекс реальной заработной платы в промышленности быстро падал — со 124,2 единицы в 1934 г. (1913 г. = 100) до 117,8 в 1935 г., со 108,8 в 1936 г. и до 103,8 единицы в 1937 году³⁹. По некоторым данным, реальная заработная плата в стране сократилась с 1934 по 1938 г. примерно на 24%⁴⁰. Резко возросли разного рода поборы с населения. Налоговые поступления в 1937—1938 гг. увеличились по сравнению с 1933—1934 гг. на 50%⁴¹.

Одним из следствий провозглашения «империи» в результате агрессии фашизма против Эфиопии было резкое усиление в Италии пропаганды расизма и распространение антисемитизма. Став на путь захватнических войн и столкнувшись с решительным сопротивлением африканских народов, фашисты занялись «расовым воспитанием» собственного народа. Но развернутая с этой целью проповедь расизма, презрения и ненависти к народам колоний, находящимся за многие сотни, а то и тысячи километров от Италии, не давала нужных Муссолини результатов. Тогда был найден «внутренний национальный враг», борьба против которого должна была способствовать идеологической обработке итальянского народа.

Война против Эфиопии положила начало новой внешнеполитической ориентации фашистской Италии. Подвергшись осуждению за агрессию против Эфиопии в Лиге Наций, а также экономическим санкциям, итальянский фашизм стал искать новых союзников. Усилилось его сближение с гитлеровским режимом, чему способствовали как общность политических устремлений, так и определенные экономические интересы Италии. Гитлеровскую Германию и фашистскую Италию объединяли также антидемократизм и антикоммунизм их идеологии и политического строя, антисоветизм внешнеполитического курса. Дальнейшая история германо-итальянского союза — это история агрессивного сообщничества против демократии, свободы и независимости многих народов Европы: испанского, австрийского, албанского, греческого, французского, народов Чехословакии, Советского Союза и других. Основные этапы этого пути достаточно обстоятельно изложены в нашей литературе⁴². У истоков этого империалистического союза лежала агрессивная колониальная война итальянского фашизма против Эфиопии.

³⁹ С. Z a g h i. Op. cit., p. 463.

⁴⁰ J. L. M i è g e. L'imperialisme colonial italien. P. 1968, p. 278.

⁴¹ Г. С. Ф и л а т о в. Крах итальянского фашизма. М. 1973, стр. 56.

⁴² См. «История Италии». Т. 3. М. 1971; Г. С. Ф и л а т о в. Указ. соч.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС И РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ США

Г. П. Куропятник

Как известно, на возникновение революционной ситуации в английских колониях в Северной Америке накануне войны за независимость огромное влияние оказали факторы, связанные с аграрной проблемой. Однако основное внимание исследователей этого периода до последнего времени уделялось действиям горожан. «Молчаливые» фермеры, составлявшие тогда более 90—95% населения колоний, оставались в тени.

Проблема революционной ситуации в ее марксистской постановке, естественно, не поднималась в американской буржуазной историографии. Однако ряд исследований¹ посвящен фермерским выступлениям накануне войны за независимость. Эти работы представляют известную ценность собранным в них фактическим материалом. В то же время их авторы затушевывают имущественную дифференциацию среди фермеров (особенно на западных землях), классовый характер борьбы и т. д.

Определенное внимание выступлениям фермеров в колониальный период истории США уделил Г. Аптекер². У. З. Фостер выдвинул чрезвычайно важное положение о том, что «основное... влияние на ход революции оказывали мелкие фермеры, составлявшие большинство населения... Они же составляли ядро вооруженных сил революции»³. В советской литературе наиболее детально фермерские восстания, как важный фактор демократического движения в колониях, в Северной и Южной Каролине, Нью-Йорке накануне войны за независимость освещены А. А. Фурсенко⁴.

Возникшее еще в XVII в. на Атлантическом побережье Северной Америки общество белых колонистов не испытывало на себе вековых наслоений предшествовавших эпох — ни рабовладельческой, ни феодальной формаций. Но правители Британской империи сознательно про-

¹ J. S. Bassett. The Regulators of North Carolina, 1765—1771. «The Annual Report of the American Historical Association for the Year 1894». Washington. 1895; J. Mark. Agrarian Conflicts in Colonial New York, 1711—1775. N. Y. 1940; L. N. Newcomer. Embattled Farmers: A Massachusetts Countryside in the American Revolution. N. Y. 1953; R. M. Brown. The South Carolina Regulators. Cambridge. 1963; R. D. Brown. Revolutionary Politics in Massachusetts: The Boston Committee of Correspondence and the Towns, 1772—1774. Cambridge. 1970; Ch. Jelison. Ethan Allen—Frontier Rebel. N. Y. 1969; R. H. Records. Land as a Basis for Economic and Social Discontent in Maine and Massachusetts to 1776. Chicago. 1947.

² Г. Аптекер. Колониальная эра. М. 1961, стр. 76—96; его же. Американская революция 1763—1783. М. 1962, стр. 322—330; его же. О классовом характере Американской революции. «Проблемы мира и социализма», 1975, № 7, стр. 78.

³ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1953, стр. 175.

⁴ А. А. Фурсенко. Фермерские выступления накануне войны за независимость США. «Новая и новейшая история», 1975, № 5, стр. 92. См. также: А. В. Ефимов. США: пути развития капитализма. М. 1969.

водили политику создания в колониях сильного правящего класса крупных землевладельцев и активно пытались насаждать феодальные порядки⁵. Стремление короны и лордов-собственников устроить жизнь в колониях по феодальной модели натолкнулось на упорное сопротивление прибывавших колонистов⁶ — «мелких буржуа и крестьян, бежавших от европейского феодализма с целью учредить чисто буржуазное общество»⁷. После некоторого ослабления гнета крупных землевладельцев в конце XVII в. уже со второй четверти XVIII в. во всех колониях — от Нью-Йорка на севере и до Каролины на юге — четко прослеживается процесс возрождения старых феодальных обязательств держателей земли в доменах лордов-собственников, которые в отличие от патриархальной практики XVII в. руководствовались стремлением использовать свои привилегии для получения наивысших прибылей от владений.

Возрастание гнета лордов-собственников в середине XVIII в. проявилось главным образом в строжайшем взыскании фиксированной ренты и недоимок по ней, в увеличении ее размера. Собственник-правитель большей части земель Северной Каролины лорд Грэнвилл именно в это время при помощи принудительных мер возобновил сбор податей с земледельцев. Только фиксированная рента к 1760-м годам приносила ему ежегодный доход, выражавшийся в огромной по тем временам сумме — 5 тыс. ф. стерлингов⁸. По сравнению с началом XVIII в. доход лордов Балтиморов от земель Мэриленда увеличился в 100 раз и составлял 30 тыс. ф. ст. в год к 1760 году⁹. С 1740 по 1771 г. поступления от феодальной ренты в Вирджинии увеличились вдвое¹⁰. К 1770 г. сбор фиксированной ренты и другие доходы от земли давали владельцу Пенсильвании более 30 тыс. ф. ст., то есть в 300 раз больше, чем Пенны получали в первой трети XVIII века. При этом задолженность пенсильванских фермеров лорду-собственнику только по выплате фиксированной ренты составляла в 1770-е годы огромную сумму в 118,5 тыс. ф. стерлингов¹¹. Таким образом, в середине XVIII в. в большинстве североамериканских колоний Англии резко возросло притеснение и ограбление широких масс тружеников земли¹².

Другим важным источником тревог для основной массы колонистов явилось образование крупного землевладения на новой, нефеодальной

⁵ Подробнее см.: А. С. Самойло. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. М. 1963; Г. П. Куропятник. Борьба за землю в колониальный период истории США (XVII — начало XVIII в.). «Вопросы истории», 1974, № 8.

⁶ В течение 1690—1770 гг. население колоний увеличилось более чем в 10 раз: с 210 тыс. до 2 148 тыс. человек («Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1957». Washington, 1961, p. 756).

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 39, стр. 128.

⁸ R. Berthoff and J. M. Murrin. Feudalism, Communalism and the Yeoman Freeholder: The American Revolution Considered as a Social Accident. «Essays on the American Revolution». Ed. by S. G. Kurtz and G. H. Hutson. Chapel Hill, 1973, p. 268.

⁹ Ibid., p. 267, note 27; R. Hoffman. A Spirit of Dissention: Economics, Politics and the Revolution in Maryland. Baltimore, 1973, p. 45; см. также: Ch. A. Barker. The Background of the Revolution in Maryland. New Haven, 1940, pp. 143—144, 148.

¹⁰ M. Harris. Origin of the Land Tenure System in the United States. Ames, 1953, p. 329.

¹¹ W. R. Shepherd. History of Proprietary Government in Pennsylvania. N. Y. 1896, p. 88; см. также: R. Berthoff and J. M. Murrin. Op. cit., p. 268. В Северной Америке только один слой общества — лорды-собственники, при помощи насильственных методов возродившие или укрепившие в своих доменах феодальные формы эксплуатации труда, получали доходы, сопоставимые с доходами 400 богатейших семейств самой могучей и самой богатой капиталистической державы того времени — Англии. Средний годовой доход последних составлял 6 тыс. ф. стерлингов. Прибыли самых крупных британских торговцев намного уступали доходам американских лордов (см. R. Berthoff and J. M. Murrin. Op. cit., p. 267, note 27.)

¹² О феодальной реакции в Северной Америке в середине XVIII в. подробнее см.: Г. П. Куропятник. Феодальная рента в североамериканских колониях Англии XVII—XVIII вв. (К вопросу о предпосылках первой американской буржуазной революции). «Американский ежегодник. 1975». М. 1975.

основе. Огромные площади приобретались дельцами и земельными спекулянтами с целью перепродажи в дальнейшем мелкими участками. К середине XVIII в. проекты получения земель для спекуляции приняли такие огромные размеры, что они оказались уже не по плечу отдельным лицам и для их осуществления стали организовываться земельные компании — Огайская (200 тыс. акров), Лояльная (800 тыс. акров) и около 30 других, несколько меньших размеров¹³. Семилетняя война 1756—1763 гг. прервала бум земельной спекуляции и начавшееся продвижение переселенцев на Запад. После окончания войны и подавления восстания индейцев 1763 г., которым руководил Понтиак, движение на Запад возобновилось с еще большим напором и в еще более широких масштабах¹⁴. Наступившая после войны экономическая депрессия заставила многих вернувшихся с фронта ветеранов, освободившихся законтрактованных работников и бедствовавших ремесленников и мастеровых стремиться к переселению за горы в поисках земли и нового места для жилья.

Тогда же увеличилось число земельных компаний, которые в своих петициях королю о земельных пожалованиях испрашивали теперь не тысячи, а миллионы акров. Их взоры устремились на территории, простиравшиеся от Аппалачей до Великих озер и р. Миссисипи. Наиболее ожесточенное соперничество развернулось вокруг земель долины р. Огайо¹⁵. В успехе ряда земельных компаний были лично заинтересованы многие видные колонисты, сыгравшие впоследствии выдающуюся роль в войне за независимость, — Б. Франклин, Т. Джефферсон, Дж. Вашингтон, П. Генри, Т. Ли и другие. Существовавшие земельные компании (Огайская и др.) направляли в Лондон ходатайства королю с просьбой утвердить их новые земельные притязания. В то же время создавались новые земельные компании, стремившиеся успеть к дележу земельных богатств Запада. Среди них выделялась компания Миссисипи, состоявшая из крупных плантаторов и земельных спекулянтов Вирджинии и Мэриленда. Наиболее влиятельными участниками этой компании являлись семейства Вашингтонов и Ли, Ад. Стефена и Т. Буллитта. В планы компании входило присвоение массива в 2,5 млн. акров, расположенного при слиянии рек Огайо и Миссисипи¹⁶.

Десятки тысяч колонистов, стремившихся обзавестись землей на Западе, были готовы двинуться на только что отвоеванные у Франции земли. Среди них выделялась большая группа ветеранов Семилетней войны из полка Вашингтона, которым земля была обещана в качестве вознаграждения за боевую службу. Они ждали от властей выполнения данного им обещания. Один из офицеров, Дж. Мэрсер, писал Дж. Вашингтону: «Мы не остановимся ни перед чем, чтобы обеспечить эти земли за нами» Еще в ходе Семилетней войны губернатор Вирджинии Ф. Фокуайер сообщал в Лондон, что колонисты испытывают огромное желание поселиться на плодородных участках, отвоеванных у французов. В конце войны он снова обратил внимание английского правительства на то, что «вопрос о предоставлении земель в долине р. Огайо с каждым днем приобретает все большее значение»¹⁷. Однако надежды

¹³ S. Livermore. *Early American Land Companies*. N. Y. 1939, pp. 75—81.

¹⁴ См. H. Peckham. *Pontiac Uprising*. N. Y. 1961; J. R. Alden. *A History of the American Revolution*. N. Y. 1969, pp. 111—115.

¹⁵ G. O. Virtue. *British Land Policy and the American Revolution*. Lincoln. 1953, p. 3.

¹⁶ J. M. Sosin. *Whitehall and the Wilderness: The Middle West in British Colonial Policy, 1760—1775*. Lincoln. 1961, pp. 136—137; «Documents Relating to the Mississippi Land Company, 1763—1774». Ed. by C. E. Carter. «The American Historical Review», Vol. XVI, 1911, № 1, pp. 311—319.

¹⁷ J. M. Sosin. *Op. cit.*, p. 44, note 32.

колонистов и земельных дельцов не оправдались. Королевская прокламация 1763 г. запрещала им занимать и осваивать земли за чертой Аппалачских гор. Всем, кто ранее умышленно или непреднамеренно занял там земли, предписывалось немедленно их освободить.

Из-за усиления гнета лендлордов, послевоенной депрессии и закрытия Англией «отдушины» — возможности переселения на Запад — положение мелких фермеров и арендаторов резко ухудшилось, что привело к обострению классово-борьбы между ними и крупными земельными магнатами. Волна фермерских восстаний и бунтов охватила, по сути дела, все колонии — от Нью-Йорка до Южной Каролины. В Пенсильвании земельный голод, увеличение податей в пользу лорда-собственника, полнейшее игнорирование господствовавшей верхушкой требований фермеров о справедливом размежевании земли, об уменьшении налогов, о представительстве в ассамблее, а также о принятии мер по защите поселений от набегов индейцев и др.¹⁸ привели к взрыву негодования поселенцев и массовому организованному выступлению. В 1763 г. на местах создавались отряды из мелких фермеров и арендаторов, которые именовали себя «парни из Пэкстона» (так назывался округ, ставший центром восстания). Прежде всего их ярость обратилась против индейцев, защищавших свою землю от нашествия иноземцев. Белые колонисты дважды нападали на поселение индейцев и учинили над ними кровавую расправу, вырезав всех до одного. В конце января 1764 г. вооруженный двухтысячный отряд фермеров двинулся маршем на столицу Пенсильвании — Филадельфию, приведя в ужас колониальные власти. Напуганные правители, не располагая достаточными вооруженными силами, пообещали рассмотреть требования «парней из Пэкстона», которые поверили им и разошлись по своим фермам. Обещания так и не были выполнены, и волнения среди земледельцев северо-западной части Пенсильвании продолжались вплоть до провозглашения независимости. Время от времени «парни из Пэкстона» блокировали английские форты¹⁹. Губернатор Дж. Пенн не раз посылал против них карательные отряды. Опасаясь, что провинциальное войско «не удастся заставить энергично действовать против своих друзей, соседей и родственников», он просил главнокомандующего английской армией генерала Т. Гэйджа направить в Пенсильванию королевских солдат.

Выступления фермеров носили стихийный характер и не были связаны друг с другом. Уже одно это обрекало их на поражение. Неудачные попытки получить в собственность обрабатываемую ими землю подталкивали фермеров к уходу на земли Запада. Но там путь им преграждали регулярные королевские войска, численность которых впервые в условиях мирного времени достигла такого большого количества (10 тыс. солдат)²⁰. Английский главнокомандующий получил строжайший приказ о неукоснительном выполнении прокламации 1763 года.

Содержание войск за океаном требовало огромных средств, а задолженность английского казначейства за годы Семилетней войны возросла с 73 до 137 млн. ф. стерлингов. Только на уплату годовых процентов по этому долгу требовалось 5 млн. ф. стерлингов²¹. И тем

¹⁸ «American Colonial Documents». Ed. by M. Jensen (далее — ACD). L. 1955. Doc. № 98, pp. 640—642; Doc. № 96B, pp. 614—617.

¹⁹ ACD, Doc. № 96A, pp. 609—613; Th. Gage — H. S. Conway, 6 May, 1766. «The Correspondence of General Thomas Gage with the Secretaries of State, and with the War Office and the Treasury, 1763—1775». Ed. by C. E. Carter. 2 vols. New Haven. 1969. (далее — «The Correspondence of Gage»). Vol. I, p. 91.

²⁰ Lord Halifax — S. Amherst, 11 October, 1763. «The Correspondence of Gage». Vol. II, p. 2; Е. В. Тарле. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX века). М.-Л. 1965, стр. 235.

²¹ Th. Gage — Th. Whately, 7 November, 1764. «The Correspondence of Gage». Vol. II, p. 246; J. M. S. O s i n. Op. cit., p. 82.

не менее Англия оставила свои войска в Америке. Поиски источников для пополнения казны привели к установлению в американских портах с апреля 1763 г. строжайшего контроля над сбором таможенных пошлин. В помощь королевским таможенникам в американские воды было направлено много дополнительных кораблей²². Доходы сразу же увеличились, но этого было далеко не достаточно. Тогда английское правительство решило переложить содержание королевских войск в Америке на колонии. Колонисты, прибывшие в Америку с целью получить землю, должны были нести расходы по содержанию королевских войск, которые препятствовали им занимать земли на Западе.

В дальнейшем английский парламент, не ограничиваясь квартирным актом, впервые за всю историю колоний перешел к прямому налогообложению путем так называемого гербового сбора²³, поступления от которого предназначались для содержания английских войск. Основные их силы были дислоцированы на обширной территории — от р. Св. Лаврентия до р. Миссисипи вдоль линии, определенной прокламацией 1763 г., а также несли гарнизонную службу в фортах. Известие о введении гербового сбора с 1 ноября 1765 г. дошло до колоний еще в середине 1765 г. и вызвало в наиболее крупных по тем временам городах (5—14 тыс. человек) довольно широкое движение протеста. Его инициаторами выступили представители торговой буржуазии, а на Юге и плантаторы.

В ходе этого движения возникло общество «Сыны свободы», которое начало вести агитацию против принудительных мероприятий метрополии. Центром движения был Массачусетс и его столица Бостон. Здесь под руководством адвоката С. Адамса «Сыны свободы» устраивали вышительные митинги и демонстрации. Толпы горожан громили помещения, предназначенные для сбора гербовой пошлины, сжигали доставленную из Англии гербовую бумагу. С. Адамс придавал большое значение позиции мелких фермеров, считая их важной «силой всякого общества», и вел целенаправленную пропаганду в сельской местности. В одном из тогдашних памфлетов фермеры предупреждали, что английский парламент, принявший закон о гербовом сборе, вполне может ввести налог и на землю («на солнечный свет, на воздух, которым мы дышим, на землю, в которую мы ляжем»). В борьбе против британских притеснений С. Адамс и его сподвижники из «Сынов свободы» рассчитывали в основном на поддержку «двух уважаемых сословий — ремесленников и хлебопашцев». «Стойкое патриотическое движение» городских тружеников и мелких фермеров, говорил С. Адамс, «призвано стать избавителем страны» от британского господства²⁴.

Многие губернаторы оказались не в состоянии собственными силами справиться с выступлениями горожан и запросили помощь от метрополии. Королевские войска из пограничной зоны и внутренних районов, недавно завоеванных у Франции, были направлены в бунтующие города. С просьбами о присылке войск обращались также местные власти и королевские уполномоченные из западных районов. Британские государственные мужи были в растерянности²⁵: посылать ли войска

²² Эти меры возмутили американских купцов, чьи прибыли сильно сократились. Однако купцы еще не осмелились обратиться за поддержкой к народу и продолжали исправно платить пошлину (N. R. Stout. Goals and Enforcement of British Colonial Policy, 1763—1775. «The American Neptune», Vol. 27, № 3, July 1967, pp. 213—215, 218).

²³ ACD, Docs. № 101, 102, pp. 655—658; Ф. Ф о н е р. История рабочего движения в США. Т. I. М. 1949, стр. 46, 48.

²⁴ J. C. Miller. Sam Adams — Pioneer in Propaganda. Boston. 1936, pp. 139, 302.

²⁵ Th. Gage — H. S. Conway, 10 August and 23 September, 1765. «The Correspondence of Gage». Vol. I, pp. 64—68; Th. Gage — H. S. Conway, 22 February, 1776. Ibid., p. 84; H. S. Conway — Th. Gage, 15 December, 1765, Ibid. Vol. II, p. 30.

на Восток или оставить их на Западе. Тем временем обстановка в колониях еще более осложнилась. Отзвуки протеста против гербового сбора с Востока докатились до самых отдаленных земледельческих поселений на Западе. И хотя ни гербовые марки, ни их распространители еще не проникли в эти районы, именно движение ремесленников, рабочих, лавочников и купцов против гербового сбора послужило стимулом к новым выступлениям фермерской бедноты против феодальных магнатов и земельных компаний, за «свободную землю». Там, где лордами-собственниками применялись наиболее крутые меры по возрождению и закреплению своих привилегий, сопротивление фермеров было наиболее яростным и упорным.

Эту закономерность можно проследить на примере фермерского движения в колониях Нью-Йорк, Южная и Северная Каролина, развернувшегося в середине 60-х годов XVIII века. В связи с этим центр народных волнений снова переместился из прибрежных городов, где антигербовые протесты к тому времени уже утихли, в фермерские районы, в которых власти особенно энергично применяли военную силу. Если в городах демонстрации и митинги заканчивались в этот период еще без человеческих жертв, то в сельской местности накал борьбы уже привел к применению оружия и кровавым сражениям. Сельские труженики колонии Нью-Йорк бросили вызов лендлордам, провозгласив «естественное право бедного на равное владение землей с богатым». Их действия были направлены прежде всего на отмену фиксированной ренты и арендных платежей лендлорду. Осенью 1765 г. арендаторы манора Филипса не только прекратили выплату ренты, но и приступили к захвату земель лендлорда. Их примеру последовали фермеры, арендовавшие участки в других манорах долины р. Гудзон. Судьи, верой и правдой служившие земельным магнатам, предписали шерифам согнать бунтовщиков с занятой ими земли. В ответ восставшие объявили обрабатываемые ими участки своей собственностью, свободной от взимания фиксированной ренты. В целях самозащиты они начали создавать боевые отряды поселенцев и по примеру горожан приняли имя «сынов свободы»²⁶. Во главе их стал арендатор У. Прендергаст.

К январю 1766 г. движение за «свободную землю» охватило все крупные маноры. По сохранившимся данным, только в двух округах (Пухкипси и Паулинг) насчитывалось более 2 тыс. вооруженных фермеров. Участники движения были объявлены властями опасными заговорщиками и «левеллерами»²⁷. После ареста трех повстанцев сельские «сыны свободы» двинулись на Нью-Йорк. Их появление на улицах города вызвало переполох у отцов города. Не доверяя местному ополчению, власти призвали на помощь королевский полк. В прокламации губернатора провинции фермерские предводители обвинялись в «государственной измене». Фермеры надеялись на поддержку городского общества «Сыны свободы». Но руководство в нем принадлежало консервативным купцам и зависимым от лендлордов адвокатам, которые не допустили образования единого фронта городских и сельских «сынов свободы». Не получившие помощи от горожан, фермерские отряды были рассеяны королевскими солдатами, а их вожаки заточены в тюрьму. Однако новые отряды сельских «сынов свободы», прибывшие в Нью-Йорк, сломили сопротивление тюремной стражи и королевских солдат,

²⁶ А. А. Фурсенко. Американская буржуазная революция XVIII в. М.-Л. 1960, стр. 48; J. Mark. Op. cit., p. 137; D. R. Dillon. The New York Triumvirate. N. Y. 1949, p. 166.

²⁷ H. M. Morais. The Struggle for American Freedom, 1607—1801. N. Y. 1944, p. 170; J. Mark, O. Handlin. Land Cases in Colonial New York, 1765—1767: the King v-s William Prendergast. «The New York University Law Quarterly Review», Vol. 19, № 2, January 1942, p. 167.

штурмом овладели тюрьмой и выпустили своих предводителей и других повстанцев на свободу²⁸.

Для усмирения нью-йоркских повстанцев генерал Гэйдж направил вызванный из Квебека 28-й полк в главные очаги восстания — округа Датчес и Олбани. Кровавые сражения между английскими батальонами и фермерскими отрядами завершились пленением руководителей восстания, в том числе и Прендергаста, а также рядовых бунтовщиков, над которыми состоялось более 60 судебных процессов. В речи на суде Прендергаст заявил о солидарности с нью-йоркскими «сынами свободы», хотя последние так и не помогли восставшим фермерам. Прендергаста приговорили к повешению и четвертованию, с тем чтобы части его тела были выставлены для устрашения фермеров в районах восстания. Этот зверский приговор вождю мелких арендаторов был вынесен судом, состоявшим из представителей крупных землевладельцев и земельных спекулянтов, и в том числе родственников того самого лендлорда Ливингстона, на земли которого покушались восставшие. Приговор Прендергасту подписал и один из лидеров городских «сынов свободы», адвокат Дж. М. Скотт, обслуживавший лендлордов и стремившийся получить поместье в районе скваттерского землепользования. Губернатор колонии, учитывая, что «народ в высшей степени охвачен мятежным духом», и опасаясь новых волнений, через несколько месяцев испросил согласие короля на помилование²⁹.

Но волнения продолжались, хотя движение, по-видимому, уже миновало свою высшую точку. Когда в маноры Ливингстона и Филипса снова прибыли английские батальоны, стычки между феодальными магнатами и арендаторами переросли в кровавую резню. Генерал Гэйдж приказал применить пушки против повстанцев, строивших баррикады и завалы, и беспощадно расстреливать на месте всякого, кто откроет огонь по королевским войскам. «Вы должны устроить им хорошую баню, — требовал генерал, — и бить их до тех пор, пока из этих «сынов свободы» не получатся лояльные граждане»³⁰. В летние месяцы 1766 г. английские солдаты преследовали повстанцев, прочесывая маноры, а сельские «сыны свободы», переходя к партизанским методам войны, непрерывно атаковали их в самых неожиданных местах. Английские солдаты, разъяренные атаками бунтовщиков, уничтожали фермы и урожай поселенцев³¹. Лишенные крова и средств существования, арендаторы и скваттеры стекались в отряды фермерских «сынов свободы». Среди них особой популярностью пользовался отряд скваттеров под водительством Р. Ноубла, приступивший к дележу земель среди поселенцев в маноре Ливингстона.

Стремясь выполнить волю лендлордов и в корне уничтожить угрозу их манорам, королевские войска вели войну против фермерских отря-

²⁸ S. Lynd. *Class Conflict, Slavery, and the U. S. Constitution*. Indianapolis. 1967, pp. 36, 66; Th. Gage — H. S. Conway, 24 June, 1766. «The Correspondence of Gage». Vol. I, p. 95; D. R. Dillon. *Op. cit.*, pp. 166—167; J. Mark, O. Handlin. *Op. cit.*, p. 167; H. M. Morais. *Op. cit.*, p. 170.

²⁹ Г. Аптекер. Колониальная эра, стр. 78; Th. Gage — H. S. Conway, 24 June, 1766; Th. Gage — The Duke of Richmond, 13 September, 1766. «The Correspondence of Gage». Vol. I, pp. 95, 99, 108, J. Mark, O. Handlin. *Op. cit.*, p. 166; H. M. Morais. *Op. cit.*, p. 170; M. Jensen. *Founding of a Nation*. N. Y. 1968, p. 32; J. Mark. *Op. cit.*, pp. 133, 145; J. Shy. *Towards Lexington*. Princeton. 1965, pp. 218, 357. Дж. М. Скотт — один из организаторов общества «Сыны свободы» в Нью-Йорке. Его витиеватые речи на митингах против гербового сбора снижали популярность и обеспечили ему руководящее положение в организации (см. T. C. Cochran. *New York in the Confederation: An Economic Study*. Philadelphia. 1932, p. 86; D. R. Dillon. *Op. cit.*, p. 167).

³⁰ Th. Gage — The Duke of Richmond, 26 August, 1766. «The Correspondence of Gage». Vol. I, p. 102; J. Shy. *Op. cit.*, p. 220.

³¹ Th. Gage — The Duke of Richmond, 26 August, 1766. «The Correspondence of Gage». Vol. I, p. 103.

дов на истощение и истребление. Они безжалостно сжигали хибарки скваттеров. Преследуя их, английские солдаты глубоко вклинивались в Массачусетс и Коннектикут и своими операциями против скваттеров и их семей вызвали неприязнь и гнев местных колонистов. Они вели себя «скорее как банда грабителей, чем войско английского короля», и население оккупированных ими районов «боялось находиться в своих домах или выходить на работу в поле»³². Отдельные очаги восстания продолжали вспыхивать вплоть до начала революции³³. И хотя с помощью английских войск земельным магнатам удалось сохранить свои владения и привилегии, восстание нью-йоркских арендаторов способствовало расширению борьбы поселенцев за землю в других колониях.

В 60-е годы XVIII в. особо ожесточенные формы приняли выступления фермеров Южной Каролины. Территория ее, принадлежавшая по королевской хартии лордам-собственникам, с самого начала осваивалась скваттерами. Лендлорды направляли в районы скваттерства отряды наемников, чинивших суд и расправу над земледельцами, отказывавшимися платить фиксированную ренту. Их поселения и поля подвергались опустошению. Нередко на них натравливали ближайшие индейские племена³⁴. Отчаявшиеся каролинские фермеры создали зимой 1766/67 г. «ассоциацию регуляторов» для защиты от лордов-собственников и против набегов индейцев. В петиции королевскому губернатору Ч. Монтэгю, под которой было собрано около 4 тыс. подписей «регуляторов», перечислялись их насущные нужды и требования: официальное освобождение от выплаты ренты и признание их владельцами обрабатываемой земли, предоставление таких же прав и такого же представительства в колониальной ассамблее, которыми обладали жители прибрежных районов, принятие мер по защите поселений от индейцев³⁵. В случае отклонения петиции «регуляторы» угрожали двинуться маршем на столицу Южной Каролины Чарлстон. В ответ власти арестовали лидеров «регуляторов». На подавление фермеров были направлены королевские солдаты и отряды колониальной милиции, в составе которой было немало наемников лордов³⁶.

Переброска части английских полков на Восток в связи с бунтами против гербового сбора и для подавления движения фермеров ослабила рассеянные по огромному пространству за Аппалачами королевские войска³⁷. Этим не преминули воспользоваться скваттеры и земельные компании. Как только было подавлено восстание Понтиака и уполномоченный Англии по делам индейцев в Америке У. Джонсон подписал с индейцами мир, через Аппалачи без чьего-либо разрешения двинулись «пионеры границы» из Пенсильвании, Мэриленда, Вирджинии и других провинций. Спорадическое до Семилетней войны продвижение отдельных групп колонистов превратилось теперь в грозную, сметающую все на своем пути лавину. Уже летом 1764 г. генерал Гэйдж посылал солдат для сгона скваттеров с земель в западных районах Южной Каролины и Джорджии. Но разбросанные по широкому пространству колоний английские войска были не в состоянии закрыть все пути, по которым переселенцы просачивались на Запад. В очередном сообщении штаба генерала Гэйджа в Лондон о положении в колониях

³² L. N. Newcomer. Op. cit., p. 23.

³³ J. Mark. Op. cit., pp. 136—137.

³⁴ R. M. Brown. Op. cit., pp. 13—17.

³⁵ ACD, Doc. № 95A, pp. 592—604.

³⁶ J. R. Alden. The South in the Revolution, 1763—1789. Baton Rouge. 1957, p. 151; W. Smith. South Carolina as a Royal Province, 1719—1776. N. Y. 1903, pp. 337—341.

³⁷ Th. Gage — H. S. Conway, 23 September, 1765. «The Correspondence of Gage». Vol. I, p. 68.

(в начале июня 1765 г.) указывалось на срочную необходимость установить контроль над фермерами в пограничных районах³⁸. Во второй половине 1760-х годов быстро заполнился людьми район Холстена (Северная Каролина). Рост населения в простиравшейся за горами части Вирджинии привел к образованию двух новых округов. Даже в долине к северу от р. Огайо, где запрет на занятие земли соблюдался особенно строго, в течение нескольких лет появилось 30 тыс. ферм, созданных скваттерами³⁹.

К концу лета 1765 г. донесения генерала Гэйджа и губернаторов колоний о массовых нарушениях скваттерами и земельными компаниями запрета 1763 г. не на шутку встревожили правящие круги Англии. Торговая палата Лондона осудила незаконное заселение западных земель и рекомендовала правительству предпринять срочные меры по «эвакуации скваттеров». В октябре 1765 г. Тайный совет при английском короле приказал губернаторам Вирджинии и Пенсильвании немедленно удалить фермеров-скваттеров, поселившихся на землях в долине р. Огайо. В депеше Гэйджу английский статс-секретарь по делам колоний выразил уверенность, что губернаторы и магистраты провинций окажут ему содействие в наказании «людей пограничья» за учиненные ими «скандальные беспорядки и для предотвращения таковых в будущем»⁴⁰.

В середине зимы 1766/67 г. начальник форта Питт передал скваттерам «совет» Гэйджа — не сеять кукурузу, так как если к весне они сами не уберутся подобру-поздорову, то «их выдворят вооруженной силой, а солдаты уничтожат хижины вместе с пожитками, засеянные поля и все остальное». И действительно, с приходом весны скваттеры выгнали из Редстоун Криика. Их убогие жилища и первые посевы были преданы огню и сровнены с землей. Колонистам пришлось подчиниться. Но в ноябре 1767 г. они вместе с новыми группами переселенцев вернулись на прежние места. В других районах, где дружины скваттеров оказывали вооруженное сопротивление, происходили кровавые столкновения, и победа не всегда доставалась солдатам Гэйджа. В долине р. Чиит скваттеры вместе с новой партией переселенцев (50 семейств из Вирджинии) сумели отбить все атаки и остались на захваченной земле⁴¹.

Именно здесь, на Западе, впервые обнаружилось бессилие колониальных властей и их карательных органов. Об этом убедительно свидетельствуют донесения Гэйджа в Лондон в 1765—1766 гг., в которых подчеркивалось, что неспособность властей наказать «распоясавшийся сброд» (так английский генерал называл фермеров-скваттеров) подбивает других поселенцев на «любые крайности». Попытки вооруженной силой закрыть доступ к землям Запада оказывались все менее и менее успешными. Это убедило Гэйджа в том, что «бразды правления (в колониях.— Г. К.) слишком слабы, чтобы добиться подчинения законам» и заставить колонистов соблюдать линию границы 1763 года⁴².

Ознакомившись с докладами гражданских и военных властей в Америке, новый статс-секретарь по делам колоний Англии лорд Шелбэрн

³⁸ Th. Gage — Halifax, 10 August, 1764; Th. Gage—Halifax, 8 June, 1765. «The Correspondence of Gage». Vol. I, pp. 34, 61.

³⁹ P. Marshall. Lord Hillsborough, Samuel Wharton and the Ohio Grant, 1769—1775. «The English Historical Review», Vol. 80, № 317, October 1965, pp. 717—739; G. O. Virtue. Op. cit., p. 33.

⁴⁰ H. S. Conway — Th. Gage, 24 October, 1765. «The Correspondence of Gage». Vol. II, p. 27.

⁴¹ Th. Gage — Shelburne, 29 April, 13 June, 24 August, 1767. Ibid. Vol. I, pp. 139, 142, 148.

⁴² Th. Gage — H. S. Conway, 6 May, 1766. Ibid., p. 91.

пришел к выводу о провале прокламации 1763 года. Наилучшим способом покрыть затраты на содержание английских войск в колониях Шелбэрн посчитал строжайший сбор фиксированной ренты и распродажу земель по наивысшей цене. Он полагал, что в течение нескольких лет эти поступления не только покроют расходы на содержание войск, но и создадут «американский фонд», средства которого могут быть использованы для других целей. Однако пустая казна Англии и размещенные в колониях войска не могли ждать, пока возрастут поступления от фиксированной ренты. В июне 1767 г. канцлер казначейства Ч. Тауншенд объявил о введении таможенных пошлин на ряд ввозимых в колонии товаров. Акты Тауншенда вызвали новую волну протестов⁴³.

В самый напряженный момент кампании бойкота против актов Тауншенда восстали фермеры Северной Каролины, где главные битвы, происходившие между ними и лендлордами в течение четверти века до революции, развернулись во владениях лорда Грэнвилла, охватывавших две трети территории этой колонии⁴⁴. Как и в других колониях, в основе расширявшегося здесь фермерского движения лежала борьба за свободу от всяких феодальных тягот землю. За недоимки по ренте и неуплату долгов в Северной Каролине началась экспроприация земли, жизненных средств, орудий производства, тягловой силы и ферм у непосредственных производителей и держателей земли. При распродаже фермерского имущества с молотка наивысшая оценка, как правило, не превышала $\frac{1}{10}$ их реальной стоимости. На этом наживались купцы, плантаторы, адвокаты (многие из них одновременно являлись земельными спекулянтами), шерифы и королевские чиновники. Сгон фермеров с земли принял массовый характер и побудил их к организованному сопротивлению⁴⁵.

Созданные здесь по образцу Южной Каролины «ассоциации регуляторов» потребовали уничтожения феодальной ренты, отмены долгов, выпуска бумажных денег, обложения налогом на более справедливой основе, пресечения мошенничества шерифов⁴⁶. Когда эти требования были отвергнуты, фермерские ассоциации перешли к более активным действиям. Они начали ловить судей, шерифов и сборщиков ренты и налогов, публично секли их розгами и выдворяли за пределы округа. С наиболее ненавистными угнетателями и мироедами обращались еще беспощаднее: пускали «красного петуха» на их имения и амбары. Королевский губернатор Северной Каролины У. Трайон несколько раз вводил войска в бунтующие районы. Когда ему удалось захватить фермерских предводителей и посадить их в тюрьму, вооруженные отряды «регуляторов» по примеру нью-йоркских бунтарей-фермеров штурмом взяли северокаролинскую тюрьму и освободили своих вожakov. Началась настоящая гражданская война, длившаяся более трех лет. Восстание удалось подавить только после того, как Трайон направил против фермеров наемное войско, собранное на средства лендлордов, купцов и плантаторов. Решающее сражение произошло 16 мая 1771 г. при Аламансе, близ Хиллсборо. Понеся тяжелые потери, отряды «регуляторов» потерпели поражение. Над ними учинили жестокую расправу: семь вожakov были казнены, многие заточены в тюрьмы⁴⁷.

⁴³ R. A. Humphreys. Lord Shelburne and the British Colonial Policy. «The English Historical Review», Vol. 50, № 198, April 1935, p. 260; Shelburne — Th. Gage. 13 September, 11 December, 1766. «The Correspondence of Gage». Vol. II, pp. 45, 49—50; «Documents of American History». Ed. by H. S. Commager. Vol. 1. N. Y. 1963, pp. 63—64

⁴⁴ Cm. D. E. Becker. Settlers in North Carolina, 1754—1763. Chapel Hill. 1971.

⁴⁵ «The Origin of the Regulation in North Carolina (Documents)». Ed. by A. Henderson. «The American Historical Review», Vol. 21, № 2, January 1916, pp. 325—331.

⁴⁶ ACD, Doc. № 95B, pp. 604—606.

⁴⁷ J. S. Bassett. Op. cit., pp. 197—205; ACD, Doc. № 95C, pp. 606—609.

Одновременно с началом восстания в Северной Каролине с удвоенной силой возобновились стычки скваттеров с королевскими войсками на Западе. В такой обстановке в правящих кругах Англии возобладали сторонники перевода войск с Запада и концентрации их в приатлантических провинциях. Занявший место Шелбэрна лорд Хиллсборо прежде всего блокировал выдачу любых новых земельных пожалований американским компаниям, что немедленно превратило богатых пайщиков — колониальных купцов, плантаторов и адвокатов — в ярых врагов метрополии. Новые инструкции подтвердили также строжайший запрет для американцев в любой форме обосновываться на землях Запада⁴⁸. Такая политика Англии в аграрном вопросе совершенно не учитывала реальную обстановку в Северной Америке. Вся история борьбы скваттеров и земельных компаний за «свободные земли» со всей ясностью указывала, что не приходится ожидать их покорности и бездействия. И скваттеры, и земельные компании угрожали применить силу для коренного изменения британской земельной политики на Западе. Это понял командующий королевскими войсками в Америке Гэйдж, который в апреле 1769 г. сделал весьма важный вывод: «Боюсь, что никогда не удастся удержать народ пограничного Запада в пределах, устанавливаемых линией границы»⁴⁹.

Проведение Англией жесткой земельной политики и непрекращавшаяся борьба фермеров за «свободную землю», против лордов-собственников и земельных компаний помогли радикальному крылу вигов и «Сынам свободы» привлечь на свою сторону фермеров центральных и западных районов. Бостонские «сыны свободы» во главе с С. Адамсом продолжали вести среди земледельцев широкую разъяснительную работу. Они указывали на реальную опасность введения тяжелых земельных налогов и взыскания непомерной ренты, угрожавших неизбежной конфискацией участков и «ужасным рабством». Помимо специальных брошюр и памфлетов, они использовали страницы «Boston Gazette» и «Country Journal» для информации сельского населения о борьбе горожан против новых ограничительных мер метрополии. В 1772 г. С. Адамс, обращаясь к фермерам, писал: «Поскольку английский парламент издал закон, который отбирает у нас все наши деньги, то не будет удивительным, если за этим последует захват наших земель или обложение их налогами и фиксированной рентой в пользу надменных и безжалостных лендлордов, которые будут благоденствовать, в то время как мы будем втоптаны в грязь»⁵⁰.

Пропагандистские усилия С. Адамса и его радикальных приверженцев способствовали пробуждению самосознания фермерских масс, их совместным с городским плебсом выступлениям в надвигающейся революционной буре. Именно фермерство помогло городским «сынам свободы» провести второй бойкот английских товаров в 1769—1770 гг., объявленный в знак протеста против актов Тауншенда. В ноябре 1772 г. на городском собрании Бостона по предложению С. Адамса был учрежден комитет по связям с населением провинции, который призвал всех недовольных политикой Англии в сельских округах (тауншип) Массачусетса и в других колониях основывать такие же комитеты и налаживать между ними постоянную связь. По призыву Бостона к лету 1773 г. подобные комитеты возникли в большинстве фермерских поселений Массачусетса. В течение 1773—1774 гг. такие органы были осно-

⁴⁸ ACD, Doc. № 118, pp. 704—707.

⁴⁹ Th. Gage — Hillsborough, 24 April, 1769. «The Correspondence of Gage». Vol. I, pp. 253—255.

⁵⁰ L. N. Newcomer. Op. cit., p. 30; N. M. Morais. Artisan Democracy and the American Revolution. «Science and Society», Vol. II, № 3, Summer 1942, p. 231; «The Writings of Samuel Adams». Ed. by H. A. Cushing. 4 vols. N. Y. 1968. Vol. II, pp. 350—359.

ваны и в других колониях. В работе провинциального комитета Вирджинии видную роль играли плантаторы П. Генри и Т. Джефферсон, заинтересованные в приобретении земель на Западе⁵¹. Многие фермерские комитеты по связям в своей переписке с Бостоном резко осуждали стремление Англии любым способом «лишить народ плодов его труда» и расквартировывать королевские войска «на самых плодородных землях». Бостонский комитет поддерживал постоянный контакт с комитетами в фермерских районах, запрашивал их мнение и советовался по важным вопросам. Лидер бостонского комитета С. Адамс называл земледельцев «нашими сельскими друзьями».

В начале 1770-х годов одновременно с борьбой скваттеров за «свободную землю», развернувшейся на Западе, острую форму приняли столкновения фермеров с феодальными землевладельцами в восточных и центральных районах. К этому времени уже второе поколение поселенцев Массачусетса и Нью-Гэмпшира обрабатывало земли, на которые вдруг заявили свои претензии нью-йоркские лендлорды. Для защиты своих прав фермеры объединились, вооружились и создали «клубы бунтовщиков». Волнения охватили весь Западный Массачусетс и Нью-Гэмпшир. Сначала этой обстановкой воспользовались земельные спекулянты. Нью-гэмпширские дельцы и их соперники из Нью-Йорка распродали одни и те же земли вокруг Зеленых гор еще до того, как получили на них королевскую санкцию. Между спекулянтами из Нью-Гэмпшира, взявшими свой куш от действительных поселенцев, и губернаторской камарильей Нью-Йорка, предоставившей 36 тыс. акров той же земли лендлордам и их адвокатам, возник жестокий спор, поскольку в обоих случаях речь шла об одних и тех же землях в юго-западной части теперешнего штата Вермонт⁵². Свою свару они вынесли на королевский суд в Лондоне⁵³. От всех этих дрызг пострадали действительные поселенцы из Нью-Гэмпшира, Массачусетса, Нью-Йорка и Коннектикута, которые полностью оплатили приобретенные ими участки нью-гэмпширским спекулянтам. Однако земельные магнаты Нью-Йорка, поддержанные губернатором, объявили их земельные покупки недействительными. Возмущение переселенцев сдерживалось только надеждами на справедливое разрешение спора в Лондоне и в колониальных судах.

Опасаясь повторения «великого восстания» фермеров 1766 г., лондонские министры были вынуждены одернуть зарвавшихся нью-йоркских лендлордов. Король приказал строго соблюдать приказы кабинета и прекратить какие-либо земельные пожалования в спорном районе⁵⁴. Однако нью-йоркские лорды-собственники игнорировали приказ короля. Под их давлением губернатор К. Коулден поспешно продал влиятельным лендлордам и адвокатам более полумиллиона акров земли в спорном районе⁵⁵. Конфликт перерос в открытую схватку между земельной аристократией и мелкими фермерами. На северо-востоке Новой Англии (в колониях Массачусетс и Нью-Гэмпшир) в ней приняли участие наряду с массаами поселенцев отстаивавшие их интересы выборные должностные лица. Когда феодальные магнаты Нью-Йорка

⁵¹ R. D. Brown. Op. cit., p. 189; ACD, Doc. № 133, Doc. № 133A, B, pp. 762—765; S. Adams — Ch. Thomson, 30 May, 1774. «The Writings of Samuel Adams». Vol. III, p. 123.

⁵² A. C. Ford. Colonial Precedents of Our National Land System. Madison. 1910, pp. 33—34.

⁵³ «The Documentary History of the State of New York». Ed. by E. B. O'Callaghan. 4 vols. Albany. 1850—1851 (далее — DHSNY). Vol. IV, pp. 348—352; 354—355.

⁵⁴ Governor of New York H. Moore—Shelburne, 9 and 10 June, 1767. Ibid., pp. 365—375; «Order of the King in Council of 24 July, 1767». Ibid., p. 376.

⁵⁵ В число приобретших землю входили лорды-собственники и обслуживающие их адвокаты: Уильям и Роберт Р. Ливингстоны, О. В. Кортланд, У. Смит, Д. М. Смит и др.

послали своих шерифов (которым еще в 1764 г. удалось захватить и арестовать официальных представителей Нью-Гэмпшира⁵⁶), чтобы согнать с земель действительных поселенцев, последним ничего не оставалось делать, как взяться за оружие. Во главе их отрядов, вошедших в историю Американской революции под названием «парни Зеленых гор», стал Э. Аллен. В его отряды стекались обездоленные арендаторы и фермеры из Нью-Йорка, а также Нью-Гэмпшира, Коннектикута, Массачусетса и других колоний Новой Англии.

Нью-йоркский губернатор безуспешно пытался заручиться поддержкой властей Нью-Гэмпшира. Направленные из Нью-Йорка для определения границ манора Де Лэнси землемеры были встречены вооруженными поселенцами Зеленых гор, и губернатор приказал их арестовать⁵⁷. Тем временем нью-йоркские лендлорды — они же земельные спекулянты — снова затеяли судебные тяжбы с целью выгнать поселенцев со спорных земель. Послушные судьи вынесли нужные лендлордам вердикты. На это предводитель поселенцев Аллен заявил, что «боги долин не являются богами холмов». Вокруг Зеленых гор началась партизанская война. С 1771 г. «парни Зеленых гор» отбивали атаки отрядов нью-йоркских шерифов. После двухлетней борьбы они фактически установили независимое правление, изгнав судебных и других королевских чиновников. Прокламации правителей Нью-Йорка об аресте руководителей бунта не возымели действия. Когда же Нью-Йорк попытался поставить своего управляющего в районе Зеленых гор, то резиденцию последнего спалили, а самого выдворили. Присланных из Нью-Йорка землемеров также выгнали, предварительно избив и отняв измерительные инструменты⁵⁸.

Летом 1771 г. в район восстания был направлен крупный карательный отряд. Но «парни Зеленых гор» обратили его в бегство. Это послужило началом массового крестьянского выступления против лордов-собственников и земельных спекулянтов. Его руководители использовали опыт «великого восстания» нью-йоркских арендаторов 1766 года. Повсюду, где появлялись «парни Зеленых гор», ликвидировалась власть королевских чиновников. Они освобождали фермеров, арестованных за неуплату долгов, возвращали им конфискованные земли, имущество, скот, сжигали судебные дела по задолженности земледельцев. Там и здесь пылали усадьбы приспешников лордов-собственников — адвокатов, шерифов, сборщиков ренты и т. п., которых выпроваживали в Нью-Йорк со словами: «Убирайтесь вон и жалуйтесь этому подлому негодяю — вашему губернатору. Будьте прокляты ваш губернатор, законы, король, совет и ассамблея»⁵⁹. Губернатор колонии Нью-Йорк Трайон ответил на это изданием прокламации о выдаче вознаграждения за поимку Э. Аллена и других руководителей бунта (по 20 ф. ст. за каждого)⁶⁰. Рапорты штаба генерала Гэйджа о широком размахе повстанческого движения побудили Лондон приказать Трайону добиться полюбовного урегулирования. Начавшиеся переговоры шли вокруг прекращения военных действий, а решение земельного вопроса передавалось на усмотрение короля⁶¹.

⁵⁶ DHSNY. Vol. IV, pp. 356—357.

⁵⁷ «Proclamation of New York Lieutenant-Governor C. Colden of 12 December, 1769». Ibid., pp. 379—380.

⁵⁸ Ibid., pp. 391, 394, 397—405, 406—411, 412—414, 433—435, 442, 456 etc; Ch. J e l l i s o n. Op. cit., pp. 39—60.

⁵⁹ DHSNY. Vol. IV, pp. 442—443, 446—455, 461—465, 472—473, 475.

⁶⁰ «Order in Council for the Arrest of Ethan Allen and Other Rioters, 27 November, 1771». Ibid., p. 456. В ответ «парни Зеленых гор» обнародовали свою прокламацию. За головы крупных землевладельцев Нью-Йорка они назначили меньшую премию — 10 и 15 ф. стерлингов.

⁶¹ «The Correspondence of Gage». Vol. I, pp. 274—277; «Report of the Committee of His Majesty's Council, 1 July, 1772». DHSNY. Vol. IV, p. 481.

Поселенцам, нуждавшимся в передышке, не удалось засеять поля и собрать урожай. Представители фермеров-бедняков не нашли общего языка с Трайоном, за год до этого потопившим в крови восстание южнокаролинских «регуляторов». В долинах Зеленых гор снова запылали очаги крестьянских восстаний. В ноябре 1772 г. Трайон обратился в Лондон за военной помощью и получил отказ. Нью-Йоркским лендлордам пришлось положиться на свои собственные силы. Усилив колониальное войско отрядами наемников, они весной 1773 г. направили его к Зеленым горам. Сотни поселенцев были выброшены с обрабатываемых участков, многих арестовали и отправили в тюрьмы. В августе 1773 г. на помощь повстанцам прибыли отряды «парней Зеленых гор», которые восстановили справедливость. Аллен заявил, что после таких действий лендлордов и нью-йоркских властей фермеры «ни в грош не ставят ни правительство, ни даже королевскую власть. Сила есть сила, в каких бы руках она ни находилась, а мы,— добавил Э. Аллен,— обладаем силой и властью, достаточными, чтобы защитить себя от любого насилия»⁶². Для повстанцев уже не существовало королевского губернатора и его аппарата. А местные власти не могли ничем подкрепить свои распоряжения и прокламации. Они снова обратились за содействием к английскому главнокомандующему, который отказал им в их просьбе, ссылаясь на то, что прибытие регулярных войск лишней раз продемонстрирует перед народом слабость нью-йоркского магистрата и может привести к «плохим последствиям». Трайон же, выступая рьяным защитником земельной аристократии, не шел ни на какие уступки. Отряды «парней Зеленых гор», почувствовав свою силу, продолжали борьбу против лендлордов, за «свободную от ренты землю»⁶³.

В ряде мест скваттеры сталкивались с представителями короля, наблюдавшими за сохранностью королевских лесов, предназначенных для строительства британского флота⁶⁴. И на Севере, и на Юге обычными стали нападения фермеров на сборщиков ренты и судебных исполнителей, взыскивавших недоимки, расправы с судьями и шерифами, а кое-где и поджоги имений ненавистных лендлордов. На это власти отвечали арестами, конфискацией имущества, сгоном с земли⁶⁵. Тревожные сообщения поступали отовсюду.

Такова была обстановка в Северной Америке в конце 1773 г., когда произошло знаменитое «Бостонское чаепитие». Сообщение об ответных английских репрессиях в конце марта 1774 г. пришло в то время, когда основная масса колонистов была возбуждена известием о новой земельной политике Англии, изложенной в королевской инструкции от 3 февраля 1774 года. Она предписывала местным властям проинвестировать в колониях обмер всех земельных участков размером от 1000 до 100 акров, пронумеровать их и отметить на карте. Выявленные при этом незанятые участки подлежали продаже с аукциона по наивысшей предложенной цене. Владелец купленного участка обязывался ежегодно выплачивать фиксированную ренту, сумма которой возрастала в 5 раз по сравнению с существовавшей и истребовалась теперь не в натуре, а в серебре, а также передавать короне не $\frac{1}{5}$

⁶² «The Bennington Mob Erect Their Judgment Seat». DHSNY. Vol. IV, p. 521.

⁶³ Ibid., pp. 494, 500—501, 511, 512, 518, 521. В Лондон Трайон жаловался на то, что «взбунтовавшаяся чернь» силой не позволяет лендлордам вступить во владение «законно принадлежащими» им землями. Он предлагал предоставить бунтовщикам участки по 30 акров где-нибудь на пустующих землях и даже соглашался на отсрочку по взысканию с них фиксированной ренты. Но спорные земли должны отойти только к лендлордам (W. Tryon — Lord Dartmouth, 1 July, 1773. Ibid., pp. 504—510).

⁶⁴ Ibid., pp. 383—389.

⁶⁵ H. A. Cushing. Political Activity of Massachusetts Towns during the Revolution. Washington. 1895, p. 108; «Diary and Autobiography of John Adams». Ed. by L. H. Butterfield. Vol. II. Cambridge. 1961, p. 35.

(как раньше), а все найденные на его участке благородные металлы и драгоценные камни⁶⁶. Все предыдущие распоряжения короны относительно размежевания и распределения земель отменялись. Аннулировалось еще кое-где применявшееся право каждого прибывшего в колонии за свой счет поселенца на подушный надел.

Но корона не только увеличила сумму фиксированной ренты с продававшихся на аукционе участков, но и ужесточила взыскание недоимок по ренте за предыдущие годы, что непосредственно задевало интересы подавляющего большинства колонистов — фермеров, скваттеров, арендаторов и плантаторов. Стремление правящих кругов Лондона пополнить казну за счет взыскания ренты и недоимок по ней глубоко всколыхнуло население и вызвало во всех колониях новую волну массовых протестов и фермерских волнений, угрожавших новым взрывом народного гнева. Это понял даже У. Трайон, ставший теперь губернатором колонии Нью-Йорк. «Осмелюсь заверить вас,— писал он в Лондон лорду Дартмауту,— что, по моему мнению, она (инструкция о продаже земли и взыскании ренты.— Г. К.) не может быть здесь применена»⁶⁷. Даже в Новой Англии, где институт фиксированной ренты вообще отсутствовал, появились опасения, что ее могут ввести⁶⁸.

Тем временем в Северную Америку были доставлены законы английского парламента против американских «смутьянов». В колониях их называли «невыносимыми». Формально они распространялись лишь на население г. Бостона и колонии Массачусетс⁶⁹. Бостонский порт был блокирован с моря, и в город вступили новые королевские полки. Запрещена была деятельность «Сынов свободы», комитетов по связям и других революционных организаций, отменены городские собрания. Вся полнота власти сосредоточилась в руках губернатора, которым стал генерал Гэйдж. Реальная угроза применения вооруженной силы всколыхнула все колонии. Фермеры Уорчестера заявили, что применение силы против бостонцев является «ударом, нацеленным через Бостон на все американские свободы»⁷⁰. Фермерские поселения и общины не только проводили собрания, но и поспешили на помощь бостонцам: из Квебека и Нью-Джерси прибыла пшеница, из колоний Новой Англии — мясо и рыба, из Южной Каролины — рис. Солидарность фермеров сыграла большую роль в поднятии духа осажденных бостонцев⁷¹.

При оценке создавшейся в 1774 г. политической обстановки комитет по связям Массачусетса учитывал позиции разных слоев общества, в том числе и заявления сельских комитетов по связям, о поддержке его действий. Решимость и готовность фермерских масс бороться за свои права убедили радикальных лидеров в Бостоне, что они могут положиться на поселенцев внутренних и западных районов. Уже в мае 1774 г. члены бостонского комитета пришли к выводу, что «действенное начало и мощь фермерства должны в конечном итоге спасти нашу страну»⁷². На установление в Бостоне диктатуры Гэйджа комитеты по связям и «Сыны свободы» ответили борьбой за свержение британских властей на местах. Изгнанные из Бостона, провинциальный комитет по связям и самая массовая народная организация — городское собрание продолжали функционировать за его пределами. Прокла-

⁶⁶ «Royal Instructions to British Colonial Governors, 1670—1776». Ed. by L. W. Labaree. N. Y. 1935, Vol. II, pp. 533—537.

⁶⁷ T. C. Cochran. Op. cit., p. 107.

⁶⁸ G. O. Virtue. Op. cit., p. 40, note 37.

⁶⁹ «Documents of American History». Vol. I, pp. 71—74.

⁷⁰ Г. Аптекер. Американская революция 1763—1783, стр. 101.

⁷¹ «The Correspondence of Gage». Vol. I, pp. 357, 361.

⁷² S. Adams — Ch. Thomson, 30 May, 1774, «The Writings of Samuel Adams». Vol. III, p. 125.

мации и распоряжения Гэйджа не выполнялись. Все свидетельствовало, что реальная власть ускользает из рук генерала⁷³.

Момент, когда на головы колонистов обрушился град «невыносимых» репрессий, в Лондоне сочли подходящим для замены временных положений по земельному вопросу, содержащихся в прокламации 1763 года. Дело в том, что вывод большого числа внутренних гарнизонов с Запада ни в коем случае не означал отказа Англии от этих земель. Напротив, усилившийся натиск скваттеров и земельных компаний заставил Уайтхолл искать такое решение, которое бы обеспечило Англии контроль над Западом без отвлечения больших контингентов войск из приатлантических городов. Имперское правительство намеревалось передать земли Запада под юрисдикцию малонаселенной канадской провинции Квебек. Эта идея легла в основу Квебекского акта⁷⁴, который в значительной степени способствовал созреванию революционной ситуации, поскольку глубоко затронул пробуждавшееся национальное чувство американцев. Но главное, конечно, заключалось в том, что этот акт ударил по их экономическим интересам. Суть акта состояла в том, что расширились границы канадской провинции Квебек путем присоединения к ней территории в 11,5 млн. акров, лежащей к западу от Аппалачских гор и к северу от р. Огайо (территория эта никогда не входила в состав французской Канады). Именно эти земли более всего привлекали внимание тысяч переселенцев, многие из которых, невзирая на запрет 1763 г., уже обосновались в верхней части долины р. Огайо. На эти же земли зарились и спекулятивные компании.

Положения акта нанесли тяжелейший удар по надеждам фермеров, арендаторов, законтрактованных работников, ремесленников, поденных рабочих на получение собственного земельного участка. Одновременно Квебекский акт наносил удар по экстенсивной экономике южных плантаторов. Один из влиятельных плантаторов Вирджинии назвал этот акт «наиболее невыносимым из всех невыносимых актов»⁷⁵. Именно этим актом англичане окончательно оттолкнули от себя самый влиятельный и богатый в то время слой американской буржуазии. Поэтому большинство плантаторов-рабовладельцев оказалось среди восставших колонистов⁷⁶. Они выдвинули из своей среды целую плеяду буржуазных революционеров, в том числе таких, как Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон, П. Генри и другие.

Руководители комитетов по связям и обществ «Сыны свободы» Новой Англии гневно осуждали «невыносимые акты», видя в них новую атаку на их свободы. Тех, кто пытался оправдывать Квебекский акт, называли тори-предателями. Даже отличавшийся консервативностью взглядов и умеренностью своих требований Первый Континентальный конгресс рассматривал новую меру парламента как «попытку окружения колонии». Простой народ с ферм, из поселков и городов, у которого все помыслы и надежды на счастье связывались с получением участка земли, считал Квебекский акт объявлением войны колонистам⁷⁷. Английская угроза заставила колонистов сплотить свои ряды. На Юге движение против метрополии возглавили владельцы коммерческих плантаций⁷⁸. Южные колонии приступили к формированию ополчения. На Севере комитеты по связям и другие вигские клубы и организации устраивали склады оружия и пороха, создавали из фер-

⁷³ «The Correspondence of Gage». Vol. I, p. 370.

⁷⁴ «Documents of American History». Vol. I, pp. 74—76.

⁷⁵ «University of Nebraska Studies», New Series, 1953, № 11, p. 45.

⁷⁶ См. Н. Н. Яковлев. Вашингтон. М. 1973, стр. 109.

⁷⁷ L. N. Newcomer. Op. cit., p. 50; L. Montross. The Reluctant Rebels. N. Y. 1950, p. 54; M. Harris. Op. cit., p. 367.

⁷⁸ Н. Н. Яковлев Указ. соч., стр. 119.

меров и ремесленников отряды «минитменов» (ополченцев). Во главе ополченских полков, батальонов и рот становились фермеры, арендаторы, ремесленники⁷⁹.

Стремительно развивавшиеся события свидетельствовали о складывании революционной ситуации. На местах стихийно разворачивались стычки между гори — приверженцами короны и основной массой колонистов. Прекратив выплату фиксированной ренты, налогов и долгов, фермеры начали разрушать аппарат королевской власти: закрывались суды, магистраты, изгонялись судьи, шерифы, прокуроры и другие королевские чиновники, многие из которых правили в колониях в течение десятилетий⁸⁰. К осени 1774 г. фермеры западных районов Массачусетса свергли королевских представителей и стали управлять сами через местные комитеты по связям.

В марте 1774 г. в колонии Нью-Йорк в связи с «непрекращающимся терроризмом» восставших фермеров снова издается прокламация об аресте их руководителей. Каждую неделю в разных местах происходили кровавые столкновения. Поступало все больше сообщений об оскорблениях и избиениях сторонников лендлордов и королевских властей. В округе Шарлотт «парни Зеленых гор» соорудили из бревен две «крепости», напугав владельцев близлежащих маноров. Действия повстанцев заставили нью-йоркские власти в третий раз запросить военную помощь. Но Гэйдж, учитывая накаленную обстановку, не рискнул послать войска в район Зеленых гор. В апреле 1775 г. восстание «парней Зеленых гор» влилось в начинавшуюся борьбу колоний против метрополии. В июле 1775 г. Э. Аллен заверил новый провинциальный конгресс Нью-Йорка, что созданный из «парней Зеленых гор» батальон революционной армии «в случае необходимости не пощадит своей жизни за общее дело Америки». Таким образом, жаждавшие получить свободную землю фермеры-янки вступили в революцию в рядах патриотов⁸¹.

Реальная власть все более переходила к окружным и поселковым комитетам и в большинстве других колоний. Поскольку провинциальные конгрессы и конвенты, за исключением Мэриленда, были еще очень слабы, общее руководство новыми местными властями осуществлялось комитетами по связям. Первый Континентальный конгресс, открывшийся в Филадельфии 5 сентября 1774 г., собрался в обстановке уже почти созревшей революционной ситуации. Хотя он и послал верноподданническое обращение английскому монарху, но свою роль главного межколонияльного революционного органа он сыграл благодаря принятию двух документов исторического значения. В «Декларации прав и нужд колоний» наряду с требованием отмены «невыносимых законов» утверждалось, что колонистам «принадлежит право на жизнь, свободу и собственность». Документ «Ассоциация» объявлял о согласии колоний прекратить всякие торговые связи с Англией и призывать развивать земледелие, ремесла и местную промышленность. Исполнение этих решений поручалось местным конгрессам и комитетам по связям⁸².

Однако бойкот английских товаров натолкнулся на глухое и упорное сопротивление еще большей группы торговцев, чем в период бойкота в связи с актами Тауншенда. Это сопротивление было сломлено лишь после обращения сельских комитетов по связям к массам, которых призывали «отказаться от потребления английских товаров». Только нежелание тысячи поселенцев покупать и потреблять товары английского производства вынудило купцов приостановить торговлю с Великобри-

⁷⁹ S. L y n d. Op. cit., p. 35.

⁸⁰ «The Correspondence of Gage». Vol. I, pp. 365—372.

⁸¹ DHSNY. Vol. IV, pp. 526—527, 529—530, 534, 535, 554.

⁸² «Documents of American History». Vol. I, pp. 82—84, 85—87; см. В. Н. Плещков. Первый Континентальный конгресс (1774 г.). «Вопросы истории», 1976, № 6.

танней и принять участие в третьем бойкоте английских товаров. Гэйдж с тревогой сообщал в Лондон, что именно помощь фермеров из разных провинций сорвала блокаду Бостона, а провинция вооружается и ополчение, состоящее из фермеров Массачусетса, Коннектикута и Род-Айленда, проходит военную подготовку⁸³.

Одновременно и королевские войска накапливали силы. Обстановка настолько накадилась, что любое незначительное столкновение могло привести к всеобщему взрыву. Это прекрасно понимал Гэйдж. Трезво оценивая силы подчиненных ему войск и понимая, что они недостаточны для подавления всеобщего восстания, он старался предотвратить вооруженные стычки. В сентябре 1774 г. тысячи фермеров из разных районов Западного Массачусетса двинулись на Бостон, как только до них дошли сведения, что королевские войска устроили там кровавое побоище, а британские корабли обстреляли город. Сведения эти оказались ложными, но воинственность фермеров не уменьшилась. Британские батальоны в Бостоне могли быть атакованы в любую минуту. Такое же положение складывалось в южных колониях. Когда губернатор Вирджинии Р. Данмор неожиданно перевез порох со склада в другое место, на столицу провинции маршем двинулись сотни фермеров из западных районов⁸⁴.

Ложная тревога в ноябре 1774 г. лишь по чистой случайности не привела к военным действиям. Комитеты по связям получили сообщение о выступлении из Бостона солдат Гэйджа для реквизиции пороховых складов патриотов. Тотчас же по всей Новой Англии была объявлена тревога. В район Бостона направились вооруженные отряды «минитменов» и ополченские роты, почти целиком состоявшие из фермеров. Тем временем английские солдаты, удалившиеся от Бостона на несколько миль, неожиданно повернули назад. Битва на сей раз не состоялась. Воинственно настроенные ополченцы были разочарованы⁸⁵. Подъем народного возмущения показал, что рядовые участники движения занимали более решительную позицию по отношению к Англии, чем многие руководители вигов-патриотов. Фермеры-ополченцы рвались в бой, упрекая своих лидеров в медлительности и нерешительности. «Народ поносит нас за наши колебания», — писал один из таких лидеров⁸⁶.

Анализируя события лета и осени 1774 г. и сведения, поступавшие от местных тори, в штабе главнокомандующего королевских войск пришли к выводу, что сильнее всего бунтарским духом охвачены сельские районы и простой народ. «Не бостонский сброд, — по словам Гэйджа, — а земледельцы и фермеры страны»⁸⁷ настаивают на решительных действиях. События бурного 1774 г. со всей очевидностью показали, что «низы» не желали дальше жить по-старому, а «верхи» не могли больше управлять по-старому. В английских колониях в Северной Америке создалась революционная ситуация. Она разрешилась вооруженным столкновением двух враждебных лагерей, которое продолжалось восемь лет (1775—1783 гг.). В эти годы американский народ, как писал В. И. Ленин, дал «миру образец революционной войны против феодального рабства»⁸⁸.

⁸³ ACD, Doc. № 141A, pp. 790—791; Th. Gage — Dartmouth, 12 September, 1774. «The Correspondence of Gage». Vol. I, p. 374.

⁸⁴ M. Jensen. *Founding of a Nation*, pp. 546—550; e j u s d. *The American People and the American Revolution*. «The Journal of American History», Vol. 57, № 1, June 1970, p. 22.

⁸⁵ «Diary and Autobiography of John Adams». Vol. II, pp. 277—287.

⁸⁶ L. N. Newcomer. *Op. cit.*, pp. 55, 182.

⁸⁷ «The Correspondence of Gage». Vol. I, p. 371.

⁸⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 49.

«КУРСЫ РЕВОЛЮЦИИ»

И. П. Лейберов

Августовским утром 1893 г. молодой и богатый сибирский золотопромышленник И. М. Сибиряков позвонил на квартиру профессора Петербургского университета П. Ф. Лесгафта. Он сообщил Петру Францевичу, что передает ему часть своего огромного наследства, полученного от отца. К тому времени Сибиряков окончил в столице частную гимназию, увлекался музыкой, искусством, год учился в Петербургском университете, потом изучал три года естественные науки под руководством Лесгафта¹. Увлечшись прогрессивными и демократическими идеями, масштабными планами своего учителя в области физиологии, медицины, психологии и педагогики, Иннокентий Михайлович внес в Государственный банк на имя Лесгафта 200 тыс. руб. в капитал и пожертвовал принадлежащий ему многоэтажный дом на Бассейной улице стоимостью в 150 тыс. рублей². Полученные деньги П. Ф. Лесгафт отдал на реализацию своих научных планов. В 1894 г. им была основана «Петербургская биологическая лаборатория» со своим печатным органом, а осенью 1896 г., после трехлетней переписки и переговоров с министерствами внутренних дел и просвещения, открыты «Курсы воспитательниц и руководительниц физического образования» (курсы Лесгафта). В том же году Лесгафт перевел курсы, лабораторию и Анатомический музей в приобретенный им дом (из двух зданий) под № 25-а по Торговой улице (ныне улица Союза печатников); второе здание, во внутреннем дворе, сдавалось под квартиры зажиточным квартиросъемщикам, чтобы содержать дешевую столовую для курсисток. Позднее, в 1904 г., на свободном участке земли на Английском проспекте (ныне проспект Маклина) под № 32 была завершена постройка нового четырехэтажного здания, где разместились курсы и физическая лаборатория³.

В начале XX в. Высшие курсы П. Ф. Лесгафта были одним из передовых высших женских учебных заведений России. На курсах по инициативе их основателя изучались естественные и математические науки, затем были введены также история, всемирная и русская литература, психология, педагогика (включая весь цикл предметов физической культуры). На курсах имелись прекрасная библиотека и коллекции экспонатов по сравнительной анатомии. К чтению лекций привлекались наиболее видные и передовые ученые, уже тогда являвшиеся гордостью отечественной и мировой науки. Общую физиологию преподавали профессора И. П. Павлов и А. А. Ухтомский, ботанику — В. Л. Комаров (в советское время — президент Академии наук СССР), зоологию — С. И. Метальников, геологию — Е. С. Федоров и Ф. Н. Чернышев, физику — В. К. Лебединский, русскую историю — В. И. Семевский (в 60-е годы XIX в. сподвижник А. И. Герцена и Н. П. Огарева), всеобщую историю — Е. В. Тарле, математику и механику — И. П. Долбня. Лекции на курсах читались с материалистических, прогрес-

¹ Через несколько лет И. М. Сибиряков постригся в монахи, умер он в ноябре 1901 г. в Андреевском монастыре на Афоне (см. П. Ф. Лесгафт. И. М. Сибиряков. Некролог. «Известия» С.-Петербургской биологической лаборатории. Т. V, вып. 3. СПб. 1901, стр. 9—12.

² И. Д. Стрельников. Институт Лесгафта. 1893—1923. Исторический очерк. «Известия» Ленинградского научного института имени П. Ф. Лесгафта. Т. 8. Л. 1924, стр. 9—10.

³ Из личного архива автора. Записи бесед с учеником и соратником П. Ф. Лесгафта профессором И. Д. Стрельниковым; см. также: С. Метальников. П. Ф. Лесгафт. Биографический очерк. «Памяти П. Ф. Лесгафта». СПб. 1912.

сивно-демократических позиций; лекторы с реакционно-идеалистическими взглядами туда попросту не приглашались.

Власти были крайне обеспокоены подобным направлением преподавания основных предметов на курсах Лесгафта. За многими работавшими там профессорами и преподавателями велась постоянная слежка, на них были заведены полицейские досье. В справке петербургского градоначальника от 14 июня 1901 г. сообщалось о профессоре Горного института И. П. Долбне, ближайшем помощнике П. Ф. Лесгафта по курсам: «Политическая благонадежность профессора Долбня не менее сомнительна благонадежности госп. Лесгафта... (Долбня. — И. Л.) усиленно поддерживал и поощрял студентов Горного института продолжать obstructию в последнее студенческое движение (весной 1901 г. — И. Л.); ... имел конспиративные сношения с русскими эмигрантами-революционерами»⁴. О лекциях приват-доцента Петербургского университета Е. В. Тарле окружной инспектор учебного округа сообщал 18 февраля 1904 г.: Е. В. Тарле «везде, где только может, избирает предметом своих чтений какую-нибудь революцию или восстание. Он читает с шумным успехом... Считаю чтение таких лекций искусною и энергичною прививкою революционного яда»⁵.

Однако больше всего беспокоил властей Петр Францевич Лесгафт. Выдающийся русский ученый — педагог, психолог, анатом и врач, он был убежденным демократом, гуманистом-республиканцем, противником самодержавия, активно боролся за развитие народного образования. В 1871 г. «по высочайшему повелению» он был изгнан из Казанского университета за публикацию обличительной статьи против монархиста, попечителя Казанского учебного округа; в 1897 г. вынужден был покинуть Петербургский университет из-за происков реакционной профессуры⁶. Полицейские власти Петербурга следующим образом характеризовали деятельность П. Ф. Лесгафта в начале 1902 г.: «Будучи профессором Медико-хирургической академии, Петербургского университета и Высших женских курсов, вселял в молодежь революционные убеждения... Организованные им курсы... являются подготовительной революционной школой». Еще 18 апреля 1901 г. квартира профессора П. Ф. Лесгафта подверглась полицейскому обыску. Были обнаружены документы о поступлении и расходовании в 1899—1900 гг. денежных сумм на арестованных студентов, политических заключенных. С 7 мая 1901 г. царские власти запретили ученому с мировым именем проживание в столице в течение двух лет. Он переселился в Териоки и оттуда, а также еженедельными наездами руководил деятельностью курсов⁷.

Кто же учился на «Курсах воспитательниц и руководительниц физического образования»? За 10 лет (1896—1906 гг.) число слушательниц на них увеличилось в 11 раз: с 109 до 1169 человек⁸. Согласно данным инспектора Петербургского учебного округа, к февралю 1904 г. на курсах из 616 человек 261 (43%) происходили из дворянского, чиновничьего и духовного сословий, 355 (57%) — из демократических прослоек города и деревни (городская мелкая интеллигенция — врачи, учителя; трудовые слои — ремесленники, рабочие, крестьяне, солдаты). Представительницы трех первых социальных групп (2/5 всех обучавшихся) в большинстве случаев являлись выходцами из семей мелкого или разорившегося дворянства, среднего и низшего чиновничества и духовенства, где были сильны демократические настроения и давно уже зрело недовольство политикой царизма. Социальный состав слушательниц курсов Лесгафта был более радикальным по сравнению с другими высшими учебными заведениями столицы (например, среди студентов Петербургского технологического института в январе 1907 г. представители дворянских, духовных, чиновничьих, купеческих семей составляли 55,3%, а дети трудовых слоев населения — ремесленников, крестьян, ка-

⁴ ЦГАОР СССР, ф. ДП. ОО, 1904 г., д. 2388, л. 26.

⁵ Там же, лл. 88 об. — 89.

⁶ В феврале 1897 г. студенты университета обратились с письмом к П. Ф. Лесгафту: «Вся Ваша жизнь и деятельность являются протестом против насилия — в какой бы то ни было форме. И чем реже такие люди, тем они дороже. Мы видим в Вас не только нашего учителя, но и человека, всюду проводящего непосредственно в жизнь свои лучшие идеалы, бескорыстного и благородного общественного деятеля» (С. Метальников. Указ. соч., стр. 39—43, 53—54).

⁷ ЦГАОР СССР, ф. ДП. ОО, 1904 г., д. 2388, лл. 22 об.—23, 40.

⁸ И. Д. Стрельников. Воспоминания о П. Ф. Лесгафте (1906—1909). «Памяти П. Ф. Лесгафта». М. 1947, стр. 53.

заков и т. п. — 44,7%)⁹. По образовательному цензу курсистки распределялись следующим образом: 487 (80%) окончили гимназии или другие средние учебные заведения, 40 (6%) — средние духовные училища, 50 (8%) — женские институты и педагогические курсы, 39 (6%) не имели законченного среднего образования. Более 70% слушательниц были в возрасте 20—25 лет¹⁰.

То, что на курсах обучались представительницы демократических трудовых слоев населения и у большинства из них за плечами имелись среднее образование, двух-трехлетний трудовой (чаще всего педагогический или медицинский) стаж, а также сложившееся мировоззрение, твердые радикально-демократические убеждения, объясняет, почему в 1905—1907 гг. курсы представляли собой один из большевистских оплотов. Как и бестужевки, слушательницы курсов Лесгафта являлись передовым отрядом женской части российского и столичного революционного студенчества. В 1896—1904 гг. наряду со студентами университета, Технологического и Горного институтов они шли в авангарде студенческого движения, год от года все активнее вступали в революционную борьбу против царизма. По далеко не полному полицейским данным, в политических студенческих демонстрациях 4 марта 1897 г., 19 февраля и 4 марта 1901 г. будущие «воспитательницы и руководительницы физического образования» составляли в процентном отношении к общему числу ученых полиции студентов-демонстрантов соответственно — 2,7, 8,4 и 9,7%, а по отношению к числу курсисток-демонстранток — 8,7, 14,8 и 23,2%. По тем же данным, среди лиц, арестованных и привлеченных полицией к политическому дознанию за 1898, 1899 и 1900 гг., воспитанницы курсов составляли к общему числу студентов соответственно 1,3, 0,6 и 2,4%, а по отношению ко всем курсисткам — 11,5, 10,0 и 29,4%¹¹. В канун первой русской революции участие их в митингах, демонстрациях и численность курсисток, репрессированных властями, значительно возросли¹².

С 1899 г. на курсах распространяются марксистские идеи, нелегальная литература, возникают революционные кружки. Первый социал-демократический кружок образовался здесь в конце 1900 — начале 1901 года. Его возглавил молодой студент Петербургского университета Д. И. Лещенко, социал-демократ, приглашенный Лесгафтом преподавать на курсах химию. В состав кружка вошли слушательницы О. И. Виноградова, Е. Н. Лещенко, О. Л. Глинка, Е. Г. Крич, З. А. и М. А. Казиненко, О. К. Уварова, Д. А. Клебанова-Лазуркина, позднее — Л. Н. Воронова. Через год в двух кружках насчитывалось уже 25—30 членов. Они изучали произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, К. Каутского, В. Либкнехта, распространяли нелегальные издания в рабочих районах Петербурга¹³. К этому же времени (1901—1902 гг.) относится и первое знакомство слушательниц курсов — социал-демократок с произведениями В. И. Ленина, появлявшимися на страницах газеты «Искра» и отдельными изданиями. Член партии с 1902 г. Д. А. Лазуркина (Клебанова) вспоминала: «С осени 1901 г. в нашей среде лесгафтичек стала появляться «Искра». Газету на курсы мы получали через Елену Дмитриевну Стасову, Дмитрия Ильича Лещенко. «Искру» читали нарахват, ждали с нетерпением очередного номера. Особенно нас волновали те статьи В. И. Ленина, где давался анализ рабочего и студенческого движения. Огромное впечатление на нас, молодых социал-демократок, произвела книга Владимира Ильича «Что делать?», появившаяся на курсах в канун моего ареста. Перед нами раскрывались огромные задачи, перспективы нашей борьбы»¹⁴. Именно к этому моменту относится широкое знакомство передовых слушательниц курсов Лесгафта с ленинскими идеями.

⁹ П. С. Гусятников. Революционное студенческое движение в России (1899—1907). М. 1971, стр. 16, табл. 3.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. ДП. ОО, 1904 г., л. 2388, л. 85 об.: «О курсах воспитательниц и руководительниц физического образования проф. П. Ф. Лесгафта».

¹¹ Процентные данные приведены по «Справке министерства внутренних дел об участии лесгафтичек в демонстрациях» (1902 г.) — ЦГАОР СССР, ф. ДП. ОО, 1904 г., л. 2388, лл. 42—43.

¹² Там же, лл. 44—82.

¹³ Ленинградский партийный архив (ЛПА), ф. 4000, оп. 5, св. 598, л. 3322: Воспоминания Е. Г. Крич, лл. 6, 6 об.; Ф. Шувалов. Подвиг студентки. «За физкультурные кадры», 21.IV.1967.

¹⁴ Из личного архива автора. Запись беседы с Д. А. Лазуркиной.

После политических демонстраций 1901—1902 гг. началась сильная тьма революционного студенчества в ряды российской социал-демократии. В начале 1902 г. В. И. Ленин указывал: «Теперь в движение втянута гигантская масса сил, к нам идут все лучшие представители молодого поколения образованных классов... люди, тяготеющие к социал-демократии»¹⁵. Ставилась задача перед местными социал-демократическими организациями вовлекать студенческую молодежь в свои ряды, улучшать и расширять работу среди нее, использовать энергию и революционную подвижность учащейся молодежи в интересах рабочего класса, реально помочь пролетариату в массовом овладении научным социализмом. Весной 1902 г. под влиянием ленинской «Искры» слушательницы курсов Е. Г. Крич, Д. А. Лазуркина, З. А. и М. А. Казиненко, О. К. Уварова вступили в ряды социал-демократии. После II съезда РСДРП осенью 1903 г. свыше 10 курсисток вступили в партию большевиков; среди них: К. А. Александр, М. А. Борисова, Л. Н. Воронова, В. В. Заорская, А. И. Мейбаум, позднее — Л. А. Качаунова и другие¹⁶. 17 октября 1903 г. А. И. Мейбаум записала в своем дневнике: «Ведь если я на это решусь (стать членом партии большевиков — И. Л.), то уж навсегда»¹⁷. К концу 1904 г. большевистская ячейка курсов Лесгафта насчитывала 15—20 членов партии и была наиболее сплоченной и работоспособной наряду с ячейками в Петербургском университете, Политехническом и Женском медицинском институтах, Бестужевских курсах¹⁸.

Слушательницы курсов Лесгафта, прежде всего социал-демократки, принимали активное участие в революционном движении петербургских рабочих и студентов в 1902—1904 годах. Почти еженедельно на курсах проходили митинги, собрания, вечера с исполнением революционных стихов, песен¹⁹. Курсистка В. И. Сердобова писала из Петербурга 26 ноября 1903 г. своей подруге в Одессу: «Наша партия (большевистская) начинает проявляться и напоминает о себе обществу. Выпускаем прокламации, участвуем во всех сходах и протестуем против произвола... У нас сильные аресты. С заключенными я поддерживаю сношения»²⁰. Размах революционного движения на курсах встревожил полицейские власти. 23 января 1904 г. начальник Петербургского охранного отделения сообщал в Департамент полиции: «За последнее время среди слушательниц этих курсов (П. Ф. Лесгафта. — И. Л.) особенно усилилось противоправительственное настроение. На курсах ежедневно появляется и широко распространяется нелегальная литература; причем экземпляры различных преступных изданий лежат нередко совершенно открыто на столах и свободно читаются вслух в отдельных группах слушательниц... Курсы профессора Лесгафта утратили ныне значение учебного заведения и превратились в место сходок молодежи»²¹.

В какие бы тяжелые условия (аресты, высылка, ссылка) ни попадали курсистки, они старались принять посильное участие в революционной борьбе. В начале 1900 г. на курсах была арестована О. И. Виноградова и выслана на два года под надзор полиции. Пренебрегая опасностью, она выезжала по делам транспортировки ленинской «Искры» в города Поволжья, затем — в Германию, где включилась в работу ме-

¹⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 87.

¹⁶ Сведения взяты из воспоминаний и личной переписки Л. Н. Вороновой, К. А. Александр, А. И. Мейбаум.

¹⁷ Фонды Государственного музея истории Ленинграда. А. И. Березина-Радченко (Мейбаум). Дневник 1897—1907 гг. Записки рядового революцион. Рукопись, л. 80.

¹⁸ Отчет Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга III съезду РСДРП. «Петербургские большевики в период подъема первой русской революции 1905—1907 гг.» Л. 1955, стр. 260.

¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. ДП. ОО, 1904 г., д. 2388, лл. 40—110. Из письма студента «Левы» (Петербург, 5 ноября 1902 г.) в Цюрих: «После концерта у лесгафтичек человек десять студентов, бывших на эстраде, затянули «Дубинушку». Моментально собралась толпа, поддерживавшая пение. Настроение было такое, что достаточно искры, чтобы толпа воспламенилась. Мы все, студенты и курсистки, удалились с эстрады, и пели (революционные песни.—И. Л.) в артистической до четырех часов ночи. Я первый раз находился в таком кружке молодежи... Вы не можете себе представить, какое бодрое настроение появляется у человека, когда он видит вокруг себя человек сто, которые смело смотрят в глаза всему пошлому, низкому, которое гадит жизнь, всякого рода произволу и насилию. Лица пылали воодушевлением, готовностью к борьбе» (там же, л. 45).

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. ДП. ОО, 1904 г., д. 2388, л. 48.

²¹ Там же, лл. 60, 60 об.

стной социал-демократической секции и транспортной экспедиции во главе с М. М. Литвиновым²². 11 апреля 1902 г. она писала из Берлина в Рязань одному из корреспондентов «Искры»: «Вы бы оказали огромную услугу («Искре». — И. Л.), если бы прислали сведения о рабочем движении теперь в Москве, все в подробности... Вообще, что говорят кругом, продолжают ли обыски и аресты, как относятся к высылке студентов в Сибирь»²³. В Швейцарии О. И. Виноградова встретила с В. И. Лениным, по его заданию совершала из-за границы поездки в Россию (Петербург, Москва, Нижний Новгород, Одесса), транспортировала «Искру», в частности на курсы Лесгафта²⁴. В 1905 г. она вела активную переписку с В. И. Лениным, сообщала ему о положении дел в Нижегородской и Одесской организациях РСДРП²⁵. В октябре 1905 г. В. И. Ленин редактировал рукопись О. И. Виноградовой «Одесские дни и «Потемкин», которая была опубликована издательством ЦК РСДРП в Женеве²⁶.⁴

В конце апреля 1902 г. за организацию маевки была арестована слушательница курсов Д. А. Лазуркина. После тюремного заключения она работала в Одесской и Екатеринославской организациях РСДРП. Осенью 1904 г. по заданию Одесского комитета партии Д. А. Лазуркина выехала в Швейцарию, где пробыла около полугода²⁷ и неоднократно встречалась и беседовала с В. И. Лениным, слушала его выступления в Женеве. С началом революции 1905 г. по заданию Владимира Ильича вместе с В. И. Невским она выехала в Россию для ведения нелегальной работы²⁸.

Еще одна слушательница, встречавшаяся с В. И. Лениным в те годы, — К. А. Александер. Она поступила на курсы осенью 1903 года²⁹. После окончания Тифлисской женской гимназии К. А. Александер провела 1900—1901 гг. в Швейцарии, где в Женеве близко познакомилась с В. Д. Бонч-Бруевичем и В. М. Величкиной (Бонч-Бруевич). Вместе с ними часто посещала семинары, где выступали В. И. Ленин, Г. В. Плеханов; помогала В. Д. Бонч-Бруевичу обеспечивать нелегальную переписку с искровскими организациями в России. По заданию В. И. Ленина и В. Д. Бонч-Бруевича К. А. Александер выезжала в Болгарию (январь — февраль 1901 г.) для налаживания транспортировки «Искры» в Центральную Россию и Закавказье. Осенью 1901 г. она привезла в Москву два чемодана с первыми номерами газеты и доставила их в дом А. Н. Кошшина (ныне Дом ученых), затем часть транспорта с «Искрой» увезла в Тифлис³⁰.

Имеются все основания предполагать, что накануне 1905 г. произведения В. И. Ленина знал довольно широкий круг передовых слушательниц курсов Лесгафта. Е. Г. Крич вспоминала позднее: «Мне много приходилось слышать о нем. Все, кто встречался с Лениным, передавали, какой это большой, обаятельный человек, восхищались его эрудицией и утверждали, что никто не мог так ясно объяснить самые сложные места из «Капитала» (К. Маркса), как это умел делать Ленин»³¹.

Уже накануне революции 1905 г. курсы поставляли значительный «штат» агитаторов, пропагандистов, разъездных агентов, содержателей партийных явок для Петербургской организации большевиков. В пропагандистской коллегии Петербургского комитета РСДРП и Объединенной социал-демократической организации студентов Петербурга активно работали большевички М. А. и Ю. А. Борисовы, Л. Н. Воронова, В. В. Заорская, Л. А. Качаунова, Е. Г. Крич, Е. Н. Лещенко, А. И. Мейбаум и другие. С ноября — декабря 1903 г. по предложению секретаря ЦК РСДРП Е. Д. Стасовой Л. Н. Воронова (Тамара) держала партийную явку в комнате для обработки гербариев (Ботанический музей при Академии наук). Она работала здесь секретарем-машин-

²² Там же. 1902 г., д. 687 («О бывшей слушательнице курсов Лесгафта дочери священника Ольге Ивановне Виноградовой»), лл. 11—12.

²³ Там же, лл. 1, 1 об.

²⁴ Там же, лл. 11—12, 14—17, 21—22, 26, 26 об.

²⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 47, стр. 28—29; «Ленинский сборник» XXVI, стр. 426.

²⁶ См. «Ленинский сборник» XXVI, стр. 433; «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника». Т. 2. М. 1971, стр. 180.

²⁷ ЦГАОР СССР, ф. ДП. ОО, 1904 г., д. 5, ч. 6 «А», л. 184.

²⁸ Д. А. Лазуркина. Встреча с Лениным. «Звезда», 1955, № 4.

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. ДП. ОО, 1904 г., д. 2388, лл. 49, 49 об.

³⁰ Личный архив К. А. Александер. Автобиография К. А. Александер-Рудневой (1935 г.); ЦГАОР СССР, ф. ДП. ОО, 1901 г., д. 285, лл. 5—6, 20.

³¹ Е. Крич. Хозяйка явочной квартиры. «Нева», 1957, № 5, стр. 121.

нистой. 9 апреля 1904 г. из Петербурга работниками ЦК РСДРП было направлено шифрованное письмо в Германию, в один из зарубежных партийных центров. В нем, в частности, говорилось: «Сообщаем адрес для писем: Петербург, Коломенская улица, дом 7, квартира 34, Екатерина Акимовна Браткова. Явка — Ботанический музей, второй этаж, прямо — первая комната, налево — вторая, налево — третья, спросить Людмилу Воронову. Письмо за подписью Андрон для лица, дающего пароль Акакий, ежедневно от десяти до двух часов, кроме праздников»³². Эта явка была организована с согласия профессора курсов Лесгафта В. Л. Комарова; его же личная квартира при Ботаническом музее использовалась городской большевистской организацией для получения шифрованных писем и предоставления ночлега приезжавшим из-за границы или с периферии большевикам³³. Весной 1904 г. на этой явке побывал приехавший из Швейцарии и Германии в Петербург С. Г. Шаумян, а в марте 1905 г. — М. Г. Цхакая и П. А. Джапаридзе, направлявшиеся проездом из Тифлиса через Петербург в Лондон в качестве делегатов III съезда РСДРП от Закавказья³⁴.

Начало первой русской революции слушательницы курсов П. Ф. Лесгафта встретили восторженно. Многие из них были участниками народного шествия к Зимнему дворцу, стали свидетелями расстрела мирных манифестантов, участвовали в схватках с полицией и казаками, строили баррикады. Нескольким курсисткам было убито и ранено. Тяжелораненая Елизавета Сорокина призывала демонстрантов на Невском проспекте: «У нас нет царя! У нас есть убийца! Долой царизм!»³⁵. 9—10 января 1905 г. помещения курсов превратились в походный госпиталь. По инициативе профессоров П. Ф. Лесгафта и В. Л. Комарова туда доставлялись десятки тяжелораненых рабочих, женщин, детей, им была оказана неотложная медицинская помощь. В эти дни большевик-преподаватель Д. И. Лещенко работал хирургом, санитаром. Он сберег десятки паспортов убитых, от тяжелораненых узнавал адреса их местожительства. По его заданию курсистки К. А. Александр, Л. Н. Воронова, Е. Г. Крич, А. И. Мейбаум, Е. Н. Лещенко несколько дней посещали семьи пострадавших и сообщали им о судьбах отцов, братьев, сестер — жертв царского произвола³⁶.

Как и во всех высших учебных заведениях, на курсах прошли массовые митинги, на которых слушательницы клялись не жалеть своей жизни во имя борьбы против деспотизма, отдать все силы делу служения революции. Хорошо выразила коллективное мнение своих подруг большевичка Л. Н. Воронова в письме к матери: «Дорогая мамочка! Давно тебе не писала. Жизнь так быстро разворачивается... То, что мы могли представлять себе в воображении, основываясь на примерах Западной Европы, захватило и нас. Это великая историческая реальность. Это революция. И тот близорук, кто до сих пор не верит или старается себя разуверить в этом. Мы — современники революции... Победит тот, кто до конца использует все стихийное недовольство пробуждающихся масс, кто будет постоянно политически руководить ими... Наша революция будет одной из самых победных революций в мире»³⁷.

В 1905 г. В. И. Ленин разрабатывал принципы «левоблочкистской» тактики — совместных действий политической партии рабочего класса и представителей революционной демократии со всеми теми, «кто хочет биться за свободу и доказывает делом свою готовность». Он указывал на возможность тесного сплочения революционной демократии вокруг и под руководством борющегося пролетариата и его партии в целях открытой борьбы с царизмом³⁸. В среде радикально настроенной студенческой молодежи В. И. Ленин и партия большевиков видели один из резервов революции, ее интеллектуально-агитационных сил, верного союзника рабочего класса. В середине фев-

³² ЦГАОР СССР, ф. ДП. ОО, 1904 г., д. 2392, л. 78.

³³ См. Е. Д. Стасова. Воспоминания. М. 1969, стр. 45.

³⁴ Из письма Л. Н. Вороновой — Е. Д. Стасовой, ноябрь 1963 года. Личный архив Л. Н. Вороновой, члена КПСС с 1903 года. Хранится в селе Цебельда Гульрипшского района Абхазской АССР.

³⁵ Ф. Шувалов. Особое поручение партии. «За физкультурные кадры», 6.III.1970.

³⁶ Личный архив Л. Н. Вороновой. Воспоминания (1955 г.); Ф. Шувалов. Подвиг студентки.

³⁷ Личный архив Л. Н. Вороновой. Письмо из Петербурга А. К. Вороновой в Цебельду (имение «Ясочка»), февраль 1905 года.

³⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 11, стр. 342; т. 9, стр. 276.

раля 1905 г. В. И. Ленин требовал от руководителей Петербургской организации большевиков С. И. Гусева и А. А. Богданова увеличения политической армии революции за счет молодежи. Он писал: «Нужны молодые силы... Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая и еще больше рабочая молодежь»³⁹.

На кровавые злодеяния царизма петербургское студенчество ответило всеобщей политической стачкой. Студенческая забастовка в Петербурге переросла в общероссийскую стачку студентов. Повсюду учебные занятия прекращались до 1 сентября 1905 года. Слушательницы курсов Лесгафта шли в передовых рядах общестуденческой забастовки. Они проводили денежные сборы в фонд семей, пострадавших в Кровавое воскресенье. П. Ф. Лесгафт обратился за финансовой поддержкой к своим ученикам и ученикам в других городах страны. Только из Екатеринослава, с Петровских заводов прислали 232 рубля⁴⁰. Курсистки принимали активное участие во всех революционных выступлениях питерских рабочих в 1905 году. К. А. Александер писала в Москву 4 мая 1905 г.: «Для массы памятен день 9-го января... Плюс от 1-го (мая) для нас тот, что мы почти целый месяц вели самую широкую агитацию в больших слоях»⁴¹.

Десятки слушательниц посвятили свою жизнь служению революции. Л. Н. Воронова в конце 1904 г. работала организатором Чернореченского партийного подрайона на Выборгской стороне, в конце же мая 1905 г. по заданию Петербургского комитета РСДРП выехала с группой питерских рабочих-боевиков в Тифлис для оказания помощи большевистскому Кавказскому союзу РСДРП⁴². Воронова была ответственным агитатором среди солдат и младших офицеров Тифлисского гарнизона, некоторое время работала вместе с большевиком Ш. З. Элиава в аппарате кутаисского «красного губернатора» В. А. Старосельского, участвовала в проведении Октябрьской всеобщей стачки в Грузии⁴³. Е. Г. Крич, член финансовой комиссии ПК РСДРП, устраивала концерты, лекции, доклады, организовывала продажу политической литературы; все собранные ею деньги шли на нужды революции⁴⁴. Л. А. Качаунова весной — летом 1905 г. работала в Московской организации РСДРП. Три подруги-лесгафтички (К. А. Александер, В. В. Заорская, А. И. Мейбаум) приняли активное участие в организации Петербургского профсоюза текстильщиков⁴⁵. Подобных примеров можно привести много.

Весной 1905 г. Высшие курсы Лесгафта были закрыты царским правительством. Однако уже в августе их основатель и директор добился открытия на базе курсов Вольной высшей школы, где на трех факультетах (естественном, педагогическом, историческом) занималось свыше 1150 человек. Тогда же при Вольной школе были созданы и Коломенские вечерние курсы для рабочих, на которых с осени 1905 г. ежедневно училось около 400 пролетариев Нарвского, Выборгского, Василеостровского, Петроградского районов. Занятия в Вольной школе и на вечерних курсах проводили П. Ф. Лесгафт, В. Л. Комаров, С. И. Метальников, Е. В. Тарле (до того, как он был тяжело ранен ударами казацких нагаек в октябре 1905 г., во время массовой демонстрации), Н. М. Княпович, А. А. Рихтер⁴⁶. П. Ф. Лесгафт на преподавательскую работу пригласил четырех известных революционеров-народовольцев Н. А. Морозова⁴⁷, В. Н. Фигнер, Н. Д. Лукашевича, М. В. Новорусского. Это был открытый вызов цар-

³⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 9, стр. 247.

⁴⁰ Г. Г. Шахвердов. Жизнь и педагогическая деятельность П. Ф. Лесгафта «Памяти П. Ф. Лесгафта». 1947, стр. 28.

⁴¹ ЦГАОР СССР, ф. ДП. ОО, 1903 г., д. 1952 («О дочери полковника, учительнице К. А. Александер»), л. 12.

⁴² Л. Н. Воронова (1879—1967 гг.) была уроженкой Тифлиса, дочерью известного революционного и общественного деятеля Кавказа 60—70-х годов XIX в. Н. И. Воронова, хорошо владела грузинским и армянским языками.

⁴³ Личный архив Л. Н. Вороновой. «Октябрь 1905 г. в Тифлисе». Из воспоминаний. Рукопись: «Разрозненные записи воспоминаний» (1955—1963 гг.).

⁴⁴ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, св. 598, д. 3322, лл. 6 об. — 7.

⁴⁵ Личный архив К. А. Александер-Рудневой. Автобиография К. А. Александер-Рудневой (1935 г.).

⁴⁶ И. Д. Стрельников. Воспоминания о П. Ф. Лесгафте (1906—1909), стр. 53—55.

⁴⁷ В советское время — почетный академик, директор биологической лаборатории Лесгафта и Научного института имени П. Ф. Лесгафта.

скому правительству, которое долгие годы держало этих мужественных людей в Шлиссельбургской крепости. П. Ф. Лесгафт поселил у себя дома Н. А. Морозова, а затем выделил ему квартиру на территории курсов. В. Н. Фигнер встретила со своим учителем через 35 лет (она училась у Петра Францевича в 1871 г. в Казанском университете). Уже после смерти П. Ф. Лесгафта она вспоминала: «Независимый по характеру, страстно любящий свою науку и ревнивый к занятиям студентов. Сильный и добрый, простой и серьезный... Человек чувствовался в нем при первом же соприкосновении, и чудное слияние хорошей личности с прекрасным преподаванием создавало очарование, делавшее его образцом, идеалом поколений, имевших счастье начинать студенческие годы под его руководством»⁴⁸.

Осенью 1905 г. П. Ф. Лесгафт реформировал свое детище Вольную высшую школу на принципах демократизма. Было введено студенческое самоуправление. Студенческими делами управлял Совет старост, в который входили старосты всех курсов и факультетов. В Совете старост преобладали большевики, но в нем были также представители эсеров и меньшевиков. В Вольной школе была создана дешевая столовая для курсисток и курсантов, организовано Бюро безработных студентов, которое изыскивало возможности предоставить работу лесгафтовцам⁴⁹. Ныне здравствующий ученик П. Ф. Лесгафта, учитель-революционер, профессор, доктор биологии И. Д. Стрельников вспоминает: «Дух товарищества, равенства между мужской и женской молодежью, взаимного доверия на фоне борьбы с царизмом и общих стремлений к завоеванию политической свободы, к переустройству всей русской жизни на началах социализма, — все это создавало небывалый до того времени в России характер и стиль студенчества»⁵⁰.

С середины сентября 1905 г. помещение Вольной школы (она размещалась в доме № 32 по Английскому проспекту), как и здания других высших учебных заведений⁵¹, превратилось в постоянно действующий революционный народный митинг. В октябрьские дни в Вольной школе собиралось до 3—5 тыс. студентов и рабочих⁵². Активное участие в организации и проведении митингов принимала большевистская ячейка лесгафтовцев (М. А. Борисова, К. А. Александер, Л. А. Качаунова, Ф. П. Кассесинова, Д. А. Лазуркина, А. И. Мейбаум и др.). Наиболее популярными там были большевистские ораторы А. В. Луначарский, В. В. Воровский, Н. В. Крыленко, Д. З. Мануильский, В. А. Энгель; нередко выступали с речами и большевики-лесгафтовцы⁵³. П. Ф. Лесгафт предоставлял помещение курсов различным революционным организациям не только для проведения митингов и собраний, но и для работы. Здесь нередко проходили заседания Петербургского комитета РСДРП. В квартирах под №№ 2 и 6 (по Торговой, 25-а) разместились Исполнительный комитет Петербургского Совета рабочих депутатов и правление профессионального Союза печатников⁵⁴. Когда же полицейские власти Петербурга потребовали от Лесгафта немедленно удалить с курсов Исполком Совета, Петр Францевич наотрез отказался сделать это. Военное командование округа пригрозило даже подвергнуть артиллерийскому обстрелу здание Вольной школы. По предложению большевистской ячейки на курсах была срочно создана вооруженная боевая дружина из рабочих-курсантов и слушательниц, санитарные отряды для оказания первой помощи в случае нападения войск и полиции⁵⁵. Революционные рабочие Нарвской заставы на своем митинге постановили: «С оружием в руках защищать курсы Лесгафта, если на них будет произведено нападение»⁵⁶. Осенью

⁴⁸ В. Н. Фигнер. Две встречи (1871—1907). «Памяти П. Ф. Лесгафта». 1947, стр. 149.

⁴⁹ И. Д. Стрельников. Воспоминания о П. Ф. Лесгафте (1906—1909), стр. 54—55.

⁵⁰ Там же, стр. 55.

⁵¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 11, стр. 376—377.

⁵² «Пролетарий», 18.X.1905.

⁵³ Воспоминания К. А. Александер, Л. Н. Вороновой, А. И. Мейбаум.

⁵⁴ С. М. Познер. Воспоминания о П. Ф. Лесгафте. «Памяти П. Ф. Лесгафта». 1912, стр. 282.

⁵⁵ Ф. П. Шувалов. На Высших курсах П. Ф. Лесгафта неоднократно звучало слово Ильича. «Ученые записки» Государственного института физической культуры имени П. Ф. Лесгафта. Вып. XV. Л. 1970, стр. 154.

⁵⁶ «Новая жизнь», 2.XI.1905.

1905 г. курсы превратились в один из центров революционного движения в Петербурге.

Со второй половины ноября 1905 г. в помещении курсов неоднократно бывал, работал там и выступал с речами В. И. Ленин. Это место вождем партии было выбрано не случайно. К зданиям курсов (одному из идейно-пропагандистских центров большевизма и революции в столице) территориально тяготели пролетарские окраинные районы, Петергофско-Нарвская и Московская заставы, а по соседству был Коломенский промышленный подрайон с 10-тысячным составом рабочих (Адмиралтейский, Франко-Русский заводы, Екатеринбургская мануфактура, другие предприятия). Вольная высшая школа с ее полуторатысячным революционным отрядом лесгафтовцев, с сильной ячейкой большевиков, боевой дружиной рабочих и студентов, революционно-демократическим по настроению профессорско-преподавательским составом создали ту благоприятную обстановку, в которой В. И. Ленин мог более свободно общаться с работниками партии, рабочей и студенческой массой, чувствовать биение пульса революции. К тому же Коломенский подрайон находился в черте городского центра с его оживленными площадями и улицами (Театральная площадь, Конногвардейский бульвар, Офицерская улица, улица Глинки), многочисленными переулками и проходными дворами, что в случае необходимости позволяло скрыться от жандармской слежки. На курсах неоднократно бывали и работали В. Д. Бонч-Бруевич, В. В. Воровский, Л. Б. Красин, А. В. Луначарский, Е. Д. Стасова, М. Г. Цхака⁵⁷.

Первый раз В. И. Ленин посетил курсы Лесгафта во второй половине ноября 1905 года. Здесь он некоторое время работал в библиотеке, в тот же день беседовал с членами Исполнительного комитета и членами правления Союза печатников (среди них были большевики И. М. Любимцев, В. Д. Кузьмин) о дальнейшей деятельности Петербургского Совета рабочих депутатов⁵⁸. Участник этого совещания вспоминал: «В союзе толпилось много печатников, желавших увидеть и услышать Ленина»⁵⁹. В помещении курсов Лесгафта состоялось заседание Исполкома Совета, утвердившего написанную В. И. Лениным 14 ноября 1905 г. резолюцию «О мерах борьбы с локаутом». Тогда же, в конце ноября — начале декабря, В. И. Ленин на протяжении недели проводил в Физической лаборатории курсов (Английский проспект, 32) занятия организованного им и Петербургским комитетом РСДРП кружка аграрников-марксистов, будущих пропагандистов и партийных организаторов в деревне. В. И. Ленин читал им лекций по аграрному вопросу и о задачах пролетариата в революционном движении, подчеркивая необходимость укрепления союза рабочего класса и крестьянства, без чего невозможна была победа революции⁶⁰.

Перед занятиями кружка сотрудник ПК РСДРП большевичка Л. М. Книпович произнесла краткое вступительное слово, представила собравшимся В. И. Ленина. В целях конспирации занятия пропагандистов проводились в часы обычных студенческих лекций и ничем по внешнему виду от них не отличались. Владимир Ильич выступал под видом одного из преподавателей курсов, а во время перерывов между занятиями уходил в кабинет профессора-биолога В. К. Лебединского. Здесь он делал наброски своих статей, писал письма, записки, встречался с партийными работниками. Иногда накоротке беседовал с курсистками и рабочими-курсантами об их участии в революционном и студенческом движении, материальном положении, доступности и доходчивости большевистских изданий⁶¹. В эти часы группа большевиков-дружинников (человек 6—8) посменно обеспечивала безопасность В. И. Ленина⁶².

⁵⁷ Ф. Шувалов. Подвиг студентки.

⁵⁸ П. Васильев-Северянин. В. И. Ленин в первом Союзе печатников. «Печатник», 1928, № 3, стр. 5; «Ленин в Петербурге. Места пребывания и революционной деятельности В. И. Ленина в Петербурге — Петрограде». Л. 1957, стр. 80.

⁵⁹ П. Васильев-Северянин. Указ соч., стр. 5. Совещание произошло в кв. № 2 по Торговой, 25-а.

⁶⁰ «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника». Т. 2, стр. 203—204.

⁶¹ Автору удалось установить, что среди них были большевички Мария Богомазова, Людмила Воронова, Екатерина Крич, рабочие-большевики Иван Крехалёв (Франко-русский завод) и Тарас Мясоедов (фабрика «Эриксон»).

⁶² Ф. П. Шувалов. Вышние курсы Лесгафта знали Ильича. «За физкультурные кадры», 3. IV. 1964; личный архив Л. Н. Вороновой.

Рядом с курсами Лесгафта находилась частная женская гимназия (угол Английского проспекта и Торговой улицы), которую возглавляла видная общественная деятельница, сочувствовавшая партии большевиков, О. К. Витмер. Еще в 80-е годы прошлого века она была связана с революционным подпольем⁶³, долгие годы дружила с П. Ф. Лесгафтом. В гимназии О. К. Витмер обучавшиеся на курсах Лесгафта проходили педагогическую практику. Соседство двух учебных заведений создавало благоприятные условия для конспиративной работы В. И. Ленина и его соратников. Не удивительно поэтому, что с ноября 1905 г. по июнь 1906 г. В. И. Ленин чаще всего появлялся в данном микрорайоне. Если он выступал с речью или работал на курсах Лесгафта, то обычно в тот же день отдыхал и ночевал в квартире О. К. Витмер, расположенной рядом с классными комнатами на третьем этаже здания гимназии. Эта квартира использовалась руководством партии большевиков для проведения партийных конференций и собраний, устройства ночлега для ответственных партийных работников перед их отправкой за границу или в поездку по российским губерниям. В помещении же Вольной высшей школы (у швейцара и дежурных в Физической и Биологической лабораториях) была установлена тайная электросигнализация, связывавшая их с П. Ф. Лесгафтом, С. М. Познер (бывшей фактически завхозом и комендантом помещения), в редких случаях с дежурившей там боевой дружиной. Эти необходимые меры предосторожности диктовались возможностью неожиданного появления жандармерии, полиции или наряда войск⁶⁴.

Важная и памятная встреча лесгафтовцев с В. И. Лениным произошла 4 декабря 1905 года. В одной из аудиторий физической лаборатории на объединенном партийном собрании вождь партии сделал доклад о текущих событиях. Часть ленинского доклада слушал и П. Ф. Лесгафт, который был поражен силой ума и логики В. И. Ленина. На другой день в беседе с К. А. Александр матистый ученый высказал пожелание «догоспально изучить учение о социализме» и отметил, что «из-за этого стоило бы заново начать жить»⁶⁵. С февраля по июнь 1906 г. В. И. Ленин не менее 6 раз появлялся на курсах Лесгафта, выступая с ответственными докладами: начало февраля — «О выборах в Государственную Думу» на собрании социал-демократов Московско-Заставского района; в начале марта участвовал в дискуссии с меньшевиками и эсерами по аграрному вопросу, нанеся сильнейший теоретический удар по концепциям Ф. Дана и В. Чернова; 6, 10 и 21 мая трижды делал доклады «Об итогах IV (Объединительного) съезда РСДРП» перед членами городской большевистской организации, большевиками Коломенского партийного подрайона, Петергофско-Нарвского района; 28 июня — доклад по аграрному вопросу на собрании рабочих социал-демократов Петергофско-Нарвского района⁶⁶. Большевичка Е. Н. Адамович вспоминала об одном из майских выступлений В. И. Ленина на курсах Лесгафта: «Несмотря на конспиративный характер собрания, аудитория была переполнена. Его доклад произвел неизгладимое впечатление на рабочих. Помню, как он возражал на попытки меньшевиков объявить недопустимой критику их меньшевистского ЦК и их линии»⁶⁷. На этих выступлениях В. И. Ленина неизменно присутствовали лесгафтовцы-большевики, которые организовывали проведение собраний в стенах курсов, обеспечивали конспирацию, брали на себя охрану⁶⁸.

Курсы являлись также одним из центров интернационального Петербургского кавказского землячества. В конце 1905 г. они объединяли около 50 студентов, курсисток-большевицек и сочувствующих им (грузины, армяне, русские, азербайджанцы). В землячество входило не менее 10 слушательниц курсов (К. А. Александр, Л. Н. Воронова, Л. А. Качаунова, Е. Кикадзе, М. Микеладзе, А. Шарашидзе и другие). Члены землячества организовали транспортировку революционной литературы, ору-

⁶³ См. «Ленин в Петербурге...», стр. 207.

⁶⁴ Там же, стр. 78—79, 207; Ф. П. Шувалов. На Высших курсах П. Ф. Лесгафта неоднократно звучало слово Ильича, стр. 154—155; Воспоминания проф. И. Д. Стрельникова (запись беседы, февраль 1974 г.).

⁶⁵ Фонды Государственного музея истории Ленинграда. А. И. Березина-Радченко (Мейбаум). Дневник 1897—1907 гг., л. 149.

⁶⁶ «Ленин в Петербурге...», стр. 82—83.

⁶⁷ Е. Н. Адамович. Встречи с Владимиром Ильичем. «Летопись революции», 1925, № 1/10, стр. 9.

⁶⁸ Воспоминания К. А. Александр, Л. Н. Вороновой, А. И. Мейбаум, И. Д. Стрельникова.

жия, боеприпасов из Петербурга в Закавказье (Тифлис, Кутаис, Батум, Сухум, Баку)⁶⁹. В частности, крупным «почтовым ящиком» и перевалочным пунктом этой литературы являлось имение «Ясочка» (близ Сухума), хозяйкой которого была А. К. Воронова, мать курсистки Л. Н. Вороновой. Члены Кавказского землячества переводили с русского на грузинский и армянский языки произведения В. И. Ленина, революционные издания, листовки⁷⁰. Они помогали выдающемуся грузинскому большевику М. Г. Цхакая приобретать оружие в Финляндии и затем через Петербург транспортировать его в Закавказье⁷¹.

Кавказским землячеством очень интересовался В. И. Ленин. В его деятельности он видел один из каналов для осуществления организационно-технических связей с большевиками Закавказья. Владимир Ильич трижды выступал с докладами по различным вопросам революции перед членами землячества, причём один раз в стенах курсов Лесгафта (конец ноября 1905 г.). А. Е. Шарашидзе вспоминает: «Слушая Ленина, мы, молодые курсистки, думали, что готовы бросить все и всех и идти только за этим человеком, ибо то, что он говорит, это есть истина, это есть правда, это то, что нужно каждому человеку»⁷². В январе 1906 г. по указанию В. И. Ленина из Баку в Петербург была переведена подпольная партийная типография «Нина». Туда же переехала группа грузинских большевиков-печатников (Вано и Георгий Стуруа, АVELь Енукидзе, Вано Болквадзе, Сильвестр Тодрия). Центральной нелегальной явкой грузинских печатников стали курсы Лесгафта, где они неоднократно встречались с В. И. Лениным, получали его задания. Именно эта группа большевиков по поручению В. И. Ленина обеспечила выпуск и печатание в столице партийных газет «Волна», «Вперед» и «Эхо», в подпольной типографии в Выборге большевистской газеты «Пролетарий»⁷³. В сентябре 1907 г. к судебному дознанию была привлечена член Кавказского землячества К. А. Александер по делу известной большевистской Авлабарской типографии в Тифлисе и после ареста пробыла полтора года в заключении в женской тюрьме в Петербурге и Метехском замке в Тифлисе⁷⁴.

Слушатели курсов Лесгафта внесли значительный вклад в дело революции, оказывая помощь большевистскому подполью. В 1906—1907 гг. группа курсисток М. А. Борисова, Л. Н. Воронова (после освобождения из тюрьмы), В. В. Заорская, Л. А. Качаунова, Е. Г. Крич, Ф. П. Кассесинова, С. М. Познер, А. И. Мейбаум, А. Е. Шарашидзе и другие работали в агитационно-пропагандистской, издательской и финансовой коллегиях Петербургского комитета РСДРП. Преподаватель курсов большевик Д. И. Лещенко являлся секретарем ПК РСДРП весной 1906 года. Тогда в его квартире (Глазовская улица, № 27/34) неоднократно работал и отдыхал В. И. Ленин, часто редактировал здесь большевистские газеты «Волна», «Вперед»⁷⁵, «Эхо». Е. Г. Крич по предложению А. В. Луначарского⁷⁶ стала хозяйкой конспиративной квартиры в Свечном переулке, № 6. В мае — июле 1906 г. здесь почти ежедневно бывал В. И. Ленин. Тут он усиленно работал, писал статьи, письма, встречался с членами ЦК и ПК РСДРП, редактировал большевистские газеты, отдыхал. Е. Г. Крич вспоминает, что на этой явочной квартире в течение трех месяцев каждый день бывало не менее 10—15 партийных работников, рабочих-активистов, студентов-большевиков. «Сидели многие подолгу, работали по три-четыре часа. Хотя мы старались без дела не беспокоить

⁶⁹ М. Горгидзе. Ленин и грузинское студенчество в Петербурге. «Литературная Грузия», 1966, № 6, стр. 68—70; Воспоминания Л. Н. Вороновой, К. А. Александер.

⁷⁰ И. П. Лейберов. Цебельдинская находка. «Наука и жизнь», 1973, № 11.

⁷¹ М. Горгидзе. Указ. соч., стр. 69—70.

⁷² А. Е. Чиргадзе (Шарашидзе). Из воспоминаний. «Литературная Грузия», 1966, № 6, стр. 73—74.

⁷³ В. Струа. Ленин и печатники. «Печатник», 1928, № 3, стр. 6—7.

⁷⁴ ЦГАОР СССР, ф. Министерство юстиции, 2-е дел-во, 1906 г., л. 51 («О тайной типографии, обнаруженной в Тифлисе»), л. 19 об.; ф. ДП, VII дел-во, 1906 г., д. 4889, л. 3 об.

⁷⁵ «Ленин в Петербурге...», стр. 109.

⁷⁶ Свыше года (1905—1906 гг.) Е. Г. Крич работала личным секретарем А. В. Луначарского, под его диктовку писала десятки статей для партийных изданий (ЛПА, ф. 4000, оп. 5, св. 598, д. 3322, лл. 5—7).

Владимира Ильича, все же в его кабинете всегда толпился народ, каждому хотелось послушать Ленина, поговорить с ним»⁷⁷.

Семнадцатилетняя курсистка Ф. П. Кассесинова (Гервазий) вступила весной 1905 г. в партию большевиков. Не желая владеть полученным в наследство от приемного отца П. А. Гервазия значительным помещичьим имением, она решила его продать, а деньги отдать партии на дело революции. Сама этого сделать она не могла по своему «несовершеннолетию». Через работника Боевой технической группы ЦК РСДРП А. М. Игнатьева был подобран фиктивный «супруг». Им стал прапорщик В. А. Наумов, симпатизировавший революции⁷⁸. С согласия «мужа» имение Ф. П. Кассесиновой было продано, деньги отданы партии. Часть их пошла на организацию конспиративной квартиры ЦК РСДРП в Териоках (ныне Зеленогорск) на даче Оттенена по Церковной улице. Хозяйкой квартиры была Ф. П. Кассесинова. Здесь под руководством В. И. Ленина было проведено 8 партийных совещаний и конференций⁷⁹.

Слушательница курсов Лесгафта В. И. Четверикова и ее муж студент-технолог Н. К. Четвериков входили в Боевую техническую группу ЦК РСДРП, где работали вместе с Л. Б. Красиным, Н. Е. Бурениным, А. М. Игнатьевым, С. Б. Сагредо, С. М. Познер. С осени 1905 г. по заданию партии Четвериковы организовали в Териоках конспиративную квартиру на даче Комулайнена, по Варшавской улице. Дача (с ноября 1905 г. по апрель 1906 г.) служила перевалочным пунктом для приема оружия, боеприпасов, поступавших из Швеции и Финляндии. Этой дачей пользовались члены Кавказского землячества, занимавшиеся транспортировкой оружия в Закавказье. Здесь хранились винтовки системы «маузер» и «винчестер», револьверы, динамит, капсулы гремучей ртути, бикфордов шнур. Для лучшей конспирации в группу транспортеров оружия и боеприпасов были подобраны девушки, учившиеся на курсах Лесгафта и Бестужевских курсах. Мужественные революционерки перевозили оружие из Териок в Петербург в чемоданах, корзинах, дамских муфтах, сумочках⁸⁰. Среди транспортеров оружия были: К. А. и Л. А. Александер, М. А. Борисова, Л. Н. Воронова, В. В. Заорская, Ф. П. Кассесинова, А. И. Мейбаум, С. М. Познер, В. И. Четверикова, А. Е. Шарашидзе и другие. Помощь им оказывал рабочий-большевик Франко-Русского завода Т. С. Федоров, бывший матрос Балтийского флота. В Боевую группу ЦК партии он был вовлечен В. И. Четвериковой⁸¹.

Курсы были также одним из центров хранения оружия и боеприпасов в Петербурге. Здесь же проводились практические занятия инструкторской школы боевиков⁸², которая была учреждена в ноябре 1907 г. решением Таммерфорской конференции военных и боевых организаций РСДРП. В одной из аудиторий курсов руководители школы — большевики студент Московского университета А. Ф. Чесский и студент Петербургского университета А. А. Нейман читали лекции по боевой тактике и проводили занятия по сборке и разборке винтовок и револьверов, умению обращаться с самодельными бомбами. В школе было подготовлено несколько групп (в одной группе до 25 человек) боевиков-дружинников из питерской и латышской рабочей молодежи⁸³. С. М. Познер отмечал: «Члены Боевой организации примостились в ней (Вольной высшей школе. — И. Л.) потому, что там революционные организации находили себе широкий и верный приют. У революционной молодежи того времени были излюбленные высшие учебные заведения, где ее не тревожили, где она могла налаживать свои конспиративные дела; лучшим пристанищем для этих целей всегда были курсы Лесгафта»⁸⁴.

⁷⁷ Е. Крич. Указ. соч., стр. 124.

⁷⁸ В 1907 г. В. А. Наумов был казнен царскими властями за покушение на Николая II (процесс Никитенко — Сиявского).

⁷⁹ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, св. 598, л. 3318: Воспоминания Ф. П. Кассесиновой, лл. 1—9, 12—15: Ф. П. Кассесинова. У Ленина. «Об Ильиче. Воспоминания питерцев». Л. 1970, стр. 159—170.

⁸⁰ Н. К. Четвериков. Склады оружия. «Боевая группа при ЦК РСДРП(б). Статьи и воспоминания». М.-Л. 1927, стр. 138—141.

⁸¹ Там же, стр. 140.

⁸² Основной базой для инструкторской школы служила финская дача в деревне Хаапала, близ Куоккалы (ныне — Репино).

⁸³ С. М. Познер. Школа в Куоккале. «Боевая группа при ЦК РСДРП(б)», стр. 184—185 и др.

⁸⁴ Там же, стр. 190.

Курсистки Л. Н. Воронова (Тамара), К. А. Александер (Клавдия, Саша, Ольга Ткацкая), В. В. Заорская, Л. А. Качаунова (Зоя), А. И. Мейбаум и др.⁸⁵ были разъездными партийными агентами, координировали нелегальную работу большевистских организаций крупных промышленных центров. Так, в течение лета — начале осени 1906 г. К. А. Александер и В. В. Заорская объехали следующие города, доставляя туда нелегальную литературу, письма, директивы: Москва, Симферополь, Севастополь, Судак, Евпатория, Сухум («Ясочка»), Тифлис, Баку, Ташкент. 14 июня 1906 г. К. А. Александер писала Л. Н. Вороновой из Крыма в Петербург: «Питер не отстаёт от юга. Евпатория и Севастополь опять поднимаются. На днях в Судак прибыли четыре миноносца, держали путь к Новороссийску. Перед ними останавливался крейсер. Команды высадились на берег — такие славные, хорошие лица. Мы (К. А. Александер и В. В. Заорская. — И. Л.) их, конечно, снабдили брошюрами и кипой газет — партийных — благо, что захватили из Питера⁸⁶. Как они были довольны! Говорят, что трудно доставать умные слова — следят офицеры. Тамара, вышлите нам номера руководящего органа «Вперед» (редактором его был В. И. Ленин. — И. Л.). Страшно хочется быть в курсе партийного дела»⁸⁷. Тем же летом К. А. Александер вместе с В. В. Заорской работали в нелегальной Ташкентской организации РСДРП, которой в то время руководил известный закавказский революционер А. Г. Зурабов. Курсистки вели революционную работу среди местных железнодорожников, рабочих, солдат гарнизона⁸⁸.

Л. Н. Воронова по заданию большевистского центра совершила в июле — октябре 1906 г. две поездки по маршрутам Петербург — Выборг — Гельсингфорс — Екатеринослав — Севастополь — Евпатория и Евпатория — Новороссийск — Сухум — «Ясочка» — Тифлис — Кутаис — Екатеринодар. В 1903—1907 гг. 18 месяцев Л. Н. Воронова провела в качестве разъездного агента партии, занимаясь переброской транспортов нелегальной литературы, установлением связей партийного центра с партийной периферией. Эти задания она получала от Центрального и Петербургского комитетов РСДРП, Южного бюро ЦК, Тифлисского, Екатеринославского, Имеретинно-Мингрельского комитетов РСДРП, Кавказского союза РСДРП, Кавказского землячества. Л. Н. Воронова работала в 8 городских партийных организациях (Петербург, Екатеринослав, Тифлис, Кутаис, Сухум, Севастополь, Евпатория, Баку), посетила как разъездной агент 48 населенных пунктов России, причем 35 из них — города Закавказья, Северного Кавказа, Крыма, Юга Украины и Поволжья⁸⁹.

Большевистский центр специализировал своих работников — разъездных агентов именно на тех территориально-географических районах, в которых условия партийной работы, состояние промышленности, состав рабочих кадров и местного населения были им хорошо известны. В частности, Л. Н. Воронова выросла в Закавказье, хорошо знала Тифлис, Кутаис (в нем кончала женскую гимназию), Батум, Сухум, Баку, Екатеринодар, Екатеринослав. Это и предопределило ее успешную работу⁹⁰. Вот строки из письма Вороновой матери в «Ясочку» в марте 1907 г.: «А ведь я решила не ехать домой этим летом... Еду я на лето не отдыхать, а работать. Куда — до сих пор еще не определено... Не надо беспокоиться за того человека, который знает определенно, что он делает и что он хочет сделать, и который чувствует поэтому себя счастливым. Понимаешь ты, счастливым от полноты ощущения работы, борьбы, жизни. С каждым годом нас, сознавших, в чем счастье жизни, становится больше и больше, и мы убеждены, что человечество идет вперед... Это не утопия. Я ясно и определенно осознаю, что хочу именно такой жизни. Лучше гореть недолго, но ярко, чем тлеть, покрываясь пеплом. Мимо прошло столько лиц, которые сгорели в продолжение нескольких лет — но они были счастливыми, так как сознавали, что, умирая, остаются бессмертными...»⁹¹.

Летом 1907 г. Вольная высшая школа была закрыта. В течение двух лет власти отказывались открыть курсы Лесгафта. Лишь весной 1909 г. удалось вновь добиться

⁸⁵ Фамилии удалось выявить по материалам личного архива Л. Н. Вороновой.

⁸⁶ Этот транспорт с литературой они везли в Крым и Закавказье.

⁸⁷ Личный архив Л. Н. Вороновой.

⁸⁸ Личный архив К. А. Александер-Рудневой.

⁸⁹ Личный архив Л. Н. Вороновой (переписка, дневники, воспоминания); материалы ЦГАОР СССР.

⁹⁰ За пять лет Л. Н. Воронова подвергалась арестам всего лишь два раза.

⁹¹ Личный архив Л. Н. Вороновой.

открытия Высших курсов физического образования. В это время создатель курсов П. Ф. Лесгафт тяжело болел и в ноябре 1909 г. скончался в Каире.

...Прошли годы. В Февральскую революцию 1917 г. курсы Лесгафта вновь стали одним из центров революционного движения в Петрограде. Здесь проходили массовые митинги, функционировали Советы рабочих и солдатских депутатов Коломенского района, районный отдел Красной гвардии, продовольственный комитет. Последний раз на курсах Лесгафта В. И. Ленин выступал с докладом между 27 и 29 апреля 1917 г. на одном из заседаний VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП⁹². Это было двадцатое выступление вождя партии в стенах курсов. В память об этих выступлениях В. И. Ленина на фасаде д. № 32 по проспекту Маклина ныне установлена мемориальная доска с надписью: «Здесь в период 1905—1907 годов неоднократно выступал и проводил занятия марксистского кружка Владимир Ильич Ленин. В 1917 году в этом доме под председательством В. И. Ленина проходило одно из заседаний VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (большевиков)».

Пребывание, работа, выступления В. И. Ленина на Высших курсах П. Ф. Лесгафта в 1905—1907 и в 1917 гг., его личные контакты с отдельными преподавателями (Д. И. Лещенко, Е. П. Лещенко, Н. М. Книпович, С. М. Познер), слушательницами (К. А. Александер, Л. Н. Воронова, В. В. Заорская, Е. Г. Крич, Ф. П. Кассесинова, Л. А. Качаунова, А. И. Мейбаум, О. И. Виноградова, Д. А. Лазуркина и др.) и рабочими-курсантами (И. Крехалёв, Т. Мясоедов, Т. Федоров) оказали на них огромное революционизирующее влияние. Курсистки были не только активными участницами трех русских революций и гражданской войны, но и Великой Отечественной войны. Сотни из них отдали свою жизнь за дело революции, свободу и независимость нашей Родины.

⁹² «Ленин в Петербурге...», стр. 83.

ДМИТРИЙ ПОЖАРСКИЙ

Ю. М. Эскин

Минин и Пожарский. Сочетание имен этих знакомо едва ли не всем с детства. Сбор ополчения Мининым в Нижнем Новгороде, изгнание интервентов из Москвы Пожарским припомнит любой. Но гораздо меньше известны биографии этих национальных героев нашего народа...

Пожарские были захудалой ветвью Рюриковичей, властителями небольшого удельного Стародубского княжества в бассейне Клязьмы, Луха и Мстеры. Потомки потерявших в XV в. независимость стародубских князей стали рядовыми вотчинниками. Княжата носили прозвания по родовым гнездам: Ряполовские, Ромодановские, Палецкие (по селам Ряполову, Ромоданову, Палеху), Пожарские (по вотчине Пожар)¹. Многие из членов первых фамилий достигли видного положения в Русском государстве и стеснялись родства с незаметными Пожарскими. А сейчас их имена и титулы интересны в основном специалистам, имя же их родственника навсегда прославлено его делами.

1 ноября 1578 г. у князя Михаила Федоровича Глухого-Пожарского и его жены Марии Федоровны, урожденной Беклемишевой, родился второй ребенок — Дмитрий (старшей была дочь Дарья, младшим — сын Василий). Мальчика нарекли Дмитрием не случайно. В знатных семьях любили давать детям принятые в великокняжеской династии имена: Дмитрий, Иван, Василий и т. д. «Дмитриям» на московском троне не везло. После Дмитрия Донского погибли все звавшиеся так претенденты на престол. Так, потерпел крах Дмитрий Шемяка, был убит Дмитрий — внук Ивана III, утонул младенец Дмитрий — первенец Ивана IV, погиб в 1591 г. Дмитрий — последний сын Ивана Грозного, та же судьба постигла всех Дмитриев-самозванцев. Ряполовские (Хилковы и Татевы), Палецкие, Ромодановские служили окольными и боярами. Ветвь же Пожарских (из старших в стародубском роде) оказалась в рядах третьестепенных служилых людей — городских голов и ямских строителей, которые не часто заносили в Разрядные книги. Пожарские в местных спорах оправдывались опалой времен Ивана IV. Но документально это никак не подтверждается. Еще и до правления Ивана Грозного мы не могли бы назвать ни одного видного военного или государственного деятеля из Пожарских. Очевидно, когда великие князья подчиняли Москве Суздальское и Нижегородское княжества и мелкие титулованные вотчинники спешили к ним на новую службу, Пожарские проявили пассивность. «Отчины» их были обширны, в великокняжеских пожалованиях особой нужды тогда не было. Не вступив на службу в ранге служилых князей, они отрезали своим потомкам путь к верхам московской знати.

Деда Пожарского, князь Федор Иванович Третьяков-Пожарский значится в больших чинах в «Тысячной книге» и «Дворовой тетради» — списках служилых людей государева двора середины XVI века². Через несколько лет он стал городовым головой в Казани. Он не пользовался благоволением царя и был убран из Москвы. Дважды в 1560-е годы его заставляли ручаться — «поручаться»: по Бельском (в 100 руб.) и по боярине Яковле (в 50 руб.)³. Значит, Иван IV в случае «измены» вельмож надеялся получить эти огромные по тем временам суммы. О богатстве деда Пожарского Третьякова-Пожарского свидетельствует факт продажи им в 1573 г. вот-

¹ С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве в XVI в. Т. II. СПб. 1897, стр. 189—191.

² «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в.». М., 1951, лл. 125, 93 об.

³ Л. М. Савелов. Князья Пожарские. М. 1906, № 30.

чины монастырю за 400 рублей! ⁴. Сын его Михаил Федорович нигде не упоминается как воевода. Если он и воевал, то как простой служилый человек, не имея даже звания головы. Ранняя болезнь или контузия (на это указывает прозвище «Глухой») тоже могли помешать карьере. Большую часть жизни князь Михаил провел в своих вотчинах. Кроме части родового Мугреевского владения, ему принадлежали деревня Лужная на Угре, деревня в Деревской пятине Новгородского уезда и подмосковное Медведково на Яузе.

В 1571 г. отец женил Михаила на Евфросинье-Марии Беклемишевой, дочери Федора Ивановича Берсенева-Беклемишева. Так узами брака связались два рода — захудавший княжеский и опальный старомосковский. Таким образом, Дмитрий Михайлович Пожарский оказался правнуком видного государственного деятеля эпохи Ивана III, думного дворянина Ивана Никитича Берсена-Беклемишева ⁵. Берсень выступил против второй женитьбы Василия III и его развода с Соломонией Сабуровой, за что был казнен в 1525 году. Он «поплатился за колкие высказывания об усилившемся самовластье Василия III, единолично принимавшего решения без совета с Боярской думой» ⁶. Внучка его, мать Д. М. Пожарского, не любила своего, дажного при крещении, имени Евфросинья и звалась Марией, как она и фигурирует во всех официальных документах. А уйдя на старости лет в монастырь, княгиня сменила «крестное» имя по обычаю на созвучное — Евдокия. В 1587 г. князь Михаил Глухой-Пожарский умер. Вдова осталась с детьми на руках. Старшими были Дарья 15 лет и 9-летний Дмитрий. Через некоторое время Дарья вышла замуж за князя Н. А. Хованского, а княгиня решила определить сыновей на службу. Перебравшись в Москву, Мария Федоровна использовала связи Беклемишевых в старомосковской придворной среде, и в 1593 г. Дмитрий и Василий поступили на службу ⁷. В разрядах того времени они не числятся, но в 1598 г. Дмитрий Михайлович стал стряпчим «с платьем». Получить место при дворе потомкам Берсена помогли вошедшие в силу потомки Сабуровых-Годуновых. Тем не менее новым придворным пришлось выдержать жестокие местнические стычки с такими же, как они, княжатами. В результате какой-то интриги мать Дмитрия однажды подверглась опале, но уже в 1602 г. была назначена верховой боярыней при царице Ксении Годуновой.

В то же время мать другого придворного в том же чине — княгиня Лыкова — стала верховой боярыней у царицы Марии. Д. М. Пожарский не пожелал признать свой род ниже рода Лыковых — младшей ветви Оболенских, и начал местнические спор. Это дело подробно описано в изготовленной по заказу князя Дмитрия Разрядной книге: «По своему отчеству матери моей менши князь Михайловы, княгини Лыкова, княгини Марьи, моей матери быть невместно а мочно, государь, быть больши... княгини Марьи многии месты. А я холоп твой бью челом тебе Государю Царю и Великому князю Борису Федоровичу Всея Руси в отечестве на князя Борисова отца, на князя Михаила Лыкова» ⁸. Решения по этому делу не было. Значит, Пожарского признали чуть выше Лыкова либо равным (раз не наказали, как поступали с потерпевшими неудачу). Вскоре князь Дмитрий стал стольником. Он выделялся среди молодых придворных своей образованностью. Грамотеев при дворе Бориса Годунова было не много. Так, в 1602 г. при получении стольничьего жалованья Пожарский расписался за шесть человек, в числе которых князя Хованский, Долгорукий, Шаховской, Вяземский и стольник Аксаков ⁹.

Жил тогда Пожарский в обширном родовом подворье на Сретенке (потом эта часть Сретенки стала называться Лубянской, ныне ул. Дзержинского), у церкви Введения. Он уже был женат на какой-то Прасковье Варфоломеевне (ее девичья фами-

⁴ ЦГАДА, ГКЭ, Юрьев, ф. 281, №№ 28/14578, 28/14579.

⁵ Там же.

⁶ А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени. М. 1972, стр. 271—287. Прозвище говорит об остром, язвительном уме: берсень — колючий кустарник, крыжовник, шиповник (см. С. Б. Веселовский. Ономастикон. М. 1974).

⁷ А. Малиновский. Биографические сведения о князе Д. М. Пожарском. СПб. 1917, стр. 3, 4.

⁸ Государственная библиотека имени В. И. Ленина. Отдел рукописей (далее — ГБЛ, ОР), ф. 79, № 16.

⁹ А. Малиновский. Указ. соч., стр. 8.

лия неизвестна). Служба стольника была не особо обременительной: присутствие на приемах послов и официальных пирах, иногда поездки с особыми поручениями к наместникам и воеводам. Донимали интриганы, особенно князь Лыков, который позднее доносил царю Василию Шуйскому: «Прежде при царе Борисе он, князь Дмитрий Пожарский, доводил на меня ему, царю Борису, многие затаенные доводы, будто я, сходясь с Голицыным и со князем Татевым, про него, про Бориса, рассуждаю и умышляю всякое зло... И за эти затаенные доводы царь Борис и царица Марья на мою мать и на меня положили опалу и стали гнев держать без сыску»¹⁰. Пунктуальные дяки зарегистрировали покушку Пожарским в те годы в казне боевого коня и снаряжения, в счет чего была удержана значительная часть жалованья. Так бы и длилась, вероятно, придворная карьера князя Дмитрия, если бы не бурное время конца XVI — начала XVII века.

В обстановке резко обострившейся классовой борьбы и политической изоляции режим Годунова пал. В Кремле утвердился Лжедмитрий I. Биографы теряются в догадках относительно деятельности князя Пожарского вплоть до воцарения Василия Шуйского. Известно, впрочем, что князь по-прежнему выполнял стольничьи обязанности во дворце. Лжедмитрием он не был ни наказан, ни возвышен, Шуйским — тоже. Весной 1608 г. стольник Пожарский внезапно «исчезает», и в документах появляется воевода Пожарский. Детали назначения неизвестны. Но понятно, что рассыпавшиеся в то время по стране остатки армии И. И. Болотникова и небольшие казачьи станицы нагоняли страх на правительство Шуйского. Польские войска разоряли русские города, Лжедмитрий II из Тушина руководил мелкими отрядами, Ян Сапега осаждал Троице-Сергиев монастырь, а Лисовский — вожак разбойно-партизанских ватаг — стремился овладеть Коломной. В случае захвата ее Москва была бы обречена на голод.

Здесь-то впервые проявилось военное дарование Пожарского. Получив небольшой отряд, он скрытно вышел в район Коломны и выслал разведчиков, которые доставили ему точные сведения об отряде Лисовского. Ранним утром князь Дмитрий напал на отдыхавшего в селе Высотском противника и разгромил его. В Москву Пожарский вернулся с пленными и с богатыми трофеями¹¹. Произошло это осенью 1608 года. Пожарскому исполнилось тогда 30 лет, а всего через год он вновь показал свой военный талант. Весною 1609 г. Москва опять была под угрозой окружения. Отряд крестьянско-казачьей вольницы атамана Салькова блокировал Коломенскую дорогу. Царь Василий направлял против него опытных воевод, сначала князя Масальского, потом Б. Сукина, но обоих Сальков разбил. Затем послали Дмитрия Михайловича: «Наконец, вышел третий воевода, князь Д. М. Пожарский, и разбил Салькова наголову на Владимирской дороге на реке Пехорке; на четвертый день после битвы Сальков явился в Москву с повинною; у него оставалось 30 человек»¹². И через некоторое время Пожарский поехал воеводой в город Зарайск.

Как известно, на роль главы оппозиции непопулярному царю Василию, интригану и клятвопреступнику, претендовал П. П. Ляпунов, честолюбивый глава рязанского дворянства. Сделав ставку на Лжедмитрия II, он служил ранее и у Болотникова; но, учув антифеодалные настроения в войсках «рыцаря Иоанна», Ляпунов увел своих людей к Шуйскому, за что получил чин думного дворянина. Молва приписывала именно ему ту провокацию, в результате которой его соперник талантливый полководец М. В. Скопин-Шуйский стал жертвой подозрительности своего коронованного дяди и погиб¹³. Но для прямого выступления против Шуйского у Ляпунова не хватало сил. Тогда он и отправил в Зарайск к Пожарскому своего племянника Федора с письмом, в котором призывал к общей борьбе. Князь Дмитрий, не склонный поддерживать опасную в условиях иноземной интервенции попытку дворцового переворота, наотрез отклонил предложение, молодого Ляпунова он отпустил в Рязань, а письмо отослал в Москву, потребовав себе подкреплений¹⁴.

¹⁰ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. 8. М. 1960, стр. 393.

¹¹ И. С. Забелин. Прямые и кривые в смутное время. Минин и Пожарский. М. 1896, стр. 49.

¹² С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 52.

¹³ И. С. Забелин. Указ. соч., стр. 50—53.

¹⁴ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 572.

Вскоре антифеодальная агитация левого крыла тушинцев возбудила посадские низы многих, ранее верных правительству городов. Пожарский как воевода оказался в трудном положении. Его родственники — Ромодановские, Гагарины, Татевы — уходили в Тушино, где награждались чинами и землями. Городские низы потребовали и от Пожарского присягнуть «тушинскому вору». Пожарский не пожелал. Ему угрожала расправа, но воевода укрылся с гарнизоном в Кремле Зарайска. А там находились продовольствие и все ценности горожан, и спустя несколько дней мятежный посад стал уступчивей. Был достигнут компромисс, формулировка которого выявляет политические принципы Пожарского: «Будет на Московском царстве по-прежнему царь Василий, то ему и служить, а будет кто другой, и тому так же служить»¹⁵. Пожарский считал законным того монарха, которому целовала крест Москва.

Когда враждебные Шуйскому феодальные группировки свергли его и предложили трон польскому королевичу Владиславу, они выбили этим почву из-под ног «тушинского вора». Он больше был не нужен и вскоре погиб. Участвовавшие же в его движении народные силы высвободились для национального движения против интервентов. Заруцкий, ставший атаманом собравшейся в Калуге и Туле крестьянско-казацкой вольницы, объединился с вождем юго-западного дворянства князем Трубецким, а в роли организатора «единого фронта» выступил П. П. Ляпунов.

Но над еще не сформированным ополчением нависла опасность. Эмиссар польского короля Сигизмунда Гонсевский стремился подготовить жителей практически оккупированной поляками Москвы к вступлению на царство уже не королевича Владислава, а самого короля, задержанного героической обороной Смоленска. Гонсевский узнал о заговоре, в который вошла часть московской знати, испугавшаяся окончательной утраты национальной независимости: Ф. Плещеев, А. Измайлов, князя Б. Лыков, М. Белосельский, В. Голицын и Д. Пожарский¹⁶. Они решили поддержать Ляпунова. Гонсевский постарался предупредить события и в начале 1611 г. послал из Москвы отряд заповорожских казаков. Соединившись с Сумбуловым, атаманом отряда, признавшего Владислава, они осадили Ляпунова в Пронске. Дело ополчения могло погибнуть. Ляпунов разослал призывы о помощи. Первым откликнулся Пожарский. Но настичь врага под Пронском ему не удалось. Узнав о подходе сил князя и других подкреплений, Сумбулов снял осаду и ушел, не приняв боя и решив зато совершить налет на оставленный Пожарским Зарайск. Князь разгадал этот маневр и опередил Сумбулова на несколько часов. Казаки, рассчитывая на добычу, ворвались в деревянный город, не заметив, что ворота за ними закрылись. Выйдя из Кремля, гарнизон начал уничтожение «гостей». Вырваться удалось лишь Сумбулову с немногими оставшимися в живых заповорожцами. Они бежали к югу¹⁷.

Отныне политическая ориентация зарайского воеводы прояснилась: война с «семибоярским» правительством, с поляками, союз с освободительным движением. Семье Пожарского стало небезопасно оставаться в старой усадьбе на Сретенке, и Пожарский неожиданно приехал в столицу¹⁸, решив вывезти жену и детей в глухие вотчины на Клязьме. В момент начала восстания москвичей против поляков 19 марта 1611 г. он был в своем доме. «Семибоярщина», это присягнувшее Владиславу правительство, и польская администрация стремились укрепить город ввиду подхода ляпуновского ополчения. Но москвичи саботировали работы. Утром 19 марта акт саботажа перерос в драку с солдатами, затем в вооруженную стычку и в восстание. Извилистые улицы города с глухими частокколами покрылись баррикадами. Оккупантов было меньше, зато они были профессиональными и прекрасно вооруженными солдатами. У москвичей же по приказу Гонсевского было заранее изъято оружие и даже ножи свыше «кухонной» длины. Через несколько часов стихийное выступление получило руководителя. Пожарский, выйдя из ворот, увидел, как польские наемники под прикрытием пушек Китай-города наступали вверх по Сретенке. Восставшие отходили, унося с собой части разборной баррикады. Дмитрий Михайлович собрал защитников

¹⁵ Там же.

¹⁶ Н. П. Долинин. Классовая и национально-освободительная борьба в России 1610—1614 гг. ГБЛ, ОР, ф. 218, № 1355, стр. 617.

¹⁷ С. М. Соловьев. Указ соч., стр. 633.

¹⁸ Л. М. Сухотин. К вопросу о причастности Гермогена в Пожарского к I Ополчению. «Сборник статей в честь М. К. Любавского». Пгтр. 1917, стр. 338 сл.

улицы и послал людей по соседству, на Пушечный двор. Оттуда литейщики доставили орудия и боеприпасы. Тем временем Пожарский построил у церкви Введения узел обороны — «острожек». Неожиданный залп поверг нападавших в смятение, и москвичи перешли в атаку. Пожарский «втоптал неприятеля в Китай-город»¹⁹.

К вечеру москвичи контролировали почти весь Белый город. Оказавшиеся в Москве воеводы тоже укрепились: М. Бутурлин — у Яузских ворот, И. Колтовский — в Замоскворечье. Положение запертых в Кремле и Китай-городе интервентов стало отчаянным. Тогда М. Г. Салтыков, член «семибоярщины», применил испытанный способ борьбы — огонь. Несмотря на сильный мороз, Москва запылала. Люди метались меж горящими и рушащимися домами, по ним били картечью со стен Китай-города. Белый город горел. Ландскнехты перешли в наступление. Весь следующий день люди Пожарского еще удерживали позиции. Сретенка держалась до вечера. Когда оставшиеся в живых защитники покинули острожек, Пожарского, несколько раз раненного и обожженного, в санях отвезли в Троице-Сергиев монастырь. Потом он уехал в Мугреево.

Только через несколько дней подошедшие воеводы япуновского ополчения начали осаду Москвы. Но личное соперничество трех глав движения и классовая вражда в войске привели к расколу. Япунов заставил ополчение принять дворянскую программу действий: «Приговор 30 июня» предусматривал восстановление крепостных порядков. Вскоре возмущенные низы убили Япунова. Тем временем зрела новая социальная база национального освобождения. В условиях ослабления центральной власти в России выросла самостоятельность купеческо-посадских элементов в торговых-ремесленных центрах Востока и Северо-Востока — Костроме, Ярославле, Нижнем Новгороде. Здесь-то и было принято тогда решение собрать новое ополчение вместо того полуголодного, неорганизованного и мятежного воинства Япунова, которое не смогло освободить Москву. Инициатором сбора средств стал лидер средних слоев нижегородского посада земский староста Кузьма Минин. Он стремился организовать армию, способную разгромить шляхтичей и ландскнехтов Сигизмунда, которой не надо было бы обеспечивать себя (по примеру всех тогдашних армий) мародерством. На собранные средства нанимались опытные воины — служилые люди, стрельцы, казаки. Нужен был командующий. Почему же остановили выбор на Пожарском? Во-первых, он был политическим единомышленником горожан как сторонников сильного национального правительства; во-вторых, ни разу и ни под каким лозунгом не служил делу мятежа, что было в ту пору большой редкостью среди людей его ранга. Кроме того, он обладал военным авторитетом, знатностью (важно для престижа ополчения) и был лично известен многим людям. Пожарских, в частности, неплохо знали в Нижнем Новгороде, ибо их вотчины лежали в Мытском стане, на границе Владимирского и Нижегородского уездов. Купцы не раз имели дело с этими солидными по тем краям землевладельцами. Пожарские были связаны и с Макарьевским Желтоводским монастырем, который впоследствии основал знаменитые Нижегородские ярмарки²⁰. А вернувшиеся из-под Москвы ополченцы рассказали о мужественных и талантливых действиях князя Дмитрия во время мартовского восстания 1611 года.

Депутацию в Мугреево возглавили архимандрит Нижегородско-Печерского монастыря Феодосий и сын боярский Ж. П. Болтин, один из родовитых дворян Нижнего. Согласно этикету, Пожарский долго отказывался, но позволил уговорить себя. Князь был уже осведомлен о событиях в Нижнем. По некоторым данным, Минин ездил к нему ранее и обо всем предварительно договорился. Теперь уже Пожарский потребовал Кузьму на пост хозяйственного руководителя как условие своего согласия. Послала гонца в город. Получив послание Пожарского, Минин «нажал» на городские верхи и заставил купечество подписать договор о поддержке и финансировании ополчения. Этот документ был выслан в Мугреево. Вскоре Пожарский выехал в Нижний Новгород²¹

¹⁹ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 635.

²⁰ М. Д. Бутурлин. О месте погребения Д. М. Пожарского и о том, где он лежал от ран осенью 1611 года. М. 1876.

²¹ Эти подробности вызывали сомнения у историков. Костомаров обвинял Пожарского в «безволии», а Минина — в «интриганстве» (Н. И. Костомаров. Собр. соч. Кн. 5. Т. 13. СПб. 1905, стр. 478—484). Церковники создали легенду: при вести о народном избрании «умиравший» Пожарский мгновенно «исцелился».

с семьей и в сопровождении вооруженных холопов, послужильцев и стрельцов из нижегородского гарнизона. В пути он встретил кочующих в поисках сильного сюзерена служилых людей из Дорогобужа и Вязьмы. После падения Смоленска они пошли на службу в ляпуновское ополчение, где князь Трубецкой обещал им поместья. Но крестьяне не признали новых господ и выгнали. Теперь своей властью Пожарский пригласил их на службу и присоединил к своему «поезду»²².

Перед Дмитрием Михайловичем стояла сложная задача — сформировать и возглавить армию, способную разгромить интервентов. За четыре года военной деятельности (1608—1611 гг.) ему ни разу не пришлось ни организовывать значительные воинские силы, ни испытать себя в руководстве боевыми действиями солидного масштаба. Весь его опыт, по сути дела, ограничивался несколькими стычками (с участием максимум нескольких сот людей с обеих сторон), обороной небольшого города и уличными боями в Москве. Но Пожарский и Минин, поддержанные посадом и дворянством, быстро сумели создать костяк армии и укрепить власть в Нижегородской земле. Они подавили движение городских и сельских низов²³ и, образовав центр национального единства, оперлись на армию, формирование которой завершили к началу 1612 года. Высланные Пожарским отряды навели порядок на Севере и Северо-Востоке. Многие крупные землевладельцы увидели во Втором ополчении многообещающую силу и перешли на его сторону. К февралю 1612 г. в ополчении было уже много знати, которая вместе с представителями городов составила правительство — «Совет Всей Земли». Это правительство посылало грамоты с распоряжениями (в них подпись Пожарского стояла, строго по разрядам, лишь на 10 месте, после более знатных Морозова, Долгорукого и других). А на 15 месте князь Дмитрий подписался за «выборного человека всею землею в Кузьмино место Минина». Вожди бывшего ляпуновского ополчения опасались Пожарского, и «семибоярщина», зная это, стремилась спровоцировать столкновение. Из Москвы в Нижний посыпались послания бояр, избравшие казачьего атамана Заруцкого из Первого ополчения едва ли не новым Болотниковым. Но Пожарский не пожелал нарушить национальный союз ополченцев и удержал от выступлений дворянство, видевшее в подмосковных таборах «взбунтовавшихся холопов».

Наиболее дальновидные помощники Заруцкого думали так же, как Пожарский. Когда в начале февраля Андрей Просовецкий был направлен Заруцким к Ярославлю для борьбы с хозяйничавшими там войсками гетмана Ходкевича, ставшего лагерем в Кашине, то увидел, что посланный из Нижнего отряд кн. Д. П. Лопаты-Пожарского уже занял Ярославль. Лопата-Пожарский арестовал всех бывших в городе казаков, а некоторых казнил. Узнавший об этих событиях Просовецкий ушел от города, избежав прямого столкновения²⁴. В середине февраля Пожарский вывел основные войска из Нижнего. По пути к Ярославлю к нему присоединились многие отряды. Вскоре их приток усилился. В Решме князю Дмитрию пришла весть от окольничего А. В. Исмайлова: пытаюсь поправить свое пошатнувшееся положение, Трубецкой и Заруцкий примкнули к движению городских низов и казаков с центром в Пскове под знаменем очередного самозванца (Лжедмитрия III). Служилые люди начали массами переходить во Второе ополчение. Около Костромы к Пожарскому пришли жители города и рассказали о намерениях своего воеводы: И. В. Шереметев вел двойную игру, поддерживая контакт и с «семибоярщиной», и со Вторым ополчением и не пускал Пожарского в город. Но в Костроме началось восстание, и только вмешательство Пожарского спасло воеводу от самосуда²⁵. На его место поставили популярного в городе князя Р. Гагарина, бывшего здесь воеводой до Шереметева. Затем Пожарский послал своего родственника Р. П. Пожарского в Суздаль. Об этом его попросила депутация горожан, узнавших, что Заруцкий направил туда отряды Андрея и Ивана Просовецких. Стрельцы заняли город, а опоздавшие братья-атаманы опять решили не вступать в вооруженный конфликт.

²² С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 662.

²³ Н. П. Долиннин. Указ. соч., стр. 648, 656.

²⁴ Там же, стр. 665.

²⁵ П. Г. Любимиров. Очерки истории Нижегородского ополчения. М. 1939, стр. 92—93.

В Ярославле тем временем окончательно сформировался «Совет Всей Земли». Функционировали приказы — Посольский, Разрядный, Поместный. Формально возглавляли правительство знатнейшие из присоединившихся к ополчению феодалов. Тут были члены фамилий Долгоруких, Куракиных, Львовых, Турениных, Шереметевых, Бутурлиных. Фактическими же лидерами являлись Пожарский и Минин. Войско достигло уже 10 тыс. человек. Поместный приказ отменил земельные выдачи изменникам из рук интервентов и самозванцев (так получил одну из вотчин Пожарского некий Г. Орлов за то, что донес полякам на князя как на участника боев в Москве). Ярославское правительство понимало, что надо скорее ставить царя на русский престол, и Пожарский возобновил начатые еще Ляпуновым переговоры о короне для шведского принца Карла-Филиппа, который оккупировал Новгородскую землю и провозгласил себя князем Новгородским и вассалом своего старшего брата, шведского короля Густава-Адольфа. Карл-Филипп переменял герб «княжества»: вместо двух медведей, жезлами преградивших путь к креслу посадника, этого символа свободы «Господина Великого Новгорода», на щите появились половина двуглавого орла и ключ, поскольку династия Ваза рассматривала Новгород как плацдарм к овладению Россией.

Стравить боровшиеся в Прибалтике польские и шведские правящие круги в борьбе за «русское наследство» имело смысл, и Пожарский действовал как недюжинный дипломат. Кроме того, Швеции теперь было неудобно присоединять Новгород (как марионеточное государство). Летом 1612 г. в Ярославле начались переговоры. Они проходили открыто, в присутствии всего «Совета». Пожарский поставил послам такие условия: переход королевича в православие и приезд его в Россию (Карл-Филипп жил в Выборге). Теперь нас уже не проведешь, как провел Сигизмунд, сказал князь: «Только уже мы искусились; не так бы мы не учинилось, как Польского и Литовского короля. Польский Жигимонт король хотел дать на Российское государство сына своего королевича да через крестное целование гетмана Польского Станислава Жолкевского и через свой лист за рукою своею и печатью манил с год, и не дал, а над Московским государством что Польские и Литовские люди учинили то вам и самим ведомо. А свейской Каролус король так же на Новгородское государство хотел сына своего отпустить вскоре, до по се место, уже близко году, королевич в Новгороде не бывал»²⁶.

В ответ на предложение направить в Швецию посольство для переговоров Пожарский напомнил о судьбе посольства в Польшу: как только Сигизмунд увидел, что патриарх Филарет, князь Голицын и другие не согласятся с утратою Россией независимости, он захватил их в плен. Пусть лучше Густав-Адольф продемонстрирует добрую волю и выполнит русские условия. Но брат шведского короля побоялся ехать в охваченную гражданской войной страну. Дмитрий Михайлович перешел в наступление и спросил членов марионеточного новгородского правительства — князя Черного-Оболенского и игумена Геннадия, как посмели они присягнуть неправославному государю? Послы испугались и заверили «Совет», что Новгород потребует от принца крещения: «А не нашия Греческия веры, на государство не хотим». Швеция была на время нейтрализована. Но Пожарский воспользовался еще одним обстоятельством. В Ярославле случайно оказался возвращавшийся с Востока подданный Священной Римской империи Яков Грегори. С ним к императору Рудольфу II было отправлено официальное приглашение на престол кого-либо из родственников «цесаря». Пожарский отлично понимал, что его безвестная подпись (при том, что в Европе мало знали о событиях в России) не произведет впечатления на Вену и что на Западе удостоверением знатности служили фамильные гербы, на Руси же их не применяли. Государственный герб Второе ополчение считало невозможным использовать до избрания царя. Кроме того, «двуглавый орел» был тогда дискредитирован самозванцами. Знак Первого ополчения («единоглавый орел») принять тоже не хотели. И Пожарский, одним из первых в России, завел себе личный герб, который и был изображен на приглашении. Потом этот герб скопировали с перстня-печатки и сделали «большую печать», которая стала официальной эмблемой Второго ополчения. На этом гербе два льва поддерживают пышный щит. На щите ворон (или сокол) клюет вражескую голову. Под щитом — повер-

²⁶ Г. А. Замятин. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол. Юрьев. 1913, стр. 52—54.

женный дракон. По краю шла надпись: «Стольник и воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарсково Стародубсково»²⁷. Титул разъяснял, что глава нового правительства — не какой-то там «Ляпунофф» или «Болотникофф», а владетельный князь, герцог; и не «узурпатор», а потомок суверенов «милостью божией», родня угасшей династии Рюриковичей²⁸.

Трубецкой и Заруцкий видели, что их отодвигают на второй план. И они сами призвали Пожарского под Москву, «раскаявшись» в присяге «псковскому вору». Сочувствовавший Первому ополчению Авраамий Палицын, злобствуя, обвинял князя Дмитрия в бражничестве и лени, но тщетно. Заруцкий же предпринял отчаянную попытку вернуть себе руководство движением и тайно послал в Ярославль наемных убийц, которые связались с одним из слуг князя. В день смотра артиллерии они добрались к Пожарскому в толпе. Но воеводу заслонил собой некий казак Роман, на плечо которого тот, не вполне еще оправившийся, опирался. Народ схватил подосланных и лишь благодаря князю Дмитрию Михайловичу не разорвал их тут же на куски. На суде эти двое — Семен и Обреско — признались во всем. Слугу-изменника Пожарский простил, а двоюцу решил взять с собой, чтобы использовать для давления на Заруцкого.

В начале июля, узнав о движении к Москве польского гетмана Ходкевича, Пожарский выслал передовые отряды. 24 июня туда подошли Ф. Левашов и М. Дмитриев; 2 августа — Д. П. Лопата-Пожарский; вместе они имели 1100 человек. Они укрепились у Петровских и Тверских ворот столицы и, по приказу Пожарского, отказались соединиться с отрядами Первого ополчения. Заруцкий понял, что не должен ожидать для себя ничего хорошего. Вскоре узнали о его тайных переговорах с Ходкевичем, и раскол подмосковных таборов завершился. Лишь половина казаков осталась верна атаману. С ними он ушел в Астрахань, прихватив с собою Марину Мнишек (с которой сблизился после смерти «тушинского вора») и ее сына-«воренка», а в 1614 г. был выдан Москве и казнен; Марина же умерла в заточении.

Основные силы Пожарского тем временем двигались к Москве: 30 июля князь Дмитрий на сутки сдал командование Минину и князю Хованскому и, оставив войско на отдыхе, по обычаю посетил Спасо-Евфимьев монастырь, родовую усыпальницу Пожарских. У Переяславля-Залесского ополчение нагнала депутация от прибывших в Архангельск ландскнехтов. Их глава, шотландец «Яков Шав» (Джеймс Шоу), предложил ополчению свою службу. «Совет» вежливо отказал. Честные служилые иноземцы имелись в войсках, но не стоило доверять всеевропейским бродягам, способным изменить за лишний флорин. Вскоре «Совет» понизил в должности воеводу и сместил дьяка в Архангельске, пропустивших авантюристов через всю страну.

В ночь на 20 августа Минин и Пожарский уже стояли у Москвы. Ян-Карл Ходкевич опоздал на полтора дня, и Второе ополчение блокировало Кремль по укреплениям Белого города от Чертольской башни до Петровских ворот. Трубецкой, поняв, что Пожарский и Минин не придут к нему в таборы, решил саботировать совместные военные действия. Часть казаков поддерживала его: они боялись отдельно стоявшего дворянского войска. 22 августа наспех укрепленный лагерь Второго ополчения выдержал двойной натиск. Венгерская и запорожская конница потеснила Пожарского, затем бой стал рукопашным. Тем временем Ходкевич пытался зажать ополченцев между Кремлем и Москвой-рекой²⁹. Накануне Трубецкой попросил у Пожарского пять лучших конных сотен, а теперь сам медлил с помощью. Озлобленная часть казаков саркастически замечала: «Пришли из Нижнего, едни отстоят от етмана», — глядя, как истекают кровью ополченцы. Но командиры пяти сотен не выдержали бездействия и переправились через реку без приказа. С ними пошли те атаманы, которых Пожарский одарил в Ярославле во время их депутатий. Пехота Ходкевича не ожидала удара

²⁷ П. А. Садииков. Земская печать и Нижегородское ополчение. 1611—1612 гг. «Летопись занятий Археографической комиссии». Т. 35. 1929, стр. 5—10.

²⁸ В то же время Пожарский говорил в Ярославле: «Если бы теперь такой столп князь Василий Васильевич (Голицын) был здесь, то за него бы все держались, и я за такое великое дело мимо него не принялся бы, а то теперь меня к такому делу бояре и вся земля силою поневолили» (С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 672—673).

²⁹ Г. Н. Бибииков. Бон русского народного ополчения. 1612 г. «Исторические записки». Т. 32. 1950, стр. 186—188.

с фланга и побежала. Теснивший Пожарского с другой стороны кремлевский гарнизон тоже отступил. Так первая попытка гетмана пробить блокаду провалилась.

24 августа укрепившийся у Донского монастыря Ходкевич решил отбросить проклятые за ним в Замоскворечье войска Пожарского и одновременно рассеять отряды Трубецкого за Яузой, «и разъярися zelo, и хотя отженути Московское воинство от стен градских, своих же во граде Москве свободных учинити хотя, и скачет по полкам своим всюду аки лев рыскаая, повелевая крепче биться»³⁰. Опорный пункт казаков, церковь Климента на Пятницкой, несколько раз переходил из рук в руки. Ожесточенный бой шел у Крымского брода. Ополченцам пришлось бы плохо, если бы без ведома Трубецкого не подскакали казаки. Авраамий Палицын, похваляясь, писал потом, что он-де спас положение, пообещав казакам награду из монастырской казны. Но окончательный удар нанес Минин, с четырьмя сотнями отборной конницы опрокинувший у Крымского брода передовые роты Ходкевича. Казаки захватили более 400 возов провианта. 25 августа гетман, потеряв обозы и часть армии, ушел к Вязьме, а гарнизон захватчиков остался в Кремле. Тут снова начались раздоры. Сторонники Владислава кн. Шаховской, Шереметевы и другие попытались поднять таборы на Пожарского. Провокация успеха не имела: казаки видели мужество князя, его популярность выросла. Вскоре остатки Первого и Второго ополчения оформили соглашение. Отныне Россией правил боярин князь Д. Т. Трубецкой, стольник кн. Д. М. Пожарский и выборный от Всея Земли человек К. Минин. Приказы и другие учреждения объединили и поставили на Неглинной.

Надежда осажденных в Кремле поляков на раскол провалилась. Их обороной командовали полковники Струсь и Будила. Последний так описывает в дневнике жизнь в Кремле: осажденные ели траву, корни, кошек, мышей, собак, скончавшихся пленных и даже откупывали трупы³¹. Для предотвращения бессмысленной гибели жителей Китай-города Пожарский направил осажденным ультиматум, призывая не слушать изменников России Андронова и Салтыкова-Кривоного, которые раздувают слухи о разногласиях в ополчении, и не ждать подкрепления, ибо все силы польский король бросил против турок; сдавшимся Пожарский гарантировал жизнь, а после перемирия — свободу, пожелавшим остаться на русской службе — награду. Осажденные прислали такой ответ: «Письму твоему, Пожарский, которое мало достойно, чтобы его слушали наши шляхетские уши, мы не удивились... Ты, сделавшись изменником своему государю светлейшему царю Владиславу Сигизмундовичу, которому целовал крест, восстал против него, и не только ты, человек невысокого звания и рождения, но и вся земля изменила ему, восстала против него... Мы не умрем с голоду, дожидаясь счастливого прибытия нашего государя... Пусть каждый из вас, старших, ждет над собой большой казни от бога... Под ваши сабли, которые вы острите на нас, будут подставлены ваши шеи. Впредь не пишите нам ваших московских сумасбродств; мы их уже хорошо знаем... Мы не закрываем от вас стен: добывайте, если они вам нужны, а напрасно царской земли шпынями и блинниками не пустошите; лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей. Пусть холоп по-прежнему возделывает землю, пусть поп знает церковь, Кузьмы пусть занимаются своей торговлей—царству тогда лучше будет, нежели теперь, при твоём управлении, которое ты направляешь к последней гибели царства... Не пиши к нам лукавых басен, не распускай вестей, потому что мы лучше тебя знаем, что делается в нашей земле. Король польский хорошо обдумал с сенатом и Речью Посполитой, как начать ему войну и как усмирить тебя, архимятежника»³².

В октябре несколько батарей начали систематический обстрел Кремля. Пожарский знал, что взять штурмом Кремль трудно. А сидевшие в осаде несколько раз посылали гетману призывы о помощи. Они пытались выиграть время и предложили переговоры. 22 октября ополчением был освобожден Китай-город. Через три дня поляки выпустили содержащихся в Кремле членов боярских семей, в том числе семью патриарха Филарета с его сыном Михаилом Романовым. 27 октября полк Струся, предпочтя казаков людям Пожарского, вышел на территорию, контролируемую Трубецким. Но

³⁰ «Дворцовые разряды» Т. I. СПб. 1850, стб. 3.

³¹ «Дневник Осипа Будилы». «Русская историческая библиотека». Т. I. СПб. 1872, стр. 349—350.

³² Там же.

ярость казаков помешала Трубецкому соблюсти соглашение о сдаче, и часть поляков подняли на сабли. Будила же со своим полком попал в руки Пожарского. Силой собственного авторитета князь помешал расправе и разослал пленных по русским городам. Затем судьба еще раз посмеялась над бывшим полковником: Будила попал в Нижний Новгород. Горожане собирались расправиться с ним. Но жившая там монахиня Евдокия (княгиня Мария Федоровна Пожарская), бывшая в Нижнем «первой дамой», пользовалась всеобщим уважением. Она уговорила нижегородцев («упросила хлопство», как потом писал Будила) не делать этого, поскольку ее сын дал слово сохранить пленным жизнь.

Между тем польский король Сигизмунд с армией в 5—6 тыс. человек шел к Москве. Он не знал о взятии Кремля. В Москве же, очищенной от интервентов, Пожарский, Минин и Трубецкой всерьез обеспокоились. Большая часть дворян-ополченцев, считая свою миссию завершённой, разъехалась по домам. Теперь надежда была на казаков. Дворян осталось в столице 2 тыс., стрельцов — 1 тыс., казаков — 4500. Пожарский проявил политическую гибкость. Атаманам дали поместья, другим — жалованье и право строить в Москве с освобождением от налогов на 2 года. Казаки сумели отогнать королевское войско на запад от Волоколамска³³. Вскоре собрался думетаты Земского собора для избрания царя. Можно строить лишь догадки относительно позиции кн. Дмитрия. Как известно, царем стал внучатый племянник Ивана Грозного и сын главы Российской православной церкви юный Михаил Романов, и после 21 февраля 1613 г. закончилось правление Пожарского, Минина и Трубецкого. 11 же июля, при венчании Михаила на царство, кн. Дмитрий играл видную роль и нес царский скипетр в процессии, а во время венчания у него в руках была держава. Тогда же он стал боярином³⁴, Минин — думным дворянином. Трубецкому молча узаконили его боярский титул (ведь он получил его там же, где Филарет — свое патриаршество, то есть в стане Лжедмитрия II).

Новые власти не очень-то желали видеть рядом тех, кому они были обязаны треном, и при всяком столкновении с родственниками нового царя князю Пожарскому по-прежнему указывали на его «худородность», а в конце 1613 г. при очередном местническом споре его даже выдали головой боярину Б. М. Салтыкову. Вскоре, однако, с Пожарским заговорили иначе. Знаменитый разбойник Лисовский опять «гулял» по юго-западу страны. Воеводу послали на поиски его старого врага. Весной 1615 г. князь заставил Лисовского принять бой под Орлом. Второй воевода — Исленьев — не выдержал атаки шляхетской юности и бежал, «а осталось с князем Дмитрием людей жилецкая сотня да дворянская да дворян из городов не по многу, да человек с 40 стрельцов»³⁵. Он велел укрыться за возами и успешно оборонялся против двух тысяч «лисовчиюв», нанеся им урон и даже взяв пленных. Когда же Исленьев вернулся, враги бежали, так и не проведая, что у Пожарского было войска в три раза меньше. Нагнав и осадив врага в Перемышле, Пожарский узнал, что часть войск Лисовского — те самые ландскнехты, которые попали в Россию через Архангельск. За неимением лучшего, не взятые два года назад Пожарским на службу, «Яков Шав с товарищи» хотел теперь поживиться грабежом. Кн. Дмитрий вступил с ними в тайные переговоры и не ошибся в оценке их моральных качеств. Узнав о перспективе службы у царя, наемники тотчас покинули Лисовского, у которого в результате действий Пожарского осталась половина войска. Но нанести последний удар князю не довелось: его свалил приступ болезни. Передав командование Д. П. Лопате-Пожарскому, Дмитрий Михайлович уехал в Калугу. Лопата же был не популярен. Казаки помнили жестокую расправу воеводы с ними в 1612 г. в Ярославле. Этот вымогатель и взяточник³⁶ не смог удержать войско, и люди разбежались. Почувяв безнаказанность, Лисовский возобновил набеги. Могилей его шайки стала позднее Комарицкая волость.

Московское правительство использовало популярность Пожарского в народе, и еще не оправившийся князь возглавил сбор «пятой деньги» на нужды разоренного

³³ Н. П. Долиннин. Указ. соч., стр. 771—775.

³⁴ Боярство должен был сказывать ему Г. Пушкин; он пробовал местничать, считая себя не ниже Пожарского, но был «укрошен» и выполнил приказ (С. Смирнов. Биография князя Д. М. Пожарского. М. 1852, стр. 85).

³⁵ «Дворцовые разряды». Т. I, стр. 181—182.

³⁶ Н. И. Костомаров. Указ. соч. стр. 479—480.

государства. В 1615—1617 гг. он с титулом «наместника Коломенского» участвовал в переговорах о заключении Столбовского мира со Швецией³⁷. Весною 1617 г. опять начались военные действия с поляками. Войска литовского гетмана Ходкевича и запорожского гетмана Конашевича-Сагайдачного вновь пошли завоевывать московский престол для Владислава. Из осажденной ими Калуги воевода Гагарин писал, что «выборные ото всех людей» били челом, чтобы государь послал к ним кн. Дмитрия Пожарского. И опять Пожарский получил войско, которое еще предстояло укротить: из 7000 человек 4000 служили ранее у Заруцкого. Недаром в царском приказе особо отмечалось: «Да беречи накрепко, чтоб в Калуге... по слободам и в уездах разбою и татбы и иного какого воровства... не было»³⁸. Пожарский совершил рейд на польскую базу село Товарково, где и порубил гусар Опалинского. Освободив Калугу, он помог и Можайску: доставил в осажденный город продовольствие и прикрыл отход части войск к Москве. Но «черная немочь» опять свалила воеводу, и его отвезли в столицу, которую 23 сентября осадили два гетмана — Ходкевич и Сагайдачный (причем имеются сведения, что Ходкевич безуспешно пытался переманить к себе Пожарского). Но князь в сражении у Арбатских ворот отбросил интервентов.

Шляхетские отряды взбунтовались и отказались воевать. Владиславу пришлось заключить 1 декабря 1618 г. перемирие на 14,5 лет. Тут в Москву по договору об обмене пленными вернулся из Польши патриарх Филарет. Дмитрий Михайлович занимал одно из почетных мест на его торжественной встрече. В 1619 г., после трех лет второстепенных назначений, Пожарского делают главой Ямского приказа, а 22 августа оставили наместником в Москве при отъезде царя на богомолье. В 1621 г. последовало аналогичное назначение. В 1620—1624 гг. он служил воеводой в Новгороде (одно из важнейших воеводств); в 1624 г. был дружкой царя на его свадьбе, а княгиня Прасковья — свахой с государевой стороны. Тогда же Дмитрий Михайлович руководил Разбойным приказом и по-прежнему ведал столицей при царских отъездах. В 1626 г. он с женой в тех же званиях был на второй царевой свадьбе. С 1628 г. по 1630 г. — опять воеводой в Новгороде. В 1631 г. князь построил около Красной площади в Москве Казанский собор и перенес туда популярную в народе святыню — икону Казанской богородицы, которой приписывали «избавление от поляков», и Филарет устраивал в эту церковь крестные ходы³⁹.

В 1632 г. русское правительство сделало попытку отвоевать Смоленск. Во главе армии были поставлены Черкасский и Лыков. Но последний не мог упустить удобного случая для местничества и начал спор, ибо был недоволен званием «второго воеводы». Тогда обоих заменили: к Смоленску вместо Черкасского двинули Шеина, прославившегося ранее героической обороной этого города от поляков. На место же Лыкова, к вящей его злобе, был назначен Пожарский. Однако выступить вместе со своей армией Дмитрий Михайлович не смог, так как тяжело заболел. Шеин безуспешно осаждал Смоленск. Архитектор Ф. Конь возвел здесь за 30 лет до того великолепную крепость для защиты западных границ России. Взять ее штурмом не представлялось возможным. Тем временем подошло войско короля Владислава и блокировало Шеина. В Москве поняли, что Шеина надо выручать. Князя Пожарский и Черкасский выехали в конце 1633 г. в Можайск и приступили к формированию подкрепления. Едва вставший на ноги, кн. Дмитрий опять руководил сбором «пятой деньги» для армии. Но правительство не смогло обеспечить явку дворян. Неудачей закончилась и попытка привлечь крестьянско-казацкие отряды «балашовцев», которые «гуляли» на юго-западных рубежах России. Сначала они согласились вступить на царскую службу. В многочисленных грамотах Пожарский и Черкасский призывали их в Можайск. Но с переходом «балашовцев» в центральные районы России их действия приобрели более яркую антифеодальную окраску, что и вызвало разгром движения правительством.

К 21 января 1634 г. Пожарский и Черкасский располагали отрядом в 300 человек. Лишь к концу февраля воеводам в Можайске удалось собрать 8-тысячный отряд и выступить на помощь. Они не знали, что еще 16 февраля отчаявшийся Шеин капи-

³⁷ С. Смирнов. Указ. соч., стр. 100.

³⁸ Там же, стр. 101—102.

³⁹ «Летопись Московской Введенской церкви». Сост. Н. П. Антушев. М. 1897, стр. 41—45.

тулировал. Пожарскому пришлось распустить с невероятным трудом созданное войско и вернуться в Москву.

Подошло и личное горе: умер сын, стольник Федор Пожарский... В 1635 г. Дмитрий Михайлович ведал Судным приказом и опять оставался наместником в Москве при царском отъезде. А 2 сентября 1636 г. патриарх Иоасаф отпевал в церкви Введения на Лубянке княгиню Прасковью Пожарскую. Князь жил все там же, на своем подворье, в окружении многочисленной дворни. «От Сретенских ворот Сретенскую улицу по Введенскую решетку двory всяких людей: место боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского, на нем живут люди его крепостные: Тимошка серебряник, Петрушка и Павлик бронники, Матюшка алмазник, Пронка портной мастер, Антошка седельник, сказали, что будут они все на службе с боярином»⁴⁰. Впоследствии Пожарский женился вторично — на княжне Феодоре Андреевне Голицыной. С 1640 г. он опять ведал Судным приказом и участвовал в переговорах и приемах иноземных послов, но все больше времени проводил в своих вотчинах. Еще в 1613 г. ему вернули родовые стародубские владения — село с 30 деревнями на Ландехе, Холуйский посад, село Мыт у древних границ Нижегородского княжества, за оборону Москвы даровали большую вотчину в Ростовском уезде. В его деревни бежали крестьяне и ремесленники из разоренных посадов, и население этих владений росло.

Благодаря княжским заказам оживали народные промыслы. Князь заново отстраивал церкви и монастыри, покровительствовал художникам Холуя и Палеха. Находилась работа ювелирам и кузнецам, плотникам и каменщикам. В Холуе возродились ярмарки. «Богомазы» Холуйской слободы творили в народной манере, не очень то следуя официальным канонам. В патриаршей грамоте 1668 г. говорилось, что «поселяне Холуя пишут иконы без всякого рассуждения и страха»⁴¹. Книга имелась тогда не во всяком даже богатом доме, а для библиотеки Пожарского трудилась переписчики, и только в Спасо-Евфимьев монастырь после его смерти отошло 20 книг. Дмитрий Михайлович поддерживал известного писателя того времени кн. С. И. Шаховского, когда тот находился в опале. В обращенном к Пожарскому стихотворном послании Шаховской пишет:

Мнози бо людие дивятся мужественному твоему храбрству
И радуются, что бог тебя принес к великому государству,
Поне всегда против сопостат лица своего не щадишь,
К богу, царю и ко всем человеком правду творишь⁴².

Судя по этому произведению, Пожарский помогал жене и детям писателя во время ссылки и заключения последнего:

И не презрел государь и нашае тогда великия скудоты,
Прекормил еси нас с супружником нашим и с родными от нас сироты...
И уже не вем, како конец сказать твоей великой щедрости,
Яко помогаеши многим людям в конечной бедности.

Гонимые властями, первые русские актеры тоже находили пристанище у Пожарского. В его вотчинах жила и выступала какая-то скomorошья труппа. Судя по их челобитной, скomorохи, прося о защите, именовали себя людьми Пожарского и Шуйского (его соседа)⁴³. Когда-то по велению Ивана Грозного, в честь взятия Казани, на Красной площади встал храм Покрова (известный как собор Василия Блаженного). В своей вотчине под Москвой, в Медведкове, кн. Дмитрий возвел собственный храм Покрова⁴⁴. Его изящный высокий шатер, вознесшийся в 1627 г. над Яузой, вызывает ассоциации не только с праздничным храмом у Кремля, но и со сторожевой башней на берегу Москвы-реки, знаменитой церковью Вознесения.

⁴⁰ Там же, стр. 49.

⁴¹ И. П а н т ю х о в. Селение Холуй. СПб. 1877, стр. 2.

⁴² Послание атрибутируется согласно гипотезе И. Ф. Голубева (И. Ф. Голубев. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. 17. 1961, стр. 407—413).

⁴³ ГБЛ, ОР, ф. 67, № 15—93.

⁴⁴ М. И л ь и н. Москва. М. 1963, стр. 178—179.

20 апреля 1642 г. Дмитрий Михайлович Пожарский умер. Его похоронили в родовой усыпальнице, в Спасо-Евфимьевом монастыре. Принимая перед смертью схиму, князь взял себе имя Кузьмы в честь своего ранее умершего знаменитого соратника.

Этот человек, встающий перед нами со страниц летописей и документов, внешне не похож на богатыря, всем известного по скульптуре Мартоса. И он, и Минин жили довольно скромно и умерли не романтически, а от болезней. Необычно хорошо образованный для своего времени и класса и вечно мучимый слабым здоровьем, кн. Дмитрий, возможно, остался бы в более спокойные времена рядовым придворным. Его гордость не позволяла ему никогда ничего просить для себя, что просто уникально для тогдашней служилой среды. Человеческие качества Пожарского, прежде всего неколебимая верность убеждениям и гуманизм, встречались в то время у представителей феодалной знати не часто. Князь Дмитрий не расправлялся с пропавшим в его руки недругом, не заступался за негодяя-родственника, и ничто, кроме болезни, не мешало ему выполнить данное им слово. Это знали и друзья, и враги. С дошедшего до нас его посмертного портрета (в книге об избрании Михаила Романова на царство) глядит немолодой, уже лысеющий человек, коротко стриженный, в богатом парчовом одеянии. Художник, изобразивший в 1672 г. князя несущим скипетр, возможно, видел его самого или какие-то его изображения.

Немного личных вещей Дмитрия Михайловича известно нам, всего несколько книг да две сабли: одна, сильно сточенный потемневший клинок, лежит в Оружейной палате Кремля, подле сабли К. Минина; другая, в ножнах с камнями, парадная — в Государственном историческом музее. Обе они в свое время хорошо послужили хозяину и России. Других его личных вещей мы не знаем. Но жива слава Пожарского, великого патриота и воина.

ИЗ ИСТОРИИ НОБЕЛЕВСКИХ ПРЕМИЙ МИРА

И. А. Дьяконова

Нобелевские премии, выдаваемые регулярно с 1901 г., — крупные денежные награды международного звучания. Получили они свое наименование по фамилии инициатора их учреждения Альфреда Бернхарда Нобеля, шведского промышленника, инженера-химика и изобретателя, умершего 10 декабря 1896 г. в 63-летнем возрасте в Сан-Ремо (Италия). Обладая к концу жизни огромным имуществом в ряде стран, в том числе в России, Англии и Германии, А. Нобель оставил после себя завещание, зарегистрированное 27 ноября 1895 г. в Париже, где он тогда проживал¹, заслужив к тому времени такие прозвища, как «самый богатый бродяга Европы» и «торговец смертью». Подлинник завещания был написан лично завещателем на шведском языке. Секретарь А. Нобеля Б. фон Кински, вышедшая в дальнейшем замуж за А. фон Зутнера и получившая известность под именем баронессы Б. фон Зутнер в качестве автора буржуазно-пацифистского романа «Долой оружие» (1889 г.), отметила в связи с награждением ее Нобелевской премией мира в 1905 г.: Нобель, «будучи шведом по рождению и владея русским языком в качестве второго родного, безукоризненно правильно и красиво составлял бумаги на немецком, французском и английском языках»². В ходе разнервного А. Нобелем широкого бизнеса в различных странах он был не прочь щегольнуть не только отличным владением несколькими языками (написав на них ряд несложных пьес и стихотворений), но и своей «межнациональностью». «Моя родина везде, где я действую, а действую я везде»³, — заявил этот мультинациональный «динамитный король», организатор двух международных трестов по производству взрывчатых веществ. Впрочем, на широковетательные с привкусом демагогии заявления А. Нобель вообще не скупился. Так, уже под конец жизни, 29 сентября 1896 г., будучи одним из богатейших людей мира, он объявил: «Я в сущности социал-демократ, хотя и умеренный»⁴. Тем самым он как бы старался избавиться от метко прилипшего к нему титула «торговец смертью».

В облике А. Нобеля своеобразно сочетались черты космополита и шведского националиста, причем систематическая многомиллионная нажива на фабрикации взрывчатых веществ в 20 странах без особых трудностей уживалась в нем со спорадическими буржуазно-пацифистскими жестами вроде присутствия на Всемирном конгрессе мира 1889 года. Многие стороны его деловой активности и даже некоторые изобретения (например, бесшумный аппарат для безболезненного самоубийства, выродившийся впоследствии в прототип электрического стула) не могут быть поняты без учета некоторых его личных особенностей, таких, как слабое с самого детства здоровье и усугублявшаяся с годами пессимистическая неврастения.

Завещание А. Нобеля, отменявшее все предшествовавшие, было далеко не первым, причем в каждом из документов последовательно уменьшалась доля наследства, отводимая родственникам и друзьям. Впервые о намерении оставить после смерти часть состояния не отдельным лицам, а на определенные цели А. Нобель публично заявил в одном из своих интервью 1890 г.: «Я собираюсь оставить после себя крупную сумму на поощрение идеалов мира, хотя и отношусь скептически к возможным результатам. Ученые напишут прекрасные книги, появятся лауреаты мира, а войны будут продолжаться все так же, пока сила обстоятельств не сделает их невозможными»⁵. Какую именно «силу обстоятельств» имел в виду Нобель, он в данной беседе не уточнил. Но

¹ «Alfred Nobel och hans släkt. Minnesskrift utgiven av Nobelstiftelsens styrelse». Stockholm. 1926, s. 253.

² N. H a l a s z. Nobel. N. Y. 1959, p. 113.

³ E. B e r g e n g r e n. Alfred Nobel. The Man and His Work. L. 1962, p. 71.

⁴ «Alfred Nobel och hans släkt», s. 252.

⁵ O. J. F a l n e s. Norway and the Nobel Peace Prize. N. Y. 1938, p. 11.

другие документы позволяют выяснить этот вопрос. Речь у него шла вовсе не о решающем вмешательстве трудящихся масс в разрешение проблем войны и мира. К народным массам он относился с едва скрываемым презрением, высказываясь, в частности, против всякого расширения демократии из опасения, что это в конечном счете может привести, по его выражению, к «диктатуре подонков населения»⁶. А. Нобель выступал также против всеобщего и равного избирательного права, требуя его ограничения цензами. А к человечеству в целом он относился довольно иронически, приравнивая его к «разношерстной своре двуногих бесхвостых обезьян, носящихся на земном шаре по мировому пространству»⁷.

Рассмотрение вопросов войны и мира А. Нобель считал нужным сосредоточить только в руках научной и правящей элиты: «Народы безумны почти целиком, правительств же — не более, чем наполовину»⁸. Он активно пропагандировал заносчивые технократические претензии из предсмертного (1871 г.) письма своего отца Э. Нобеля: «Я работаю сейчас над изобретением, которое сделает меня диктатором в вопросах войны и мира во всем мире, по крайней мере на ближайшие столетия»⁹. В одной из бесед А. Нобель высказывал предположение, что «в тот день, когда две армии будут в состоянии уничтожить друг друга в одну секунду, все цивилизованные нации в ужасе отшатнутся от войны и расформируют армии»¹⁰. Баронессе фон Зутнер, придававшей определенное значение систематическому созыву буржуазно-пацифистских конгрессов во имя сентиментального оплакивания и сильного смягчения зверских сторон войны, он без обиняков заявил: «Мои заводы и лаборатории, возможно, смогут положить предел войнам скорее, чем ваши конгрессы»¹¹. А. Нобель был своеобразным предвестником демагогических теорий максимального взаимного утрашения государств путем небезвыгодного для промышленных магнатов постоянного роста военных бюджетов в качестве мнимой панацеи от развязывания войны.

В 90-е годы XIX в. А. Нобель, заимствовав ранее некоторые изобретения русско-го химика Н. Н. Зинина, вплотную интересовался не только взрывчатыми веществами. Думал он и о разработке методов бактериологической войны, направленной против мирного населения, и мотивировал это следующим образом: «Повесьте такой дамоклов меч над головой у всех и у каждого, и вы увидите чудо — войны закончатся очень скоро»¹². Материальная поддержка А. Нобелем подготовки экспедиции С. Андра к Северному полюсу на воздушном шаре была тесно связана с возникшим у него интересом к возможности фотографирования с воздуха. Развитию науки и техники А. Нобель придавал самодовлеющее и доминирующее значение, ожидая от быстрого и все-стороннего научно-технического прогресса, но в рамках буржуазного строя и при сосредоточении власти в руках избранной элиты, решения многих проблем человечества, в том числе проблемы обеспечения международного мира. Правда, иногда у него появлялись в связи с разработкой методов «научной» войны некоторые сомнения насчет того, не окажется ли подобный «путь к миру» всеобщим кладбищем: «Опасаясь, что вечно миру, о котором говорил Кант, будет предшествовать мир могилы»¹³.

Эти сомнения нашли отражение в последовательных изменениях текста завещаний. В предпоследнем, составленном в марте 1893 г., примерно 20% состояния предназначалось родственникам и знакомым, 63% — Академии наук в Стокгольме, а из остальных 17%, распределенных между рядом учреждений, лишь незначительная доля приходилась на помощь сторонникам мира в лице Общества друзей мира в Вене¹⁴, где проживала очаровавшая его цветочница С. Гесс, достаточно свободно распоряжавшаяся деньгами А. Нобеля в течение многих лет. Затем она вышла замуж, а после смерти А. Нобеля шантажировала органы по присуждению Нобелевских премий наличием у нее 216 его интимных писем, претендуя на наследство в качестве жены.

⁶ Ibid., p. 6.

⁷ N. Halasz. Op. cit., p. 216.

⁸ O. J. Falnes. Op. cit., p. 6.

⁹ R. Sohlman, H. Schück. Nobel: Dynamite and Peace. N. Y. 1929, p. 47.

¹⁰ O. J. Falnes. Op. cit., p. 9.

¹¹ Ibid., p. 8.

¹² Ibid., p. 9.

¹³ Ibid.

¹⁴ «Alfred Nobel och hans släkt», s. 250.

Последнее завещание выглядело иначе, чем завещание 1893 года. Сказались как разочарование в перспективности личных взаимоотношений («Друзей можно приобрести только среди собак и могильных червей, да и те заинтересованы лишь в собственном насыщении»¹⁵), так и возросшая озабоченность необозримыми потенциальными последствиями войны мирового масштаба, притом без решительного научно-технического преобладания одной из воюющих сторон. Как бы признавая собственную несостоятельность перед лицом подобных проблем, он составил о себе самую следующую эпитафию: «Альфред Нобель, жалкий получеловек, который в сущности заслуживал лишь того, чтобы какой-нибудь человеколюбивый врач умертвил его вскоре после рождения»¹⁶. В последнем завещании¹⁷ он поместил скромный перечень персональных денежных выдач, придя еще раньше к выводу, что получение больших денег по наследству «способствует отуплению человеческого рода»¹⁸. После перечня указывалось: «Всему остальному моему имуществу, которое можно реализовать, дается следующее назначение: капитал, обращенный душеприказчиками в надежные ценные бумаги, составит фонд, рента с которого выдается ежегодно в награду тем, кто в течение предыдущего года оказал человечеству наибольшие услуги. Рента разделяется на пять равных частей, которые выдаются: одна часть — тому, кто сделал важнейшие открытия или изобретения в области физики; одна часть — тому, кто сделал важнейшие химические открытия и улучшения; одна часть — тому, кто сделал важнейшие открытия в области физиологии или медицины; одна часть — тому, кто создал наиболее совершенное в области литературы в идеальном направлении; и одна часть — тому, кто наиболее и лучше других содействовал братскому сближению народов и упразднению или уменьшению стоящих под ружьем армий, а также образованию и распространению конгрессов мира»¹⁹. Кроме того, в завещании предусматривалось: «Моя положительная воля, чтобы принадлежность к той или другой национальности отнюдь не принималась в расчет при присуждении наград, а чтобы награду получал достойнейший, будет ли он скандинавец или нет». «Награды за физику и химию, — указывалось в завещании, — присуждаются Шведской академией наук; за физиологические или медицинские работы — Каролинским институтом в Стокгольме, за литературу — Академией в Стокгольме, а поборникам мира — комиссией из пяти лиц, избираемой норвежским стортингом»²⁰.

Чем же объяснить, что право присуждения Нобелевских премий мира, в отличие от всех остальных учреждавшихся премий, было доверено не шведским инстанциям, а комитету («комиссии»), избираемому норвежским парламентским органом? Дело в том, что к моменту составления завещания, то есть еще до оформления независимости Норвегии (7 июня 1905 г.), эта страна состояла в многолетней унии со Швецией и признавала власть шведского короля, но имела с 1814 г. свой парламент (стортинг). В течение XIX в. Норвегия все быстрее обгоняла Швецию по развитию океанского судоходства. Поэтому определенные норвежские круги, экономическое влияние которых возрастало, притязали на более значительную роль в решении общеполитических вопросов с ориентировкой норвежской внешней политики на основные мореходные державы. Норвегия, сильнее заинтересованная в мореплавании, чем Швеция, претендовала также на соответствующую организацию консульской сети за границей. Это вызывало натянутые отношения между странами, чуть было не перешедшие в 1895 г. в военное столкновение, которое было предотвращено примирительной позицией норвежского парламента. Именно по свежим следам уступок «проглотившего свою гордость» стортинга и было составлено последнее завещание А. Нобеля, как бы поощрявшее стортинг за столь миролюбивое поведение.

Представляют интерес происхождение и судьбы тех средств, которые были предназначены А. Нобелем на выдачу премий, получивших его имя. Этот капитал был на-

¹⁵ N. K. Ståhle. Alfred Nobel und der Nobelpreis. Stockholm. 1961, S. 6.

¹⁶ Ibid., S. 3.

¹⁷ В ЛГИА сохранилось дело с текстом этого завещания и материалами по его реализации на территории России. Эти документы были обнаружены В. И. Бовыкиным, который любезно предоставил автору этих строк возможность ознакомиться с ними.

¹⁸ «Alfred Nobel och hans släkt», s. 252.

¹⁹ ЛГИА, ф. 479, оп. 20, д. 513, л. 15.

²⁰ Там же.

жит в решающей части благодаря связям его обладателя с «Товариществом нефтяного производства братьев Нобель» («Бранобель»), самой крупной российской нефтяной монополией, дававшей в 1899 г. 17,7% общероссийской (8,6% мировой) добычи нефти и державшей в своих руках 50,1% общероссийского сбыта керосина. Как известно, А. Нобель являлся главой внероссийской ветви промышленной династии Нобелей. Главами же российской ветви были последовательно Людвиг Нобель, а после его смерти — Эммануил Людвигович Нобель. Дядя последнего А. Нобель рано уехал из России за границу²¹ и почти не участвовал в развитии «Бранобеля», но поместил в российский нефтяной бизнес некоторый капитал, хотя и меньший, чем капитал его двух братьев. Первоначальный капитал Нобелей, вложенный затем в нефть, был нажит на реализации в России военных изобретений Э. Нобеля (отца А. Нобеля) и на поставках вооружения царской армии во время Восточной войны 1853—1856 гг. и русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Необычайная прибыльность нефтяного бизнеса привела к тому, что к моменту смерти А. Нобеля на его имя скопилось в России собственное, резко превышавшее первоначально вложенный им капитал.

В мае 1897 г. один из столичных судебных приставов Российской империи И. А. Плахов доносил в Петербургскую казенную палату: «Имею честь сообщить, что по определению С.-Петербургского столичного мирового судьи 29 участка, изложенному в исполнительном листе от 16 мая 1897 г. за № 102, охранено мною после смерти шведского подданного инженера Альфреда Нобеля, проживавшего в Выборгской части, 2 участке, по Самсоновской набережной (улице) д. 13/15, движимое имущество, заключающееся в паях и процентных бумагах на сумму 1193600 рублей»²². Сохранился относящийся к тому же периоду журнал описи имущества А. Нобеля, где отмечалось, что от правления «Товарищества нефтяного производства бр. Нобель» получено уведомление о наличии на счету покойного А. Нобеля по книгам этого Товарищества на 1 января 1897 г. еще 1 086 194 руб., из них 492 957 руб. золотом²³. Только упомянутые в этих двух документах суммы дают в итоге 2,27 млн. руб., или по тогдашнему курсу 3,84 млн. шведских крон. Однако этим дело не исчерпывалось, и общая стоимость имущества А. Нобеля в России составляла 5,23 млн. шведских крон, не считая российских ценных бумаг на сумму 1,69 млн. шведских крон, хранившихся им в германских банках²⁴.

Вся причитавшаяся с российской промышленности сумма, за исключением 300 тыс. шведских крон, завещанных А. Нобелем персонально «российскому племяннику» Э. Нобелю — главе «Бранобеля», была передана к 1899 г. российской ветвью нобелевской промышленной династии в фонд Нобелевских премий²⁵. Капитал «Бранобеля» (акционерный, облигационный и запасный) приближался в 1899 г. к 33 млн. рублей. Поэтому выделение суммы в пользу Нобелевских премий, отнюдь не подрывавшее жизнеспособности концерна, не вызвало принципиальных возражений со стороны руководства «Бранобеля». В то же время извлечение капиталов А. Нобеля в фонд Нобелевских премий из двух западных динамитных трестов и других предприятий, в которых он участвовал, натолкнулось на судебные препоны²⁶ и, по сути дела, не было завершено. Достаточно взглянуть в личную переписку Нобелей 1909—1912 гг., когда понадобились свидетельские показания Э. Нобеля о высказываниях его покойного дяди А. Нобеля по поводу финансовых притязаний наследников умершего в 1890 г. П. Барба²⁷, французского капиталиста, министра и крупного афериста, в свое время участвовавшего вместе с А. Нобелем в разорительном строительстве Панамского канала.

Значительная доля находившегося в западных странах состояния А. Нобеля (около 30 млн. шведских крон) оказалась разбазаренной и присвоенной различными компаниями, прихлебателями и просто сутягами. Даже небеспристрастный финансист и

²¹ Подробнее см. И. А. Дьяконова. За кулисами нобелевской монополии. «Вопросы истории», 1975, № 9.

²² ЛГИА, ф. 479, оп. 20, д. 513, л. 1.

²³ Там же, л. 5.

²⁴ «Alfred Nobel och hans släkt», s. 262.

²⁵ См. документы об этом: ЛГИА, ф. 479, оп. 20, д. 513.

²⁶ «Alfred Nobel och hans släkt», s. 262.

²⁷ ЛГИА, ф. 1258, оп. 2, д. 225, лл. 253—255.

историк Э. Бергенгрен, склонный к возвеличению роли А. Нобеля как шведа, был вынужден признать, что именно решение российской ветви семейства Нобелей о передаче в фонд Нобелевских премий завещанных А. Нобелем средств «явилося решающим фактором того, что Нобелевские премии вообще смогли возникнуть»²⁸. О точности такой оценки дела пришлось сказать и Н. К. Столе²⁹, бывшему в течение ряда лет директором Нобелевского фонда.

Фактическому переливу западных капиталов А. Нобеля в фонд Нобелевских премий препятствовали как некоторые специфические обстоятельства, так и общественное мнение, формируемое буржуазной печатью. После опубликования нобелевского завещания пресса встретила его неблагоприятно, призывая заинтересованных лиц к посильному саботажу. Особенно усердствовала шведская печать, усматривавшая в международном звучании завещания покушение на шведские национальные интересы. Еще большую стойкость в удержании за собой прав фактического использования капиталовложений, завещанных Нобелевскому фонду премий, проявили динамитные тресты Запада. Для растаскивания миллионных богатств А. Нобеля была искусственно создана благоприятная моральная обстановка.

Существовали и иные обстоятельства. Дело в том, что последнее завещание А. Нобеля было написано им без консультации с квалифицированными юристами и с формальной точки зрения имело ряд уязвимых мест. Было неясно, например, какая юридическая инстанция — шведская, французская, российская или какая-либо иная — должна пользоваться правом надзора за выполнением завещания. Нобелевского фонда премий, которому Нобель завещал деньги, еще не существовало, а его создание было доверено завещателем Р. Сульману, шведскому инженеру-динамитчику американской выучки, служившему у А. Нобеля и продолжавшему возглавлять затем в течение нескольких десятилетий руководство «Бофорс», постепенно расширявшегося шведского комбината по производству вооружений, приобретенного А. Нобелем за два года до смерти³⁰. В завещании не было уточнено также, что следует понимать под термином «надежные ценные бумаги», в которые рекомендовалось вложить фонд Нобелевских премий. Р. Сульман же учитывал при решении всех этих вопросов финансовые интересы «Бофорса», тем более, что и сам А. Нобель относился к ним с повышенным вниманием, успев за 1894—1896 гг. втрое увеличить основной капитал предприятия. В качестве юридической инстанции надзора признание всех прав было передано провинциальному Карлсбургскому областному суду, находившемуся под боком у «Бофорса», а в качестве юриста-исполнителя провели кандидатуру «неформалиста»³¹ К. Линдхагена из шведского апелляционного суда. После этого можно было не сомневаться, где в первую очередь будут использованы посмертные капиталовложения А. Нобеля. В частности, «Бофорс» пользовался ими весьма существенно. Добавим также, что высокое предназначение фонда Нобелевских премий не помешало аккуратному взиманию с него (вплоть до 1947 г.) государственных шведских налогов, в общей сложности составивших свыше 13,5 млн. шведских крон. Деньги Нобелевского фонда вложены и в доходные промышленные и земельные предприятия, и в целевые займы, а остальные хранятся в виде государственных облигаций³².

В архивах СССР имеются документы, свидетельствующие о том, что Р. Сульман, организуя с 1897 г. механизм распределения Нобелевских премий, в том числе выделение части средств на премии за укрепление мира, одновременно вел дела, прямо направленные на повышение прибылей «Бофорса». Эти прибыли поступали частично и за счет бюджета российского военного ведомства. Как известно, глава российской ветви Нобелей Э. Нобель имел налаженные связи и с царской администрацией, и со шведским капиталом. Иначе говоря, фонд Нобелевских премий, созданный с самого начала при решающей роли средств, извлеченных из народного хозяйства России, продолжал частично пополняться за счет тех же денег и в дальнейшем, особенно благо-

²⁸ E. Bergengren. Op. cit., p. 146.

²⁹ N. K. Ståhle. Op. cit., p. 11.

³⁰ «Svenska män och kvinnor». T. 7. Stockholm. 1954, s. 121; «Vem är det». Stockholm. 1973, s. 914.

³¹ E. Bergengren. Op. cit., p. 142.

³² «Alfred Nobel och Nobelprisen». Stockholm. 1974, s. 3.

даря взаимосвязям между российским и шведским капиталом в пределах обеих ветвей нобелевской промышленной династии.

Российское руководство нобелевского нефтяного концерна, как указывалось выше, не воздвигало особых препятствий к осуществлению пункта завещания относительно передачи накопившихся у него в России капиталов из российской нефтяной промышленности в фонд Нобелевских премий. Эта передача и в самом деле не вызывала никаких катастрофических последствий для «Бранобеля». Тем не менее извлечение многомиллионных сумм из хронически страдавшей от недостатка капиталовложений российской нефтепромышленности оказалось для экономики России не безобидным: период изъятия средств совпал с важным переворотом в энергетике, начавшимся после изобретения и выхода на мировую арену двигателей внутреннего сгорания с их в 5 раз более высоким коэффициентом полезного действия, чем у паровых машин. Приобретая в феврале 1898 г. у Р. Дизеля патент на изобретение двигателя «дизель» за 800 тыс. марок, «Бранобель» по ряду причин наладил производство дизелей лишь в ограниченном масштабе. Одна из них заключалась в отвлечении средств в фонд Нобелевских премий как раз тогда, когда от нобелевского концерна потребовались немедленные крупные капиталовложения в новую отрасль производства.

Итак, возможность появления Нобелевских премий возникла вследствие не только личной воли завещателя, а и в связи с уникальным совпадением ряда факторов различного масштаба. Материальную базу для выплаты премий создал рост того капитала, который был вложен А. Нобелем в хищническую эксплуатацию российских нефтяных богатств. И вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции российская ветвь нобелевской промышленной династии сохраняла существенное, хотя и закулисное, влияние на выдачу Нобелевских премий (видимо, в порядке неписаной компенсации за ущерб, нанесенный российской нефтепромышленности изъятием из нее крупных средств). В ЛГИА сохранился рукописный подлинник послания, с которым обратился Р. Дизель в 1912 г., незадолго до своей трагической гибели, к тогдашнему главе «Бранобеля» Э. Нобелю. Письмо с просьбой о присуждении ему Нобелевской премии Р. Дизель направил Э. Нобелю «лично и доверительно», называя нефтяного магната «одним из самых первых покровителей дизельного дела»³³.

Действующий ныне порядок использования фонда Нобелевских премий (внутри которого имеются главный фонд, строительный фонд, организационный фонд, несколько специальных фондов и фондов сбережения), равно как и порядок выдвижения, отбора и утверждения кандидатов, весьма сложны. «Право выдвижения кандидатов принадлежит отдельным лицам, а не учреждениям; это позволяет избежать публичного обсуждения и процедуры голосования»³⁴. Так, по физике и химии правом выдвижения пользуются: шведские и иностранные члены Королевской академии наук в Стокгольме; члены Нобелевского комитета по физике и химии; прежние лауреаты Нобелевской премии по этим наукам; штатные и внештатные преподаватели физики и химии университетов в Упсале, Лунде, Осло, Копенгагене, Хельсинки, Каролинского медико-хирургического института и Королевского института технологии в Стокгольме, а также постоянные преподаватели упомянутых наук в Стокгольмском университете; главы кафедр не менее чем 6 университетов по выбору Королевской академии наук; другие ученые, которых указанная академия сочтет достойными для выдвижения кандидатов.

Порядок выдвижения на Нобелевские премии мира еще более усложнен и расплывчат и открывает возможности для присуждения премий исключительно по усмотрению руководства фонда, которое ясно выражает свои классовые симпатии и антипатии. Формальное право выдвижения кандидатов на Нобелевскую премию мира было присвоено действующим и прежним членам Нобелевского комитета, советникам норвежского Нобелевского института, членам ведомств и парламентских учреждений, в том числе Межпарламентского союза, членам Международного суда в Гааге, членам руководства так называемого Бюро мира в Берне, членам Академии международного права в Гааге, университетским профессорам по политическим наукам, истории, философии и юриспруденции, всем прежним лауреатам Нобелевской премии мира. Комитет рассылает каждую осень примерно 800 персональных приглашений с просьбой принять участие в

³³ ЛГИА, ф. 1258, оп. 2, д. 269, л. 201.

³⁴ E. Bergengren. Op. cit., p. 211.

выдвижении кандидатов на премию. В ответ он получает (обязательно не позже 1 февраля следующего года) от 18 до 182 обоснованных предложений. Далее все зависит от совещающегося осенью в обстановке полной секретности комитета в составе 5 человек.

Небезынтересно отметить, что комитет стортинга по присуждению Нобелевских премий мира с самого начала был под влиянием тех элементов норвежского общества, интересы которых тесно связаны с соответствующими кругами США и Англии, и внутри комитета сложились достаточно определенные традиции. Не случайно на пост его председателя с 1901 по 1931 г. непрерывно избирался Х. Хорст, прославившийся пропагандой в пользу увеличения военных бюджетов. Под стать ему и такой член комитета, как Й. Лёвланд³⁵. Другой устойчивой традицией этого комитета стортинга стало наличие в его составе профессиональных военных, зачастую являвшихся также крупными бизнесменами. В числе первых деятелей такого типа был Б. Бродланд, майор и лесопромышленник. Чаще всего для подобных членов комитета характерна связь с американским и английским капиталом, судоходными и страховыми компаниями, международными межпарламентскими организациями. Все они являлись также сторонниками так называемой свободной торговли.

Показательно большое количество Нобелевских премий мира, выданных американским и английским государственным деятелям, которые не имели никакого отношения к укреплению мира, в частности президентам США — творцу политики «большой дубинки» Т. Рузвельту; В. Вильсону, вынашивавшему планы свержения Советской власти; лидеру британских «твердолобых» О. Чемберлену; известному своим планом возрождения германского милитаризма в 1920-е годы вице-президенту США Ч. Дауэсу; выступавшему против признания СССР американскому государственному деятелю Ф. Келлогу и т. д. Лишь немногие истинные борцы за мир и дружбу между народами, такие, как Фритюф Нансен, Альберт Швейцер, Мартин Лютер Кинг, попали в число лауреатов премии мира. После Великой Октябрьской социалистической революции в члены комитета по присуждению Нобелевских премий мира допускались преимущественно такие деятели, которые зарекомендовали себя как антисоветски настроенные. А со времен «холодной войны» стала складываться система, рассчитанная в принципе на герметичное закрытие доступа к Нобелевским премиям мира для подлинных сторонников мира и дружбы между народами.

Потепление международного климата в связи с разрядкой напряженности и ростом сил социализма побудило норвежский орган по награждению премиями мира прибегать иногда к маневрированию вроде присуждения Нобелевской премии мира одному из представителей демократического Вьетнама, боровшегося против американской агрессии, пополам с государственным секретарем США, что явно было рассчитано на отказ вьетнамского кандидата от получения премии. Присуждение Нобелевской премии мира за 1975 г. А. Д. Сахарову явилось логическим выражением все той же ставки на хитроумные и недостойные комбинации антисоветского характера. Реакционный американский сенатор Г. Джексон, претендующий на то, чтобы заставить Советский Союз «платить» за разрядку идеологическими уступками, не случайно восхвалял Сахарова как «поборника прав человека» за весь диапазон его «гуманизма» — от сочувствия чилийскому диктатору Пиночету и ритлеровскому военному преступнику Гессу до оправдания израильской агрессии против арабских народов и сетований на якобы «недостаточную решительность и последовательность» американских милитаристов во время их военных действий против героического вьетнамского народа. «Присуждение премии Сахарову, — признавал шведский журнал «Пакс», — нельзя расценить иначе, как вклад в военные приготовления, а не в дело укрепления мира. Нобелевский комитет действует как орган НАТО, служащий целям западной пропаганды»³⁶. Сообщая об этом премиривании, иллюстрирующем тенденцию в некоторых западных кругах к возрождению духа «холодной войны», советская печать отмечала: «Несомненно одно — одарив Сахарова Нобелевской премией, империалистическая реакция сделала политический жест, который свидетельствует о стремлении разжигать антисоветизм и саботировать процесс упрочения международного мира»³⁷.

³⁵ O. J. Falnes. Op. cit., p. 212.

³⁶ Цит. по: «Правда», 7.XII.1975; «Известия», 11.XII.1975.

³⁷ «Литературная газета», 15.X.1975.

Председателем комитета стортинга по присуждению Нобелевских премий мира (в его составе — 5 действительных членов и 3 кандидата) является О. В. Лионес, избранная на этот пост в 1973 г.³⁸ на обычный для комитета шестилетний срок. Ранее эта деятельность возглавляла лагтинг — верхнюю палату норвежского стортинга. Эту палату парламент избирает из своей среды, по численности членов она составляет четверть стортинга, а по их взглядам выделяется влиянием антисоветских элементов. Вице-председателем комитета был избран в 1970 г. Б. Ингвалдсен³⁹, который в течение нескольких лет возглавлял военную комиссию стортинга, а затем стал его председателем. Он известен также как глава крупных промышленных предприятий и вице-председатель консервативной партии в 1950-е — 60-е годы. Остальные деятели комитета также активно участвуют в деловой и политической жизни Норвегии. Так, доктор юриспруденции С. Линдебрекке⁴⁰ является одновременно видным банковским деятелем и одним из руководителей так называемого Института интеллектуальной свободы; проф. Й. Саннес — автором тенденциозной книги «Советская история 1917—1940 гг.». Секретарем комитета до 1974 г. был А. Шоу, его сменил Т. Гревс. Находящиеся на этом посту лица традиционно совмещают выполнение секретарских функций с должностью директора норвежского Нобелевского института, располагающего солидным постоянным штатом, проводящего разностороннюю пропагандистскую, информационную и научно-исследовательскую работу и расходующего на эту деятельность значительные суммы (в некоторые годы они немногим уступали суммам на премии), включая выдачу целевых субсидий на осуществление поездок, разработок и написание книг. А. Шоу, перу которого принадлежат «История Нобелевских премий мира» и другие издания, — по образованию и опыту работы экономист и коммерсант. Т. Гревс — специалист по современной политической истории, в 1950-е годы был секретарем норвежской делегации в НАТО⁴¹, автор работ о Североатлантическом пакте и норвежском парламенте.

Норвежский Нобелевский институт и непосредственно с ним связанный комитет по присуждению Нобелевских премий мира издавна имеют дополнительные источники поступления денежных средств, в частности за счет фонда Карнеги, американского миллионера, организатора стального треста, пожертвовавшего некоторые суммы на поощрение буржуазных форм благотворительности, филантропии и пацифизма в разных странах. Уже упоминавшийся Х. Хорст с 1911 г. состоял членом наблюдательного совета по использованию фонда Карнеги в Европе. Сравнительно небольшие суммы иногда поступали в фонд Нобелевских премий мира от норвежских промышленников. В период первой мировой войны судоходство нейтральной Норвегии страдало от военных действий на море, главным образом от немецких подводных лодок. Так, за март — апрель 1917 г. Норвегия потеряла суда водоизмещением в 208 тыс. т (в 5 раз больше, чем США) из общемировых потерь в 1,457 млн. тонн. Тем не менее в ходе войны норвежские судовладельцы получали небывалые прибыли ввиду повышенных ставок за фрахты. Тогда-то некоторые крупные норвежские судовладельцы, будучи одновременно в составе Нобелевского комитета, и отдали толику прибылей в пользу фонда Нобелевских премий мира. Один из таких магнатов морского транспорта Б. Хансен нравозачательно заявил в 1916 г., жертвуя 20 тыс. крон, что «те из нас, кто полностью ненавидит войну с ее последствиями, должен был бы жертвовать хотя бы часть своих доходов на дело мира»⁴². Классовая подоплека деятельности подобных «буржуазных филантропов» и «миллионеров-пацифистов» была вскрыта В. И. Лениным еще весной 1915 года⁴³.

Но решающим источником существования фонда Нобелевских премий мира остаются доходы с 1/5 части общей суммы капитала, завещанного А. Нобелем. По реальной ценности размер Нобелевских премий мира с 1901 г. по настоящее время

³⁸ «Hvem er hvem». Oslo. 1973, s. 345.

³⁹ Ibid., s. 273.

⁴⁰ Ibid., s. 344; «Who's Who in Finance and Industry». 17th Edition, 1972—1973, p. 562.

⁴¹ «Hvem er hvem», ss. 491, 187.

⁴² O. J. Falnes. Op. cit., p. 274.

⁴³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 192—194.

значительно снизился как за счет инфляционных спадов, так и в результате отвлечения Нобелевским институтом части средств фонда Нобелевских премий мира от их непосредственного назначения. Выдача Нобелевских премий мира проводится ежегодно в столице Норвегии Осло, в конференц-зале Нобелевского института. Вручается премия очередному лауреату 10 декабря, в годовщину смерти А. Нобеля, нередко в присутствии одного из членов норвежской королевской фамилии, датской по происхождению. Поскольку выдача премий мира чаще всего производится утром, а выдача всех остальных премий в Стокгольме (обычно с личным участием шведского короля) в послеполуденные часы, — телеграфные сообщения о состоявшейся в Осло церемонии доходят несколько раньше, чем вести об аналогичной церемонии в Стокгольме, и норвежские газетчики прилагают немало усилий, чтобы создать впечатление о первенствующей роли Норвегии в деле вручения Нобелевских премий вообще.

Большая часть премий выдается в Швеции, причем день выдачи отмечается там поднятием государственного флага. Нобелевские премии, присужденные в области науки, давно приобрели международный характер. Возникновение и выдача Нобелевских премий способствовали росту авторитета и влияния шведской науки, культуры и промышленности. Показательно, что в 1968 г. Государственный банк Швеции по случаю своего 300-летия счел целесообразным учредить в честь А. Нобеля дополнительную премию за работы в области экономики, причем эта мемориальная премия стала присуждаться на тех же основаниях и с тем же материальным оформлением (медаль, диплом, денежный чек), как и остальные Нобелевские премии. Размер денежной части Нобелевских премий колеблется от 115 до 510 тыс. шведских крон, в зависимости от доходов Нобелевского фонда в соответствующий период. Нобелевские премии по естественным наукам, присуждаемые в Швеции, распределяются более разносторонне и беспристрастно, чем это делается в Норвегии в отношении Нобелевских премий мира. В первые же годы выдачи премий по физиологии и медицине эти премии получили такие знаменитые русские ученые, как И. П. Павлов и И. И. Мечников. Нобелевские премии по естественным наукам получили также советские ученые Н. Н. Семенов (по химии, 1956 г.), П. А. Черенков, И. М. Франк и И. Е. Тамм (по физике, 1958 г.), Л. Д. Ландау (по физике, 1962 г.), Н. Г. Басов и А. М. Прохоров (по физике, 1964 г.). Премию по экономическим наукам получил за 1975 г. советский ученый Л. В. Канторович.

Более односторонне обстояло дело с премиями по литературе, поскольку допускаемое к присуждению этих премий деятели подвергались строжайшему буржуазно-идеологическому отбору. Традиционно проявлялась тенденция предвзято толковать указание нобелевского завещания о выдаче такой премии за произведение «идеального направления». В 1933 г. Нобелевская премия по литературе была присуждена находившемуся в эмиграции И. А. Бунину. И. А. Бунин — действительно крупный писатель, однако награждение имело определенный умысел: задержать возвращение писателя на родину. Вместе с тем в списке лауреатов Нобелевской премии отсутствуют такие гиганты мировой литературы, как Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. М. Горький. В 1965 г. под давлением прогрессивного общественного мнения и для придания деятельности Комитета по литературным премиям видимости «объективности» Нобелевскую премию по литературе присудили выдающемуся советскому писателю М. А. Шолохову. И тут же одну из последующих премий преподнесли такому злопыхателю и антисоветчику, как А. И. Солженицын. Шумиха вокруг присуждения Нобелевских премий подобным «лауреатам» не случайна. Недаром на XXV съезде КПСС было со всей силой подчеркнuto, что «идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной»⁴⁴.

Распределение Нобелевских премий всех видов является общепризнанной сферой компетенции соответствующих органов двух стран Скандинавского полуострова, несмотря на российское происхождение ключевой части распределяемых средств. Казалось бы, не должно оставаться ни малейшего места для какой-либо дискриминации по отношению к представителям Советской страны. Тем не менее реакционные круги всеми силами стараются, не щадя авторитета Нобелевских премий мира и Нобелевских

⁴⁴ «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1976, стр. 74.

премий по литературе, превратить их в орудие антикоммунизма и антисоветизма, притом с широким использованием демагогии и беззастенчивых попыток дискредитировать позицию СССР в качестве оплота мира. Это свидетельствует о том, что выполняется определенный социальный заказ, принципиальные контуры которого начали складываться многие десятилетия назад. Ведь показная филантропия и лживый буржуазный пацифизм издавна были призваны маскировать от широких народных масс человеконенавистническую сущность эксплуататорского капиталистического строя. Эти стороны распределения Нобелевских премий мира принимают временами настолько вопиющий характер, что вызывают протесты со стороны мировой, в том числе скандинавской, общественности. Так, критикуя присуждение Нобелевской премии мира за 1975 г., один из скандинавских журналов высказал мнение, что необходимо изменить состав комитета, освободить его от губительного влияния политиканов и поручить задачу присуждения Нобелевских премий независимым деятелям движения за мир⁴⁵. Вопрос о войне и мире — основной вопрос современности — стал в наш век слишком серьезным, чтобы позволительно было делать его предметом недостойной игры с чьей бы то ни было стороны.

⁴⁵ «Правда», 7.XII.1975; «Известия», 11.XII.1975.

В Отделении истории АН СССР

ИЗБРАНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИКОВ ИНОСТРАННЫМИ ЧЛЕНАМИ АН СССР

31 мая 1976 г. состоялось Общее собрание Отделения истории АН СССР, на котором был заслушан доклад акад. Б. А. Рыбакова «Стадиальная стратиграфия культуры русского крестьянства». В тот же день на Общем собрании АН СССР проходили выборы иностранных членов Академии наук. По Отделению истории АН СССР избраны Нгуен Кхань Тоан (Вьетнам); Васо Чубрилович (Югославия); Нурул Хасан (Индия).

Нгуен Кхань Тоан — председатель Комитета общественных наук Демократической Республики Вьетнам (ДРВ), директор Института истории и Института языкознания ДРВ. Родился в 1907 году. В 20 лет стал журналистом, увлекся идеями национального освобождения, за свои антиколониальные статьи подвергся преследованиям и был вынужден эмигрировать во Францию, где сблизился с коммунистами. В 1933 г. вместе с Хо Ши Мином он стал работать в аппарате Коминтерна. В годы второй мировой войны находился в Южном Китае. В 1947 г. прибыл в освобожденные районы Вьетнама, где был назначен заместителем министра просвещения. В 1951 г. на II съезде Партии трудящихся Вьетнама (ПТВ) был избран в ЦК ПТВ. Он является заместителем председателя Общества вьетнамо-советской дружбы.

Нгуен Кхань Тоаном написано большое количество работ по истории, педагогике, культуре, в том числе фундаментальное исследование в 2-х томах «Октябрьская революция и национальный вопрос», монография «Вопросы культуры и образования», «Воспоминание о Хо Ши Мине». Нгуен Кхань Тоан участвовал также в подготовке капитального труда «История Вьетнама».

Васо Чубрилович — академик-секретарь Отделения исторических наук Сербской Академии наук и искусств, директор Института балканистики этой академии. Родился в 1897 году. Принимал активное участие в движении за национальное освобождение Боснии и Герцеговины от австрийского гнета. За участие в покушении на эрцгерцога Франца-Фердинанда в 1914 г. был осужден на 16 лет строгого тюремного заключения, но после распада Австро-Венгрии вышел на свободу. В 1922 г. В. Чубрилович окончил философский факультет Белградского университета по отделению истории, в 1929 г. защитил диссертацию. Долгое время работал в качестве профессора в Белградском университете. Во время второй мировой войны, как один из активных борцов против фашизма, был заключен гестапо в концентрационный лагерь.

В. Чубрилович является крупнейшим специалистом по новой истории народов Югославии, автором многочисленных и широко известных работ, пользующихся международным признанием. В 1930 г. опубликовал первую в Югославии монографию о Боснийском восстании 1875—1878 годов. В 1935 г. напечатано его исследование с происхождении мусульманской знати в Боснии и Герцеговине, а в 1939 г. — труд о Первом сербском восстании и боснийских сербах. В том же году издана его книга по истории Сербии с 1858 по 1903 г., получившая широкую известность. В 1956 г. он опубликовал работу «История политической мысли в Сербии XIX в.». В 1974 г. под его редакцией и при его участии в качестве автора вышло в свет фундаментальное трехтомное исследование по истории Белграда с древнейших времен до наших дней.

В. Чубрилович не только выдающийся ученый, он принимает активное участие в политической жизни страны и содействует развитию советско-югославских научных и культурных контактов.

Нурул Хасан — государственный министр просвещения, социального обеспечения и культуры Индии. Родился в 1921 году. Окончил Аллахабадский университет и получил степень доктора философии в Оксфорде. С 1949 г. работал в департаменте истории Алигархского мусульманского университета, который возглавлял с 1965 по 1974 год. Одновременно с 1966 по 1969 г. являлся деканом факультета гуманитарных наук в том же университете. С 1967 г. — член Совета штатов (верхней палаты индийского парламента) от партии Индийский национальный конгресс. С 1971 г. министр образования и культуры, председатель индийской комиссии ЮНЕСКО.

Нурул Хасан — видный специалист по средневековой истории Индии, организатор науки и образования, воспитатель большой группы индийских историков прогрессивного направления. При его непосредственном участии в Алигархском университете сложилась школа историков марксистского направления. Его последняя монография, «Размышление об аграрной системе могольской Индии» (1971 г.), свидетельствует о его таланте как ученого, его умении блестяще использовать источники. Нурул Хасан явился одним из инициаторов создания университета имени Дж. Неру в Дели, читал лекции в университетах Варанаси, Дели, Кембриджа. Под его руководством в Алигархском университете был организован центр исследований по истории Индии в средние века, научное учреждение, пользующееся известностью как в Индии, так и в других странах.

Нурул Хасан принимал активное участие в праздновании 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, прочитал в студенческой федерации лекцию о роли и значении В. И. Ленина. Нурул Хасан известен своими прогрессивными взглядами, неизменными дружескими симпатиями к Советскому Союзу. Как министр образования и культуры, он уделяет большое внимание и содействует расширению советско-индийских научных контактов.

В. Ф. Мордвинцев

Рецензии

Р. П. КОНЮШАЯ. *К. Маркс и революционная Россия*. М. Политиздат. 1975. 439 стр. Тираж 12 000. Цена 1 руб. 84 коп.

Новая работа старшего научного сотрудника ИМЛ при ЦК КПСС доктора исторических наук Р. П. Конюшей посвящена исследованиям К. Маркса в области истории, экономики и культуры России. Наряду с опубликованными трудами К. Маркса автором широко использованы архивные материалы. Большое число их еще недостаточно изучено и даже не издано.

Источниковедческий анализ рукописных материалов К. Маркса и Ф. Энгельса о России представляет самостоятельный научный интерес. В Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС хранятся обширные рукописные фонды основоположников научного коммунизма. Основная часть рукописей — рабочие записные тетради (сохранилось около 200 таких тетрадей, составляющих многие тысячи страниц). Это единст-

венная в своем роде сокровищница знаний, собранных, обобщенных и теоретически осмысленных самим К. Марксом.

Занимаясь в течение трех десятилетий исследованием материалов К. Маркса о России, Р. П. Конюшая проделала серьезную работу по изучению всего комплекса источников, в том числе записок, пометок К. Маркса на русских книгах, часть которых она впервые ввела в научный оборот. Ею использованы также печатные работы, частично ставшие ныне библиографической редкостью.

Стержневая задача монографии, как отмечает автор, — показать изучение К. Марксом и Ф. Энгельсом экономических, социальных и политических предпосылок предстоящей революции в России, ее характера и особенностей, значение русской революции

для развития мирового революционного движения, дальнейшее развитие и обогащение теории научного коммунизма (стр. 6).

Можно выделить следующие основные направления исследования: отношение К. Маркса к реформе 1861 г. как историческому рубежу, положившему начало капиталистической России; оценка К. Марксом характера и особенностей развития России в первые два пореформенных десятилетия; наблюдения и обобщения К. Маркса относительно формирования российского пролетариата в ходе развития страны по капиталистическому пути (стр. 5—6). Проанализированные в книге материалы дали возможность автору сделать вывод о том, что К. Маркс «был всесторонне ориентирован в современных ему (относящихся главным образом к 60-м — началу 80-х годов) документальных источниках и литературе о социально-экономическом развитии России» (стр. 187)¹.

К. Маркс, Ф. Энгельс видели две России — революционную и официальную, реакциюную царскую Россию. В монографии убедительно показан тот огромный и неиссякаемый интерес, который проявляли основоположники марксизма к России: в последние 12—13 лет своей жизни К. Маркс в основном был занят изучением обширных научных материалов по России; в этот период в каждом четвертом из отправляемых писем он делился своими мыслями о происходивших в России событиях, о месте этих событий в общемировом историческом развитии (стр. 79). В эти годы К. Маркс и Ф. Энгельс отправили более 150 писем в Россию и, в свою очередь, получили более 300 писем от русских корреспондентов.

В монографии показано, что К. Маркс всесторонне исследовал крестьянскую общину в России: ее происхождение и развитие, классовую дифференциацию крестьян, место общины в государственной политике. Он дает строго обоснованную научную характеристику русской общине. «Община,— записывает, подчеркивает и уточняет Маркс,— с точки зрения русских экономистов, представляет собой государственное (правительственное) учреждение, охраняющее крестьянина от пролетариата, или, так сказать,— экономическую богадельню, кото-

рая, впрочем, к их (экономистов) удовольствию, не в состоянии вместить в себя всего нищенствующего крестьянства, а поэтому помещик и капиталист обеспечены вполне наемными батраками»².

Хронологические выписки К. Маркса составляют четыре толстые тетради; одна из них содержит специальный раздел по истории России с 862 по 1613 год. В монографии анализируется содержание этих хронологических выписок. В них, замечает Р. П. Конюшая, отсутствуют, например, «обобщения относительно норманского характера древнего русского государства и так называемой «монголизации» его, хотя такого рода обобщения имелись в использованных Марксом сочинениях» (стр. 120). К. Маркс обращает внимание на тот факт, что русский и другие народы, связанные общей судьбой, в едином государстве ведут постоянную борьбу за свою независимость, самоотверженно и искусно сражаются с врагами, вторгавшимися в пределы страны (стр. 120).

Во всей своей деятельности, как это неоднократно подчеркивал Ф. Энгельс, К. Маркс был прежде всего революционером. Знание языков различных народов, их истории и литературы, общественных институтов и учреждений использовалось им во имя единой цели — разработки революционной теории, подготовки социалистической революции. В этом аспекте К. Маркс изучал и Россию, которой отводил важное место в революционном процессе, в борьбе пролетариата за революционное преобразование мира. К. Маркс, пишет Р. П. Конюшая, не отрицал возможности того, что при определенных исторических условиях Россия может миновать полный цикл капиталистического развития. Однако он исходил при этом из принципиально иных предпосылок, нежели теоретики утопического социализма. Вместе с тем он собрал и систематизировал конкретные фактические данные о том, что пореформенная экономика России развивается по пути капитализма. Весьма показательны в этом отношении, что, читая брошюру П. Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России» (1874 г.), Маркс отчеркнул красным карандашом текст о разложении общины и классовом расслоении крестьянства (стр. 331).

Обширные русские документальные источники неопровержимо свидетельствовали (и это подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс),

¹ В монографии изучается деятельность К. Маркса как исследователя России, его роль в формировании взглядов русской революционной эмиграции. Что касается вопроса о влиянии трудов К. Маркса на все современное ему и последующее революционное движение в России, то он нуждается в дополнительном освещении.

² «Архив Маркса и Энгельса». Т. XII, стр. 161.

что уже в 70-е годы XIX в. в России процесс расслоения стал значительным. Исходя из этого основоположники марксизма в конечном счете и пришли к выводу, что Россия не сможет миновать капиталистическую формацию и что интенсивно формировавшийся пролетариат откроет для нее «новые перспективы и новые надежды» на завоевание социализма. «Капиталистическое производство готовит свою собственную гибель, и Вы можете быть уверены, что так будет и в России»³. Что касается вопроса о роли, которую русская сельская община может сыграть в процессе перехода к социализму, то автор замечает, во-первых, что К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали его с чисто теоретической точки зрения и, во-вторых, они постоянно подчеркивали, что предварительными условиями реализации возможностей общины должны стать свержение самодержавия и его классовая опора; пролетарская революция в развитых капиталистических странах. В социалистической революции в наиболее развитых буржуазных странах основоположники научного коммунизма видели главную предпосылку для перехода отсталых стран к социализму, минуя капитализм.

Общая обстановка в России, сложное переплетение социальных и политических противоречий, невыносимый социальный и национальный гнет, рост нищеты и бедствий широких масс населения — все это вело к неуклонному росту революционных настроений народа, к его политической активизации. К. Маркс ясно видел это; он все более и более приходил к выводу, что Россия ближе к революции, чем какая-либо другая из европейских стран. «Вулканические социальные силы, — писал К. Маркс, — грозят потрясти самые основы самодержавия»⁴.

В монографии подчеркивается, что представление о грядущем революционном перевороте в России К. Маркса и Ф. Энгельса коренным образом отличалось от представлений народников. В противоположность русским социалистам-утопистам, мечтавшим «прыгнуть прямо от самодержавия к социалистической революции», основоположники марксизма ясно видели сами и доказывали это заблуждающимся, что предстоящий революционный переворот в России будет демократическим, а не социалистическим (стр.

375). Отмечая, что судьбы русской революции зависят от борьбы пролетариата в Западной Европе, К. Маркс и Ф. Энгельс вместе с тем писали об огромном значении русской революции для западноевропейского рабочего движения.

Исследуя собранный ими огромный фактический материал о России, внимательно наблюдая за развитием политических событий в ней, К. Маркс и Ф. Энгельс правильно определили объективные факторы, обусловившие разрешение накопившихся противоречий революционным путем. Это дало им возможность уверенно заявить, что в конечном счете революция в России завершится созданием Российской коммуны. Некоторые прогнозы К. Маркса и Ф. Энгельса, в первую очередь в отношении сроков наступления революции, были недостаточно обоснованы. В наше время на этом любят спекулировать всевозможные «марксоведы». Да, писал по поводу этого В. И. Ленин, К. Маркс и Ф. Энгельс ошибались в определении близости революции, в надеждах на скорую ее победу. Однако нельзя забывать, что «такие ошибки гигантов революционной мысли» поднимали «пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копеечных задач»⁵. В те годы рабочий класс России еще находился на первой стадии формирования — был классом «в себе», классом по отношению к буржуазии, но еще не стал сознательным социалистическим пролетариатом. В то время, как правильно отмечает автор, еще не было во всей полноте разработано учение «о закономерностях освободительной борьбы, о роли массовой партии пролетариата, стратегии и тактике пролетарского авангарда в сложной конкретно-исторической обстановке различных стран» (стр. 381).

Со знанием дела Р. П. Конюшая ведет критику буржуазных фальсификаторов, изобращающих К. Маркса последовательным и непримиримым противником России. Вполне обоснованно она опровергает и тех западных авторов, которые утверждают, что К. Маркс и Ф. Энгельс якобы так и не поняли русское революционное движение. О том, что основоположники марксизма хорошо разбирались в состоянии и перспективах революции в России, свидетельствует их критическое отношение к так называемому русскому социализму А. И. Герцена, указание на слабость во взглядах на перспекти-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 38, стр. 401.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 278.

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 15, стр. 249.

вы общественного развития России Н. Г. Чернышевского, решительное разоблачение анархистской теории М. А. Бакунина, раскрытие опасности заговорщической тактики П. Н. Ткачева, а также критика позиции П. Л. Лаврова (стр. 404). В этой связи Ф. Энгельс позднее писал В. Засулич, что «необходимо везде и всюду бороться против народничества — немецкого, французского, английского или русского»⁶. Что касается положительной оценки К. Марксом борьбы народовольцев, то нельзя забывать, что на основе информации, исходившей от этой партии, он полагал, что «Народная воля», располагая хорошо организованным и дисциплинированным центром, имеет достаточные связи с массами, готовыми подняться на восстание (стр. 408).

Одним из наиболее удачных разделов книги является глава, посвященная Русской секции Международного Товарищества Рабочих. К. Маркс вел большую работу в качестве ее представителя в I Интернационале. Русские революционеры, составившие Русскую секцию, были вовлечены основоположником научного коммунизма в самую гущу деятельности I Интернационала, приняли активное участие в борьбе за Парижскую коммуну. Члены Русской секции являлись интернационалистами на деле. Они осознавали важность связи русского революционного движения с западноевропейским. Обобщив новейшие исследования советских историков, автор с полным основанием отвергает мнение о том, что I Интернационал и его Русская секция не имели сторонников в России, не смогли наладить с родиной каких-либо связей. Можно считать установленным, пишет Р. П. Конюшая, что издания I Интернационала и его Русской секции нелегально переправлялись в Россию и имели хождение среди рабочих и революционеров-народников (стр. 420—421).

Изучение К. Марксом и Ф. Энгельсом экономического и общественного развития России, различных направлений и течений

в русском революционном движении, в русской общественной мысли, их личные сношения с русскими революционерами, справедливо заключает Р. П. Конюшая, служили делу оттачивания и дальнейшего развития теории марксизма (стр. 439).

К сожалению, в монографии есть некоторые неточности, касающиеся изучения К. Марксом стачечной борьбы рабочего класса России и имеющие принципиальное значение. Р. П. Конюшая пишет, что К. Маркс отметил: «В 1880 и 1881 гг. имели место «всемирные стачки» в Петербурге, а также много стачек в провинции — Иваново-Вознесенске, Воронеже и Киеве» (стр. 432). Создается впечатление, что о рабочем движении в России у К. Маркса были сведения только начиная с 80-х годов XIX века. Между тем его пометки на полях книги В. В. Берви-Флеровского⁷ дают возможность определить, каким К. Маркс представлял себе рабочий класс России сто лет назад, его отношение к волнениям рабочих и стачкам на заводах и фабриках. Основоположники марксизма внимательно следили за изданием Лаврова «Вперед!», в котором содержался интересный материал о положении российского рабочего класса, его стачечной борьбе, о судебном процессе участников Южно-Российского союза рабочих.

В книге дается неточное определение некоторых проблем формирования рабочего класса России. Так, из текста можно понять, что лишь экспроприация крестьянства в 60—70-е годы XIX в. положила начало формированию промышленного пролетариата. Между тем этот процесс начался задолго до реформы 1861 г., а к концу 60-х годов в России уже было значительное число рабочих-металлистов, потомственных пролетариев, единственным источником существования которых являлся вольнонаемный труд. Исследование рукописных материалов К. Маркса по этой проблеме необходимо продолжить.

О. Д. Соколов

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 37, стр. 316.

⁷ В. В. Флеровский. Положение рабочего класса в России. СПб. 1869.

А. Е. ИОФФЕ. *Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917—1932*. М. Изд-во «Наука». 1975. 429 стр. Тираж 3 550. Цена 2 руб.

Исследование истории внешних связей, общения нашего государства с другими странами длительное время ограничивалось главным образом внешнеполитическим и дипломатическим аспектами проблемы. Лишь с начала 60-х годов накопление достаточных познаний в этих вопросах позволило приступить к изучению такой специфической области международной деятельности Советского государства, как установление и развитие отношений, связей и контактов в сфере экономики, культуры, науки, техники, а также различных форм интернациональных связей с рабочим классом зарубежных стран. В свою очередь, освоение этих новых сторон истории международной деятельности СССР благотворно сказалось и на работах последнего времени, посвященных внешней политике или дипломатии.

Одной из причин возрастающего интереса к изучению прошлого опыта научно-технических и культурных связей СССР с другими странами является расширение контактов между государствами в этих сферах в современных международных отношениях. О том, насколько многообразны эти связи, сколь велико их значение сегодня, свидетельствует Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный 35 государствами 1 августа 1975 года. Почти $\frac{3}{4}$ его текста отведено изложению основных принципов сотрудничества государств именно в этих областях. С этой точки зрения последняя монография недавно скоростно скончавшегося старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР, доктора исторических наук А. Е. Иоффе, явившаяся итогом длительных занятий автора проблемой международных связей советской науки, техники и культуры за первые 15 лет существования Советской власти¹, может быть оценена как актуальная

и имеющая не только научное, но и практическое значение.

Прежде всего не только вполне обоснованным, но и удачным является выбор периода, взятого А. Е. Иоффе для рассмотрения многообразных форм культурных и научно-технических связей Советского государства. Этот период значителен как с точки зрения культурной революции и широкого научного строительства, которые осуществляло пролетарское государство, делавшее решающие шаги на пути перехода к социализму, так и с точки зрения становления его международной политики, имевшей в эти годы ряд специфических особенностей. В частности, условия международного положения СССР привели к ситуации, когда процесс его признания и установления им дипломатических отношений с крупнейшими капиталистическими странами был отчасти подготовлен предварительным развитием экономических, научных и культурных связей или, во всяком случае, не предшествовал этим связям, а развивался вслед за ними. Это обстоятельство позволило автору, детально проанализировав всю сумму фактов, относящихся к установлению контактов в рассматриваемых им областях, сделать важные наблюдения об их значении для нормализации отношений с Советским государством применительно к той или иной стране.

Несомненно также, что выявлению в монографии различных форм международного общения Советского государства способствовала прежняя многолетняя исследовательская работа автора в области истории советской внешней политики, давшая ему возможность при анализе каждого этапа научных и культурных связей, любого события и факта этого плана уверенно соотносить их с состоянием международного положения СССР и задачами его внешней политики. Это обеспечило А. Е. Иоффе определенное преимущество перед авторами, которые в своем большинстве либо шли в разработке данной проблемы от занятий культурой, литературой, техникой, наукой

¹ См. А. Е. Иоффе. Начало международных научных связей Советской страны. «Вестник» АН СССР, 1967, № 10; его же. Международные культурные и научные связи Советского Союза. 1917—1932. «Вопросы истории», 1969, № 4; его же. В. И. Ленин и развитие международных научно-технических и культурных связей Советской страны. «Ленинская внешняя политика Советской страны 1917—1924». М. 1969; его же. Интернациональные, науч-

ные и культурные связи Советского Союза 1928—1932. М. 1969; его же. Международные научно-технические и культурные связи Советской страны (ноябрь 1917—1920). «Исторические записки», 1973, № 91, и др.

и т. д., либо специально избирали тему о контактах в этих сферах, не имея предварительной основательной подготовки в области истории внешней политики СССР. В результате, несмотря на значительное количество работ, посвященных двусторонним связям Советского государства в области науки и культуры за различные годы, контактам в определенных отраслях науки, техники, литературы, искусства, авторам которых А. Е. Иоффе отдает должное в историографическом обзоре своей книги, она может быть охарактеризована как первое обобщающее многоплановое исследование на данную тему.

СOLIDная документальная база монографии отличается богатством нового архивного материала, скрупулезным подбором фактов и сведений, почерпнутых из разнообразных советских и зарубежных источников: публикаций, прессы, исследований, мемуарной литературы. Внимательное отношение к источникам, накопление огромного и разнопланового фактического материала, помимо воссоздания общей широкой картины становления и развития международных культурных и научных связей СССР, позволило автору разработать ряд сюжетов, недостаточно отраженных в историографии или почти не привлекавших внимания исследователей. К ним следует отнести раздел о международных связях с заграницей по линии наркоматов просвещения и здравоохранения (стр. 81—85), детальное описание празднования 200-летия АН СССР и выявление ее роли в развитии научных контактов с западными странами (стр. 124—132), параграф о демонстрации успехов советской техники за рубежом (стр. 286—290) и др. Исключительный интерес вызывают разделы о контактах в области театрального искусства, написанные с подлинным профессионализмом. Плодотворной является попытка автора уже для исследуемого им периода наметить особенности культурного и научного общения Советской России с другими молодыми пролетарскими советскими республиками, связи между которыми совершенно справедливо оценены в монографии как отношения нового типа, основанные на принципе социалистического интернационализма (стр. 27—38) и контактах, в этой области с государствами Азии, Африки, Латинской Америки (стр. 354—400), охарактеризованных В. И. Лениным еще в канун Октября как «бескорыстная культурная помощь»². Тем самым

от описания и оценки многочисленных фактов в области научного и культурного обмена, накопленных историографией, А. Е. Иоффе сделан качественно важный переход к систематизации и анализу материала применительно к различным государствам в зависимости от их социально-общественного строя.

Рассматривая конкретные формы общения СССР с капиталистическими странами в области обмена духовными и культурными ценностями как составную часть ленинской политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем, автор убедительно показывает, что эти связи не означали идеологического компромисса, а зачастую отражали борьбу идей, мировоззрений, вытекавших из классового подхода той и другой стороны к данной проблеме. Вместе с тем при анализе этих вопросов А. Е. Иоффе, опираясь на ленинское положение о наличии двух культур в каждой национальной культуре, вскрывает процесс расщепления западной буржуазной интеллигенции, демократическая и прогрессивная часть которой через культурное и научное сближение с советским народом постепенно переходила на позиции дружбы и сотрудничества с СССР, выступала против любых попыток своей буржуазии и правительств развязывать антисоветские кампании. Внимательное изучение противоречивых процессов размежевания западной буржуазной интеллигенции в вопросе об отношении к Советскому государству позволило автору дать аргументированное освещение сюжетов о создании обществ дружбы с СССР в различных капиталистических странах (стр. 98—109), а затем о консолидации вокруг них прогрессивных кругов международной общности (стр. 230—243). С этой же точки зрения весьма интересен и небольшой параграф о русской эмиграции, в котором через судьбы видных представителей литературы и искусства ярко показаны, с одной стороны, значение деятельности многих из них в пользу культурных контактов Запада с социалистической родиной, с другой — спад в их творчестве или полная их деградация вследствие отрыва от «русской почвы» и тем более перехода на открыто антисоветские позиции (стр. 208—215).

В монографии тщательно разработана проблема научно-технических связей Советского государства с капиталистическими странами. При этом следует особо подчеркнуть, что автор привел большой мате-

² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 120.

риал, свидетельствующий о значительном научно-техническом потенциале страны, которая вовсе не ограничивалась заимствованием западного опыта, а начиная уже с 1918 г. активно развивала различные отрасли отечественной науки и постепенно благодаря преимуществам социалистического строя превратилась в равноправного партнера и в этой области обмена. Приведенные на этот счет многочисленные документальные данные способствуют опровержению необоснованных доводов современной буржуазной историографии о якобы имевшей место в те годы полной зависимости советского индустриального развития от западной технологии³. Столь же

³ См., например, A. C. Sutton. *Western Technology and Soviet Economic Development 1917 to 1930*. Stanford University, California. 1968, p. 4.

убедительно показано в книге воздействие на развитие мировой культуры и советской литературы и искусства, порожденных Великой Октябрьской социалистической революцией и отражавших идеалы нового общественного строя.

Исследование А. Е. Иоффе, вносящее много нового в разработку истории международных связей нашей страны, не свободно от некоторых спорных положений и недостатков. Однако они носят по преимуществу частный характер и не меняют общего положительного впечатления от монографии, добротной в научном отношении, актуальной по проблематике и адресованной широкому кругу читателей.

В. А. Шишкин

В. Я. НЕПОМНИН. *Триумф стратегии и тактики ленинизма на Востоке (О переходе к социализму республик Средней Азии)*. Ташкент. Изд-во «Узбекистан». 1974. 134 стр. Тираж 3 000. Цена 81 коп.

За последнее время значительно продвинулось вперед изучение стратегии и тактики КПСС. Данная проблема рассматривалась в связи с анализом опыта борьбы партии за установление диктатуры пролетариата и строительства социализма, исследованием закономерностей мирового революционного процесса и т. п.¹ Важными ее аспектами являются стратегия и тактика ленинизма на Востоке, нашедшие отражение в трудах по истории советских среднеазиатских республик, народы которых при жизни одного поколения, опираясь на помощь русского и других народов СССР, сумели совершить гигантский скачок — от феодально-патриархальных отношений к социалистическим².

¹ В. С. Александров. *Марксистско-ленинская стратегия и тактика КПСС*. М. 1970; «Стратегия и тактика большевистской партии в борьбе за диктатуру пролетариата (1903—1917 гг.)». М. 1972; «Международное коммунистическое движение. Очерк стратегии и тактики». Изд. 3-е. М. 1974, и др.

² «История коммунистических организаций Средней Азии». Ташкент. 1967; «История Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик». М. 1971; «К социализму, минуя капитализм (Исторический опыт КПСС по социалистическому строи-

Специальные работы по этому вопросу только начинают появляться, и среди них монография заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, доктора исторических наук, заведующего кафедрой истории КПСС Ташкентского университета В. Я. Непомнина, длительное время разрабатывающего проблему строительства социализма в Узбекистане³.

Автор привлекает значительный конкретно-исторический материал по таким вопросам, как борьба за упрочение Советской власти и первые социалистические преобразования в Средней Азии, национально-территориальное размежевание 1924 г., проведение земельно-водных реформ 1925—1929 гг., развернутое наступление социализма по всему фронту и другие, но, учитывая историко-теоретическую направленность книги, делает это лишь для доказательства или иллюстрации анализируемых им стратегических и тактических положений.

тельство в Средней Азии и Казахстане в 1917—1937 гг.)». М. 1974, и др.

³ В. Я. Непомнин. *Очерки истории социалистического строительства в Узбекистане (1917—1937 гг.)*. Ташкент. 1957; его же. *Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане (1917—1937 гг.)*. Ташкент. 1960, и др.

Исходя из указаний и высказываний В. И. Ленина о стратегии и тактике партии в республиках Советского Востока, В. Я. Непомнин выделяет следующие моменты, имевшие решающее значение для победы социализма в специфических условиях среднеазиатских республик: «строжайший учет местных национальных особенностей, экономики, культуры и быта; уважение к традициям местных народов; решительная борьба со всяким механическим пересаживанием на восточные окраины экономических мероприятий Центральной России; более осторожный, более постепенный переход к социализму; максимальная забота о местной бедноте, ее организации и просвещении, завоевание доверия местных трудящихся; укрепление всеми мерами теснейшего союза с русскими трудящимися массами, укрепление дружбы народов СССР; настойчивое привлечение местных трудящихся в органы Советской власти, в партию и комсомол» (стр. 28—29). Именно в таких обобщениях, по существу, венчающих каждый из концептуальных тезисов книги, вырисовывается ее теоретическая направленность.

Большое место в работе занимает показ творческого применения ленинской стратегии и тактики в условиях Средней Азии на всех этапах социалистического строительства. В. Я. Непомнин подчеркивает, что соотношение общего и особенного здесь определяется безусловным преобладанием общего, интернационального, единством классовых задач.

Говоря о стратегии и тактике, автор стремится выяснить содержание этих понятий применительно к изучаемой проблеме. Он отмечает, что если главным содержанием стратегии партии в 20—30-х годах в среднеазиатских республиках было построение социалистического общества, то решающим в тактике был «строжайший учет конкретных условий, настроений широких слоев населения, степени их готовности воспринять политические лозунги и директивы партии как свои собственные, осторожность и уступчивость во всех мероприятиях, которые прямо или косвенно могли затронуть национальные традиции, национальный уклад, обычаи и т. д.» (стр. 35). Все содержание книги предстает перед читателем как аргументированное раскрытие этих положений применительно к изучаемому региону. Автор устанавливает, что движущими силами общественного прогресса в Средней Азии являлись рабочий класс (руководитель, гегемон), представ-

ленный русским пролетариатом и рабочими местных национальностей, трудящееся крестьянство, ремесленники, небольшая по своей численности прослойка местной демократической интеллигенции.

Получил освещение в книге и вопрос о так называемых «посредствующих», «промежуточных» ступенях для перехода от докапиталистических отношений к социализму. Руководствуясь методологическими указаниями В. И. Ленина⁴, автор останавливается на специфике проведения земельно-водных реформ, создания народных советских республик, организации массовой политической кампании за раскрепощение женщин под лозунгом «Худжум». Он верно замечает, что все эти мероприятия, «не будучи чисто социалистическими... по своему социально-политическому характеру... сыграли большую роль, так как осуществлялись Коммунистической партией и в условиях существования диктатуры пролетариата» (стр. 37).

Существенное внимание в книге уделяется национальной политике Коммунистической партии в Средней Азии, причем акцент делается на всестороннем освещении вопроса о национальной государственности (определение ее функций, развитие конкретных форм, международное значение исторического опыта создания Туркестанской АССР, национально-государственное размежевание).

Национальный вопрос в Средней Азии был тесно связан с аграрным. Автор констатирует, что в условиях Советского Востока при решении аграрного вопроса партия исходила из трех своих стратегических лозунгов по крестьянскому вопросу, внося вместе с тем отдельные коррективы в их реализацию. Вскрывая диалектику взаимосвязи и взаимодействия на практике этих лозунгов, В. Я. Непомнин обращает внимание на такие факторы, как преобладание докапиталистического способа производства, необходимость в первые годы Советской власти попутно решать задачи буржуазно-демократической революции, низкий уровень классового сознания крестьянства. В совокупности эти факторы обусловили подвижность граней перехода от одного лозунга к другому, и поэтому, еще полностью не исчерпав одного стратегического лозунга, но исходя из изменения соотношения классовых сил, партия оперативно приступала к проведению другого, со-

⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 228.

храняя на какое-то время оба лозунга в действии. Это обстоятельство свидетельствовало о гибкости и динамичности политической стратегии и тактики ленинизма (стр. 64—65).

Стратегический курс партии на строительство социализма в республиках Средней Азии имел несколько переходных этапов. В. Я. Непомнин характеризует эти этапы, раскрывая их закономерности и специфику. Он воссоздает в основных чертах панораму деятельности партии по ликвидации пережитков колониального прошлого, созданию социально-экономических предпосылок для коренных преобразований, завершившихся победой социализма; обозначает и частично прослеживает важнейшие направления работы партии в данной области; показывает, как проводились индустриализация, коллективизация, культурная революция.

Исходя из ленинских требований, предъявляемых к тактическому партийному руководству (одним из важнейших его принципов является умение владеть всем многообразием форм и методов борьбы, применять в каждом конкретном случае наиболее целесообразные), В. Я. Непомнин на примерах истории ликвидации фактического неравенства народов Средней Азии и идейно-воспитательной работы среди женщин освещает борьбу партии за торжество идей социализма.

Важную теоретическую нагрузку несет заключение. В нем, по существу, синтезируется излагаемый в книге теоретический и конкретно-исторический материал, определяются факторы, отражающие стратегические и тактические успехи партии на главных этапах социалистического строительства в Средней Азии.

Отметим некоторые недостатки работы. Слишком общий характер носит историографический обзор. Из него не видно, какие именно аспекты темы и в какой степени изучены другими исследователями⁵.

⁵ См., например, А. А. Росляков. Основы стратегии и тактики марксистско-ленинских партий в условиях перехода к социализму, минуя капитализм. «Проблемы перехода к социализму, минуя капитализм». Ашхабад, 1971. Уже после рецензируемой книги вышла в свет новая работа А. А. Рослякова «Средазбюро ЦК ВКП(б). Вопросы стратегии и тактики». Ашхабад, 1975.

Монография, несомненно, будет содействовать разоблачению попыток лженаучных интерпретаций проблемы, предпринимаемых нашими идейными противниками, однако она во многом выиграла бы при еще более детальном и аргументированном характере критики буржуазных авторов.

Имеет место в книге некоторая идентификация стратегического руководства процессами развития Советского Туркестана и Бухары и Хорезма; своеобразие последних представлено порой в количественном (большая отсталость), а не в качественном измерении. Этот вопрос, помимо его самостоятельной значимости, представляет интерес и в связи с тем, что в последнее время обозначились общие контуры дискуссии о применимости понятия «некапиталистическое развитие» к советским среднеазиатским республикам⁶. В. Я. Непомнин, оперируя формулой о некапиталистическом развитии, вообще не высказал своего мнения по этой проблеме, имеющей не только терминологический смысл, но и важной для изучения условий перехода от докапиталистических отношений к социализму ряда народов нашей страны. Полемизирующие же стороны в своем большинстве (за исключением, пожалуй, К. М. Кулиева), как нам кажется, недостаточно внимательны к своеобразию хивинской и бухарской революций. Между тем более активное обращение к опыту последних могло бы обогатить аргументацию, внести коррективы в логику обоснования ряда направлений дискуссии, в существо делаемых выводов и обобщений.

Е. А. Зевелева, С. В. Кулешов

⁶ Различные оттенки мнений по этому вопросу нашли отражение в следующих изданиях: О. В. Мартышин. Социализм и национализм в Африке. М. 1972, стр. 38—40; Клыч Кулиев. Опыт строительства социализма в республиках Средней Азии и его значение для развивающихся стран. Ашхабад, 1974, стр. 233—250; «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы». М. 1974, стр. 424—425; рецензия Г. Б. Старушенко на книгу А. П. Бутенко «Социализм как общественный строй» (М. 1974). «Рабочий класс и современный мир», 1975, № 6; рецензия Ю. Н. Розалиева на указанную выше книгу Клыч Кулиева, «Вопросы истории», 1976, № 6, и др.

Е. В. ЧИСТЯКОВА. *Городские восстания в России в первой половине XVII века (30—40-е годы)*. Воронеж. Изд-во Воронежского университета. 1975. 246 стр. Тираж 3 000. Цена 90 коп.

Книга доктора исторических наук, профессора Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы Е. В. Чистяковой — первое обобщающее исследование, охватывающее важнейшие восстания первой половины XVII в. в городах на всей территории России — в центре (Москва), на юге страны (Воронеж, Козлов, Курск, Челнавский и Талицкий остроги, Елец, Ливны и ряд крепостей), в Поморье (Соль-Вычегодская, Устюг Великий, Вятка и др.), Сибири (Томск, Кузнецк, Енисейский острог, Нарым, Верхотурье). В работе рассматривается движение не только посадских людей, но и других категорий городского населения — служилых людей по прибору, мелких дворян, детей боярских, а также крестьян, которые либо примыкали к городским восстаниям, поддерживая их, либо выступали самостоятельно, и в таком случае горожане были их союзниками. По этой причине Е. В. Чистякова вслед за А. А. Новосельским и М. Н. Тихомировым приходит к выводу, что городские движения первой половины XVII в. правильнее называть народными. Этот вывод она делает на более широкой фактической основе, чем ее предшественники¹.

Истории народных восстаний в книге предпослана обстоятельная характеристика положения классов — сословий в России. На основе анализа обширной литературы вопроса и опубликованных источников автор прослеживает процесс трансформации служилых сословий и консолидацию основных сословий феодальной России — крестьян, дворян, посадских людей и служилых по прибору. В книге показано и положение внутрисословных групп, их имущественная дифференциация, которая была свойственна не только крестьянам, но в не меньшей степени служилым людям по отечеству. Именно это обстоятельство объясняет активное участие в волнениях низших слоев из них, лишенных крестьян, но об-

ременных службой, особенно на юге страны.

Вместе с тем автор справедливо подчеркивает относительно слабую дифференциацию среди посадских людей, обусловившую наличие у них общих интересов и общие выступления против беломестцев, за возвращение закладчиков в посадское тягло, против тяжелых налогов, служб и феодальных форм управления. Последняя линия борьбы рассматривается как генеральная. В книге приведен убедительный материал, свидетельствующий о том, что борьба велась против феодальной эксплуатации со стороны государства, осуществлявшейся в форме налогового гнета (составлявшего «централизованную часть» феодальной ренты), против тяжелейшей «московской волокиты» и произвола местного управления в лице воевод (стр. 37—46). Это дает возможность глубже понять причины возникновения и развития городских восстаний, рассматривать их как восстания антифеодальные в своей основе.

О городских восстаниях в России первой половины XVII в. имеется некоторая литература, главным образом советская. Написаны работы о московском восстании 1648 г.², о восстаниях в городах Сибири и Поморья³. В меньшей степени исследованы движения в городах южной части государства. Определенная заслуга в изучении восстания в крупнейшем центре этого края — Воронеже — принадлежит автору⁴. Обобщив и проанализировав материал и резуль-

² П. П. Смирнов Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. II. М.—Л. 1948; С. В. Бахрушин. Московское восстание 1648 года. «Научные труды». Т. II. М. 1954; М. Н. Тихомиров. Указ. соч., и др.

³ К. В. Базилевич. Мятёж в Великом Устюге в 1648 г. «Ученые записки» Института истории РАН ИОН. Т. 5. М. 1928; З. Я. Бояршинова. Волнения в Томске в XVII веке. «Вопросы истории», 1956, № 6; П. А. Колесников. Восстания в Тотмье и Тотемском уезде в XVII в. «Русское государство в XVII веке». М. 1961; А. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVII века. М. 1972.

⁴ Е. В. Чистякова. Воронеж в середине XVII в. и восстание 1648 года. Воронеж. 1953; см. также: В. П. Загоровский. Белгородская черта. Воронеж. 1969, стр. 244—277.

¹ М. Н. Тихомиров. Соборное Уложение и городские восстания середины XVII в.; М. Н. Тихомиров. Классовая борьба в России в XVII в. М. 1969; А. А. Новосельский, А. Н. Сперанский. Городские восстания в Русском государстве в середине XVII в. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.». М. 1955.

таты исследований своих предшественников, Е. В. Чистякова значительно дополнила их новыми, преимущественно архивными данными. Заметное расширение источниковой базы анализа городских восстаний составляет существенное достоинство книги. К сожалению, ее историографический и источниковедческий разделы очень кратки. При изложении хода восстаний автор использует и критически оценивает работы своих предшественников. Однако развернутый историографический разбор литературы вопроса позволил бы точнее определить то новое, что внесено автором в разработку проблемы.

Параграф, посвященный описанию московских волнений 30-х годов XVII в., содержит значительную информацию о событиях, предшествовавших пожару 1636 г. в Москве и связанных с ним. В сущности, это первое в нашей литературе конкретное описание волнений в Москве в 30-е годы, которые своими корнями уходили в неудачную Смоленскую войну 1632—1634 гг. и возникшую в ходе ее «балашовчину». В ином положении был автор, приступая к описанию московского восстания 1648 года. Его изучением занимался ряд видных исследователей — С. Ф. Платонов, П. П. Смирнов, С. В. Бахрушин, А. А. Новосельский, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин и другие. В их трудах описана канва событий, много сделано для выяснения хронологии восстания, его периодизации и движущих сил. Последние два вопроса не получили, однако, однозначного решения. М. Н. Тихомиров подверг аргументированной критике взгляды С. В. Бахрушина и П. П. Смирнова, считавших движущими силами восстания средние слои посадских людей вкупе с дворянством. М. Н. Тихомиров показал, что в 1648 г. восстали черные посадские люди, «чернь», то есть рядовые тяглецы, поддержанные стрельцами, драгунами и крестьянами окрестных сел⁵. В этой связи представляется неточным утверждение Е. В. Чистяковой, что «тезис об антифеодальном характере московского восстания до сих пор остался по существу не раскрытым» (стр. 62).

В книге содержатся важные данные о составе участников восстания, почерпнутые из списков ссыльных людей, которые автор обнаружил в фонде Сибирского приказа. Они позволяют сделать вывод, что веду-

щую роль в восстании играли черные посадские люди и стрельцы. В источниковедческом отношении представляет интерес идентификация текста подлинной челобитной⁶ верхушки посада, 'дворян и городских детей боярских от 10 июня 1648 г. с челобитной на шведском языке, изложенной в донесении шведского резидента К. Поммеринга своему королю и хорошо известной в литературе. Широко развернута автором картина синхронного московскому восстанию 'крестьянского движения в стране; наконец, немало новых материалов приведено о ходе следствия по восстанию. В целом книга обогащает и конкретизирует наше представление о московском восстании 1648 года. Важное значение имеет оценка автором восстания в Москве как своеобразного эпицентра восстаний 1648 г., импульсы от которого шли в разных направлениях. Автор называет имена очевидцев московских событий, принесших сведения о них в разные города юга и севера страны, где эти вести послужили искрой, воспламенившей готовый горючий материал.

Районирование восстаний, принятое в книге, соответствует установившемуся в литературе и отвечает особенностям социального состава и правового положения различных групп населения четырех районов страны. С учетом этой специфики Е. В. Чистякова убедительно показала особенности восстаний каждого района. На юге ведущая роль принадлежала приборным людям, борьба которых за землю против феодального произвола воевод носила антифеодальный характер. Имела здесь значение и борьба низших слоев служилых людей по отечеству, лишенных крестьян и обремененных службой. Однако автор не вполне последователен в определении их целей борьбы и позиции в восстаниях. С одной стороны, говорится, что представители низших слоев служилых по отечеству стремились войти в состав феодалов и расширить сословные права (стр. 148, 155, 165), с другой — автор склонен и в детях боярских видеть борцов против феодального гнета (стр. 147, 149). Едва ли правомерно такое расширительное толкование антифеодальной борьбы.

В Поморье дворянской оппозиции не было, а смысл народных восстаний состоял в совместной борьбе посадского населения и крестьян против феодального государства

⁵ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 180—181.

⁶ Хранится в Государственном архиве Эстонии в г. Тарту.

и крупных торговых людей. В Сибири в восстаниях участвовали крестьяне и приборные люди, поддержанные немногочисленными посадскими людьми. На примере восстания в Томске, где дети боярские попытались использовать народные движения в своих интересах, показано, какими ненадежными попутчиками они являлись.

Справедливо отмечая, что городские восстания, свойственные феодальной России на всем протяжении ее истории, наибольший размах получили в период развитого феодализма, автор высказывает спорное суждение, относя восстания после 1649 г. «к другому этапу классовой борьбы» (стр. 4). Если это не оговорка, то остается неясным, какие основания имеются для такой периодизации? Нет достаточной четкости в определении стадии развития феодализма в XVII в., с которой связан подъем городских движений. В одном случае автор определяет ее как «развитой феодализм» (стр. 235), находящийся «в расцвете сил» (стр. 14), в другом — как «период позднего феодализма» (стр. 8, 242). Между тем эти определения весьма существенны в свете прошедшей дискуссии о периодизации истории феодализма в России и прежде всего для авторской концепции причин и характера городских восстаний.

Книга отличается широтой охвата проблемы, обилием фактического материала, удачно сочетаемого с общеметодологическими оценками и суждениями автора. Характер темы, многообразие ее аспектов позволили ему коснуться ряда спорных вопросов по важным проблемам истории

феодализма в России вообще и XVII в. в частности. Так, автору удалось убедительно подтвердить наличие государственного феодализма, показать его место и роль в истории городов и окраин России, городских и иных восстаний; раскрыть разнообразные формы борьбы посадских людей, черносошных крестьян и служилых людей по прибору против системы государственных налогов и местного воеводского управления. Применительно к первой половине XVII в. вопрос о государственном феодализме впервые получил относительно широкое освещение. Одновременно в книге подчеркнуты особенности начального этапа формирования всероссийского рынка, связанные с ними процессы имущественной и социальной дифференциации посадского и черносошного населения, природа которой, по утверждению автора и вопреки мнению ряда историков, не была буржуазной. Выдвинут и обоснован тезис об интенсивном росте товарного производства и заметной активизации торгового капитала, крупнейшие представители которого стремились срастись с феодальной знатью путем приобретения земель. И хотя названные вопросы не являются предметом специального исследования Е. В. Чистяковой, ее книга дает определенный материал для их освещения. Вместе с тем становится очевидным, насколько необходимо специальное монографическое исследование роли торгового капитала и государственного феодализма в России XVII века.

А. Г. Маньков

Д. Г. ПЕСЧАНЫЙ. *Сотрудничество между СССР и Болгарией в области сельского хозяйства (1948—1958 гг.)*. Изд-во Ростовского университета. 1975. 190 стр. Тираж 3500. Цена 58 коп.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил о ценном обмене опытом, который дают глубокие, разносторонние, систематические связи братских партий и народов социалистических стран. Эти связи помогают увереннее идти вперед, умножают наши общие силы. Они строятся на основе испытанных принципов марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма, равноправия и то-

варищеского сотрудничества¹. Значительную роль при этом играет развитие экономического сотрудничества СССР с другими социалистическими государствами. Изучение этого сотрудничества, глубокое осмысление его результатов приобретают большое теоретическое, политическое и практическое значение, способствуют дальнейшему движению наших народов к коммунизму.

¹ «Материалы XXV съезда КПСС». М. 1976, стр. 7—8.

Заведующий кафедрой всеобщей истории Кубанского университета доктор исторических наук Д. Г. Песчаный на протяжении ряда лет занимается разработкой вопросов советско-болгарского экономического сотрудничества, в особенности в области сельского хозяйства. Результаты этих исследований нашли отражение в ряде работ, опубликованных в советских и болгарских изданиях². В рецензируемой книге раскрывается значение двустороннего сотрудничества СССР и Болгарии в области сельского хозяйства в период осуществления ленинского кооперативного плана в болгарской деревне.

Работа опирается на солидную источниковую базу, насыщена большим и разнообразным фактическим материалом. Значительная часть его взята из архивов Болгарии и СССР. Широко использованы также партийно-правительственная документация, статистические издания, периодика, советская и болгарская литература. Некоторые материалы собраны автором в результате непосредственной переписки со многими советскими и болгарскими специалистами, а также личных контактов и посещения объектов, связанных с его исследованием.

Периодизация, положенная в основу исследования, обоснована объективными внутренними этапами социалистического преобразования болгарской деревни и развитием советско-болгарского сотрудничества в области сельского хозяйства в рассматриваемый период. Сочетание историко-хронологического и проблемно-тематического принципов позволило автору достаточно полно

раскрыть содержание изучаемых процессов и явлений.

Большое место в работе отведено освещению ленинских принципов социалистического интернационализма, уважения суверенитета и национальных интересов, взаимной выгоды, подлинной братской помощи и единства отношений между социалистическими странами. В ней показана роль КПСС и БКП в осуществлении этих принципов в повседневной практике, отмечается огромное значение, которое БКП придает освоению опыта КПСС. С трибуны XI съезда БКП Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного Совета НРБ Т. Живков заявил: «Мы, болгарские коммунисты, болгарские трудящиеся, весь болгарский народ, не представляем себе иного пути строительства развитого социалистического общества, а затем и коммунизма в Болгарии, кроме как плечом к плечу с нашими советскими братьями и сестрами, в условиях самого тесного всестороннего сотрудничества с партией Ленина, в условиях все более полного, все более органичного сближения Народной Республики Болгарии с великим Союзом Советских Социалистических Республик»³. Автор подчеркивает всемирно-историческую роль опыта социалистического строительства в СССР как с точки зрения развития теории, так и в практическом смысле. История не знала другого примера такого подвига народа, создавшего без поддержки извне высокоразвитую экономику и бескорыстно помогающего другим братским странам поднять свое народное хозяйство. Конкретизируя эту теоретическую установку применительно к теме своей работы, автор останавливается на сущности ленинского кооперативного плана, и в частности на вопросе о социалистической перестройке деревни. В книге убедительно раскрыто, как БКП, взяв на вооружение ленинский кооперативный план, опыт КПСС, сумела подготовить политические, идеологические и экономические предпосылки, использовать объективные возможности, творчески разработать оптимальные формы и методы для успешного кооперирования болгарского крестьянства.

Сотрудничество Болгарии и СССР при осуществлении в Болгарии ленинского коо-

² См.: Д. Г. Песчаный. Создание идейно-политических и экономических предпосылок для осуществления ленинского кооперативного плана в НРБ и сотрудничестве с СССР (1948—1950 гг.). «Вопросы исторической науки». Краснодар. 1969; его же. Движение за болгаро-съветска дружба и създаването на политически условия за масово коопериране на селяните в България (1948—1950 гг.). «Летопис на дружбата». Т. I. София. 1969; его же. О сотрудничестве Советского Союза и НРБ в создании материально-технической базы социалистического сельского хозяйства Болгарии (1948—1958 гг.). «Исторические науки». Краснодар. 1970; его же. Завершающий этап социалистического преобразования сельского хозяйства в Болгарии (1956—1958 гг.). «Вопросы новейшей истории Болгарии». Краснодар. 1972; его же. Историкография и источники проблемы сотрудничества СССР и НРБ в области сельского хозяйства (1948—1958 гг.). «Из истории балканских стран». Краснодар. 1975, и др.

³ Т. Живков. Отчет Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии за период между X и XI съездами и очередные задачи. 29 марта 1976 года. София. 1976, стр. 18.

перативного плана и создании материально-технической базы ее социалистического сельского хозяйства освещено автором многопланово и конкретно — по линии прямых контактов партийных, государственных, общественных, научных и других организаций обеих стран, непосредственной помощи советских специалистов и подготовки болгарских кадров различных форм научно-технического содействия, освоения советского производственного, технического и организационного опыта. Автор показывает, что содержание, охват и формы советско-болгарского сотрудничества в области сельского хозяйства значительно расширились и обогащались в процессе укрепления социалистического строя в болгарской деревне.

В работе подчеркивается органическая связь сотрудничества в области сельского хозяйства с другими сторонами экономической кооперации как двух этих братских стран, так и в масштабе всего социалистического содружества. Книга помогает понять, как на практике создается коллективный опыт социалистических стран, включающий все ценное и значительное, имеющее общее, интернациональное значение. Изучение и использование этого накопленного коллективного опыта играет огромную роль в социалистическом строительстве и сотрудничестве братских государств. Вместе с тем Д. Г. Песчаный отмечает, что применение опыта одной страны или коллективного опыта социалистических стран в условиях другой страны — чрезвычайно сложный процесс, требующий научного подхода, нахождения верного соотношения общего и национально-особенного, оптимальных сроков и средств (стр. 33, 63). Автор посвящает специальный параграф (§ 2, гл 1) раскрытию объективных и субъективных трудностей в утверждении кооперативного строя в Болгарии, а также их успешному преодолению благодаря деятельности БКП, трудящихся масс республики и советско-болгарскому сотрудничеству.

Д. Г. Песчаный далек от того, чтобы рассматривать сотрудничество между двумя братскими странами как одностороннее. Правда, в соответствии с объективной исторической истиной он указывает, что отличительной чертой болгаро-советского сотрудничества в области сельского хозяйства в 1948—1958 гг. была постоянная помощь со стороны СССР. «Однако,— пишет он,— следует отметить, что уже в те годы было немало крупниц ценного болгарского опыта, рожденного творчеством освобожденного

труда, который представлял несомненный интерес для советской практики и науки» (стр. 104). Таким образом, это сотрудничество принимало взаимообогащающий характер. Оно знаменовало начало могучих жизненных процессов в развитии взаимоотношений социалистических стран, в наши дни приносящих замечательные плоды.

В заключительной части книги подводятся итоги прогрессивных социальных и экономических последствий болгаро-советского сотрудничества в области сельского хозяйства. Исходя из рассмотренных в работе материалов, автор делает вывод, что это сотрудничество являет собой убедительный пример неукоснительного соблюдения принципов социалистического интернационализма, уважения суверенитета и национальных интересов, взаимной выгоды, подлинной братской взаимопомощи и единства (стр. 165).

Использование советского опыта и помощи — один из решающих факторов, способствовавших тому, что Болгария по темпам социалистического преобразования деревни и срокам завершения этого процесса оказалась в авангарде европейских народно-демократических стран. «На всех этапах осуществления ленинского кооперативного плана в болгарской деревне,— отмечается в книге,— советско-болгарское сотрудничество было постоянным действенным фактором, который ускорял решение важнейших задач переходного периода от капитализма к социализму: полной победы социалистических производственных отношений, одержанной в результате завершения кооперирования болгарского крестьянства; создания материально-технической базы социализма и повышения уровня жизни широких масс грудящихся города и деревни» (стр. 168). На примере советско-болгарского сотрудничества, пишет автор, в определенной степени можно судить о характере и основных формах связей Советского Союза с другими членами социалистического содружества в указанный период. Постоянная забота БКП о всестороннем развитии болгаро-советского сотрудничества дает огромные политические результаты и преимущества, облегчающие выполнение многих задач социалистического строительства в деревне.

Касаясь дальнейшего развития социалистического сотрудничества в рассматриваемой области, Д. Г. Песчаный констатирует, что наряду с двусторонними связями со второй половины 50-х годов, особенно пос-

ле создания Постоянной комиссии СЭВ по сельскому хозяйству (1956), с завершением социалистических преобразований в деревне в других социалистических странах укрепляется сотрудничество в области сельского хозяйства на многосторонней основе. Происходит международное разделение труда в сельском хозяйстве, оптимально используются природные условия и производственные возможности каждой его отрасли, достижения агробиологической науки и научно-технической революции в целях удовлетворения потребностей всего социалистического содружества.

Содержательная работа Д. Г. Песчаного не лишена отдельных недостатков. От автора можно было ожидать более конкретного рассмотрения трудов советских и болгарских исследователей, которые лишь вскользь упомянуты во введении. Вызывает сожаление, что в книге даже не затрагивается вопрос о буржуазной литературе, непосредственно или косвенно касающейся данной проблемы и извращающей существо экономического сотрудничества между со-

циалистическими странами. Стремление автора делать свои выводы и оценки на основе использования максимального количества фактического материала приводит иногда к нарушению необходимой пропорции в изложении. Местами текст перегружен конкретными примерами, подробностями, именами, чрезмерно фактологичен.

В целом же книга Д. Г. Песчаного — интересное и нужное исследование. Она существенно дополняет советскую историографию о строительстве социализма в Народной Республике Болгарии и о советско-болгарском сотрудничестве в процессе социалистического преобразования болгарской деревни. Пропаганда исследованного в книге опыта, демонстрирующего превосходство отношений нового типа, которые господствуют в социалистическом содружестве, имеет немаловажное практическое значение для всех стран, идущих или становящихся на путь социалистического переустройства.

Л. Б. Валева

«История Швеции». М. Изд-во «Наука». 1974. 719 стр. Тираж 6 300.
Цена 3 руб. 34 коп.

Рецензируемая книга представляет собой первый в нашей стране коллективный труд по истории самой крупной и наиболее развитой в экономическом отношении скандинавской страны с древнейших времен до начала 70-х годов XX столетия¹. Работа отличается четкой композицией и тщательностью отбора материала, значительное большинство глав носит исследовательский характер. В книге удачно, в хороших пропорциях соединены социально-экономическая, политическая история и исто-

рия культуры. Основное внимание уделено новой и новейшей истории страны.

Авторы справедливо отмечают, что одной из наиболее сложных проблем ранней истории Швеции является вопрос о происхождении классового общества и государства, что обусловлено недостаточностью письменных источников, относящихся к IX—XI вв. (стр. 62). Поэтому с появлением таких источников в более позднее время освещение проблем, связанных с развитием и утверждением феодализма в Швеции (во второй половине XII—XIV вв.), возникновением родов и образованием сословной монархии, несомненно, становится все более убедительным. Для характеристики древнешведского общества IX—XI вв. авторы пользуются понятием «раннеклассовое общество», не получившим единодушного признания в марксистской историографии. По сути дела, речь идет о последнем этапе распада первобытнообщинного строя, о варварском обществе, уже несущем в себе элементы как рабовладельческого, так и феодального укладов. Что касается раскрытия осо-

¹ Авторский коллектив: В. Д. Аракин, М. И. Безрукова, Е. А. Ворожейкин, Е. Г. Грищенко, А. Я. Гуревич, Э. Д. Жибицкая, А. С. Кан, А. Е. Кроль, Л. Я. Лесмент, Л. А. Лооне, В. Д. Мартынов, Г. А. Некрасов, Г. А. Новицкий, Х. А. Пийрмяэ, В. В. Рогинский, Л. К. Роотс, А. А. Сванидзе, Л. Р. Серебряный, Г. Н. Фарафонов, С. А. Фейгина, О. В. Чернышева, Д. М. Шарыпки, И. П. Шаскольский. Редакция: А. С. Кан (отв редактор), Г. А. Некрасов, И. П. Роздорожный, О. В. Чернышева, И. П. Шаскольский, Ю. В. Кудрина (секретарь редколлегии).

бенностей шведского феодализма (имеются в виду: отсутствие крепостной зависимости крестьянства, часть которого имела землю на правах собственности; широкое распространение государственно-вотчинной и фискальной (податной) эксплуатации крестьянства; срочный, не наследственный характер ленной системы вплоть до середины XVI в.), то авторам соответствующих разделов следовало бы особо подчеркнуть (например, на стр. 101) его незавершенность не только в XIII—XIV вв., но и много позже, вплоть до эпохи Реформации и «революции цен». Процесс феодализации завершился в Швеции только в XVII в., приняв форму феодальной реакции, совпавшей по времени, как верно отмечается в гл. VI, уже с раннекапиталистическим развитием.

Одним из важнейших периодов истории Швеции является, таким образом, XVII век. В это время она становится великой державой, образуется шведская балтийская империя. При рассмотрении процесса образования абсолютной монархии в XVII в. авторы основное внимание уделили вопросам внутрисоциальных и политических тенденций, способствовавших экономическому развитию Швеции, ее успешной борьбе за установление господства в бассейне Балтийского моря. В книге раскрыты причины, содействовавшие этим завоеваниям. Однако, как нам представляется, следовало бы шире осветить международное положение Шведского государства, выявить его слабые стороны, обусловленные скудостью экономических, военных и людских ресурсов по сравнению с соперничающими странами: Речью Посполитой, Россией и империей Габсбургов. Это повлияло на политику Швеции в отношении завоеванных территорий, в том числе и в Прибалтике.

При изложении событий шведско-польской войны 1600—1629 г. вне поля зрения авторов осталась Саласпилсская (Кирхгольмская) битва 1605 г., в которой шведы, предводительствуемые Карлом IX, потерпели поражение, заставившее их на известное время отказаться от активных военных действий в Прибалтике. По поводу взятия Риги в 1621 г. указывается лишь, что «рижская победа шведов обратила на себя внимание в Западной Европе» (стр. 187). Однако не показано, какое экономическое и стратегическое значение для Швеции имело овладение этим крупнейшим торговым центром, через который проходила основная масса шведского экспорта из районов Прибалтики.

Обстоятельна трактовка социальной и внутрисполитической борьбы в Швеции времен правления Кристины и причины, а также последствия первой, так называемой четвертной редуции (изъятия королевской властью у феодальной аристократии перешедших в ее руки коронных земель). Авторам нелегко было дать характеристику насыщенного противоречивыми моментами экономического развития Швеции в XVII веке. Предпочтение было отдано более подробному рассмотрению промышленного (мануфактурного) производства, торговли и товарно-денежных отношений перед доминировавшим тогда натуральным сельским хозяйством. Процесс так называемого первоначального накопления в Швеции был тесно связан с ее экспансионистской и авантюристической внешней политикой. Именно поэтому и торговля прибалтийских городов приобрела важное значение для Швеции XVII в. (стр. 224—225).

В разделе об утверждении абсолютизма и осуществлении большой редуции дворянских земель (конец XVII в.) лаконично показаны причины и ход главных событий и их социально-экономические последствия, проанализированы аграрные отношения и положение крестьян в шведских прибалтийских провинциях, охарактеризованы последствия редуции — расширение товарного хозяйства, усиление эксплуатации крестьян.

В книге освещены главные события и этапы Северной войны 1700—1721 годов.

Содержательным и глубоким анализом отличаются главы, рассказывающие об истории Швеции второй половины XVIII—первой половины XIX века. Так, события 1809—1810 гг., служащие предметом традиционных острых дискуссий среди шведских историков, обоснованно характеризуются как верхушечная буржуазная революция (стр. 343). Анализ «политики 1812 г.» углублен привлечением ранее не использованных архивных материалов.

Соответствующее место отведено истории создания крупной шведской промышленности и вступления страны в эпоху империализма в начале XX в., внутрисполитической борьбы, зарождения и развития рабочего движения, образования политических партий, а также внешнеполитической ориентации тогдашней Швеции. Широко характеризуется эта страна в период между двумя мировыми войнами.

Относительно освещения истории Швеции во время второй мировой войны приходится, к сожалению, констатировать, что

подраздел о внешней политике страны в годы войны не содержит ничего нового по сравнению с монографией А. С. Каня «Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны» (М. 1967), хотя после выхода этой книги появились работы, в которых привлечены ранее недоступные шведские архивные материалы.

Особый интерес вызывает глава, посвященная послевоенной Швеции. Здесь показаны особенности экономики страны, развитие государственно-монополистического капитализма и его специфические черты, заключающиеся в косвенном регулировании различных сторон экономической и общественной жизни со стороны государства при небольшой его прямой предпринимательской деятельности. Хотя авторскому коллективу удалось убедительно показать роль государственно-монополистического капитализма в экономической жизни Швеции, необходимо было все же более подробно остановиться на масштабах государственного вмешательства в регулирование экономики, а также на раскрытии двойственного характера «плана Маршалла» для экономики Швеции.

Значительное внимание уделено в книге Социал-демократической партии Швеции (СДПШ), находящейся более 40 лет у власти. Под давлением растущего рабочего движения социал-демократические правительства были вынуждены принять ряд прогрессивных законов — о всеобщем страховании, о всеобщем обязательном девятилетнем обучении, о пенсии по труду. Авторы подчеркивают, что борьба вокруг принятия законопроекта о пенсии по труду, в которой исключительно активную роль играла Коммунистическая партия Швеции (КПШ), превратилась в крупнейшее политическое сражение между левыми и правыми силами страны. Несмотря на то, что руководство шведских социал-демократов всегда отрицательно относилось к вопросу о сотрудничестве с коммунистами, именно КПШ, которая в 1967 г. была переименована в Левую партию — коммунисты Швеции, не раз оказывала СДПШ поддержку. Это делалось в интересах укрепления левых сил, всего рабочего движения страны, против наступления объединенного фронта буржуазных партий.

Благодаря активному выступлению прогрессивных кругов, и прежде всего коммунистов, против проектов приобретения или производства атомного оружия в Швеции возникло широкое движение, содействовав-

шее укреплению антимилиитаристских настроений и отказу правительства от производства оружия массового уничтожения. Однако при изложении этих событий следовало добавить, что внутривнутриполитическая борьба вокруг проблемы ядерного вооружения непосредственно затронула и вопрос о внешнеполитической ориентации Швеции. Ибо тезис сторонников ядерного вооружения о необходимости защиты страны против «изурливанного» нападения (при этом прежде всего подразумевалось, что оно последует со стороны СССР) был рассчитан на привлечение Швеции к Североатлантическому блоку.

Как известно, на протяжении послевоенного периода шведское правительство придерживалось во внешней политике концепции неучастия в военно-политических блоках, и это прослежено в книге. Однако надо было глубже проанализировать борьбу внутри Швеции вокруг внешнеполитической ориентации страны, особенно в связи с образованием замкнутых экономических и военно-политических группировок в Западной Европе, а также полнее раскрыть причины той критической реакции, которую вызвала в Швеции американская эскалация войны во Вьетнаме.

В книге справедливо подчеркивается, что в послевоенный период первостепенное значение для шведских политических кругов имело улучшение отношений с Советским Союзом, ранее в известной мере осложнявшихся неоднократными отступлениями Швеции от политики нейтралитета в годы войны. Следовало бы подвергнуть критике предпринимавшиеся в буржуазной печати попытки фальсификации кредитного и торгового соглашений между Швецией и СССР (октябрь 1946 г.), положивших начало восстановлению добрососедских отношений между обеими странами. Необходимо было также указать, что Швеция — одна из первых европейских стран, в принципе благожелательно отнесшаяся уже в середине 60-х годов к инициативе СССР и других социалистических стран о созыве общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству.

Нам представляется, что авторский коллектив отразил как общее, так и особенное в истории Швеции. Вместе с тем в обобщающем труде, к сожалению, не дано принципиальное обоснование принятой периодизации шведской истории.

К достоинствам книги следует отнести вводный историографический раздел, кото-

рый написан на высоком профессиональном уровне. Однако желательным было бы при анализе русской дореволюционной историографии сказать и о прибалтийско-немецкой литературе, трактующей политику Швеции в Прибалтике во второй половине XVI — начале XVIII века².

В печати уже отмечались фактические неточности в рецензируемом издании³. Со своей стороны добавим, что не совсем точно освещен вопрос о морских набегах шведов в IX веке. В книге указано, что они совершались на земли прибалтийских славян и на побережье Курляндии (стр. 63). Однако тут же мы читаем «о каких-то шведских нападениях в IX—X вв. на при-

брежные эстонские и латышские земли», о которых имеются лишь «глухие сведения». По-разному трактуется вопрос о возникновении в шведском языке слова «förlaga» — «терять». В одном месте указано, что оно возникло в конце XIII в., когда в Швеции появились ганзейские купцы и ремесленники (стр. 602—603), а в другом — благодаря участию шведских войск в Тридцатилетней войне (стр. 606). Заведомо ошибочно мнение авторов (стр. 510), будто шведских запасов урановой руды хватило только до 1975 года.

«История Швеции», безусловно, интересный и полезный труд, который будет способствовать повышению уровня научных исследований по истории Швеции, а также послужит ценным пособием для всех, кто интересуется ею.

Дз. Э. Лиепиня, П. Э. Бацис,
А. И. Гольфман

² R. Liljedahl. Östersjöprovinsernas svenska tid i detskybaltiska historieskrivningen. «Historisk tidskrift», 1929, № 2.

³ См. «Новая и новейшая история», 1975, № 5, стр. 202—205.

«Средние слои городского общества в странах Востока». М. Изд-во «Наука». 1975. 384 стр. Тираж 1900. Цена 2 руб. 56 коп.

Рецензируемый сборник подготовлен сотрудниками отдела общих проблем современного развития стран Азии и Северной Африки Института востоковедения АН СССР совместно с учеными страноведческих отделов того же института, а также Института философии, Института мировой экономики и международных отношений, Института Африки, Института научной информации по общественным наукам АН СССР, Института международных отношений МИД СССР, Института стран Азии и Африки при МГУ, Академии общественных наук при ЦК КПСС и других научных учреждений¹.

Исследование социально-классовой структуры развивающегося общества — одно из

фундаментальных направлений марксистско-ленинской науки, изучающей проблемы освободившихся стран. Весьма актуальным представляется вопрос о средних слоях городского общества, которому посвящена книга. Проблема эта крайне мало изучена, многие аспекты в ней являются дискуссионными. Рецензируемая книга — один из первых опытов исследования данной проблемы. Как справедливо подчеркивают авторы (В. Ф. Ли, А. В. Кива и др.), необходимо учитывать особенное по сравнению с развитыми капиталистическими странами значение средних слоев в общественно-политической жизни развивающихся стран.

В рассматриваемом сборнике можно выделить несколько основных групп проблем. Первая из них связана с определением самого понятия «средние слои афро-азиатского города», с методологическими критериями отнесения социальных групп к этой категории. Сюда же относится вопрос о типологии средних слоев и специфике их структурных элементов. Авторы отмечают методологические трудности, возникающие при решении этих вопросов (В. Ф. Ли, Г. И. Мирский, Б. В. Ветров, З. Н. Галич, Л. Р. Полонская и др.). Об аналогичных

¹ Авторский коллектив: А. Г. Бельский, В. Л. Бодянский, Б. В. Ветров, С. В. Велличкин, Ю. Н. Гаврилов, З. Н. Галич, А. В. Гордон, В. И. Данилов, Л. М. Демин, И. И. Демьянова, Н. А. Длин, А. И. Ионова, А. В. Кива, В. Ф. Ли, В. М. Мазуров, О. В. Маляров, Ю. Н. Маслов, Г. И. Мирский, С. Н. Надель, А. С. Плотников, Л. Р. Полонская, Е. Б. Рашковский, Р. Э. Севортян, Б. Г. Сейранян, М. П. Стрепетова, Э. Д. Талмуд, С. А. Ухтин, В. Г. Хорос.

трудностях при исследовании средних слоев капиталистического общества пишет С. Н. Надель, отмечающий, что для определения критериев, «при помощи которых можно было бы выделить нужный социальный слой, необходимо ясно представить себе социально-экономическую сущность этого слоя, отличающую его от иных общественных групп» (стр. 97). Пожалуй, главная из трудностей состоит в их промежуточном положении «между двумя основными классами капиталистического общества — буржуазией и пролетариатом» (стр. 97). Тем большие трудности возникают при определении средних слоев в афро-азиатских обществах, социальная структура которых находится в процессе формирования, классовая консолидация не закончена и основные классы — пролетариат и буржуазия — можно выделить лишь условно, поскольку они, как пишет Г. И. Мирский, «во-первых, численно невелики, а во-вторых, — и это еще важнее — связаны с социально-экономическим укладом, который может стать господствующим только в перспективе...» (стр. 37).

Попытку выявить главный признак средних слоев делает Л. Р. Полонская: «Главным признаком средних слоев является тот факт, что они либо вообще не имеют собственности, либо получают от этой собственности и частного предпринимательства лишь дополнение к основному доходу, который поступает им в виде жалования или любого другого вознаграждения за нефизический труд...» (стр. 234). В этом определении содержится, по существу, два признака, из которых первый (отсутствие собственности) в равной мере может быть отнесен и к пролетариату, а второй (характер основного дохода в виде жалования или любого другого вознаграждения за нефизический труд) отнюдь не определяет специфику средних слоев, так как может принадлежать и к элитарным группам афро-азиатского развивающегося общества, например, к бюрократической буржуазии. Поэтому указанные признаки не могут, на наш взгляд, служить критериями определения средних слоев.

Не случайно исследователи пытаются найти своего рода «негативные» критерии, отличающие средние слои от других социальных групп. Следует согласиться с В. Ф. Ли, который пишет, что средние слои городского общества «не имеют единой социально-экономической основы, и это один из методических критериев, позво-

ляющих отличать их от того или иного класса, который воплощает в основном один из укладов или типов производственных отношений» (стр. 13). Критерием, по мнению Г. И. Мирского, может служить и отсутствие в чистом виде как социалистических тенденций, так и капиталистических (см. об этом стр. 38).

Но, разумеется, «негативные» критерии должны быть дополнены позитивными, конкретными признаками, специфичными для отдельных групп стран или даже периодов развития. Для выявления специфики средних слоев в афро-азиатском городском обществе очень важно обратить внимание на существование, значимость и влияние традиционных, реликтовых отношений как в социально-экономической, так и в социально-психологических областях, как в сфере базиса, так и в надстроечной сфере. О значимости подобных влияний говорят многие авторы, особенно подробно останавливается на этой проблеме Б. В. Ветров. Фактор влияния этих отношений на средние слои афро-азиатского города помогает выявить их отличие от средних слоев развитого капиталистического общества, однако эта особенность не является одним из тех признаков, который позволяет выделять средние слои и отличать их от других социальных групп и классов, ибо влияние традиционных отношений сказывается на всех социальных группах и классах развивающегося общества. Методологические трудности выявления общих критериев приводят к тому, что большинство авторов в качестве рабочего определения пользуются типологическим перечислением групп, входящих в категорию «средние слои» (см., например, стр. 37, 104—105, 207, 235 и др.).

Типология средних слоев афро-азиатского города и характеристика отдельных групп, входящих в средние слои, относятся к наиболее основательно рассмотренным в сборнике проблемам. Большое внимание уделено анализу таких сложных для исследования групп, как интеллигенция, мелкая буржуазия (статья В. Ф. Ли, Г. И. Мирского, Е. Б. Рашковского, Л. Р. Полонской, А. В. Гордона, В. Г. Хороса, А. И. Ионовой и др.). В. Ф. Ли включает в состав интеллигенции «главным образом представителей более сложных (в отличие от служащих.— А. М.), творческих категорий умственной деятельности, для которых умственный труд представляет если не единственный, то по крайней мере основной источник существования» (стр. 23). Автор

выделяет специфические особенности национальной интеллигенции, к которым он относит «ее «вторичную» связь с производственными отношениями, многоукладным экономическим базисом (социально-экономический аспект проблемы)»; «опыт политической борьбы и ее доминирующие (нередко монопольные) позиции в партийно-государственном аппарате при сравнительно небольшой численности (социально-политический аспект проблемы)»; наличие у интеллигенции эклектической «социалистической» идеологии и социальной психологии, которая в состоянии в своеобразной форме в течение определенного переходного периода социальной революции частично аккумулировать и отражать некоторые интересы и требования широкого, общедемократического движения трудящихся масс» (стр. 24—25). Именно такая многосторонняя характеристика может стать основой комплексного изучения этой прослойки, ее типологии, роли в социальной революции и национальном строительстве.

Статьи сборника, как правило, носят дискуссионный характер, что объясняется недостаточной изученностью поставленных проблем. Некоторые разногласия между авторами касаются, в частности, вопроса о включении в средние слои таких групп, как мелкая буржуазия, люмпен-пролетариат. В. Ф. Ли, включая мелкую буржуазию в качестве одного из структурных элементов в категорию средние слои, оговаривается, что в многоукладных странах мелкая буржуазия «обладает всеми основными признаками самостоятельного общественного класса» (стр. 16). В то же время он подчеркивает специфику афро-азиатских стран, где «все еще преобладают традиционные виды мелкого производства, основанные преимущественно на применении несложной техники, ручного труда, местного сырья и связанные главным образом с местным, а не с общенациональным рынком» (стр. 17), в силу чего афро-азиатская мелкая буржуазия, «за редким исключением, не является социально-экономической базой формирования средней и крупной буржуазии» (там же). Действительно, мелкая буржуазия подвергается жестокой эксплуатации, особенно в странах капиталистической ориентации, что и приводит к активизации ее роли в социально-политических движениях. В этом плане можно согласиться с Г. И. Мирским, который говорит о разнице в понятиях «мелкий производитель» и «мелкая буржуазия». Мелкий произ-

водитель, связанный с традиционными формами мелкого производства, составляет, очевидно, в афро-азиатских странах основную массу мелкой буржуазии.

Л. Р. Полонская ставит вопрос о мелкой буржуазии несколько иначе. В состав средних слоев она включает «мелкобуржуазный элемент рабочего класса» (не объясняя, впрочем, сущности этой категории) (стр. 235). Однако, считая, что «все социальные группы средних слоев при имеющихся между ними различиях по своей природе глубоко мелкобуржуазны» (стр. 136), автор включает в эти слои только часть мелкой буржуазии. Нам представляется более оправданным отнесение всей мелкой буржуазии афро-азиатских стран к категории средних слоев. В то же время трудно согласиться с утверждением о «глубокой мелкобуржуазности» всех социальных групп, относящихся к средним слоям. Мы согласны с А. В. Кивой, который считает, что к данному вопросу необходим дифференцированный подход (стр. 109). Невозможно сбросить со счетов прогрессивные, революционно-демократические тенденции в социальной ориентации средних слоев, тяготение революционных демократов к марксистской, социалистической идеологии, что, разумеется, отнюдь не означает возможность игнорировать и мелкобуржуазную противоречивость, присущую средним слоям.

Большинство авторов не относит люмпен-пролетариат к средним слоям. Исключение составляет Г. И. Мирский, включающий с некоторыми оговорками «городские низы» в категорию «средние слои» (стр. 37—38). Однако необходимо учитывать, что современный люмпен-пролетариат в афро-азиатских странах заметно отличается от аналогичной категории в развитых капиталистических странах, где он действительно, как пишет В. Ф. Ли, является «продуктом социального разложения самых обездоленных слоев антагонистического общества» (стр. 14). Нам представляется, что данную группу целесообразно выделить из категории «городские низы», куда входят и уголовные элементы, и профессиональные нищие, и другие отбросы общества. В молодых независимых государствах (особенно африканских), где вырос уровень образования, основная масса люмпенов состоит из безработной молодежи, окончившей начальные и даже средние школы. Большинство из них прибывает в город из села, где они уже не вписываются в рамки

традиционных форм производства и отношений. Эта группа активна в социальном плане, откликается на все общественные призывы. Не случайно, именно она воспринимается некоторыми африканскими лидерами как основная движущая сила революции. В то же время эта категория может быть использована и используется в период заговоров, особенно под левозэкстремистскими лозунгами. Все это дает основание включать данную социальную группу в категорию средних слоев.

Вторая группа проблем, исследуемая в сборнике, связана с определением политической роли средних слоев, анализом их идейных воззрений. А. В. Кива пишет, что средние слои в странах с низким уровнем развития социально-классовых отношений «нередко формируют общественное мнение, определяют направление внутренней и внешней политики, принимают активное участие в деятельности политических партий... От позиции средних слоев во многом зависит выбор социального пути развития» (стр. 104). «Средние слои,— отмечает Л. М. Демин,— скорее, нежели национальная буржуазия, могут быть вовлечены в единый антиимпериалистический национальный фронт с участием широких демократических сил, в том числе и коммунистов» (стр. 112). В то же время социальная природа средних слоев, их неоднородность порождает «их идейную неустойчивость и непоследовательность...» (стр. 111), которая может привести их даже в лагерь реакции. Автор на конкретных примерах показывает возможность колебания средних слоев между двумя идейно-политическими крайностями — «воинствующим антикоммунизмом и ультрареволюционным левым экстремизмом» (стр. 111).

А. В. Кива указывает на различие позиций средних слоев в странах социалистической и капиталистической ориентации. В последних у власти наряду с представителями средних слоев стоят национальная буржуазия, феодально-помещичьи и клерикальные круги (стр. 107). В этих условиях бесконтрольно развивается частная инициатива, подчас усиливается приток иностранных капиталов. Все это воздействует на средние слои, с одной стороны, усиливая их эксплуатацию, с другой — внушая надежду на обогащение и продвижение по социальной лестнице. В странах социалистической

ориентации у власти стоят революционно-демократические элементы средних слоев, к руководству общественной жизнью активно привлекаются представители рабочего класса и крестьянства, государственный аппарат постепенно избавляется от проимпериалистических, коррумпированных элементов. Появляется патристически настроенная интеллигенция, формируется новый командный состав в армии и полиции. Мелкая и часть средней буржуазии получают от государства необходимую помощь, постепенно освобождаются от зависимости со стороны иностранных монополий, оптовиков. Все это не может не сказаться на положении средних слоев, а отсюда и на их позиции в общественно-политической жизни страны (стр. 107). В то же время, как отмечает Г. И. Мирский, «революционные демократы не могут дать полный простор частной стихии — она захлестнет их и со временем приведет к власти (возможно, при помощи какой-либо группы военных) откровенно капиталистические элементы». Именно в этом, по мнению автора, лежат «корни непоследовательности и противоречивости революционных демократов, именно в этом заключается главное противоречие их власти, которая вынуждена опираться на социальную среду, представляющую для нее потенциальную опасность» (стр. 40—41).

В сборнике исследуются также социальная роль и идеологические воззрения современной афро-азиатской интеллигенции. Многими авторами признается, что она в качестве компонента средних слоев в развивающемся афро-азиатском обществе играет, как правило, ведущую роль на современном этапе национально-освободительной революции (стр. 20, 213, 236, 267 и др.). Наряду с этим отмечается крайняя противоречивость идеологических воззрений современной афро-азиатской интеллигенции, отражающая как ее объективное положение, так и разноплановость исторических задач, стоящих перед ней (буржуазно-демократических и антибуржуазных и антиимпериалистических одновременно) (стр. 262).

Авторский коллектив осуществил плодотворную работу, в результате которой сделан еще один шаг вперед в исследовании такого сложного социального феномена, как является социальная структура современных освободившихся стран.

А. Н. Мосейко

НОВЫЕ КНИГИ

Луначарский А. В. *Человек нового мира*. Сборник статей, речей, докладов, воспоминаний А. В. Луначарского о Владимире Ильиче Ленине. Сост. И. А. Луначарская. М. Изд-во АПН. 1976. 207 стр. 50 000 экз. 80 коп.

История СССР

Алексеев Д. *Уральская жемчужина*. Свердловск. Средне-Уральское книжное изд-во. 1976. 175 стр. 15 000 экз. 40 коп.— Очерк истории 30-й Иркутской Краснознаменной именованной ВЦИКа стрелковой дивизии.

Андрienko (Ворожцова) Л. А. *Атеист ленинской школы*. Жизнь и атеистическая деятельность П. А. Красикова. М. «Мысль». 1976. 151 стр. (Из истории свободомыслия и атеизма). 20 000 экз. 26 коп.

Антюхин Г. В. *Очерки истории партийно-советской печати Воронежской области. 1917—1945*. Воронеж. Изд-во Воронежского ун-та. 1976. 238 стр. 3 000 экз. 1 руб. 9 коп.

Ахраров Д. А. *Компартия Узбекистана в борьбе за подъем хлопководства. 1937—1941 гг.* Ташкент. «Фан». 1976. 94 стр. 2 000 экз. 63 коп.

Бадер О. Н., Халиков А. Х. *Памятники балановской культуры*. М. «Наука». 1976. 168 стр. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. В1-25). 1 350 экз. 1 руб. 61 коп.

Бессуднов С. И. *На Севере тихом*. М. Воениздат. 1976. 112 стр. 40 000 экз. 16 коп.— Воспоминания военного корреспондента газеты «Правда» о годах Великой Отечественной войны.

Братское сотрудничество. Ереван. Изд-во Ереванского ун-та. 1976. 197 стр. 1 000 экз. 56 коп.— Сборник статей о советско-польском сотрудничестве в годы второй мировой войны.

Бушев П. П. *История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг.* По русским архивам. М. «Наука». 1976. 478 стр. 3 800 экз. 2 руб. 14 коп.

Виноградов М. В., Землянский А. Ф., Карасев С. М. «Красный Перевал». Очерки истории фабрики. Ярославль. Верхне-Волжское книжное изд-во. 1976. 295 стр. 3 000 экз. 1 руб. 57 коп.

Голиков Г. Н. *Новые документы В. И. Ленина*. М. «Знание». 1976. 64 стр. 67 630 экз. 11 коп.

Гребнев А. П. *Родной награжденный*. Йошкар-Ола. Маркнигоиздат. 1976. 319 стр. 8 000 экз. 52 коп.— Документальные очерки о гражданах МарАССР, участниках гражданской и Великой Отечественной войн, награжденных орденом Боевого Красного Знамени.

Гриднев В. М. *Борьба крестьян оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики. 1941—1944*. М. «Наука». 1976. 231 стр. 9 500 экз. 1 руб. 4 коп.

Дмитрук К. Е. *Свастика на сутанах*. М. Политиздат. 1976. 192 стр. 200 000 экз.

46 коп.— Документальный очерк о предательской деятельности верхушки униатской и так называемой украинской автокефальной православной церковью накануне и в период Великой Отечественной войны.

Днепропетровску 200. Историко-публицистический очерк. Днепропетровск. «Проминь». 1976. 143 стр. 25 000 экз. 1 руб. 12 коп.

Злотников Р. А. *Духовные потребности советского рабочего*. Саратов. Изд-во Саратовского ун-та. 1975. 236 стр. 2 500 экз. 86 коп.

Иноятов Х. *Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане*. Ташкент. «Узбекистан». 1976. 376 стр. 3 000 экз. 2 руб. 35 коп.

Искандаров Б. И. *Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана. Вторая половина XIX в.* Душанбе. «Доннш». 1976. 143 стр. 2 440 экз. 90 коп.

Историческое повествование Древней Руси. Л. «Наука», Ленинградское отделение. 1976. 386 стр. (Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Труды Отдела древнерусской литературы Т. 30). 3 600 экз. 2 руб. 76 коп.

История библиотечного дела в Киргизии. Сборник документов и материалов. В 3-х т. Т. 1: 1918—1945. Отв. сост. М. Д. Заседателева. Фрунзе. «Кыргызстан». 1976. 295 стр. 1 000 экз. 69 коп.

История социалистической экономики СССР. В 7-ми т. Т. 2: Переход к нэпу. Восстановление народного хозяйства СССР, 1921—1925 гг. М. «Наука». 1976. 479 стр. 37 300 экз. 2 руб. 82 коп.

Кавказский этнографический сборник. Вып. 6. М. «Наука». 1976. 303 стр. 1 650 экз. 2 руб. 7 коп.

Казиев М. А. *Мешади Азизбеков*. Жизнь и деятельность. Баку. «Гянджлик». 1976. 120 стр. 3 000 экз. 80 коп.

Карпатский сборник. М. «Наука». 1976. 151 стр. 1 600 экз. 81 коп.— Труды Международной комиссии по изучению народной культуры Карпат и прилегающих к ним областей.

Кириенко Ю. К. *Крах калединщины*. М. «Мысль». 1976. 246 стр. 23 000 экз. 1 руб. 4 коп.

Кириллов В. С. *Большевики во главе массовых политических стачек в первой русской революции (1905—1907)*. М. Политиздат. 1976. 368 стр. 13 000 экз. 1 руб. 55 коп.

Кислягина Л. Г. *Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина (1785—1803 гг.)*. М. Изд-во Московского ун-та. 1976. 199 стр. 5 830 экз. 78 коп.

Коммунистическая партия Узбекистана в период построения фундамента социализма. Летопись событий. Ч. 3. 1925—1932. Ташкент. «Узбекистан». 1976. 237 стр. 3 000 экз. 1 руб. 57 коп.

Копылов И. С., Лазукин А. Н., Райкин Г. Л. *Оренбургское лето*. Очерк истории Оренбургского высшего военного

авиационного Краснознаменного училища летчиков им. И. С. Полбина. М. Воениздат. 1976. 268 стр. 40 000 экз. 57 коп.

Кочнев Б. Д. *Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии*. Ташкент. «Фан». 1976. 84 стр. 1 200 экз. 51 коп.

Кузаков В. К. *Очерки развития естественных научных и технических представлений на Руси в X—XVII вв.* М. «Наука». 1976. 316 стр. 5 350 экз. 1 руб. 26 коп.

Макаров Н. И. *Непокоренная земля Российской*. М. Политиздат. 1976. 319 стр. 100 000 экз. 78 коп.— О партизанском движении в западных областях РСФСР в годы Великой Отечественной войны.

Макушенко П. И. *Народная деревянная архитектура Закарпатья (XVIII—начало XX века)*. М. Стройиздат. 1976. 160 стр. 13 000 экз. 1 руб. 55 коп.

Надысев Г. С. *На службе штабной*. Предисл. Г. Перелынского. Изд. 2-е, испр. и доп. М. Воениздат. 1976. 270 стр. (Военные мемуары). 100 000 экз. 61 коп.

Нечкина М. В. *Декабристы*. М. «Наука». 1976. 183 стр. (История нашей Родины). 160 000 экз. 66 коп.

Обичкин О. Г. *Уставы местных организаций РСДРП. 1894—1917 гг.* М. Политиздат. 1976. 143 стр. (Очерки истории партийного строительства). 18 000 экз. 55 коп.

Огненные рубежи. Военно-исторический очерк. Предисл. И. А. Плиева. Ростов-н/Д. Книжное изд-во. 1976. 223 стр. 30 000 экз. 78 коп.— О Великой Отечественной войне

Остапенко В., Землякова И. *Заговорили обелиски*. Ставрополь. Книжное изд-во 1976. 231 стр. 20 000 экз. 41 коп.— Очерки о погибших героях Великой Отечественной войны.

Очерки истории Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Эстонии. Ч. 1. Конец XIX в.— июнь 1941 года. Таллин. «Ээсти раамат». 1976. 363 стр. 2 000 экз. 1 руб. 69 коп.

Пестанов С. А. *Солдаты морской пехоты*. Воспоминания Петрозаводск. «Карелия» 1976. 160 стр. 15 000 экз. 45 коп.

Розенгалл М. М. *Диалектика ленинского исследования империализма и революции*. М. «Мысль». 1976. 520 стр. 11 000 экз. 1 руб. 99 коп.

Сарыбаев К. *Очерки истории орошения в Каракалпакии*. С XVIII века до победы социализма в Каракалпакистане. Нукус. «Каракалпакистан». 1976. 231 стр. 2 000 экз. 50 коп.

Сафронов Е., Фадеев А., Четверкин С. В. И. *Ленин и развитие производительных сил Среднего Поволжья*. Куйбышев. Книжное изд-во. 1976. 104 стр. 2 000 экз. 15 коп.

Селезнев В. А., Гутаров А. Н. *Советская деревня в предвоенные годы (1938—1941)*. Из истории колхозного строительства в основных районах Северо-Запада РСФСР. Ленинградская область. Краткий исторический очерк. Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1976. 112 стр. 1 200 экз. 64 коп.

СССР в цифрах в 1975 году. Краткий статистический сборник. М. «Статистика».

1976. 238 стр. (ЦСУ при Совете Министров СССР) 150 000 экз. 34 коп.

Там за Невой моря и океаны. История Высшего военно-морского ордена Ленина, Краснознаменного, ордена Ушакова училища им. М. В. Фрунзе. Авт.: Г. М. Гельфонд и др. Предисл. С. Г. Горшкова. М. Воениздат. 1976. 363 стр. 40 000 экз. 1 руб. 3 коп.

Тенгюкова Ф. А. *Из прошлого Коми края*. Материалы к своду памятников. Сыктывкар. Коми книжное изд-во. 1976. 95 стр. 1 000 экз. 30 коп.

Черепанов А. И. *В боях рожденная*. Изд. 3-е. М. Изд-во ДОСААФ. 1976. 191 стр. 100 000 экз. 41 коп.— Очерки о боях Красной Армии с войсками кайзеровской Германии в 1918 году.

Чичаев И. *Незабываемые годы*. Саранск. Мордовское книжное изд-во. 1976. 134 стр. 10 000 экз. 25 коп.— Воспоминания старого большевика, участника борьбы за установление Советской власти.

Всеобщая история

Алаев Л. Б. *Социальная структура индийской деревни*. Территория Утар-Прадеша, XIX в. М. «Наука». 1976. 264 стр. 1 500 экз. 1 руб. 44 коп.

Васильев Л. С. *Проблемы генезиса китайской цивилизации*. Формирование основ материальной культуры и этноса. М. «Наука». 1976. 368 стр. 2 400 экз. 2 руб. 77 коп.

Гольдберг Д. И. *Очерк истории рабочего и социалистического движения в Японии. 1868—1908 гг*. М. «Наука». 1976. 356 стр. 2 000 экз. 2 руб. 4 коп.

Деятели международного рабочего движения о религии и церкви. Западная Европа. Конец XIX—начало XX в. А. Бебель, В. Либкнехт, Ф. Меринг, Ж. Гед, П. Лафарг, А. Лабриола. Сост.: Л. А. Андриенко, Л. П. Курпакова. М. «Мысль». 1976. 271 стр. 32 000 экз. 82 коп.

Козлов Ю., Ткаченко В. *Венесуэла*. М. «Мысль». 1976. 148 стр. 50 000 экз. 20 коп.

Коммунистические партии Латинской Америки в борьбе за единство антиимпериалистических сил. М. «Мысль». 1976. 341 стр. 7 000 экз. 1 руб. 63 коп.

Критика идеологии неофашизма. М. «Мысль». 1976. 464 стр. 15 000 экз. 1 руб. 74 коп.— Монография создана советскими учеными, членами ГДР и прогрессивными деятелями капиталистических стран.

Лапин Н. И. *Молодой Маркс*. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. Политиздат. 1976. 415 стр. 150 000 экз. 76 коп.

Луцкевич В. А. *Египет в борьбе за экономическую независимость. 1952—1971*. Анализ роли внешнеэкономических связей. М. «Наука». 1976. 230 стр. 2 300 экз. 1 руб. 20 коп.

Малаховский К. В. *Остров райских птиц*. История Папуа-Новой Гвинеи. М. «Наука». 1976. 191 стр. 94 000 экз. 69 коп.

Освобождение Кореи. Воспоминания и статьи. Ред.-сост.: В. П. Пак, С. С. Суслина. М. «Наука». 1976. 336 стр. 6 000 экз. 1 руб. 29 коп.

Проблемы коммунистического движения. Авангардная роль марксистско-ленинской партии в современном революционном процессе. Ежегодник, 1975. М. «Мысль». 1976. 326 стр. 12 000 экз. 1 руб. 26 коп.

С а ш и н Г. З. *Боливия.* Очерк новейшей истории. М. «Мысль». 1976. 278 стр. 6 000 экз. 1 руб. 32 коп.

С е л ь з н е в Г. К. *Латинская Америка в борьбе против реакции и неокolonизма.* Борьба компартий Латинской Америки против неокolonизма США, за единый антиимпериалистический фронт в 1969—1975 гг. М. Изд-во Московского ун-та. 1976. 280 стр. 4 620 экз. 90 коп.

С е м а н о в В. И. *Из жизни императрицы Цыси. 1835—1908.* М. «Наука». 1976. 165 стр. 30 000 экз. 54 коп.

С и л и н А. С. *Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны. 1908—1914.* М. «Наука». 1976. 359 стр. 2 800 экз. 2 руб. 64 коп.

Средневековый город. Межвузовский научный сборник. Вып. 3. Саратов. Изд-во Саратовского ун-та. 1975. 235 стр. 1 500 экз. 92 коп.

Страны и народы Востока. Вып. 18. География. Этнография. История. М. «Наука». 1976. 299 стр. 2 000 экз. 3 руб.

Структурные сдвиги в народном хозяйстве социалистических стран. Коллективная монография. М. «Мысль». 1976. 333 стр. 6 000 экз. 1 руб. 85 коп.

С у д е й к и н А. Г. *Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами.* М. «Наука». 1976. 268 стр. 1 700 экз. 1 руб. 36 коп.

Французский ежегодник, 1974. Статьи и материалы по истории Франции. М. «Наука». 1976. 360 стр. 3 600 экз. 2 руб. 22 коп.

Художественная культура и археология античного мира. М. «Наука». 1976. 240 стр. 6 400 экз. 1 руб. 56 коп.—Сборник статей памяти Б. В. Фармаковского.

Ч и к в а и д з е А. Д. *Английский кабинет накануне второй мировой войны.* Тбилиси. «Мецниереба». 1976. 279 стр. 3 000 экз. 1 руб. 95 коп.

Книги, переведенные
с иностранных языков

Л и д д е л Г а р т Б. *Вторая мировая война.* Пер. с англ. М. Воениздат. 1976. 679 стр. 50 000 экз. 1 руб. 92 коп.

С м и т С. *Американский неокolonизм в Африке.* Пер. с англ. М. «Прогресс». 1975. 342 стр. 7 500 экз. 1 руб. 54 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«История СССР» № 3, 1976. М. И. Куличенко. Экономические основы укрепления интернационального единства советского народа; А. П. Тюрина. Сельское хозяйство СССР в годы девятой пятилетки (1971—1975); В. Я. Лаврычев. Общая тенденция развития буржуазно-либерального движения в России в конце XIX — начале XX века; Ю. Б. Стракач. Источники по региональной истории народов Севера Сибири (1926—1970); В. Д. Назаров. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI века (К методике изучения вопроса); М. Хамраев. Развитие ирригации в Советском Таджикистане; М. А. Коровяков, В. П. Удод. Советские люди в движении Сопротивления в Румынии; Т. В. Осипова. Всероссийский союз земельных собственников (1917 г.); Е. К. Ромодановская. Строгановы и Ермак; А. И. Подгорнова. Из истории организации книгоиздательского дела в СССР (1921—1925); Н. В. Романовский. Буржуазная историография трех революций в России.

«Новая и новейшая история» № 3, 1976. В. Павловский. XXV съезд КПСС и борьба СССР за разрядку; А. Е. Ефремов. Западноевропейская интеграция и европейские ядерные силы; Г. Н. Севостьянов. Некоторые проблемы истории американской революции; Г. Л. Арш. Иоани

Каподистрия и греческая национально-освободительная революция 1821 г.; Я. С. Дрвабкин. Соратницы в борьбе за великое дело (из переписки К. Цеткин и Р. Люксембург); Н. А. Паблин. Крах диктатуры Антонеску; Д. С. Давидович. Орудие германского империализма и милитаризма; Ф. Сергеев. Операция «Восход солнца»; Н. Г. Новиков. Строительство социализма в Чехословакии; Е. М. Двойченко-Маркова. Джон Смит в России; Л. П. Козлов, А. С. Орлов. Капитальный труд о подготовке и развязывании второй мировой войны; Н. Н. Болховитинов. Клиометристы и рабство в США.

«Советские архивы» № 3, 1976. Обеспечение сохранности документов — важная общественная функция архивов (по материалам Коллегии Главархива СССР); К. К. Миронова, Л. И. Панин. Некоторые итоги и перспективы публикационной работы архивных учреждений СССР; В. А. Устинов. О режиме хранения фондокументов на магнитной ленте; Ю. П. Ньюкша. Реставрация документов с помощью технических средств; Документ о движении за коммунистическое отношение к труду в годы девятой пятилетки (публикацию подготовил И. И. Белоносов); Х. Т. Петерсон. Документ о развитии мелiorации земель в СССР (май 1966 г.—1976 г.); С. И. Овсянников. Документ

ты начального периода становления советской физической культуры (1917—1919 гг.); М. Г. Белогуров. Документы о деятельности сельских Советов в период восстановления народного хозяйства страны (1921—1925 гг.); Е. П. Маматова. Писцовая книга Рузского уезда и вопросы социально-политической истории России 60—70-х годов XVI века.

«Украинский исторический журнал» № 5, 1976. А. С. Кондратюк. Деятельность партийных организаций республики по марксистско-ленинской закалке кадров на современном этапе; В. М. Горский. Использование странами социалистической ориентации опыта КПСС в области аграрных преобразований; В. Г. Бойко. Днепропетровску — 200 лет; Ю. А. Курносов. Состояние и перспективы исследования роли интеллигенции в советском обществе; В. И. Кучер. Создание партизанских резервов на Украине; П. А. Савчук. Некоторые вопросы партийного строительства в партизанских формированиях Украины (1941—1944 гг.); В. А. Замлинский. Из истории оборонно-массовой работы в западных областях УССР (1940 г. — июнь 1941 г.); Н. И. Фирсов. Интернациональная миссия советских войск в освобожденной Чехословакии; Д. Д. Пиха. Подготовка резервов начальствующего состава Красной Армии в 1929—1941 гг.; А. Н. Ковалев. О развитии внутрипартийной демократии в партийных организациях Украины (1926—1929 гг.); З. И. Заграй. Социалистическое соревнование в службе УССР (1966—1970 гг.); В. И. Буряк, А. А. Вовк. К истории создания машинно-тракторных станций; В. К. Гусаров. Роль мопровской печати в пропаганде идей пролетарского интернационализма (1922—1928 гг.); Из летописи девятой пятилетки. (Документы и материалы. Подготовили В. П. Сидоренко, О. Д. Кузьминская).

«Архивы Украины» № 2, 1976. Решения XXV съезда КПСС — программа борьбы советского народа за коммунизм; А. В. Кентий. Обсуждение итогов работы архивных учреждений Украинской ССР в 1975 г. и их задач на 1976 г.; М. Г. Коваль. Каталогизация документов во Львовском облгосархиве; В. С. Бондаренко. Комплектование Запорожского облгосархива документами личного происхождения; М. В. Делеган. Усовершенствование учетной документации в филиале Закарпатского облгосархива в г. Мукачево; П. С. Гончарук, В. Н. Волковинский. Пропаганда документов и материалов о декабристах государственными архивами Украинской ССР; Л. И. Апанович, Ю. В. Войцеховский. Источники о декабристском движении в архивохранилищах г. Киева; М. Г. Вавричин. Отголосок восстания декабристов на западно-украинских землях (по материалам ЦГИА УССР в г. Львове); М. Т. Яцура, И. И. Фастовская. Революционные события на Черниговщине во время первой русской революции; А. М. Билькевич. Архивные источники об участии комсомольцев и

молодежи в свершении социалистических преобразований в западных областях УССР (1944—1950); В. К. Федорова. Низовая производственная печать — важный источник для изучения истории деятельности КПСС в коммунистическом воспитании колхозного крестьянства (1933—1937); В. М. Куляковский. Торговые связи Левобережной Украины с Правобережной во второй половине XVIII в. (По архивным источникам левобережных таможен); Ш. С. Людковский. Документы Николаевского областного государственного архива о революционной деятельности Л. М. Сталя.

«Советская археология» № 2, 1976. В. А. Алексин. Некоторые аспекты социологической интерпретации погребений земледельцев энеолита Южной Туркмении; В. П. Левенок, В. Г. Мионов. К вопросу о новом районе городищной культуры на Дону; А. Е. Леонтьев. Классификация ножей Сарского городища; В. Д. Гопак. Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э. (Днепроовско-Днестровские междуречья); В. С. Флеров. Лощеная керамика Саркела-Белой Вежи; Л. А. Голубева. Коньки-подвески междуречья Волги и Оки; П. А. Раппопорт. Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича; К. Кынчев, Б. Маврудчиев, Г. Чаталов. Петрографические исследования каменных орудий из многослойного поселения Казанлык; Н. Калич. Новая находка модели повозки эпохи энеолита из окрестностей Будапешта; В. Л. Державин. Курганы эпохи бронзы у с. Буторы в Молдавии; Л. В. Фирсов. Радиоуглеродные даты ранне-тавского поселения Тау-Кипчак; И. И. Лобода. Новые раннесредневековые могильники в Юго-Западном Крыму; В. А. Кореняко. Аланские могилы VIII—IX вв. в Северной Осетии; Е. А. Халикова. Больше-Тиганский могильник; Я. Г. Рьер. Изучение курганов в Могилевском Поднепровье; Т. Н. Кошлякова. Реконструкция схем из погребения Ивана Грозного.

«Советское славяноведение» № 2, 1976. А. И. Соколов. Проблемы углубления социалистической экономической интеграции; Т. В. Игнатьева. Борьба демократических сил против оппозиционной группировки Н. Петкова в БЗНС за осуществление социально-экономических преобразований в Болгарии в первые годы народной власти; Анжей Скушипек. Польско-советские переговоры 1934 г. по вопросу о балтийской декларации; Стефан Валиков. О деятельности болгарской школы в Царьграде; Г. Э. Санчук. Германско-чешские отношения первой половины X века.

«Советское славяноведение» № 3, 1976. XXV съезд КПСС; Д. Ф. Марков. Новый этап исследований истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. (Некоторые итоги и перспективы работы Института славяноведения и балканистики АН СССР); И. С. Яжборовская. Социально-политические аспекты процесса национализации в народной Польше; Р. П. Гришина. Отношения буржуа-

знии к экономической политике военно-фашистского правительства Цанкова в Болгарии (1923—1925 гг.); Анджей Брожек. Силезская проблематика в трудах советских историков; А. И. Рогов. Связь Руси с балканскими странами в области изобразительного искусства в XVI—XVII веках.

«Народы Азии и Африки» № 2, 1976.

XXV съезд КПСС и задачи изучения проблем национально-освободительных революций; В. Г. Солодовников. Советская африканистика между XXIV и XXV съездами КПСС; Р. А. Ульяновский. Энергетический кризис и борьба освободившихся стран за экономическое равноправие; Г. И. Шитарев. Некоторые проблемы эволюции революционно-демократических организаций в направлении партии авангарда; Н. Н. Тимофеева. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921—1925); Л. Я. Дадлиани. Рабочий Социалистический Интернационал и сионизм; Ш. А. Тагнева. Нариман Нариманов и Восток; Л. Б. Соколовская. О солидарности немецких коммунистов с китайской революцией 1925—1927 гг.

«Проблемы Дальнего Востока» № 1, 1976.

Н. Н. Некрасов. Восточные районы СССР в девятой пятилетке; Экономика и культура КНР в 1971—1975 гг.; Ф. Ким. Мировой социализм и национально-освободительное движение; А. И. Уральский. Борьба СССР за ликвидацию военного очага в Юго-Восточной Азии; Р. М. Неронов, Б. П. Барахта. Армия — основа маоистского режима; К. А. Егоров. Карательно-репрессивный аппарат в системе маоистской диктатуры; И. В. Казаков. Советско-японские экономические отношения; В. Я. Сидихменов. Фальсификация маоистского научного коммунизма; Г. Сухбаатар. К вопросу об этнической принадлежности хуннов (сюнну); М. И. Сладковский. Шанхай, год 1926 (воспоминания).

«Рабочий класс и современный мир» № 3, 1976.

XXV съезд КПСС и международное рабочее движение; П. Н. Федосеев. Созидательная роль рабочего класса; Х. Ми-соно. Современные аспекты развития японского монополистического капитала; А. С. Кауфман. Непролетарские теории социализма в освободившихся странах; В. Б. Сухян. Отчуждение наемного труда в условиях общего кризиса капитализма; Н. Г. Сибилев. К вопросу о классовой сущности социал-демократической идеологии и политики; В. Г. Васин. Социал-демократия и некоторые проблемы сотрудничества рабочих партий; К. С. Гаджиев. О теории «демократического» элитизма; Ф. М. Бурлацкий. Идеология и власть в КНР; Л. Я. Дадлиани. Сионистский вариант «социализма»; И. А. Улановская. Профсоюзы в ЮАР.

«Советская этнография» № 3, 1976.

XXV съезд КПСС и задачи советских этнографов; Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробинжева. Советский образ жизни: общее и национально-особенное; С. И. Брук. Этнодемографическая ситуация в послевоенном

мире (изменения в этническом, расовом и религиозном составе населения); Г. В. Старовойтова. К исследованию этнопсихологии городских жителей (по материалу опроса населения трех городов Татарской АССР); Е. И. Клементьев. Национально-культурные ориентации карельского городского населения; М. А. Коростовцев. Египтология в свете этнографических исследований Льюиса Генри Моргана; И. Л. Андреев, Д. Д. Тумаркин. Общинные структуры и проблемы социально-экономического развития народов Океании; Б. В. Андрианов. К изучению агроэтнографии; Г. Г. Громов. Сельскохозяйственная техника и этнические традиции; К итогам дискуссии по аграрной этнографии; К. К. Чербуленас. Организация Музея народного быта Литовской ССР; М. А. Сабурова. Шерстяные головные уборы с бахромой из курганов вятичей; Ю. А. Колосова. Материалы переписи 1970 г. по индейскому населению США; С. И. Вайнштейн, М. В. Крюков. «Дворец Ли Лиана», или конец одной легенды.

«Вестник древней истории» № 2, 1976.

Значение XXV съезда КПСС для развития советской исторической науки; М. А. Коростовцев, Э. А. Грантовский. О работе отдела древнего Востока Института востоковедения АН СССР; Л. П. Маринович. О работе сектора древней истории Института всеобщей истории АН СССР; И. Т. Кругликова. О работе сектора античной археологии Института археологии АН СССР; В. И. Кузищин. О научной работе кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ; Э. Д. Фролов. О научной работе кафедры истории древней Греции и Рима Исторического факультета ЛГУ; Г. А. Меликишвили. О значении одной трафаретной формулы в урартских надписях; С. Н. Муравьев. Книга Гераклита Эфесского; А. И. Павловская. Рабы в сельском хозяйстве римского Египта; С. И. Ходжаш. Царские скарабеи, скарабеиды и печати эпохи Нового царства из ГМИИ им. А. С. Пушкина и Эрмитажа; В. Н. Пилепко. Клад парфянских монет из Гарры-Кяриза (Парфиена).

«Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР» № 3, 1976.

Г. М. Айвазян. XXV съезд КПСС; П. Мкртчян. XXV съезд КПСС о руководящей роли партии в развитом социалистическом обществе; Р. Г. Хачатурян. К наследию В. Н. Татищева; Р. И. Матевосян. Из истории образования Лорийского царства; З. А. Арзуманян. Новоявленные документы о политике России в Закавказье в 20-х гг. XVIII в.

«Известия Академии наук Белорусской ССР. Серия общественных наук» № 2, 1976.

К. П. Буслов. Новые горизонты советского человека; И. И. Жбанкова. Советская женщина — активный строитель коммунистического общества; Э. Ф. Языкович. Женщины Белоруссии в Великой Отечественной войне; Т. Н. Кулаковская. Роль женщин в осуществлении аграрной политики КПСС; Т. В. Бирич. Роль женщин в развитии здравоохранения

в СССР; Н. Л. Иванов. К вопросу о фальсификации буржуазной историографией участия БССР в образовании Союза ССР; З. В. Московкина. Из истории библиотечного дела в БССР (1920—1941 гг.); М. М. Смольянинов. Большевизация солдатских масс Западного фронта (сентябрь-октябрь 1917 г.); Ю. А. Якимович. Монументальная деревянная архитектура Белорусского Полесья XVII—XIX вв.

«Известия» Академии наук Молдавской ССР. Серия общественных наук № 1, 1976. К новым успехам на фронте общественных наук; К. Л. Жигня. Борьба по вопросу о дипломатическом признании правительств Болгарии и Румынии на первом этапе мирного урегулирования (1945 г.); З. П. Писаренко. Марксистская литература о причинах образования Балканской Антанты.

«Известия» Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук № 1, 1976. А. Нурьев К вопросу о земельном налоге «салгыт-кесме» у хивинских туркмен; Е. Б. Пругер. К вопросу о сырьевых источниках бирюзы с археологических памятников Южной Туркмении (по материалам городиш Старого Мерва).

«Вестник» Ленинградского государственного университета № 2, 1976. Серия история, язык, литература. Вып. 1. М. С. Кузьмин. Советская и зарубежная марксистско-ленинская историография о международном научном и культурном обмене Советского государства в 1917—1932 гг.; В. Г. Афанасьев. В. И. Ленин об использовании местных видов топлива под Петроградом; В. А. Силин. Советская историография о привлечении старых военных специалистов на службу в Красную Армию в годы гражданской войны; В. Я. Гаврилов. Пропаганда идей пролетарского интернационализма в произведениях Степана Шаумяна (1902—1917 гг.); М. О. Малышев. Из истории строительства укреплений под Петроградом в период иностранной интервенции и гражданской войны; Ю. М. Зубиков. Некоторые вопросы партийного строительства между III и IV съездами РСДРП (по материалам Петербургской организации большевиков); Л. С. Семенов, Л. Б. Смирнова. Восстание 14 декабря 1825 г. (в воспоминаниях участников); А. А. Луговкин. О социально-политических взглядах молодого Наполеона Бонапарта; А. Я. Дегтярев. О крестьянской барщине в XVI в.; С. А. Илларионов. Ремесло и цеха Майнца в XIV — первой половине XV в.

«Историография и источниковедение». Труды Университета дружбы народов им. Патрисы Лумумбы. Т. XXII, серия история. Вып. 5, 1974. Н. Лебедева. В. И. Ленин о развитии советской высшей школы; Е. В. Чистякова. Социальная структура феодальной России в историографическом аспекте (дореволюционный период); В. Г. Жангирян, М. Д. Карпачев. Англо-американская историография роли теоретиков в формировании идеологии революционного народничества; В. Г. Жангирян. Современная буржуазная англо-американская историография М. А. Бакунина и бакунизма; Н. П. Подгорнова. Зарубежная (франкоязычная) историография Марокко, советско-марокканских отношений и сотрудничества; Т. В. Батаева. Документы высших органов партии как источник по истории рабочего класса периода гражданской войны в СССР; Н. Г. Георгиева. Студенческая печать как исторический источник (по материалам нелегальной листовкой печати московских студентов 1895—1904 годов); В. Ф. Антонов, И. С. Вахрушев. Новый источник по истории революционного движения 70-х годов XIX века.

«Вопросы истории Дагестана». (Досоветский период). Сборник статей Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Вып. II, 1975. В. Г. Гаджиев. Из истории великой дружбы; Е. И. Дружинина. 200-летие Кючук-Кайнарджийского мира; М. Ш. Шигабудинов. Экономическое положение рабочих Северного Кавказа в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.); Д. М. Магомедов. Исторические сведения о дидойцах; Ш. М. Ахмедов. К вопросу о распространении ислама в Дагестане; Г. Х. Ичалов. Борьба народов Дагестана против Тимура; М. Р. Гасанов. Некоторые вопросы социально-экономического развития Табасарана в XVIII—начале XIX вв.; Б. Г. Алнев. Общинное землевладение в Дагестане в позднем средневековье; М.-С. К. Умачанов. К вопросу о социальной борьбе в собзах сельских обществ Дагестана в XVII веке; М. Ш. Шигабудинов, Т. Айтберов. Документы по истории средневекового Дагестана; Материалы по истории Табасарана; Документы по истории Дагестана XIX в.; В. Г. Гаджиев. «Дербент-Наме» Мирза Хайдара Визирова; Я. З. Ахмадов. Из истории чечено-русских отношений; Г. С. Федоров. К вопросу о местонахождении столицы Хазарского каганата — г. Семендера.

70-ЛЕТИЕ А. З. МАНФРЕДА

28 августа исполняется 70 лет доктору исторических наук, профессору Альберту Захаровичу Манфреду.

А. З. Манфред рано начал свою научно-педагогическую деятельность. Еще будучи

слушателем Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), где он занимался под руководством В. П. Волгина и Н. М. Лукина, он был привлечен к работе в груп-

пе по истории Коминтерна, руководимой Бела Куном в Институте В. И. Ленина. Уже в 1929 г. в журнале «Пролетарская революция» № 7 (90) была опубликована первая большая статья А. З. Манфреда о циммервальдском движении, до сих пор сохранявшая свое научное значение.

В 30-х годах началась педагогическая деятельность ученого: сначала в Ярославле и Иванове, а затем в 40-х годах в Москве, в областном пединституте, МГУ, Институте международных отношений и др. Как педагог и лектор, Альберт Захарович пользовался большой популярностью в студенческих аудиториях. Его связи с высшей школой не прекращаются и поныне. Он является автором ряда глав в учебниках по новой истории. Под его руководством выросли многие молодые ученые. Подготовка кадров Альберт Захарович всегда уделял и уделяет много сил и внимания.

С 1945 г. А. З. Манфред работает в Институте истории АН СССР (с 1968 г. — в Институте всеобщей истории), где вначале заведовал сектором истории Франции, а сейчас заведует сектором новой истории капиталистических стран Европы. Специалист широкого профиля — под его редакцией вышел двухтомный краткий очерк всемирной истории (М. 1966). — Альберт Захарович является крупнейшим знатоком истории Франции. Нет, пожалуй, ни одного периода в новой и новейшей истории этой страны, которые не попали бы в его поле зрения. Особый интерес всегда вызывала у него история Французской буржуазной революции конца XVIII века. А. З. Манфред является автором весьма содержательного общего очерка «Великая Французская буржуазная революция XVIII в.» (М. 1956), который В. П. Волгин считал лучшим в советской литературе. Автор монографии о Марате и издатель (совместно с В. П. Волгиным) трехтомника его сочинений (М. 1956), А. З. Манфред много внимания уделяет также исследованию деятельности М. Робеспьера. Под его редакцией и с его обширным введением впервые на русском языке опубликованы сочинения Робеспьера в трех томах. Заслуги ученого в деле исследования Французской буржуазной революции конца XVIII в. получили широкое признание — Альберт Захарович является одним из руководителей международного комитета по истории этой революции. В последние годы А. З. Манфред занялся также изучением наполеоновской эпохи. Его книга «Наполеон Бонапарт,

вышедшая уже двумя изданиями (М. 1971; 1973), получила широкое признание в нашей стране и за ее пределами.

Другая тема, постоянно привлекающая внимание историка, — внешняя политика Франции. Ей посвящена докторская диссертация А. З. Манфреда «Внешняя политика Франции. 1871—1891 гг.» (М. 1952). Особенно ценны исследования ученого по истории франко-русских и франко-советских отношений, Ряд работ Альберта Захаровича на эту тему собран в сборнике «Традиции дружбы и сотрудничества» (М. 1967). Результатом многолетних исследований А. З. Манфреда является опубликованный в 1975 г. капитальный труд «Образование франко-русского союза», основанный на тщательном изучении материалов советских и французских архивов. Много нового внес Альберт Захарович и в изучение истории Парижской коммуны. По его инициативе издан трехтомный труд «История Франции» (М. 1973), главным редактором которого он является.

Альберт Захарович много делает для развития франко-советского культурного и научного сотрудничества. Член президентской коллегии общества «СССР — Франция», он неоднократно посещал Францию, был участником почти всех встреч французских и советских историков. Почетный доктор Клермон-Ферранского университета, А. З. Манфред активно содействует установлению научных и личных контактов с виднейшими французскими учеными. По его инициативе было начато издание «Французского ежегодника», редактором которого он является. 18 томов ежегодника, в котором печатали свои труды и многие видные французские историки, сыграли немалую роль в налаживании научных контактов ученых обеих стран. Активное участие принял Альберт Захарович и в издании двух совместных сборников работ советских и французских историков, вышедших к XIII Международному историческому конгрессу в Москве.

Литературное дарование А. З. Манфреда, мастера исторического повествования, завоевало его трудам популярность в широких кругах советских читателей. Они получили признание и за рубежом. Многие работы А. З. Манфреда переведены на французский, немецкий, испанский, португальский, китайский, венгерский, чешский, словацкий, сербский, болгарский и другие языки. Публицистические статьи Альберта За-

харовича печатаются на страницах центральных партийных органов — «Правды» и «Коммуниста».

В 1975 г. в связи с 250-летием АН СССР и за заслуги в развитии исторической науки А. З. Манфред был награжден орденом Дружбы народов.

Поздравляя талантливого ученого с его славным юбилеем и высоко оценивая его деятельность, мы желаем ему дальнейших крупных свершений.

*Академик М. А. Коростовцев,
академик И. И. Минц*

СИМПОЗИУМ ИСТОРИКОВ-АМЕРИКАНИСТОВ

22—24 марта 1976 г. в Москве проходил 2-й всесоюзный симпозиум историков-американистов, организованный Институтом всеобщей истории АН СССР. Симпозиум был посвящен американской революции XVIII в. и ее месту в исторической традиции США. В нем участвовало более 70 историков из научных институтов и высших учебных заведений, в том числе 9 ученых из Польши и ГДР. Было заслушано 10 докладов и 16 сообщений.

Открывая симпозиум, академик-секретарь Отделения истории АН СССР акад. Е. М. Жуков сказал, что американская революция по своему происхождению была антиколониальной войной, но в ходе ее были осуществлены социально-экономические и политические преобразования, способствовавшие упрочению буржуазного строя в стране. Важно поэтому определить место войны США за независимость в ряду буржуазных революций той исторической эпохи, выяснить ее своеобразие и черты, общие с предшествовавшими ей нидерландской и английской революциями и начавшейся вскоре после ее окончания Французской буржуазной революцией. Необходимо дать типологическую характеристику революции, утвердившей право США на независимость, объяснить, почему ей не была присуща та глубина общественных преобразований, которая отличала западноевропейские революции той эпохи.

Каждый день заседаний был посвящен обсуждению одного из трех важнейших аспектов американской революции: социально-экономического, идейно-политического и внешнеполитического. В начале первого дня симпозиума были заслушаны два доклада: Г. Н. Севостьянова «Об изучении и некоторых проблемах американской революции» и Н. Н. Болховитинова «Теоретические и методологические пробле-

мы американской революции». В этих докладах проводилась мысль, что в отличие от западноевропейских американская буржуазная революция решала задачу не перехода от одной общественно-экономической формации к другой, а была направлена на упрочение уже сложившихся общественных отношений.

Доклады показали, что наряду с единством в понимании ряда основополагающих проблем американской революции имеется немало спорных и побуждающих к дальнейшим углубленным исследованиям аспектов истории войны за независимость и образование США. Одним из них является вопрос о хронологических рамках американской революции. Какой год должен считаться конечной датой революции? Г. Н. Севостьянов считает, что ею был 1783 год — год подписания мирного договора с Англией и признания независимости США. По мнению Н. Н. Болховитинова, в качестве завершающего этапа революции должен рассматриваться период с 1783 по 1787 год.

Г. Н. Севостьянов обратил внимание на то, что в последние годы исследование проблемы американской революции советскими учеными расширилось. Однако наблюдается крен в сторону историографии и частных вопросов этой темы. Ощущается недостаток в исследованиях по таким проблемам, как истоки и причины возникновения революции, лагерь революции и лагерь контрреволюции, социально-экономические и политические преобразования в период революции, ее идеология. Необходимость комплексного подхода к этим темам была показана докладчиком на примере вопроса о предпосылках революции. В статьях о фермерских движениях, борьбе с пережитками феодализма накануне революции подчеркивается значение этих факторов называемая революцией. В работах же, пос-

вященных борьбе с английским колониальным произволом, указывается, что именно она сыграла решающую роль в подготовке войны за независимость. Между тем лишь комплексный подход к изучению проблемы происхождения революции, исследование не только содержания демократических выступлений народных масс против местных колониальных властей и устремлений антианглийского движения, но и уяснение соотношения и взаимоотношения этих двух социальных потоков, слившихся в революции, даст ключ к верному и полному ответу на вопрос о причинах ее возникновения.

В докладе Г. П. Куропятника «Аграрные проблемы накануне и в годы войны за независимость» обосновывался тезис, что в десятилетия, предшествовавшие революции, в колониях наблюдалось усиление феодального гнета крупных земельных собственников. Вопрос о ликвидации крупного феодального землевладения и феодальной ренты, сказал докладчик, стоял на одном из первых мест в событиях, неуклонно ведших страну к буржуазной революции. Остановившись на аграрных преобразованиях, проведенных в ходе ее (уничтожение феодального землевладения короны и лордов-собственников, конфискация поместий около 30 тыс. лоялистов, отмена майората и др.), Г. П. Куропятник сделал вывод, что американская революция, несмотря на недемократическое решение вопроса о распределении западных земель, пошла значительно дальше предшествовавших ей европейских буржуазных революций в решении аграрного вопроса. Обсуждение аграрных проблем было продолжено Б. М. Косаревым. Он возражал против возможности использования термина «национализация» в отношении акта Континентального конгресса, объявлявшего фонд незанятых земель собственностью США. Решение конгресса о распродаже федерального земельного фонда крупными участками, подчеркнул Б. М. Косарев, закрыло доступ к нему для простого люда. Только гомстед-акт, принятый в 60-х годах XIX в., обеспечивший буржуазно-демократический способ распределения западных земель, можно считать мерой, означавшей их национализацию.

В докладе С. А. Далина «Экономические проблемы войны за независимость» при объяснении причин происхождения американской революции во главу угла была поставлена проблема меркантилистской

политики Англии в колониях. Победа США в войне за независимость дала мощный толчок капиталистическому развитию страны. США, которые до войны находились на домануфактурной стадии развития, после революции начинают вносить свой вклад в промышленную революцию. Важное место в докладе было уделено вопросу о роли инфляции в период революции.

С интересом были выслушаны доклады польских ученых. И. Русинова (Варшава) остановилась на некоторых аспектах деятельности Континентального конгресса. Л. Пастусьяк (Варшава) избрал для своего доклада тему «Участие поляков в войне за независимость». Им были охарактеризованы генералы и офицеры-поляки, воевавшие тогда в составе североамериканской армии. З. Либишовская (Лодзь) рассказала о том, как трансформировались события и идеи американской революции в сознании польской общественности конца XVIII века. Особое значение имели централистские тенденции в развитии североамериканской государственности. Тему «Американская революция в польской историографии» осветил М. Дроздовский (Варшава).

С сообщениями о борьбе за западные земли, о роли комитетов связи в вызревании революционной ситуации, лоялистах в период войны за независимость, массовом движении в Англии во время американской революции выступили М. В. Демиховский, В. М. Лакеев, В. Л. Ушаков, Л. А. Каверина.

Состоялась дискуссия по обсуждаемым вопросам. П. Б. Уманский возражал против использования термина «термидор» в отношении событий, связанных с принятием конституции 1787 года. Он подчеркнул, что необходимо иметь в виду базисный характер осуществленных революцией преобразований.

По мнению М. Н. Захаровой, в докладе С. А. Далина были преувеличены успехи промышленного развития США сразу после революции. М. Н. Захарова поддержала мысль Б. М. Косарева о том, что и после войны за независимость в экономическом отношении США продолжали, по существу, оставаться колонией своей бывшей метрополии. В. А. Тишков обратил внимание на то, что вопрос о характере феодальных пережитков в североамериканских колониях и их реальном значении еще недостаточно полно и глубоко исследован, а без этого невозможно дать исчерпываю-

щую оценку характера американской революции.

Второй день симпозиума был открыт докладами А. А. Фурсенко «Свобода» и «права человека» в американской революции» и В. В. Согрина «Об идеологии американской революции». Говоря о политическом строе колоний накануне революции, А. А. Фурсенко подверг обстоятельной критике распространяемый современными американскими буржуазными историками «неконсервативного» направления тезис, что уже тогда североамериканские провинции были образом воплощения демократических принципов. В действительности же избирательное право, городские собрания являлись лишь внешними атрибутами политической системы, которая функционировала на недемократической основе. Существовали: наследование высших политических должностей узким кругом наиболее зажиточных семей, повсеместное распространение имущественного ценза, основанного по английскому образцу, на владении земельной или другой недвижимой собственностью, сосредоточение верховной политической власти в руках невыборных органов. Только революция привела к изменению социального состава органов власти, пополнению их за счет средних слоев. Благодаря натиску народных масс в конституции штатов и федерации были включены «бillion прав». Вместе с тем в период войны за независимость происходило формирование системы политической власти буржуазно-плантаторского истеблишмента, который препятствовал развитию в стране формального равенства. На примере Бостона А. А. Фурсенко показал, как складывался характерный для США закулисный механизм осуществления политической власти.

В. В. Согрин, анализируя идейные предпосылки войны за независимость, обратил внимание на то, что лидеры патриотов вплоть до 1776 г. не были готовы к разрыву с монархической Англией. Даже самые радикальные среди них верили в необходимость сохранения уз с метрополией и добивались для Северной Америки лишь внутренней автономии в составе империи. Говоря об идеологии самой революции, В. В. Согрин подчеркнул, что Декларация независимости и конституция 1787 г. опирались на политические доктрины Просвещения. В частности, в конституции США нашли развитие идеи умеренного крыла просветителей, особенно Ш. Монтескье и английских теоретиков Просвещения.

С сообщением о формировании американской культуры XVIII в. выступила О. Э. Туганова. А. А. Кислова остановилась на роли реформационного движения в Северной Америке, охватившего главным образом народные массы и служившего вместе с распространением просвещения важным фактором идеологической подготовки революции. По мере развития этого движения за внешней религиозной оболочкой все более ясно угадывалось возмущение социальным неравенством и английским колониальным господством.

В третий день симпозиума Н. Н. Яковлев остановился на внешнеполитических аспектах войны за независимость. Он обратил внимание на освещение историками США франко-американских отношений, акцентировав внимание на значении фактора французской помощи для успеха войны за независимость. Внешнеполитические аспекты американской истории явились темой выступлений В. Ф. Петровского и С. В. Вольфсона. В. Ф. Петровский охарактеризовал два направления в современной американской буржуазной теории международных отношений: «традиционалистское», или «классическое», которое характеризуется поисками историко-философских или политико-стратегических схем внешней политики, и «модернистское», или «научное», которое пытается подойти к построению общей теории с позиций математики и математической логики. С. В. Вольфсон остановился на различных трактовках американскими историками проблемы «изоляционизма» во внешней политике США.

Внешнеполитические сюжеты явились темой сообщений историков ГДР. Ф. Кляйн рассмотрел некоторые концепции современной буржуазной историографии США по проблемам империализма. В центре внимания К. Дрекслера был вопрос о противоборстве сил мира и войны в США на исходе второй мировой войны. Л. Крамер-Каске проанализировала роль империалистических мотивов в стратегии США в период основания ООН.

Были заслушаны также сообщения о ряде внутривнутриполитических аспектов американской истории. В. П. Золотухин остановился на значении американской революции для складывания партийной системы в США. Оно было предопределено структурой государственного устройства, зафиксированной конституцией 1787 года. Уже в конце XVIII в. имело место первое партий-

ное деление на федералистов и республиканцев, которое можно считать прообразом двухпартийной системы США. Чл.-корр. АН УССР А. Н. Шлепаков обратил внимание на то, что американская революция обошла своим вниманием негров и индейцев, которые были исключены из процесса национальной консолидации. Национальные и расовые конфликты, характерные для США в период их основания, получили дальнейшее развитие в последующей истории этой страны. И. А. Геевский также подчеркнул, что негритянская проблема — эта самая острая социальная проблема в современных США — уходит своими корнями к временам американской революции XVIII века.

О месте 200-летия образования США в современной политической жизни этой страны говорил Н. В. Мостовец. Он подчеркнул, что правящие круги США стремятся придать этому юбилею политический характер, намерены использовать

апелляцию к революционному прошлому, для того чтобы отвлечь внимание простых американцев от острых, раздражающих страну противоречий. Главной задачей советских историков-американистов в этих условиях остается исследование значения классовой борьбы и роли народных масс на всех этапах американской истории, от возникновения США до сегодняшнего дня.

Итоги симпозиума обобщил зав. сектором истории США и Канады Института всеобщей истории АН СССР Г. Н. Севостьянов. Он отметил, что симпозиум явился свидетельством возросшего уровня исследований советских историков-американистов. Дух творческой дискуссии, сопутствовавший работе симпозиума, позволил выявить нерешенные и спорные проблемы в изучении войны за независимость и образования США, помог определить направления дальнейших изысканий в этой области.

А. Соловьев

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «XXV СЪЕЗД КПСС И ЗАДАЧИ ИСТОРИЧЕСКИХ И ИСТОРИКО-ПАРТИЙНЫХ ЖУРНАЛОВ»

11—12 мая 1976 г. в Киеве состоялась конференция читателей журналов «Вопросы истории», «Вопросы истории КПСС» и «Украинский исторический журнал». Вступительным словом ее открыл директор Института истории АН УССР чл.-корр. АН УССР А. Г. Шевелев. Он отметил, что конференция собралась обсудить вопрос «XXV съезд КПСС и задачи исторических и историко-партийных журналов». Съезд поставил задачи исключительной важности, в частности и перед исторической наукой. Историки стремятся как можно лучше выполнить эти задачи. В их решении призваны сыграть свою роль и научные журналы, оперативно откликаясь на все новое в исторической науке.

С докладами выступили руководители трех журналов. В начале своего доклада главный редактор журнала «Вопросы истории» чл.-корр. АН СССР В. Г. Трухановский остановился на огромном значении решений XXV съезда КПСС и особенно Отчетного доклада ЦК съезду, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, для развития обще-

ственных наук. Далее докладчик подробно охарактеризовал работу, проделанную журналом в годы девятой пятилетки, когда редколлегия и редакция обращали главное внимание на разработку проблем, поставленных перед историками XXIV съездом КПСС. Докладчик рассказал о том, как журнал откликнулся на важнейшие юбилейные даты, в том числе на 50-летие образования СССР, 30-летие Победы в Великой Отечественной войне, 250-летие АН СССР, 70-летие первой русской революции, 150-летие восстания декабристов, а также о роли журнала как органа не только Отделения истории АН СССР, но и Министерства высшего и среднего специального образования СССР. В докладе были рассмотрены основные направления, по которым в журнале разворачивается публикация материалов по тематике, вытекающей из решений XXV съезда КПСС. К числу этих направлений относятся: а) экономическая стратегия КПСС в условиях развитого социалистического общества; б) пути совершенствования социалистической общественной государственности и демократии;

в) программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов; г) итоги и перспективы развития советской исторической науки. В. Г. Трухановский уделил также внимание вопросу о том, какими путями редакция журнала стремится расширять и укреплять связи с периферийными авторами. В заключение он указал на необходимость решительнее бороться за повышение качества и эффективности исторических исследований и в этой связи подчеркнул значение научных дискуссий.

С. И. Мокшин (член редколлегии журнала «Вопросы истории КПСС») остановился в своем докладе на тематике журнала и его работе по реализации решений XXV съезда КПСС. Журнал печатает статьи и материалы по истории партии, международного коммунистического и рабочего движения. На его страницах пропагандируются материалы XXV съезда КПСС. Редакция, заботясь о повышении роли историко-партийной науки, видит основные условия повышения эффективности и качества исследований в этой области в их связи с жизнью, творческим характере, нетерпимости к недостаткам и последовательном проведении в жизнь принципа партийности. За последние годы повысился идейно-теоретический уровень работы по истории партии, усилился классовый подход к изучаемому материалу, расширилась тематика публикуемых в журнале статей, аргументированнее стала критика. Однако наблюдается отставание в исследовании методологических и историографических проблем, встречались случаи грубых ошибок, ряд работ отличается мелкотемьем или не вводит в оборот новые факты.

Важнейшее значение, сказал С. И. Мокшин, имеет глубокая разработка наследия основоположников научного коммунизма. Вышел в свет ряд фундаментальных трудов о В. И. Ленине, об осуществлении в нашей стране ленинского плана строительства социализма. Продолжается работа над многотомной биохроникой В. И. Ленина. Историки партии работают над коллективной монографией «Проблемы ленинизма», 3-томной биографией В. И. Ленина. Готовится труд «История марксизма-ленинизма», в котором будет отражено развитие всех составных частей великого учения в их взаимосвязи. На основе марксистско-ленинской методологии разрабатываются современные проблемы с учетом документов КПСС и международного коммунистического

и рабочего движения. Ведется критика концепций ревизионистов и оппортунистов. Все эти темы постоянно присутствуют на страницах журнала «Вопросы истории КПСС».

В ближайшие годы в журнале будут освещаться важнейшие проблемы деятельности партии по осуществлению аграрной политики, руководству научно-техническим прогрессом. Особое внимание будет уделено проблемам социалистической демократии, коммунистического воспитания, Великого Октября, международного значения опыта КПСС. Редколлегия и редакция журнала проявляют большой интерес к вопросам методологии и историографии. Научной общественностью положительно встречены статьи на эти темы. Но журналу следует повышать уровень исследований в области партийного строительства, совершенствования принципов руководства обществом со стороны партии. Читателей интересуют также вопросы всестороннего развития личности, социалистического образа жизни, формирования нового человека, путей повышения эффективности партийной работы. Заслуживает серьезного внимания освещение внешнеполитической деятельности КПСС и таких вопросов, как углубление общего кризиса капитализма, развертывание наступления масс против засилья монополий, стратегия и тактика международного коммунистического и рабочего движения. Журнал должен уделять больше внимания истории Коминтерна, мирным и немирным формам революции, сочетанию интернационального и национального при решении современных проблем, разоблачению буржуазной идеологии и ревизионизма.

Главный редактор «Украинского исторического журнала» П. М. Калениченко отметил, что этот орган использует опыт центральных исторических журналов, поднимает широкий круг разнообразных вопросов на материале истории УССР и Компартии Украины. К важнейшим юбилейным датам публикуются тематические подборки статей или сообщений. Большую помощь работе журнала оказало совещание историков республики, состоявшееся в ноябре 1974 года. Особый интерес вызывают у читателей статьи по методологии, ленинскому теоретическому наследию, дружбе народов СССР, истории социалистического содружества. Важны проблемы идейно-политической работы КПСС. С № 7 1975 г. в журнале велась рубрика «Навстречу XXV

съезде КПСС»; всего в ней было помещено 22 статьи. После съезда стали печататься актуальные материалы под рубрикой «XXV съезд КПСС и проблемы строительства коммунизма». Редколлегия журнала составила перспективный план, важнейшая задача которого — на высоком идейно-теоретическом уровне донести до научной общественности и широких масс читателей проблемы, поставленные XXV съездом КПСС. И впредь в журнале останутся ведущими темами дружба народов СССР и социалистический интернационализм, разоблачение буржуазной и буржуазно-националистической идеологии.

Авторами журнала, продолжал П. М. Калинин, являются научные работники, преподаватели вузов, аспиранты, учителя средних школ. Киевляне составляют более половины авторского коллектива, 42% авторов — из других населенных пунктов УССР, 7% — из братских союзных республик. Журнал все активнее выполняет координационные функции. В нем систематически печатаются списки тем диссертаций, утвержденных республиканским научным координационным советом по истории КПСС. Вскоре начнут публиковаться аналогичные списки тем по гражданской истории. В работе журнала есть и недостатки. Мало печатается обобщающих статей; многие материалы страдают мелкотемьем; рецензии преимущественно аннотационны; не изжита стихийность в публикации материалов.

Выступая в прениях, В. И. Клоков (Институт истории АН УССР) сказал, что историки в свете решений XXV съезда КПСС прежде всего должны заботиться о качестве исследований. Журналы наделены важными функциями идеологического и воспитательного воздействия на массы, первой апробации научных выводов, рассмотрения кардинальных, а также дискуссионных вопросов. Наши исторические журналы в целом успешно решают эти задачи. «Украинский исторический журнал» широко популяризирует подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны, в специальных рубриках отметил 30-летие Победы над фашистской Германией, публиковал содержательные материалы о работе тыла в годы войны. Хотелось бы видеть на страницах журнала более обстоятельные материалы об условиях труда в военные годы, чтобы на ратных и трудовых подвигах воспитывалась наша молодежь. Следовало бы осветить значение по-

бед советского народа для создания ООН. Более продуманным должно стать планирование работы по актуальной тематике.

Чл.-корр. АН УССР Ф. П. Шевченко (Институт истории АН УССР) дал в целом высокую оценку материалам, публикуемым в журналах. По его мнению, следует больше печатать статей о научно-технической революции. Поскольку ныне многие важные вопросы разрешаются на стыке наук, журналы призваны привлекать в качестве авторов социологов, философов, экономистов, юристов, литераторов для рассмотрения стыковых проблем. Журналы должны также помогать научной молодежи, помещая материалы по методике исторического исследования, а также по архивоведению. Вопросы источниковедения тоже должны занимать на страницах журналов значительно больше места, чем до сих пор. Нужно привлекать внимание читателей к таким источникам информации, как кинодокументы и телевизионные передачи на исторические темы, ибо наш современник часто отдает предпочтение кино и телевидению, нежели книге. Мало статей о вспомогательных исторических дисциплинах. В историографических обзорах обычно не называются темы, которые следует разрабатывать. Плохо обстоит дело с научными дискуссиями. Журналу «Вопросы истории» следует преимущественно заниматься методологическими, а не конкретно-историческими проблемами. В заключение оратор указал на перспективность исторического прогнозирования.

В. Н. Немятый (Институт истории партии при ЦК КП Украины) остановился на том, как освещается история Великой Отечественной войны в советской историографии, в частности в журналах, и на значении ее героических традиций для воспитания трудящихся. По этой тематике только на Украине издано за последние годы 170 книг и брошюр, 396 статей. ЦК КП Украины уделял особое внимание данной тематике. Но ряд важных тем ждет еще своего раскрытия: деятельность партийного подполья, срыв экономических планов фашистских захватчиков, ведущая роль рабочего класса в подпольной и партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны.

С. В. Кульчицкий (Институт истории АН УССР) отметил, что конференции читателей исторических журналов созываются не часто, а они необходимы. Им был проанализирован комплект журнала «Воп-

росы истории» за последние три года с точки зрения освещения в нем проблем социалистического и коммунистического строительства. В 40 номерах опубликовано 36 статей, из которых 80% базируется на общесоюзном материале. Только две статьи посвящены социалистическому соревнованию (Т. А. Дмитренко в 1976 г., № 1 — обобщающая, связанная с практикой, и С. Ф. Васильева в 1975 г., № 3 — фактологичная). Содержательна статья С. Л. Сенявского (1973, № 4) о социальной структуре советского общества. В 4 работах рассматривается производственная и политическая активность рабочего класса; ряд материалов касается демографии. Однако журнал, по мнению выступавшего, недооценивает комплексный подход к изучению проблем развитого социализма. По многим вопросам выступают преимущественно философы, экономисты же пока безмолвствуют. Следовало бы, например, опубликовать ряд обобщающих статей о развитии коммунистической общественно-экономической формации.

О. А. Парасунько (Киевский институт культуры имени А. Е. Корнейчука) высказал соображения об эффективности и качестве исторических исследований. Нам кажется, сказал он, что журнал «Вопросы истории» избрал удачную структуру, публикует содержательные и разнообразные материалы. Вузовским работникам нужна тематика, охватывающая как историческое прошлое, так и современность. Полезна написанная в острокритическом плане статья С. Л. Тихвинского об извращении исторических фактов в маоистском Китае (1975, № 11). Благоприятное впечатление производят исторические очерки О. Ф. Козлова (1976, № 1) о деле Никона, Г. Ф. Самолиса и П. В. Краухова (1975, № 11) о Севастопольском восстании в ноябре 1905 года. Очерк же Н. А. Троицкого «Дегаевщина» (1976, № 3) не вызвал такого удовлетворения. Высокой оценки заслуживает аргументированная статья С. Я. Косухкина и В. В. Малиновского (1976, № 1), призывающая к достоверности документально-художественных изданий. Хотелось бы, чтобы журнал больше внимания уделял проблемам истории рабочего класса, характеризовал вузовские учебники, особенно по истории СССР периода капитализма, сигнализировал о том, что вузы не обеспечены специальными историческими картами и вынуждены пользоваться школьными. Следу-

ет публиковать больше статей о новейших достижениях исторической науки. «Украинский исторический журнал» поднимает важнейшие вопросы истории, преимущественно советского периода. Но ему не следует упускать из виду и сюжеты феодальной и капиталистической эпох. Нужно больше публиковать статей проблемного характера, а также по вспомогательным историческим дисциплинам. Журнал систематически помогает молодым историкам, преподавателям вузов и школ. Большой авторский коллектив трудится сейчас над многотомной «Историей Украинской ССР»; необходимо через журнал информировать общественность о ходе этой работы.

П. М. Шморгу (Институт повышения квалификации преподавателей общественных наук при Киевском университете) заметил, что преподаватели вузов регулярно читают исторические журналы. Каждый из них имеет свою специфику, все они поднимают сложные вопросы. «Вопросы истории» и «Украинский исторический журнал» чаще выступали по методологическим проблемам, но и «Вопросы истории КПСС» в этом отношении проделали определенную работу. Так, в этом журнале напечатана статья М. А. Варшавчика о методологии историко-партийной науки, в которой поднимаются и спорные вопросы, например, проблема принципов исторического исследования. Иногда «Вопросы истории КПСС» помещают критические рецензии. Заслуживает распространения опыт «Украинского исторического журнала» в организации рубрики «Возвращаясь к напечатанному», авторы материалов которой полемизируют со своими предшественниками и дополняют их.

И. В. Созин (и. о. зам. главного редактора журнала «Вопросы истории») сказал, что выдвинутая XXV съездом КПСС задача повышения качества имеет прямое отношение к деятельности исторических журналов. Известно, что значительную часть своего объема они посвящают различным юбилеям. Материалы, которые в этой связи публикуются, конечно, очень нужны. Однако часто они носят дежурный характер, в них не ставятся новые вопросы, не используются ранее неизвестные науке факты. Такими, например, были, к сожалению, многие статьи по истории революции 1905—1907 годов. Учитывая этот опыт, журналы должны заранее будировать научную общественность, чтобы темы, связанные с юбилеями, разрабатыва-

лись на более высоком уровне. Далее оратор остановился на работе «Украинского исторического журнала». Печатный орган украинских советских историков достиг немалых успехов, из двухмесячного стал ежемесячным. Обширна «география» его авторов, разнообразна тематика. Журнал оперативно публикует итоги исследований ученых республики, редколлегия не боится вводить новые рубрики. Весьма удачной была, например, рубрика «Навстречу XXV съезду КПСС». В то же время на страницах журнала редко появляются серьезные статьи по периоду до середины XIX века. Слаба пока роль журнала в координации научной деятельности на Украине. Хорошо бы чаще печатать в нем выступления руководителей научных учреждений республики (как это было сделано в № 2 за 1975 г., где опубликованы материалы республиканского совещания историков, состоявшегося 27—28 ноября 1974 г.). Читатели должны знать, над чем работают научные коллективы украинских историков. Редакция журнала «Вопросы истории» пытается сейчас подготовить обзор сборника «Українське слов'янознавство». Видимо, и «Украинскому историческому журналу» следует печатать аналитические обзоры республиканских межведомственных исторических сборников. «Вопросы истории» знакомят своих читателей с содержанием номеров «Украинского исторического журнала», опубликовали обзор материалов по ленинской проблематике, напечатанных в нем. В планы редакции входит подготовка обзора журнала украинских историков в связи с его 20-летием. Большое значение имеют также регулярные деловые контакты, установившиеся между руководителями журналов «Вопросы истории» и «Украинский исторический журнал».

В. В. Косолапов (Институт истории партии при ЦК Компартии Украины) подчеркнул, что историки заинтересованы в усилении влияния журналов на историческую науку. Их роль как организаторов научной работы возрастает. В нашей стране насчитывается вместе с учителями около 200 тыс. историков. Однако наука не может развиваться только за счет количественного роста, надо повышать интенсивность труда, эффективность деятельности историков. В настоящее время у нас мало исследователей по истории Киевской Руси, а также по другим периодам истории феодализма. Важнейшей задачей является более равномерное распределение сил исто-

риков по тематике. Исключительно важное значение приобретает разработка проблем методологии, которые стоят в центре идеологической борьбы, служат водоразделом между буржуазными историками и историками-марксистами. «Вопросы истории» и «Украинский исторический журнал» регулярно публикуют статьи по методологии, однако фундаментальных работ по комплексному, системному и другим методам пока нет, хотя на всех международных конгрессах именно этим вопросам уделяется самое пристальное внимание. Особого рассмотрения заслуживают темы «КПСС и научно-техническая революция», «Научно-технический прогресс и революционный процесс». У представителей различных общественных наук существуют расхождения даже в понятийном аппарате. Журналы должны помочь им в преодолении данного недостатка. Для успешного осуществления комплексных исследований необходимы творческие встречи историков, философов и других общественников.

А. В. Санцевич (Институт истории АН УССР) напомнил о том интересе, который вызвала на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве секция «Роль и место биографии в исторической науке». Биографические материалы привлекают внимание широкой общественности, о чем свидетельствуют и журнальные публикации. «Вопросы истории КПСС» печатают (преимущественно к юбилейным датам) заметки о революционерах, партийных и государственных деятелях, деятелях международного коммунистического движения. Особенно интересны биографические очерки в «Вопросах истории». Весьма важна характеристика с позиций марксизма-ленинизма тех буржуазных деятелей, которых идеализирует западная пропаганда. Немало биографических заметок помещает «Украинский исторический журнал». Заслуживает внимания его опыт — публиковать лишь ту часть биографии того или иного деятеля, которая менее всего известна. «Вопросы истории» изредка печатают статьи о творческом пути видных советских историков. На страницах «Вопросов истории КПСС» такого рода материалы об историках партии не публикуются. В «Украинском историческом журнале» появляются только заметки о юбилеях-историках (преимущественно в рубрике «Наш календарь»). Нам кажется, что цель подобных биографических материалов состоит в том, чтобы осветить творческий путь историка,

сделать достоянием общественности его положительный опыт. В журналах следовало бы ввести постоянную рубрику, в которой показывать творческие достижения крупных историков. Интересны были бы интервью с историками, добившимися выдающихся успехов в исследовании важнейших проблем общественного развития. Мне кажется, что вопрос о научных дискуссиях историков принадлежит к числу важнейших проблем. А когда будет решен вопрос о дискуссиях, легче разрешится и вопрос о творческих рецензиях, ибо аналитическая рецензия — это, в сущности говоря, один из методов научной дискуссии.

П. Л. Варг а т ю к (Институт истории партии при ЦК Компартии Украины) сказал, что журналы активно служат делу исторической науки, участвуют в пропаганде решений XXV съезда КПСС. На их страницах находят место и другие сюжеты, например, история трех революций. В «Вопросах истории КПСС» опубликовано 6 статей, посвященных революции 1905—1907 гг., но среди них нет ни одной о высшем ее подъеме. Следует уже сейчас заняться подготовкой материалов к 60-летию Великого Октября, переходить к более углубленному раскрытию таких тем, как «Ленин и партия», «Большевистские организации Украины». Журналы уделяют пока мало внимания вопросам идеологической, классовой борьбы, национально-освободительного движения. «Украинский исторический журнал» слабо информирует о работе авторских коллективов, не затрагивает спорных проблем. Например, можно было бы устроить дискуссию по такому вопросу, как отношение большевиков к Центральной раде.

И. С. Х м е л ь (Институт истории АН УССР) говорил, что публикуемым материалам по борьбе с буржуазной идеологией иногда не хватает боевой идейно-политической направленности, наступательного духа. Разоблачая несостоятельность тезисов буржуазных авторов, советские историки преимущественно оперируют примерами из нашей действительности. Буржуазная же пропаганда из частных отрицательных фактов нашей жизни намеренно делает общие выводы. В нашей идеологической борьбе нужно постоянно помнить об условиях той страны, где живет критикуемый автор, и хорошо знать его мировоззрение и отношение к тому или иному вопросу.

Н. Ф. К о т л я р (Институт истории АН

УССР) отметил, что тематика, даже весьма отдаленная от современности, часто бывает весьма актуальной своей идейно-политической значимостью или неразработанностью. Время от времени «Украинский исторический журнал» публикует материалы по феодализму, вспомогательным историческим дисциплинам. Журнал «Вопросы истории» уделяет значительное внимание древнерусской тематике. Интересны, в частности, статьи о язычестве на Руси акад. Б. А. Рыбакова (1974, № 1), о производственном опыте трудовых масс раннесредневековой Европы. Редколлегия поднимает дискуссионные вопросы: о периодизации отечественной истории, национальном вопросе, об этногенезе и т. д. Украинские историки также готовы к дискуссионному обсуждению периодизации истории Украины эпохи феодализма, процесса складывания украинской народности. На страницах «Украинского исторического журнала» следует возродить жанр очерка, который пользуется популярностью среди историков и широкого круга читателей.

М. А. В а р ш а в ч и к (Институт повышения квалификации преподавателей общественных наук при Киевском университете) заметил, что журналы отражают успехи исторической науки, их уровень зависит от состояния работы научно-исследовательских институтов. Необходимо повысить роль журналов как коллективных организаторов, отводить на их страницах больше места методологии, логике исследования, историографии, источниковедению. «Вопросы истории» напечатали интересную статью Л. И. Гольмана (1976, № 3) о проблеме исторического познания в трудах Ф. Энгельса. «Вопросы истории КПСС» начали дискуссию по методологии историко-партийной науки. В «Украинском историческом журнале» ведется рубрика «Возвращаясь к напечатанному». С содержательными статьями по методологическим вопросам выступил в этой рубрике В. В. Косолапов. Советские исторические журналы печатают преимущественно статьи, разоблачающие фальсификацию истории в работах идейных противников. Между тем следует постоянно критиковать также буржуазные и ревизионистские концепции, показывать кризис буржуазной исторической науки. Важными являются вопросы о возрастании социальной функции исторической науки, о ее связи с политикой.

П. С. Г о н ч а р у к (заместитель главного редактора журнала «Архивы Украины»)

подчеркнул, что журналы «Вопросы истории» и «Вопросы истории КПСС» оказывают большое влияние на «Архивы Украины», помогают определять тематику, подсказывают, что ставить во главу угла. Журнал «Архивы Украины» особенно нуждается в материалах по проблемам комплектования архивов. Необходимо также мнение ученых о формах и методах использования архивных материалов. На местах проявляется самостоятельность в отборе личных фондов, а следовало бы выработать твердые критерии такого отбора.

Заслуживает одобрения хорошая организация конференции, сказал в заключительном слове В. Г. Трухановский. Обсуждение работы журналов было весьма плодотворным. Пожелания и рекомендации будут учтены редколлекцией и редакцией журнала «Вопросы истории». В прениях затрагивались многие важнейшие вопросы исторической науки. На Украине трудится большой и опытный отряд историков, которые могут решать серьезные проблемы. Наш журнал популяризирует их достижения, выступив, например, несколько раз с материалами об «Истории городов и сел Украинской ССР». Хорошо было бы поместить статью о методике и принципах создания многотомной «Истории Украинской ССР», что будет полезно для ученых других братских республик.

С. И. Мокшин остановился на том, как редакция «Вопросов истории КПСС» относится к организации и проведению научных дискуссий. Товарищи высказывали на конференции противоположные точки зрения по этому вопросу. Вряд ли обязательно вести дискуссию длительное время. Так, журнал «Проблемы мира и социализма» сначала организует конференцию по определенному вопросу, затем публикует результаты его обсуждения в одном номере. «Вопросы

истории КПСС» выступили с резко критической рецензией на сборник статей «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония». Журнал не ограничился шестью статьями о первой русской революции, о которых шла речь в прениях; кроме них, опубликована обстоятельная статья К. И. Зародова «В. И. Ленин и народная революция».

П. М. Калениченко напомнил, что в 1956 г. он побывал в журнале «Вопросы истории» у тогдашнего главного редактора акад. А. М. Панкратовой, которая поддержала идею создания исторического журнала на Украине и обратилась по этому вопросу с письмом к президенту АН УССР А. В. Палладину. Во всех выступлениях на конференции красной нитью проходит мысль: историкам нужно лучше выполнять решения XXV съезда партии. Учитывая результаты обсуждения, редколлегия и редакция «Украинского исторического журнала» разработают соответствующие мероприятия. Мы видим, что нужно больше места отводить вопросам методологии, периодам феодализма и капитализма. Будем писать и о многотомной «Истории Украинской ССР».

Подытоживая работу конференции, А. Г. Шевелев подчеркнул, что созыв ее — большое событие в жизни историков республики. Он выразил благодарность гостям из Москвы, а также редакции «Украинского исторического журнала» за деятельность по созыву конференции, а ее участникам — за деловое обсуждение поставленных вопросов. Критические замечания и пожелания помогут журналам улучшить их деятельность. А. Г. Шевелев высказал надежду, что конференция будет способствовать умножению усилий историков по выполнению задач, поставленных XXV съездом КПСС.

А. В. Санцевич

Хроникальные заметки

◆ Отделение истории АН СССР провело 26—27 апреля 1976 г. координационное совещание историков. Вступительное слово произнес академик-секретарь Отделения акад. Е. М. Жук о в. С докладом «Координация как путь повышения качества и эффективности исторических исследований в СССР» выступил чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко. Были сделаны следующие доклады: чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков — «Проблемы славянове-

дения и балканистики»; акад. Б. Г. Гафуров — «Проблемы востоковедения»; акад. Б. А. Рыбаков — «Проблемы археологии»; чл.-корр. АН СССР Ю. В. Бромлей — «Проблемы этнографии»; акад. А. Л. Нарочницкий — «Проблемы отечественной истории»; акад. Е. М. Жук о в. — «Проблемы всеобщей истории». На секционных заседаниях выступили в прениях представители союзных и республиканских научных учреждений.

◆ 14—15 июня Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и Ленинградский университет имени А. А. Жданова провели научную конференцию, посвященную 900-летию старейшей из сохранившихся древнерусских книг «для чтения» — Изборника 1076 года. Вступительное слово произнес акад. Д. С. Лихачев. С докладами выступили: О. И. Подобедова — «Книжная культура Киевской Руси времени создания Изборника 1076 г.», Н. Н. Розов — «Изборник 1076 г. как памятник русского языка, литературы и общественной мысли», Т. Н. Копреева — «Место Изборников 1073 и 1076 гг. в книжной традиции XV в.», Г. Н. Мойсеева — «Из истории изучения Изборника 1076 г. в конце XVIII в.», Н. А. Мещерский — «Изборник Святослава и Изборник 1076 года (их состав и типология)», О. А. Черепанова — «Лексика нехристианского мировоззрения в Изборниках 1073 и 1076 гг.», Е. М. Верещагин — «Лексические разыскания на материале «Премудрости Сираха» в Изборнике 1076 г.», Р. А. Симонов — «Цифры в Изборнике 1076 г.», В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина — «Изучение Изборника 1076 г. и академические издания памятника».

◆ Институт славяноведения и балканистики АН СССР провел 20 мая 1976 г. заседание Ученого совета, посвященное 100-летию Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии. Вступительное слово произнес директор института чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков. Были заслушаны доклады: В. Д. Конобеев, В. И. Мазеев — «Апрельское восстание 1876 г. и Россия», В. П. Чорний — «Апрельское восстание 1876 г., его движущие силы и историческое значение», И. В. Козьменко — «Русская дипломатия и Апрельское восстание 1876 года», С. И. Сидельников — «К вопросу о возникновении и социальном составе болгарских революционных комитетов», А. А. Улуян — «Отражение Апрельского восстания 1876 г. в русской периодической печати», Ю. Е. Фомин — «Апрельское восстание 1876 г. и общественность Украины», Д. Б. Мельцер — «Апрельское восстание и общественность Белоруссии», И. М. Шептунов — «Отражение национально-освободительной борьбы 60-х—70-х годов XIX в. в болгарском народном творчестве», И. Д. Забунов — «Апрельское восстание 1876 г. и болгарская эмиграция юга России», Н. Н. Червенков — «Болгарский комитет в Белграде в период Апрельского восстания 1876 года».

◆ 100-летию со дня рождения одного из руководителей Бакинской коммуны, М. А. Азизбекова, была посвящена объединенная научная сессия, которую 31 марта провели Институт истории партии при ЦК КП Азербайджана — филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Академия наук Азербайджанской ССР. Вступительным словом сессию открыл заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КП Азербайджана Ф. Г. Ахмедов. Были заслушаны доклады:

«М. А. Азизбеков — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства» — директора Института истории партии при ЦК КП Азербайджана Д. П. Гулиева; «М. А. Азизбеков — пламенный интернационалист» — директора Института истории АН АзССР Дж. Б. Гулиева; «Образ М. А. Азизбекова в художественной литературе» — заместителя директора Института литературы имени Низами АН АзССР К. А. Ш. Талыбаде.

◆ 22 июня 1976 г. заместитель директора Института Мориса Тореза, профессор Парижского (Венсенского) университета Клод Виллаф сделал доклад на научном заседании Группы по истории Франции Института всеобщей истории АН СССР о деятельности представляемого им института. Докладчик рассказал о работе сотрудников института в сферах истории, социологии и политики, подчеркнув стремление этих сотрудников строить работу на основе марксистско-ленинского мировоззрения, охарактеризовал некоторые новейшие труды института и ответил на многочисленные вопросы участников заседания. Выступавшие в прениях подчеркивали важность дальнейшего расширения научных контактов между советскими и французскими историками.

◆ Живые ленинские черты запечатлены в книге Н. П. Горбунова «Как работал Ленин», выпущенной Политиздатом в 1975 году. Работая в 1917—1918 гг. секретарем Совнаркома, а с 1920 г. — управляющим делами Совнаркома, автор книги имел возможность изо дня в день наблюдать деятельность Владимира Ильича, который умел создать особый психологический климат в коллективе и постоянно поддерживал в нем атмосферу высокой творческой активности и товарищества.

◆ Лениздат выпустил в свет книгу «Жизнь в борьбе. По воспоминаниям современников о В. И. Ленине (петербургско-петроградский период)» (Л. 1975). Книга эта — своеобразная летопись жизни и деятельности В. И. Ленина в тогдашней столице России — состоит из рассказов свидетелей и участников событий.

◆ Приволжское книжное издательство выпустило книгу Ж. Трофимова «Гимназист Владимир Ульянов» (Саратов. 1976), в которой предпринята попытка представить картину школьных лет Володи Ульянова. Автор сообщает ряд неизвестных ранее штрихов биографии В. И. Ленина.

◆ В Политиздате (М. 1976) издан сборник «Избранные произведения. Статьи, речи, письма» Я. М. Свердлова. В него вошли сочинения соратника В. И. Ленина, отражающие борьбу Коммунистической партии за свержение царизма и установление диктатуры пролетариата. Большая группа документов характеризует работу Я. М. Свердлова на посту Председателя ВЦИК.

◆ Издательство «Азернешр» (Баку. 1976) выпустило книгу «Мешади Азизбеков — пламенный борец за власть Советов».

подготовленную Институтом истории партии при ЦК КП Азербайджана и АН республики. Сборник состоит из двух частей и приложения. В первую часть вошли документы и материалы о жизни и деятельности М. Азизбекова до 1918 г.; во вторую — воспоминания о нем видных партийных и советских деятелей. В приложении помещены примечания, хронология событий, именной указатель.

◆ Книга Н. И. Лапина «Молодой Маркс» (изд. 2-е, переработанное и дополненное. М. Политиздат. 1976) знакомит с жизнью и творчеством молодого Маркса, рассказывает о развитии его мировоззрения от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. Раскрывая сложную духовную эволюцию К. Маркса, автор показывает, что основным ее стимулом были связь теоретических взглядов мыслителя с политической практикой, соединение критики старого мира с борьбой за его переустройство. Второе издание книги дополнено материалами, учитывающими новые публикации произведений основоположника марксизма.

◆ В Политиздате вышла книга Н. И. Макарова «Непокоренная земля Российская» (М. 1976). В ней освещается руководимая Коммунистической партией всенародная борьба в тылу немецко-фашистских войск на временно оккупированной части территории Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны.

◆ Атлас по истории КПСС подготовлен Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР. Карты, схемы, диаграммы и таблицы наглядно отображают этапы деятельности Коммунистической партии со дня ее основания по настоящее время. Шесть разделов атласа характеризуют периоды деятельности большевистской партии, ее борьбу за свержение царизма, ее роль организатора Великой Октябрьской социалистической революции, борьбу за построение социализма в СССР. Раскрывается деятельность Коммунистической партии в годы Великой Отечественной войны, в периоды упрочения и дальнейшего развития социалистического общества, создания материально-технической базы коммунизма.

◆ «Думская» тактика большевиков (1905—1917 гг.) — так называется книга Г. И. Зайчикова, выпущенная издательством «Высшая школа» (М. 1975). В книге обобщается исторический опыт Коммунистической партии по использованию парламентской трибуны в интересах рабочего движения. Работа написана на материалах съездов и конференций РСДРП, совещаний ЦК РСДРП, трудов В. И. Ленина и его соратников, документов ЦПА ИМЛ.

◆ «Большевики во главе массовых политических стачек в первой русской революции (1905—1907)» — так называется книга В. С. Кириллова, вышедшая в Политиздате (М. 1976). В ней рассказывается о массовой политической стачке как средстве пролетарской борьбы, вскрываются органическая связь политической и экономической

борьбы рабочего класса, причины влияющие на крестьянское движение, рассматриваются восстания в армии и на флоте, закономерности перерастания политической стачки в восстание и рождения в ходе ее Советов рабочих депутатов — органов новой, революционной власти. Автор показывает «механизм» воздействия большевиков на массовые пролетарские выступления. Книга содержит критику «новейших» концепций антикоммунизма по вопросу о революционных возможностях современного крупнопромышленного пролетариата.

◆ Г. Г. Демиденко написал книгу «Делу революции немало... Очерк жизни и деятельности В. Д. Бонч-Бруевича» (М. Политиздат. 1976). В труднейших условиях подполья В. Д. Бонч-Бруевич издавал партийную литературу, сотрудничал в большевистских газетах и журналах, занимался научной работой. В первые годы Советской власти, будучи управляющим делами Совнаркома, он выполнял важнейшие поручения В. И. Ленина: был одним из организаторов борьбы с контрреволюционерами в Петрограде, национализации частных банков, принимал активное участие в осуществлении переезда Советского правительства в Москву.

◆ Книга В. Лебедева «Обреченная воля» (М. Политиздат. 1976) посвящена руководителю восстания на Дону в начале XVIII в. Кондратию Булавину. Автор показывает, как это восстание переросло в массовое движение типа крестьянской войны. Подробно освещен ход движения.

◆ Издательством «Наука» (М. 1975) выпущен подготовленный Институтом русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР «Пустозерский сборник. Автографы сочинений Авакума и Епифанья». Страницы аввакумова «Жития» воспроизведены фотоспособом. Кроме того, текст повторен современным типографским шрифтом, снабжен научным комментарием.

◆ Е. С. Кулябко и Е. Б. Бешенковский написали книгу «Судьба библиотеки и архива Ломоносова» (Л. «Наука», Ленинградское отделение. 1975). В исследовании дан анализ книг, принадлежавших великому ученому, и рассказана «одиссея» этого ценного собрания. Судьба библиотеки «отца русской науки» долгое время оставалась неизвестной. Считалось, что сразу после смерти Ломоносова его книжное собрание распалось и в наше время могут быть обнаружены лишь отдельные, случайно уцелевшие экземпляры. Поиск увенчался успехом. Книги Ломоносова были обнаружены в Финляндии, в составе библиотеки Г. Г. Орлова, ставшей в середине XIX в. частью книжного собрания Хельсинкского университета.

◆ В издательстве Воронежского университета вышла работа Е. А. Накрохина «Иного не было пути» (Воронеж. 1975). В ней собран материал по истории Борисоглебской партийной организации, освещен период от возникновения первых марксистских кружков до начала 1920-х годов, показаны события, происходившие в Борисоглебском и соседних уездах.

◆ «Наукова думка» (Киев. 1976) опубликовала сборник документов «Днепропетровску — 200 лет», подготовленный ГАУ при Совете Министров УССР, Днепропетровским обкомом партии и областным государственным архивом. Эти документы касаются истории города начиная с 1776 г., когда здесь было основано первое поселение, и кончая нашим временем. Ряд источников повествует о вкладе жителей города в создание материально-технической базы коммунизма.

◆ Издательство «Ээсти Раамат» (Таллин. 1976) выпустило в свет книгу чл. корр. АН ЭССР А. К. Вассара «В поисках новых земель. Переселенческое движение крестьян в Эстонии до 1863 года». Автором подробно освещается социальный характер переселенческого движения, подчеркивается его политическое значение, социально-экономические последствия. Им использованы архивные материалы из хранилищ Тарту, Риги и Ленинграда.

◆ «История Бухары с древнейших времен до наших дней», подготовленная Институтом истории АН Узбекистана, опубликована издательством «Фан» (Ташкент. 1976). В ней освещены дореволюционная история города, развитие Бухары в годы социалистического и коммунистического строительства, приведено множество фактов, ряд которых малоизвестен.

◆ В том же издательстве вышла монография Р. С. Игамбердыева и Т. А. Абдурахмановой «История развития ирригации в Узбекистане (1925—1937 гг.)» (Ташкент. 1975), содержащая исследование процесса восстановления и развития ирригационных сооружений в республике в период строительства социализма, рассказывающая о национализации земли и воды, о планомерном комплексном освоении целинных и залежных земель Средней Азии в наши дни. Всесторонне освещена авторами хозяйственно-организаторская и политическая работа КП Узбекистана, правительства республики, местных партийных и советских органов, направленная на обеспечение успешного развития хлопковой базы СССР.

◆ Издательство «Ирыстон» (Цхинвали. 1975) выпустило книгу М. П. Санакоева «Страницы боевой дружбы (Осетины в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.)», посвященную участию представителей осетинского народа в эпопее освобождения Балкан от османского ига. Основой работы послужили архивные документы, периодика, а также специальные исследования военных историков.

◆ В Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота СССР найден отчет выдающегося русского исследователя Дальнего Востока Г. И. Невельского о его экспедиции в район острова Сахалин и к устью Амура в 1849 году. Особый интерес представляет составленный путешественником словарь нивхских слов.

◆ Вот уже почти четверть века сотрудники Института истории, археологии и эт-

нографии АН ГрузССР проводят археологическое обследование Пицундского городища. Раскопки, которыми руководит чл. корр. АН ГрузССР А. М. Апакидзе, осуществляются на Пицундском мысу и в ущелье р. Бзыбь. На основе накопленного археологического материала издательством «Мецниереба» опубликовано коллективное исследование «Великий Питуунт. Т. I: Археологическое раскопки в Пицунде» (на грузинском языке с русским и английским резюме). Расцвет античного Питуунта приходится на III—IV века. Обилие культурных построек свидетельствует, что Пицунда являлась тогда одним из центров распространения христианства в Закавказье. Исследована Бичвинская цитадель с главной улицей и сооружениями той эпохи, выявлены термы (бани) и монументальные развалины сооружения, с трех сторон окруженные галереями, раскопан комплекс, воздвигнутый на рубеже II—III вв., составлены каталоги кухонной керамики и амфорной тары, представлен нумизматический материал.

◆ Бумажные столбцы в несколько метров, а рядом — небольшие листки... Таковы документы из семейного архива бывших брянских помещиков Пантюхиных-Тютчевых, предков выдающегося русского поэта Ф. И. Тютчева. Хронологический диапазон этих материалов — с 1655 по 1780 г.: тексты из писцовых книг XVII в., отступные, сведения о сыске беглых крестьян, рекрутском наборе, уплате налогов и принятии подушных податей, купчие крепости, записи о выдаче замуж крепостных девушек. Выяснилось, что предки поэта были помощниками Петра I в военно-строительном деле. Так, Д. С. Пантюхин — один из тех, на кого возложили ответственность за команду в 40 тыс. рабочих людей, укреплявших Новгород в 1704 году. Крепостные Пантюхиных участвовали также в строительстве Петербурга.

◆ Археологическая экспедиция Удмуртского научно-исследовательского института истории, экономики, литературы и языка ведет раскопки городища Иднакар в бассейне р. Чепцы. Вскрыты производственные сооружения, обнаружено около 5 тыс. предметов материальной культуры: костяные амулеты, ложки, украшенные резьбой, наконечники стрел, подставка для струнного музыкального инструмента, остатки горнов и многочисленные литейные формы, кузнечные орудия, арабский дирхем. Городище датируется началом II тыс. н. э.

◆ Археологи Ленинграда ведут раскопки городища в Старой Ладозе, одном из древнейших славянских поселений в Восточной Европе. В основании нижнего культурного слоя выявлен уникальный клад инструментов: 7 металлических клещей разных типов и размеров, 3 железных молота, ножницы для разрезания металла, 2 сверла, приспособления для производства проволоки. Инструменты датируются VIII веком.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

ВТОРОЙ СОВЕТСКО-ИНДИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ

21—24 января 1976 г. в г. Дели состоялся второй советско-индийский симпозиум историков, организованный Индийским советом по историческим исследованиям¹.

Симпозиум был посвящен истории социально-политических движений и общественной мысли России и Индии XIX — начала XX века. В центре внимания находились проблемы первой буржуазно-демократической революции в России 1905—1907 гг. и национально-освободительного движения народов Индии и Средней Азии. В симпозиуме участвовали известные индийские ученые из университетов и научно-исследовательских учреждений Дели, Калькутты, Симлы, Патны, Джайпура, Музафарпура, Неллура, Каликута. Работой симпозиума руководил председатель Индийского совета по историческим исследованиям Р. С. Шама. В делегацию Национального комитета историков Советского Союза входили представители институтов истории СССР, всеобщей истории, востоковедения АН СССР и Института востоковедения АН Таджикской ССР.

Открывая симпозиум, государственный министр по делам просвещения, социально-го обеспечения и культуры Индии Нурул Хасан подчеркнул необходимость развития сотрудничества индийских и советских ученых в области общественных наук. Он отметил важность ознакомления индийских ученых с историей революционной борьбы в России, возможность плодотворного сравнительного изучения истории освободительных движений в Индии и в России, необходимого как для более глубокого понимания развития обеих стран, так и для изучения мирового исторического процесса в целом. Он указал также на стимулирующее воздействие первой русской революции 1905—1907 гг., массового движения в России, которое возглавила партия большеви-

ков во главе с В. И. Лениным, на национально-освободительную борьбу в Индии.

От советской стороны с приветствием выступил глава делегации советских историков акад. А. Л. Нарочницкий, который подчеркнул значение научного сотрудничества советских и индийских историков. Русское общество издавна проявляло живой интерес к Индии и ее культуре. В XIX в. прогрессивные общественные течения в России выражали глубокое сочувствие антиколониальному освободительному движению Индии. После революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин неоднократно указывал на значение подъема национально-освободительной борьбы в Индии и связь его с первой буржуазно-демократической революцией в России, давшей толчок пробуждению Азии. Великая Октябрьская социалистическая революция оказала большое влияние на расширение колониализма и дальнейший подъем освободительного движения народов Востока, в том числе Индии. Успехи социализма в СССР способствовали развитию советско-индийских связей, дружбы и взаимопонимания между народами наших стран. Этой же цели служит совместное обсуждение проблем общественных наук.

В ходе работы симпозиума было обсуждено 14 индийских и 6 советских докладов. В докладе А. Л. Нарочницкого «Революция 1905—1907 гг. — «генеральная репетиция» Великого Октября» был поднят ряд общеметодологических (о характере, движущих силах и задачах революции) и конкретно-исторических вопросов первой русской революции. Центральное место в докладе занял показ руководящей роли ленинской партии в революции 1905—1907 годов. Доклад содержал также характеристику состояния научной разработки истории революции 1905—1907 гг. в советской историографии и критике зарубежных авторов, искажающих движущие силы и характер революции, отрицающих связь революции

¹ Первый такой симпозиум проходил в 1973 г. в Москве.

1905—1907 гг. с Великой Октябрьской социалистической революцией. В заключение докладчик остановился на международном значении революции 1905—1907 годов.

Доклады В. И. Неупокоева (представлен в письменном виде) и Е. И. Удальцова были посвящены идеологической подготовке революции. Докладчики показали, что во второй половине XIX в. марксизм получил широкое распространение в России и затем одержал победу над мелкобуржуазными течениями в рабочем движении. Знамя революционного марксизма в России высоко поднял В. И. Ленин. Под руководством созданной им большевистской партии шел процесс подготовки пролетариата к революции. Идеологической борьбе, позиции партий и классов после революции 1905—1907 гг., значению этой революции для последующего развития освободительного движения в России был посвящен доклад И. М. Пушкаревой.

Дискуссия по докладам советских историков охватывала вопросы о значении рабочего движения и роли партии большевиков, о буржуазном либерализме, о мелкобуржуазных партиях в революционном движении, о путях развития освободительного движения в России после революции 1905—1907 годов. Советскими историками было раскритиковано стремление советологов представить дело таким образом, будто в России буржуазные преобразования могли произойти без революции, показан провал столыпинской аграрной политики; подчеркивалось, что второй шаг по пути буржуазных реформ был сделан царизмом лишь под воздействием революционного движения; разоблачалась контрреволюционная роль либеральной буржуазии. Некоторые индийские участники симпозиума выражали пожелание, чтобы на будущих аналогичных встречах с советскими учеными уделялось возможно большее внимание критике западных буржуазных концепций, имеющих хождение в Индии. При этом говорилось о том, что критика подобного рода теорий окажет существенную помощь индийским историкам в изучении и преподавании истории СССР.

Индийские историки приняли участие в обсуждении проблемы «Революция 1905—1907 гг.—генеральная репетиция» Великого Октября» и представили 5 докладов по русской истории. М. Хасанг (Университет имени Дж. Неру в Дели) остановился на влиянии Октябрьской революции на культуру народов Индии, в частности на литературу на языке урду, подчеркнув при

этом пробуждение после революции интереса к социальным проблемам. В докладе М. К. Палата (Университет имени Дж. Неру в Дели) была сделана попытка показать развитие прогрессивной общественно-политической мысли в России в широких хронологических рамках (XVIII — начало XX в.). Докладчик обратил внимание на такой важный для освободительного движения России момент, как соединение марксизма с рабочим движением, и в целом верно трактовал реакционную роль самодержавия и дворянства в XIX — начале XX века. Определение понятия «интеллигенция», представление об «отчужденности русской интеллигенции», ее роли в XIX в., почерпнутые М. К. Палатой из русской либеральной буржуазной литературы начала XX в. и работ современных англо-американских фальсификаторов истории, были подвергнуты критике советскими участниками дискуссии.

Ряд выступлений индийских ученых был посвящен идеологическим течениям и политическим воззрениям, получившим распространение в конце прошлого и начале нынешнего века в Средней Азии. Это доклады З. Илама (Университет имени Дж. Неру в Дели) о распространении социальных идей среди мусульман в России в конце XIX — начале XX в.; Д. Каушика (Университет в Джайпуре) об идеологических течениях в Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в.; Р. Шарма (Университет имени Дж. Неру в Дели), содержащий критику политических и общественных воззрений джаидов. В оценках и основных положениях эти докладчики солидаризировались с советскими историками.

Большое внимание на симпозиуме было уделено истории Индии, особенностям развития ее перодовой общественной мысли в связи с национально-освободительным движением. Этим проблемам касались доклады С. Мехротра (Индийский исследовательский институт в Симле) об общественно-политической мысли Индии в XIX в.; В. Рамакришна (Университет в Неллуре) о социальных и политических идеях просветителя XIX в. Вирусалингама и М. И. Срикумаран Наира (Университет в Каликуте) о демократе конца XIX — начала XX в. Б. Г. Тилаке; С. Р. Сингха (Университет в Музафарпуре) о религиозно-реформаторском движении Ария Самадж в Индии во второй половине XIX в.; А. Трипатхи (Университет в Калькутте, доклад был представлен в письменном

виде) о деятеле национального движения начала XX в. Шри Ауробиндо; С. Саркар (Делийский университет) о проявлении радикализма индийской интеллигенцией в эпоху колониализма (на примере Бенгалии XIX в.). Связь надстроечных явлений, проявлявшихся в общественно-политической мысли, с базисными нашла отражение в докладах С. Мухерджи (Центр социальных исследований в Калькутте), который попытался сравнить подход индийских и русских мыслителей к проблеме соотношения промышленности и сельского хозяйства в конце XIX — начале XX в.; Р. С. Джоши (Делийский университет) о крестьянской идеологии и крестьянском движении в Индии; С. Бхаттачарья (Университет имени Дж. Неру в Дели) о некоторых аспектах движения свидетели в так называемый период несотрудничества (20-е годы XX в.). Все эти доклады отличались, как правило, высоким профессиональным уровнем и прогрессивной направленностью.

Советские индологи представили 3 специальных доклада. Э. Н. Комаров рассмотрел основные направления в индийском освободительном движении XIX — начала XX в. в свете ленинских определений просветительства, либерализма и демократизма. Доклад Ш. П. Пулатовой (Душанбе) «Хали и алigarхское просветительское движение» содержал марксистско-ленинский анализ деятельности видного индийского мусульманского просветителя XIX века Г. Г. Котовский в докладе «Освободительное движение в России и Индии во второй половине XIX — начале XX в.» дал сопоставление и сравнительную характеристику освободительного движения и путей развития общественной мысли в России и в Индии.

В ходе дискуссии речь шла об общих закономерностях мирового исторического процесса, проявлявшихся как в России, так и в Индии, и вместе с тем о значительном своеобразии этого процесса в индийских условиях рассматриваемого периода, отличных как от России, так и от других стран. В частности, говорилось о необходимости тщательного учета конкретно-исторических

условий Индии, ее тогдашнего колониального положения, уровня социально-экономического и политического развития в то время, а также неравномерности этого развития в различных областях страны. Отмечалось также, что все это имело существенное значение в сложном процессе становления национального самосознания, подготовки идейных и организационных предпосылок национально-освободительного движения, в пробуждении народных масс и в развитии массовой освободительной борьбы.

Большой интерес вызвали проблемы периодизации освободительного движения, идейно-политических позиций и исторической роли ряда национальных организаций и деятелей Индии XIX — начала XX века. В ходе обсуждения отмечались, с одной стороны, сложный и противоречивый характер общественно-политических условий, в которых в Индии возникало освободительное движение, изощренная политика английских империалистов, направленная на сохранение колониальной власти, а с другой — нарастание национально-освободительных и демократических устремлений в индийском обществе. Докладчики подчеркивали роль передовых национальных деятелей Индии, которые выступали против национального бесправия и социального угнетения, способствуя тем самым пробуждению народных масс к сознательной борьбе за свободу.

Творческой, деловой атмосфере симпозиума способствовала деятельность директора Индийского совета по историческим исследованиям Б. Р. Гровера. Была развернута выставка книг советских и индийских ученых по обсуждавшимся проблемам.

В заключительных словах А. Л. Нарочницкого и Р. С. Шармы встреча советских и индийских историков была признана полезной для дальнейшего развития исследований по истории революционного движения в России и национально-освободительного движения в Индии, для укрепления традиций советско-индийской дружбы и сотрудничества.

И. М. Пушкарева

ПРОФЕССОР Р. ФОГЕЛЬ (США) В МГУ

Одним из примеров укрепления международных связей советских историков являются контакты между Историческим факультетом МГУ и университетами США. Ученые Московского университета читают лекции в США. В свою очередь, и на Историческом факультете МГУ в последние годы выступали с лекциями, а также читали курсы американские историки Д. Кронон (Висконсинский университет), Д. Броуди (Калифорнийский университет), Э. Смит (Мэрилендский университет), Б. Бейлин (Гарвардский университет), Д. Шеннон (университет штата Вирджиния) и другие.

13—14 апреля 1976 г. состоялась встреча историков МГУ с профессором Гарвардского университета Р. Фогелем. На встрече присутствовали также сотрудники Института всеобщей истории и истории СССР АН СССР и других научных учреждений. Проф. Р. Фогель — председатель Ассоциации экономической истории США, один из лидеров направления «новой экономической истории», которое стремится использовать математические, количественные приемы обработки конкретно-исторических данных. Он является автором ряда исследований по экономической истории США, в том числе получившей широкую известность книги «Время на кресте», написанной в соавторстве с С. Энгерманом¹. Эта работа вызвала ожесточенную полемику среди американских историков. В США было опубликовано более 200 рецензий на нее. Основная причина, обусловившая усиленное внимание к этой книге, — сенсационный характер выводов, ставящих под сомнение традиционные представления об экономике рабовладельческого плантационного хозяйства Юга США накануне гражданской войны. Обработав с помощью математических методов и ЭВМ комплекс сведений из архивов плантационных хозяйств и другие источники статистического характера, Р. Фогель выдвинул ряд положений, основная сущность которых сводится к следующему: рабовладельческие плантации на Юге США были более эффективны с экономической точки зрения по сравнению с системой вольнонаемного труда в сельском хозяйстве как Юга, так и Севера США; труд негров-рабов был более производителен, чем труд

свободных, и рабы находились в более сносных условиях, чем некоторые категории белого населения. Отсюда делается вывод, что в движении за отмену рабства главную роль играли не экономические, а морально-этические факторы.

На встрече с советскими историками Р. Фогель представил для обсуждения два связанных между собой доклада: «О пределах применения количественных методов в истории» и «О сущности современной дискуссии в американской историографии по вопросу о рабстве». Говоря о необходимости применения количественных методов, Р. Фогель подчеркнул, что вопрос о том, нужно ли их применять, нельзя ставить в общей и абстрактной форме. Фактически во всех работах историки — осознанно или неосознанно — применяют измерения, а значит, и количественные методы. В последние два десятилетия в их использовании были достигнуты значительные успехи. Наиболее прочно они утвердились в экономической истории. На базе применения этих методов в США возникла также «новая политическая история», «новая городская история», «новая история семьи» и т. д. Наибольшие достижения в применении этих методов имеются в тех областях, где изучается «историческое поведение больших групп обычных людей». Использование тех или иных приемов, количественного анализа, считает Р. Фогель, зависит от характера или стиля исследователя. Количественные методы позволяют ввести в научный оборот новые виды источников, ранее недоступные историкам. Докладчик рассказал об организации в США и других странах исследований, основанных на этих методах, о подготовке историков, умеющих применять их, о налаживании контактов между исследователями, пользующимися этими методами.

Далее Р. Фогель отметил, что на нынешнем уровне развития исторической науки существует ряд областей, где количественные методы неприменимы. Только в экономической истории они, по его мнению, перевернули традиционные представления и привели к новым, далеко идущим последствиям. Примером этого могут служить новые понятия об экономике американского рабовладельческого плантационного хозяйства. Р. Фогель привел ряд уравнений и статистические выкладки, с помощью которых разрабатывались данные о доходности ра-

¹ R. W. Fogel, S. L. Engerman. Time on the Cross. The Economics of American Negro Slavery. Vol. I—II. Boston. 1974.

бвладельческих хозяйств, о положении негров-рабов на плантациях Юга. В заключение он остановился также на основных моментах критики книги «Время на кресте» в американской печати. Эта критика, по мнению Р. Фогеля, не поколебала основных его выводов.

Советские историки с большим вниманием отнеслись к той части выступления Р. Фогеля, где говорилось о применении количественных методов в исторических исследованиях США, об организации этого дела. Было задано большое количество вопросов. Вместе с тем выявился ряд существенных расхождений с докладчиком в понимании данной проблемы. В состоявшейся дискуссии единодушно возражение советских историков встретило мнение Р. Фогеля о якобы нейтральном характере методологии по отношению к идейно-теоретической позиции исследователя. В неправильном понимании этого вопроса и лежат корни тех ошибочных выводов, к которым пришел Р. Фогель. Единодушным было также мнение советских историков относительно выводов Р. Фогеля о характере американского рабства. Отмечая определенный вклад, который внесла книга «Время на кресте» в анализ экономики рабовладельческой системы, выступавшие не согласились с основными выводами авторов.

Как справедливо отметил чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко, Р. Фогель применяет современные методы на основе неадекватной теории, что в конечном счете приводит к серьезным искажениям исторического процесса. Н. В. Сивачев указал, что одним из побудительных мотивов Р. Фогеля было стремление показать вклад негров-рабов в экономику США. Однако из-за ошибочной методологии его книга не только не достигает поставленной цели, но и может оказать услугу консервативным силам в США. О том, что только подлинно научная теория может помочь историку в решении стоящих перед ним задач, говорила, в частности, Н. Б. Селунская. Она указала, что для Р. Фогеля, как и для других американских историков, типичен отрыв методики и техники исследования от теории науки, от мировоззрения исследователя, эмпирического знания от теоретического. Отсутствует четкое представление о значении методологии, методики и техники исследования. Н. Б. Селунская привела примеры, когда путаница в этих вопросах влекла за собой субъективизм и эклектизм в оценке событий.

А. К. Соколов отметил, что многие расхождения в понимании проблемы о пределах применения количественных методов среди советских и американских историков проистекают из различного понимания задач истории как науки и ее места среди других дисциплин. Позитивистское разделение дисциплин на точные и гуманитарные, которого придерживаются американские буржуазные историки, подчас приводит их к неверным положениям. Р. Фогель, например, считает, что количественные методы не делают историю более научной. Советские историки, напротив, рассматривают применение математическо-статистических методов в плане совершенствования исследовательской процедуры, считая, что они способны усовершенствовать наши научные представления. Для Р. Фогеля, как и для других американских историков, значение экономической истории ограничивается анализом элементарных экономических операций, изучение которых якобы лежит в стороне от основных направлений исторической науки, тогда как в советской историографии изучение экономических, а вернее, социально-экономических процессов является центральным среди других ее направлений. При этом в отличие от ученых США советские историки исследуют этот аспект истории в тесной связи с социально-политической историей, историей культуры и т. д. Многие модели и уравнения, разрабатываемые с помощью количественных методов, как считает А. К. Соколов, не могут рассматриваться изолированно, вне системы общественных отношений. Институт рабства в США представляет собой совокупность общественных отношений (экономических, классовых, морально-этических), которые нельзя изучать в отдельности. Количественные методы применяются не только для измерения и квантификации; задача их также состоит в том, чтобы упорядочить информацию о сложной системе общественных отношений, прежде всего тех из них, которые имеют статистическую природу, определить структуру их взаимосвязей, выявить роль отдельных факторов и определить типы социально-экономического развития. Применение новейших приемов обработки данных в советской историографии в отличие от США не создало какой-либо «новой экономической» или «новой политической истории», а рассматривается в тесной связи с логикой развития исторической науки в целом. А. К. Соколов указал на неразрывное единство количественного и

качественного анализа и обратил внимание на односторонность и ограниченность термина «количественная история», принятого в США.

Н. В. Сивачев также подверг критике тезис Р. Фогеля о том, что историю можно считать наукой лишь в той мере, в какой она пользуется методами «точных» наук. Он подчеркнул, что история имеет свой предмет и метод и является наукой вне зависимости от применения методов, используемых в естественных науках и явно недостаточных для понимания диалектики общественного развития. И. Д. Ковальченко особо подчеркнул, что Р. Фогель слишком сужает проблему и не охватывает всей совокупности вопросов, связанных с анализом рабовладельческой системы на Юге США. Нельзя рассматривать вопрос об эффективности труда рабов и о рентабельности рабовладельческого хозяйства с точки зрения его экономической выгоды для плантаторов. Необходимо еще и анализ его общественной эффективности. Именно общественная эффективность рабовладельческого хозяйства остается недоказанной в книге Р. Фогеля и С. Энгермана. Она и не может быть доказанной, что подтверждается всей практикой исторического развития.

Принявший участие в дискуссии проф. Мэрилендского университета (США) Э. Смит указал на то, что, несмотря на так называемую высокую эффективность рабского труда, экономическая система Юга США была в целом неэффективной по сравнению с Севером. Несмотря на все разговоры о преимуществах крупного плантационного хозяйства, рост общественного благосостояния в северных штатах заметно опережал тот же процесс в южных штатах. Экономическая эффективность рабского труда, как подчеркнул Э. Смит, сводилась к удовлетворению лишь крупных и средних плантаторов, которые, по признанию самого Р. Фогеля, составляли лишь 4—6% от общего числа плантаторов.

Детальной и аргументированной критике подверг взгляды Р. Фогеля на проблему рабства И. П. Дементьев, который указал, что в книге «Время на кресте» приводится множество фактов, характеризующих те или иные стороны жизни плантаций, но в ней нет анализа социальной стороны проблемы и ряда важнейших социально-экономических факторов, таких, например, как процесс освоения новых земель, монополия США на производство хлопка

на мировом рынке и др. В выступлении И. П. Дементьева была подвергнута критике источниковая база книги. Хотя используемые Р. Фогелем источники и представляют большой интерес, совершенно очевиден их прорабовладельческий характер. Собственно говоря, и сам Р. Фогель вынужден был в определенной мере признать этот факт. Однако его утверждения, что источники были подвергнуты критическому анализу, в целом остались голословными. Он так и не смог привести ни одного сколько-нибудь серьезного аргумента, доказывающего «нейтральность» этих источников. В то же время И. П. Дементьев на конкретных примерах показал, что многие из них были составлены идеологами южных рабовладельцев, отвечали их интересам и были призваны доказать, что рабство — процветающий институт. Вместе с тем, как отметил И. П. Дементьев, Р. Фогель совершенно игнорирует источники, исходившие из аболиционистских кругов, так как они, по его мнению, якобы целиком построены на эмоциях и, значит, не могут идти в плане объективности ни в какое сравнение со статистическими источниками. И. П. Дементьев обратил внимание на ошибочность этой точки зрения. Он подчеркнул, что из-за неточного употребления в целом весьма интересной техники может быть скомпрометирован очень перспективный метод исследования.

О некритическом отношении Р. Фогеля к источникам говорил и В. Л. Мальков. Он указал, что все использованные в книге «Время на кресте» источники были призваны обслуживать текущие политические дебаты (речь идет о первой половине XIX в.) и должны были помочь рабовладельцам в их идейно-политической борьбе с противниками рабства. В. Л. Мальков подверг критике тезис Р. Фогеля о нейтральном характере статистических источников. Основываясь на работах К. Маркса и В. И. Ленина, он показал зависимость статистических материалов от методологической обоснованности программы их собирания и обработки. Он выступил против тезиса, согласно которому негры-рабы были не способны на эффективный протест. Вместе с тем советские историки признали справедливость утверждения Р. Фогеля о том, что в сохранении рабства были повинны не только плантаторы-рабовладельцы, но и правящая элита северных штатов, извлекавшая немалые выгоды из эксплуатации труда негров-рабов.

Отвечая советским историкам, Р. Фогель выразил удовлетворение в связи с тем интересом, который они проявляют к проблемам применения количественных методов в исторической науке США. Он сообщил, что пристально наблюдает за теми успехами, которые имеют место в этой области в Советском Союзе. Что же касается высказанных замечаний, Р. Фогель отметил, что он тщательно проанализирует их и сделает соответствующие выводы.

Закljučая встречу, И. Д. Ковальченко сказал, что в целом дискуссия, организованная кафедрой новой и новейшей истории и источниковедения, а также Научным ко-

ординационным советом МГУ по проблемам американистики, носила деловой и конструктивный характер и, несомненно, была полезной для обеих сторон. Она способствовала более полному и детальному ознакомлению с современным состоянием исторической науки в СССР и США. Такие встречи взаимно обогащают участников, способствуют развитию научных исследований. Они вносят вклад в расширение и укрепление научных связей между советскими и американскими историками.

*А. С. Манькин,
А. К. Соколов*

Обзор

НОВЫЕ РАБОТЫ О СРЕДНЕВЕКОВОМ КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Среди городов средневековья, и особенно раннего средневековья, Константинополь принадлежит особое место. Он не только своими размерами и численностью населения намного превосходил любой европейский город того времени¹, но и играл совершенно уникальную экономическую, социальную, политическую и культурную роль. В ту эпоху, когда Западная Европа, по сути дела, не знала государственных столиц и резиденция франкских императоров перемещалась из одного географического пункта в другой, Константинополь был центром, куда стекался прибавочный продукт сельского населения огромной империи, где разнообразные ремесленные и торговые корпорации обслуживали двор, аристократию и рядовых горожан, где на перекрестке морских и сухопутных дорог совершался обмен продуктов, созданных арабами, болгарами, итальянцами, русскими.

Экономическая история Константинополя в средние века остается еще не написанной — вопрос же о специфике его социальной структуры стал предметом специальной статьи западногерманского ученого Х. Г. Бека, который подчеркнул нестабильность социальных граней раннесредневекового Константинополя, наличие в нем «вертикальной динамики», приводившей подчас к резким перемещениям отдельных лиц по социальной лестнице².

Бельгийский исследователь П. Яннопулос, посвятивший монографию византийскому светскому обществу VII—IX вв., приходит к заключению, коренным образом отличающемуся от выводов Бека. По его мнению, в Византии этих столетий существовала четко сформировавшаяся элита, которую отличала знатность происхождения, богатство, исполнение общественных функций и обладание почетными титулами. Хотя византийское общество не знало юридических барьеров, отделявших элиту от «среднего слоя», тем не менее — по парадоксальной формулировке Яннопулоса, — здесь «легче было стать императором, чем проникнуть в ряды настоящей аристократии»³. Однако парадоксальное суждение Яннопулоса опирается преимущественно на устойчивые клише агнографических памятников, нередко отмечавших «хорошее происхождение» своих героев: как известно, в Византии VII—IX вв. еще не сложилась традиция фамильных имен и не существовало семей наследственной аристократии. Императрица Ирина в одном из своих эдиктов определяет состав высшего слоя византийского общества на рубеже VIII—IX вв., совершенно не принимая во внимание понятие знатности: сюда входили, по ее словам, священники, две категории служилых людей, воины и «те, кто живет в благочестии»⁴. Подчеркнутая Беком и приз-

¹ См. D. Jacoby. La population de Constantinople à l'époque byzantine. «Byzantion», t. 31, 1961 (см. «Вопросы истории», 1962, № 5, стр. 191—192). См. также G. Dagron. Naissance d'une capitale. P. 1974, pp. 521—525.

² H. G. Beck. Konstantinopel. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Hauptstadt. «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 58, 1965. Перепечатано: H. G. Beck. Ideen und Realitäten in Byzanz. L. 1972, part X.

³ P. A. Yannopoulos. La société profane dans l'Empire byzantin des VIIe, VIIIe et IXe siècles. Louvain. 1975, p. 128. В обширной библиографии в книге Яннопулоса почти совсем отсутствуют работы советских ученых, не упомянута даже близкая к его монографии по теме книга Е. Э. Липшиц «Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX в.» (М.-Л. 1961).

⁴ C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus graeco-romanum. Vol. III. Lipsiae. 1857, pp. 57 sq.

наваемая Яннопулосом возможность для человека, не принадлежащего к элите, занять императорский престол (с X в. эта возможность практически исчезает) также противоречит концепции бельгийского ученого.

Напротив, вышедшая из школы Бека монография ученого ФРГ Г. Вайса развивает и уточняет тезис о «вертикальной динамике» византийской знати⁵. По мысли Вайса, в Византии существовали две социальные группы, осуществлявшие в XI в. политическую власть: военная и гражданская знать. Этой последней и посвящена его книга, подчеркивающая нестабильность положения константинопольских чиновников. Нам кажется, впрочем, что в концепцию Бека — Вайса, постулирующих существование в Константинополе последовательной «вертикальной динамики», следует внести некоторые коррективы: конечно, случаи взлетов и падений были нередкими в византийской столице, но нельзя не видеть, что именно такие катастрофы и успехи привлекали особое внимание хронистов, естественно, мало интересовавшихся спокойными карьерами. Просопографическое исследование судеб чиновных фамилий позволяет прийти к иным выводам. Так, на стр. 11 Вайс называет пять семей, которые, по его мнению, сделали внезапную карьеру и столь же внезапно сошли со сцены: Цирифоны, Эксамилиты, Сервлии, Романиты, Халды. Не говоря уже о том, что Халды попали в этот список по недоразумению (о их деятельности в качестве гражданских чиновников мы ничего не знаем, тогда как при Василии II и Романе III Халды занимали высокие командные и военно-административные должности), Сервлии, во всяком случае, не были семьей однодневок: они известны со времен Василия II до середины XII в., то есть около полутора столетий. Можно было бы назвать и другие семьи гражданской знати, сохранявшие видное положение на протяжении полутора-двух столетий.

На этом конкретном вопросе, может быть, и не стоило бы останавливаться, если бы не одно обстоятельство методического характера: нельзя больше изучать византийское чиновничество, базируясь на методе примеров. Следует переходить к тому, что можно было бы назвать просопографической статистикой, то есть статистикой, основанной на совокупности данных, предоставляемых вспомогательной дисциплиной, изучающей историю отдельных лиц и семей. Любопытный образец применения такого метода дает работа английского исследователя М. Арнхейма, посвященная сопоставлению состава административной элиты на Западе и Востоке империи в IV веке. Учитывая разнообразие просопографические материалы, Арнхейм приходит к выводу, что при Константине (306—337 гг.) высшая администрация на Западе рекрутировалась из среды сенаторов, тогда как на Востоке она выходила из несенаторских, то есть неаристократических, слоев⁶. Такое же положение сохранялось вплоть до правления Феодосия I. Впрочем, цифры, на которые опирается Арнхейм, не всегда оказываются репрезентативными: так, при Феодосии I на Западе известен лишь один наместник (викарий) аристократического происхождения, а на Востоке из двух викариев один был знатным, а другой нет (стр. 218). Если при Грациане на Западе 6 викариям-аристократам не противостоят ни один викарий незнатного рода, то среди префектов претория картина обратная: 5 незнатных лиц и ни одного заведомого аристократа (стр. 218 и сл.). Короче говоря, из данных Арнхейма напрашивается вывод, что после Константина различие в структуре административной элиты между Востоком и Западом становится менее заметным, как бы стирается.

Своеобразным было и положение константинопольской церкви: духовенство не сформировалось здесь как особое сословие, социальная и политическая роль церкви в Константинополе оказывалась несравнимо меньшей, нежели в Западной Европе⁷.

Своеобразие политической структуры Константинополя определялось тем, что он был столицей централизованной империи, где — во всяком случае, номинально — все определялось волей василевса. Правда, работы последних лет вносят все больше и больше ограничений в тезис о византийском абсолютизме. Хотя, в самом деле, роль

⁵ G. Weiss. Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos. München. 1973.

⁶ M. T. W. Arnhem. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford. 1972.

⁷ H. G. Beck. Kirche und Klerus im staatlichen Leben von Byzanz. «Revue des études byzantines», t. 24, 1966. Печенечатко: H. G. Beck. Ideen und Realitäten., part. XIV.

высших государственных должностных лиц, равно как и роль синклита (сената) и народа, не была конституционно определена, на практике они в тех или иных формах оказывали воздействие на формирование и функционирование константинопольской государственной машины. Само отсутствие юридической определенности открывало подчас широкие возможности для действия всех этих факторов⁸. Иными словами, в политической структуре Константинополя проявляется противоречивое двуединство «нормы» и «факта», вообще характерное для Византийской империи, а в данном случае выступающее как сочетание «божественности» императора, стоящего выше закона, и подчиненности василевса реально действующим, хотя и законодательно не зафиксированным традициям.

Может быть, ни в чем так отчетливо не проявили себя характерные для Византии центристремительные тенденции, как в развитии ее культуры. Если протовизантийская культура (IV—VII вв.) характеризуется полицентризмом, то около VII столетия вырабатывается моноцентрический принцип⁹: вся культурная активность сосредоточивается в Константинополе. Как показал французский ученый П. Лемерль, даже общеобразовательные школы с традиционной грамматико-риторической программой действовали в IX—X вв. только в столице¹⁰.

Вопрос о константинопольской образованности привлекал в последнее время внимание ряда ученых, и в этой области были достигнуты существенные результаты. Прежде всего было поставлено под сомнение традиционное представление о полной преэминентности системы высшего образования в Константинополе: Х. Г. Бек, а вслед за ним П. Лемерль показали, что в раннесредневековом Константинополе не существовало так называемой Патриаршей академии, наличие которой постулировалось некоторыми современными исследователями на основании недостаточно ясных свидетельств источников¹¹. Попытка американского католического исследователя Ф. Дворника реабилитировать традиционное представление¹² неубедительна, поскольку она не опирается ни на какие новые данные. Более того, в Константинополе IX—X вв. вообще не было университета, особой высшей школы, программа и организация которой отличались бы в принципе от школы общеобразовательной¹³. Гораздо менее убедительной является попытка поставить под сомнение создание высшей школы в Константинополе в 40-е годы XI в.¹⁴: сохранившийся указ Константина IX Мономаха дает представление о юридической школе как об учебном учреждении со специальной программой и особой организацией. Другое дело, что созданная тогда высшая школа не была, как правильно подчеркивает Г. Вайс, университетом в том смысле, какой вкладывается писателями западного средневековья в понятие *universitas*, то есть корпорацией учителей и учеников. Недолговечность созданного при Константине IX учреждения (именно на это обстоятельство обращают внимание оба западногерманских ученых, сомневающих в существовании университета в Византии, — Г. Вайс и П. Шпек) не может служить аргументом в этой дискуссии: кратковременно, но оно существовало, а сама кратковременность в условиях нестабильной социальной жизни Константинополя является скорее нормой, чем исключением.

⁸ H. G. Beck. Senat und Volk von Konstantinopel. «Bayerische Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl. Sitzungsberichte». München 1966. Перепечатано: H. G. Beck. Ideen und Realitäten., part. XII.

⁹ B. Hemmerdinger. La littérature grecque profane de 541 à 814. «Helikon». t. 8, 1968, p. 464 sq.

¹⁰ P. Lemerle. Le premier humanisme byzantin. P. 1971, p. 243 sq.

¹¹ H. G. Beck. Bildung und Theologie im frühmittelalterlichen Byzanz. «Polychronion». Heidelberg. 1966; P. Lemerle. Op. cit., pp. 89 sq., 184 sq.

¹² F. Dvornik. Photius' Career in Teaching and Diplomacy. «Byzantinoslavica». t. 34, 1973. Против гипотезы Бека — Лемерля выступила также итальянский филолог М. Д. Спаларо: M. D. Spadaro. Sull'insegnamento di Fozio e sull'Academia patriarcale. «Siculorum Gymnasium», t. 26, 1973; П. Яннопулос, считающий, что в VII — начале VIII в. Высшая патриаршая школа находилась вблизи от так называемой Царской цистерны (район Халкопратии), а не в Октогоне, как принято было считать до последнего времени, признает, что после начала VIII в. мы о ней ничего не знаем, но тем не менее допускает, что при Михаиле III (842—867 гг.) академия была переведена в церковь св. Софии: P. A. Yannopoulos. Notes sur l'emplacement de l'Oikumenikon Didaskaleion. «Byzantion», t. 44, 1974.

¹³ P. Speck. Die kaiserliche Universität von Konstantinopel. München. 1974.

¹⁴ G. Weiss. Oströmische Beamte., S. 65—76; P. Speck. Op. cit., S. 90.

Работа Шпека, в которой обоснованно отрицается наличие университета в ранне-средневековом Константинополе (даже Лемерль, приведя соответствующие факты, считал тем не менее, что «трудно поверить» в исчезновение университета)¹⁵, рассматривает и организацию общеобразовательных школ в Византии. Автор выдвигает гипотезу о цеховой структуре константинопольских средних школ¹⁶. Хотя строго доказать этот тезис из-за скудости источников Шпеку не удалось, тем не менее отмеченный им параллелизм сообщений нарративных источников и писем о школьном деле в Константинополе X в. и сведений «Книги епарха» об обучении константинопольских «нотариев», несомненно, заслуживает внимания. Наличие элементов корпоративности в константинопольской школе X в. признавал и Лемерль¹⁷. Шпек выступает очень резко против представления о влиянии византийского государства на школьное дело: по его мнению, византийская школа была частным учреждением, а государственные инстанции не имели касательства ни к созданию школ, ни к контролю за образованием; если некоторые государи или крупные политические деятели (как кесарь Варда в середине IX в.) выступают организаторами константинопольских школ и покровителями учителей, то это, по Шпеку, лишь пропагандистские акции меценатствующих лиц.

Наблюдение Шпека не лишено оснований: действительно, взаимоотношения константинопольского учителя IX—X вв. и его слушателей были построены на принципе частной организации: оплата учителя в очень большой степени была частным делом, регулируемым по договору обеих сторон. Отношения учителя и ученика носили настолько личный характер, что в некоторых случаях исследователи затрудняются решить, что перед нами — школа или кружок друзей, связанных академическими интересами. Так, Лемерль считает, что вокруг Фотия сформировался кружок друзей, тогда как, по мнению Шпека, Фотий был настоящим учителем. И все-таки это наблюдение представляется односторонним. Дело не только в том, что источники сохранили прямые свидетельства об организации школ императорами: Константином VII в X в., Константином IX в XI в., Алексеем I в конце XI века. Важнее другое: нестабильность, противоречивая двойственность социальной жизни Константинополя проявлялись и в характере константинопольского школьного дела. Именно в этом смысле Г. Вайс пишет об отсутствии в Византии «современной противоположности» между «общественным» и «частным» учителем¹⁸. Византийская школа одновременно была частной и находилась под контролем государства и церкви. И это вполне соответствует византийской цеховой организации, в которую, по Шпеку, вписывалась и школа: константинопольские цехи при всей своей частной деятельности контролировались государством.

Как бы ни решать вопрос о константинопольском университете (скорее всего система высшего образования исчезает здесь около VI и возрождается в середине XI столетия), Константинополь раннего средневековья был не просто центром византийской образованности, но ее уникальным центром, местом, где она была сосредоточена. Константинополь был и урбанически-архитектурным центром Византийской империи, откуда исходили основные тенденции зодчества и тесно связанной с ним монументальной живописи. Именно здесь, в столице, где-то во второй половине IX в. сложился классический тип крестовокупольного храма («храма на четырех колоннах») и живописный канон его интерьера. Изучение константинопольских архитектурных памятников¹⁹ и топографии города²⁰ — традиционная тема византиноведения. По-прежнему пристальное внимание привлекали такие сооружения, как Большой

¹⁵ P. Lemerle. Op. cit., p. 105.

¹⁶ P. Speck. Op. cit., S. 36—50.

¹⁷ P. Lemerle. Op. cit., p. 258 sq.

¹⁸ G. Weiss. Oströmische Beamte..., S. 72.

¹⁹ M. Maclagan. The City of Constantinople. L. 1968; G. Herm. Das zweite Rom. Konstantinopel. Düsseldorf — Wien. 1968; D. A. Miller. Imperial Constantinople. Chichester. 1969; D. Jacoby. Constantinople, City on the Golden Horn. N. Y. 1969; P. et H. Willemarft. Istanbul. P. 1970; W. Hotz. Byzanz, Konstantinopel. Istanbul. Darmstadt. 1971; A. Bon. Byzanz. Genf. 1972 (Byzantium. L. 1973). Cp. D. H. Gary, R. Payne. The Splendors of Byzantium. L. 1968.

²⁰ R. Guillard. Etudes de topographie de Constantinople byzantine. Tt. 1—2. B.—Amsterdam, 1969.

дворец²¹, ипподром²², стены²³, храм св. Софии²⁴ и другие церковные здания. Английский историк и искусствовед К. Манго выступил с гипотезой о том, что храм св. Сергия и Вакха был воздвигнут не как придворная церковь, но связан с деятельностью монофиситских монахов, которым покровительствовала императрица Феодора; вокруг статьи Манго развернулась оживленная дискуссия²⁵. Для истории византийского зодчества большое значение имеет передатировка двух константинопольских храмов. Календер джами, церковь монастыря Акаталипта, которую обычно относили ко второй половине IX в. и считали исходным типом развития средневизантийского храмового здания, оказалась сооружением конца XII столетия²⁶. Маленький храм Камариотисы в Хейбелиаде (пригород Константинополя) прежде датировался XIV в. — теперь его относят к XI столетию²⁷. Это приводит к пересмотру вопроса о возникновении нового типа храмового здания — с куполом на тропях и восьми опорах. До сих пор здания такого типа, датируемые XI—XII вв., были известны лишь вне столицы и считались созданием греческого провинциального зодчества. Теперь становится вероятным его столичное происхождение. Возможно даже, что в этом стиле был построен храм св. Георгия в константинопольском районе Манганы — любимое детище Константина IX. Продолжали публиковаться исследования о Кахриэ джами, замечательном памятнике византийского искусства XIV в.²⁸, и о ряде других церквей²⁹.

Частные жилища Константинополя практически неизвестны; для решения вопроса об их характере исследователи должны вновь и вновь возвращаться к загадочной цифре «Константинопольских нотиций» (V в.), отмечающих наличие в Константинополе 4388 domus. Однако что такое domus? В Риме того же времени зафиксировано 1797 domus и 46602 insulae; если исходить из традиционного значения терминов, то domus — патрицианская усадьба, а insula («остров») — многоэтажный жилой дом. Д. Якоби в цитированной выше статье, принимая традиционное толкование, видел в константинопольских domus жилища аристократических семей, полагая, что обычные жилые дома просто не упомянуты в «Нотициях». В последнее время подобное истолкование ставится под сомнение: по мнению западногерманской исследовательницы Х. Штрубе, термин «Нотиций» обнимает все здания столицы — как аристократические дома, так и жилища рядовых граждан³⁰; Ж. Дагрон полагает, что domus — это смешанный архитектурный тип, объединявший элементы усадьбы и многоэтажные здания, как это засвидетельствовано раскопками позднеантичной Остии³¹. Ряд работ был посвящен

²¹ S. Miranda. Les palais des empereurs byzantins. Mexico. 1964; e jus d. Autour du Grand Palais des empereurs byzantins. Mexico. 1968; R. Guillard. Etudes sur le Grand Palais de Constantinople. «Byzantinoslavica», t. 31, 1970.

²² R. Guillard. Etudes sur l'Hippodrome de Constantinople. «Byzantinoslavica», tt. 29—30, 1968—1969; Y. Wrede. Zur Errichtung des Theodosius-Obelisken in Istanbul. «Istanbul Mitteilungen», Bd. 16, 1966.

²³ P. Speck. Der Mauerbau in sechzig Tagen. Zum Datum der Errichtung der Landmauer. «Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels». München. 1973.

²⁴ R. L. van Nice. Saint Sophia in Istanbul. Washington. 1966; H. Kähler. Die Hagia Sophia. B. 1967; H. Jantzen. Die Hagia Sophia des Kaisers Justinian in Konstantinopel. Köln. 1967; G. Bonfiglioli. S. Sofia di Constantinopoli. L'architettura. Bologna. 1974.

²⁵ C. Mango. The Church of Saint Sergius and Bacchus at Constantinople and the Alleged Tradition of Octagonal Palatine Churches. «Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik». Bd. 21, 1972; e jus d. The Church of Sts. Sergius and Bacchus once again. «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 68, 1975; R. Krauthimer. Again Saints Sergius and Bacchus at Constantinople. Ibid., Bd. 23, 1974.

²⁶ C. L. Striker, Y. Doğan Kuban. Work at Kalender-hane Camii in Istanbul. «Dumbarton Oaks Papers», vol. 25, 1971.

²⁷ Th. F. Matthews. Observations on the Church of Panagia Kamariotissa on Heybeliada (Chalke) Istanbul. «Dumbarton Oaks Papers», vol. 27, 1973.

²⁸ P. A. Underwood. The Kariye Djami. Vol. I—IV. N. Y. 1966—1975.

²⁹ Th. F. Matthews. The Early Churches of Constantinople. L. 1971; Chr. Strube. Die westliche Eingangsseite der Kirchen von Konstantinopel in justinianischer Zeit. Wiesbaden. 1973. См. также переиздание старых работ А. ван Миллингена: A. van Milingen. Byzantine Churches in Constantinople. Their History and Architecture. L. 1974. См. еще H. Schäfer. Die Gül Samii in Istanbul. Tübingen. 1973.

³⁰ Chr. Strube. Der Begriff domus in der Notitia urbis Constantinopolitanae. «Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels», S. 126.

³¹ G. Dagron. Op. cit., p. 257. Со ссылкой на A. Kriesis. Über den Wohnhaustyp des frühen Konstantinopel. «Byzantinische Zeitschrift», 53, 1960, S. 322—327.

отдельным кварталам Константинополя: его улицам и площадям³², центру столицы — Августеону³³, Софиане³⁴, Карвонарии³⁵, Еленианам³⁶, району Галаты³⁷ и другим местностям. При этом было подчеркнуто, что необходимо различать подлинные кварталы и отдельные комплексы зданий, которые ряд исследователей ошибочно принимал за кварталы³⁸.

Все эти исследования, несмотря на ряд уточнений и ограничений, еще раз подтвердили, что Константинополь был уникальным городом раннего средневековья, Grossstadt, по формулировке Х. Г. Бека, с особыми урбанистическими проблемами, вызванными сосредоточением в одном месте столь большого населения и такого количества государственных и церковных учреждений. Бек называет в числе этих проблем необычайную притягательную силу большого города, что создавало трудности снабжения населения пропитанием и водой и заставляло вводить как градостроительные ограничения, так и ограничения переселения в столицу; исследователь подчеркивает необычайную мобильность константинопольского населения и наличие в нем политических группировок, обладавших особыми формами организации, его этническую пестроту³⁹. Он, однако, не рассматривает то, что сам называет «специфичным для большого города поведением населения», — иными словами, то обстоятельство, что Константинополь, будучи и в раннее средневековье средоточием крайнего богатства и бедности, всевластия и бесправия, социального престижа и униженности, являлся в результате этого и фокусом общественных противоречий и ожесточенной классовой борьбы.

Уникальное положение Константинополя в Византийской империи было воспринято и выражено в самосознании византийцев, которым город казался «пупом вселенной»⁴⁰ и «царицей городов» (отсюда пошло и его русское название — Царьград). Отношению византийцев к своей столице посвящена книга западногерманского ученого Э. Фенстера⁴¹. Она примечательна прежде всего по методу анализа материала. Фенстер следует за австрийским ученым Г. Хунгером, который первым из византинистов использовал официальные формулы, «клише» для изучения средневековой «пропаганды» и шире — социальной психологии⁴². Если предметом исследования Хунгера были клише, создававшие в своей совокупности идеальный образ монарха, то Фенстер рассматривает византийские клише IV—XV вв., относящиеся к Константинополю: «царица городов», «новый Рим», «богохранимый град», «око и сердце земли», «театр вселенной» и т. п. При этом в некотором смысле Фенстер идет дальше Хунгера: австрийский исследователь располагал свой материал в систематическом, вневременном ракурсе, отчего создавалась иллюзия неизменности византийских представлений об идеальном василевсе, — напротив, Фенстер изучает движение клише, смену одних другими, стараясь при этом выяснить политические и идеологические причины становления новых формул. Так, в VII в. поэт и историк Георгий Писидас вводит эпитет «богохранимый град» — по мысли Фенстера, под впечатлением спасения Константинополя от аварской осады в 626 г., которое было объявлено «чудесным». Впрочем, возможно, что при этом действовали и более общие факторы: проникновение библейской фразеоло-

³² E. Kirsten. Strassen und Plätze im frühen Konstantinopel. Ludwigsburg. 1968.

³³ F. Dirimtekin. Augustaion ve Milion. «Annual of the Ayasofya Museum. vol. 8, 1969; N. Firatli, T. Ergil. The «Milion» Sounding. «Annual of the Archeological Museum at Istanbul», 15/16, 1969.

³⁴ A. Camerog. Notes on the Sophiae, Sophianae and the Harbour of Sophia. «Byzantion», t. 37, 1967 (1968).

³⁵ P. Wirth. Zur Lokalisierung des Stadtviertels Karbonaria zu Konstantinopel. «Byzantion», t. 34, 1964.

³⁶ V. Tiftixoglu. Die Helenianai nebst einigen anderen Besitzungen im Vorfeld des frühen Konstantinopel. «Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels».

³⁷ S. Eyce. Galata and Its Tower. Istanbul. 1969.

³⁸ G. Prinzing. Zu den Wohnvierteln der Grünen und Blauen in Konstantinopel. «Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels».

³⁹ H. G. Beck. Grossstadt-Probleme: Konstantinopel vom 4.—6. Jahrhundert. «Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels».

⁴⁰ H. G. Beck. Grossstadt-Probleme..., S. 19. Cp. P. Killer. Der Nabel einer Welt. «Du», Bd. 32, 1971 (популярная работа).

⁴¹ E. Fenster. Laudes Constantinopolitanae. München. 1968.

⁴² H. Hunger. Proimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien. 1964.

гии в официальную лексику по мере того, как христианская символика вторгалась в императорский культ. Новые клише, восхваляющие Константинополь, создаются в XI столетии, которое Фенстер называет «веком Константинополя», ибо, по мнению исследователя, именно в эти десятилетия значение византийской столицы было особенно велико в жизни империи, несмотря на то, что военные поражения бросают несколько мрачный отсвет на константинопольское величие. Для писателя XI в. Михаила Пселла Константинополь — «око вселенной», «средостение земли», «небесный град»; эти эпитеты соответствуют представлению Пселла, что за пределами Константинополя существование невозможно. За Пселлом в своих похвалах следуют и другие писатели XI—XII веков.

Проблема, однако, заключается в том, чтобы выяснить, в какой мере эта хвалебная терминология, эти торжественные стереотипы ограничиваются Константинополем, или, иными словами, — является ли Константинополь единственным городом Византийской империи, к которому официальная риторика прилагала подобные клише. Конечно, когда в XIII в. Феодор II Ласкарь называл Nikeю «городом городов и царицей цариц», если Виссарион Никейский в XV в. видел в Трапезунде «всеобщую сокровищницу и гавань вселенной», оба писателя говорили о городах, поднявшихся до уровня столиц. Эти похвалы Nikee и Трапезунду — своеобразная параллель критическому отношению к Константинополю, которое Фенстер прослеживает у писателя XIV в. Дмитрия Кидониса. Гораздо сложнее объяснить, почему современник Пселла, историк XI в. Атталиат именует глухое местечко Анфия, затерявшееся в горах Тавра, «пупом и сокровищницей земли»⁴³. Что это — центробежная реакция феодальных кругов или нормальное распространение «столичных» клише на провинциальный центр? Эта проблема не поставлена в книге Фенстера.

Уже Фенстер, как мы только что видели, показал, что отношение византийцев к своей столице не всегда было однозначным и что, скажем, в XIV в. можно было встретить критическое отношение к Константинополю. Следует поставить вопрос, всегда ли этот город занимал то исключительное, уникальное положение в империи, какое ему обычно отводят, говоря об империи в целом. Нет, пожалуй, сомнений, что в последние века существования Византии Константинополь практически не пользовался теми привилегиями, которые в XI в. восхищали Пселла⁴⁴: купцы и ремесленники византийской столицы должны были вести ожесточенную борьбу за самое свое сохранение перед лицом активного генуэзско-венецианского натиска⁴⁵; политическая жизнь города во многом определялась противоречиями феодальных кланов⁴⁶, так что строгая централизация константинопольского административного управления была дезорганизована⁴⁷. Такие центры, как Солунь и Мистра, успешно оспаривали экономическую и культурную монополию Константинополя в XIV—XV веках.

Значительно сложнее вопрос о роли Константинополя в империи в первый век его существования. Традиционное представление было четко сформулировано Х. Г. Бекком, который писал: «Константинополь был недвусмысленно запланирован как Grossstadt»⁴⁸. Напротив, французский историк Ж. Дагрон в книге, озаглавленной «Рождение столицы», развивает противоположную концепцию: первое столетие существования Константинополя — от его освящения в 330 г. до постановлений Халкидонского собора в 451 г. — было временем становления, превращения Константинополя из одного среди восточноримских городов в уникальной город, из города вообще в город с большой буквы.

Византийские легенды об основании Константинополя подчеркивают его мистическую связь с Римом. Суть этих легенд состояла в утверждении, что Константинополь был создан Константином взамен Рима. Но Дагрон показывает, что Константин

⁴³ Michael Attaliota. Historia. Bonnae. 1853, p. 133.

⁴⁴ S. Runciman. Life in a Doomed City: Constantinople before Its Capture by the Turks. «Medieval and Renaissance Studies». Burham. 1968.

⁴⁵ E. Frances. Constantinople byzantine aux XIVe et XVe siècles. Population-Commerce-Metiers. «Revue des études Sud-Est européennes», t. 7, 1969.

⁴⁶ K. P. Matschke. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode. B. 1971.

⁴⁷ K. P. Matschke. Rolle und Aufgaben des Gouverneurs von Konstantinopel in der Palaiologenzeit. «Byzantinobulgarica», 3, 1969.

⁴⁸ H. G. Beck. Grossstadt-Probleme... S. 3.

отнюдь не руководствовался этой (более поздней) идеей замены Рима — напротив, Константинополь был городом, возникшим в результате восстановления единства Римской империи, плодом победы Рима над сепаратизмом провинций. Город на Босфоре создавался не как столица, но как резиденция императора и более того — как город императора и его династии. При этом Дагрон подчеркивает два обстоятельства: Константин долго колебался в выборе резиденции, считая, по разным причинам, возможными претендентами Сардику, Солунь, Илион, Халкидон; создание Константинополя не было однократной акцией, но затянулось не менее чем на 10 лет, как отметил еще Юлиан Отступник. Константин основал Константинополь не как вторую столицу и даже не как столицу Востока: в иконографии середины IV в. Рим выступает как неоспоримая столица империи, которую окружают другие крупные города: Константинополь, Никодимия, Карфаген, Антиохия. Ничто, пожалуй, не показывает с такой четкостью роль Константинополя в империи IV в., как анализ длительности пребывания в нем императоров. По формулировке Дагрона, только с конца IV в. город на Босфоре становится постоянной резиденцией императоров (стр. 86) ⁴⁹.

В свете этого делается понятной и роль константинопольского сената (синклита). Основание сената в Константинополе обычно приписывается тому же Константину: по словам церковного историка Созомена (V в.), император пожаловал константинопольскому городскому совету, или синклиту, те же привилегии, которыми пользовался сенат в Риме. Дагрон, исходя из своей трактовки Константина как восстановителя Римской империи, считает невозможным, чтобы он создал второй сенат, конкурирующий с римским, — то, что в действительности было создано в Константинополе, — это совет муниципального типа, во всяком случае, его значение было несопоставимо с ролью сената Рима. Дагрон ссылается в этой связи на свидетельство первого фрагмента хроники, называемой «Анонимом Валуа», где прямо говорится, что Константин создал в своей резиденции «сенат второго порядка», члены которого носили титул *clarus*, а не *clarissimus*, как в Риме. Специфика константинопольского сената, как и специфика самого Константинополя, заключалась в том, что он был не имперской, а императорской организацией; это был не римский и даже не константинопольский сенат, а сенат Константина (стр. 145 и сл.).

Для столицы империи характерной была должность префекта города: городская префектура существовала в Риме, и ее можно обнаружить в Константинополе. И опять-таки Дагрон показывает, что префект города появляется в резиденции на Босфоре не с момента ее основания: до 359 г. главным должностным лицом в Константинополе был проконсул, чиновник более низкого ранга (если префекты — адресаты императорских указов, то проконсул только оглашал постановления императора), что строго соответствовало наличию в городе сената второго ранга. Но и после введения в Константинополе должности городского префекта новое должностное лицо стоит ниже префекта Рима: в нормальной карьере чиновника эта должность вписывается в «провинциальную» систему — обычно префектом Константинополя становятся после наместничества в Антиохии; число указов, обращенных к префекту Константинополя, на первых порах невелико (стр. 274 и сл.). То же самое относится и к конституционному положению константинопольского народа, который не был первоначально «суверенным римским народом», но лишь народом Константина; его привилегии не проистекали непосредственно из римского наследия, но были пожалованы императором.

⁴⁹ Одновременно с книгой Дагрона и независимо от нее появилась монография польского историка М. Саламона. *Rozwój idei Rzymu — Konstantynopola od IV do pierwszej połowy VI wieku*. Katowice. 1975), где также рассматривается развитие представлений о роли Константинополя в IV—VI вв., преимущественно от Константина I до Феодосия I. В отличие от Дагрона Саламон считает, что Константин создал новый город как столицу по типу Рима, не подрывая, однако, первенства старшего города; его сын Констанций II уравнивал значение обеих столиц. Однако после смерти Юлиана (возможно, в связи с мятежом Прокопия, в котором участвовали жители Константинополя), «новый Рим» утратил часть своих привилегий, но уже в конце IV в., особенно при Феодосии I, на Востоке стали решительно подчеркивать мысль о равенстве двух столиц, — мысль, утвердившаяся в V столетии, несмотря на противодействие западных правителей. В книге Саламона отчетливее выявлены социальные и политические силы, борющиеся за и против уравнивания Константинополя с Римом, тогда как Дагрон представляет эволюцию новой столицы скорее как автономное саморазвитие ее институтов.

Дагрон пересматривает и оценку религиозной политики Константина: он отвергает традиционное представление, будто бы Константин создал себе христианскую столицу вместо языческого Рима. Религиозная реформа Константина носила, по Дагрону, иной характер. Во-первых, он восстановил традиционные языческие культы, с которыми пытался покончить Септимий Север в период реконструкции Византия. Во-вторых, к этим архаичным (в своей значительной части фракийским) культурам Константин присоединил почитание его самого, причудливо переплавленное с христианскими верованиями; этот синтез и был предложен городу Константина в качестве официальной религии.

Итак, город, основанный Константином на месте Византия, не был ни вторым Римом, ни христианской столицей. Ему предстояло стать таковым в результате длительного и сложного процесса. Обособление Востока и Запада на рубеже IV и V вв. являлось одной из главнейших политических предпосылок этого процесса, но, видимо, действовали и иные, более глубокие факторы. На протяжении изучаемого столетия Константинополь вырос. К середине V в. население его исчислялось в 200—300 тыс., Константинополь обогнал Рим, и Феодосию II пришлось расширять стены. Этот «демографический взрыв» был вызван не только политикой императоров, раздававших жителям своей резиденции всевозможные привилегии и превращавших ее в главный центр потребления (80 тыс. жителей должны были получать даровые раздачи хлеба, причем это относилось отнюдь не только к беднякам). Дагрон не останавливается на другом немаловажном обстоятельстве: на экономическом росте города, расположенного на важных торговых путях.

Изменялась и социальная структура константинопольского населения. К сожалению, о социальной природе рядовых жителей города Дагрон ничего не сообщает: «народ» выступает в его книге лишь как институционный фактор,— ни рабство, ни вообще классовая организация Константинополя не являются предметом анализа. Какое место принадлежало в городе торгово-ремесленному населению, занимало ли оно, как это одно время думали, особые городские кварталы? Все эти вопросы — за пределами интересов автора. Единственная социальная прослойка, которой Дагрон уделил внимание (и пристальное), — это сенаторы. По его мысли, сенаторское сословие Константинополя имело искусственное происхождение: Константин создал сенат, чтобы через него формировать господствующую верхушку. Хотя отрицать мероприятия Константина и его преемников, сознательно привлекавших в город на Босфоре и римскую знать, и верхушку провинциальных курий, и интеллигенцию, не приходится, надо думать, что спонтанные причины, внутренняя социально-экономическая эволюция хозяйственных и общественных форм и прежде всего кризис античного полиса с присущими ему формами собственности и классового господства должны были оказать серьезное влияние на становление слоя константинопольских сенаторов. Дагрону принадлежит важное наблюдение, позволяющее уточнить выводы М. Арнхейма и лучше соответствующее цифрам последнего: Дагрон показывает, что среди сенаторов Константина и его ближайших преемников было много людей «случайного» происхождения, не принадлежащих к знати,— однако, раз проникнув на высшие общественные ступени, эти люди создавали устойчивые семьи, державшие в своих руках высокие общественные должности. К концу IV в. сенаторы образуют класс крупных земельных собственников, для которых торговая и ростовщическая деятельность не являлась существенной.

Образование нового (для Востока) класса крупных земельных собственников сопровождалось распадом полисных форм городской жизни. Анализ этого распада, или перехода Константинополя от полиса к столице, находится в центре внимания: превращение курии в сенат, приобретение городским префектом функций одного из самых важных чиновников,— это лишь некоторые из существенных черт эволюции Константинополя. Наряду с этим происходит, на одной стороне, политическая консолидация народных масс в форме цирковых партий «голубых» и «зеленых», которые впервые упоминаются около 380 г., а на другой — организация двorca как особого, противостоящего городу института. Эволюционирует и взаимоотношение Константинополя с округой: будучи сперва одним из восточных полисов, он получил привилегию и был исключен из административной системы Фракии, к которой принадлежал ранее; по-

степенно он подчинил себе восточные провинции, сделавшись вторым Римом, столицей Востока. Параллельно превращению из резиденции в столицу идет и эволюция церковной организации Константинополя (стр. 367 и сл.). Сначала город занимал весьма невысокое место в церковной иерархии, монашество развивалось здесь очень медленно. Тенденция историков V в. превратить Константинополь в важный центр богословской борьбы IV столетия оказывается, как выяснил Дагрон, лишь благочестивой легендой. Однако близость константинопольского епископа к императорскому престолу ведет к трансформации старого порядка: епископ столицы вступает в сложную дипломатическую борьбу и одновременно руководит богатым и многообразным институтом: неудача Григория Назианзского на этом посту отчетливо показывает, что одной богословской образованности для константинопольского епископа теперь мало. Его преемники, и особенно Иоанн Златоуст, постепенно начинают вмешиваться в церковные дела за пределами Константинополя, и в 451 г. на Халкидонском соборе официальным образом добиваются признания за собою второго места в иерархии — после епископа Рима.

Следовательно, уникальное положение Константинополя в системе Византийской империи не было неизменным. Оно не было придано ему его основателем, а создано постепенно. Выходя за хронологические рамки, избранные Дагроном, можно сказать, что полицентризм экономики и культуры не был изжит и в VI веке. Победа центростремительных сил становится возможной лишь после отторжения от империи таких соперничавших с Константинополем центров, как Антиохия и Александрия, и после хозяйственного спада, заметного со второй половины VII века. Именно в VIII—XI вв. Константинополь господствует в империи, более того, он как бы воплощает в себе империю. С XII в. эта монополия поставлена под сомнение: прогресс провинциальных городов и усиление провинциальной феодальной знати подрывают константинопольскую «уникальность». Политический крах 1204 г. и выдвижение новых центров знаменуют собой конец его монополии.

А. П. Каждан

Рецензии

«Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert. Ein Handbuch». Herausgegeben von Joachim Herrmann. Dritte, unveränderte Auflage. Berlin. Akademie-Verlag. 1974. 530 S.

«Славяне в Германии. История и культура славянских племен западнее Одера и Нейссе с VI по XII в.».

Коллективный труд историков ГДР о славянских племенах на территории Германии в эпоху средневековья опубликован уже третьим изданием (первое вышло в свет в 1970 г.). Это результат многолетнего кропотливого исследования как частных, так и общих проблем славянской истории, скрупулезного анализа широкого круга источников (археологических, письменных, лингвистических и др.).

В историографии ГДР уже были опыты создания обобщающих работ о полабо-

прибалтийских славянах¹. Над созданием рецензируемой книги работал коллектив ученых под руководством известного специалиста по славянской археологии и истории И. Херрманна. Среди авторов —

¹ J. Brankač. Studien zur Wirtschaft und Sozialstruktur der Westslawen zwischen Elbe-Saale und Oder aus der Zeit vom 9. bis 12. Jahrhundert. Bautzen, 1964; J. Herrmann. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder-Neisse und Elbe. B. 1968

Я. Бранкачк, Х. А. Кнорр, В. Кобленц, Б. Крюгер, Э. Эйхлер и др.

Структура книги представляется удачной. Лишь пятый ее раздел повторяет в отдельных местах те вопросы, которые рассматриваются в предшествующих втором и третьем разделах.

Плодотворным оказался комплексный подход к исследованию вопросов славянской истории. В книге показана взаимосвязь «внутреннего» и «внешнего» факторов в жизни славянского общества, чья история дается на фоне общеевропейского развития. Авторы удачно сочетают изложение конкретных сведений по различным вопросам истории полабо-прибалтийских славян с выделением основных тенденций их общественного развития².

Чрезвычайно важны поставленные в книге вопросы, связанные с этногенезом славянских племен на территории Германии. Изучение его стало возможно лишь на основе анализа археологического материала, интерпретация которого представляет большие трудности. Все же благодаря исследованиям немецких историков-марксистов картина славянского этногенеза в области между Эльбой и Одером стала более определенной³. Своеобразные черты материальной и духовной культуры живших здесь славянских племен объясняются, по мнению историков ГДР, не только их различным происхождением, но и тем, что на протяжении длительного периода они жили относительно замкнутой жизнью. Отчетливее других прослежен авторами процесс этногенеза сербов-лужичан, причем авторы делают аргументированный вывод о различном происхождении племен, говоривших по-сербски и живших между Эльбой и Одером. По-прежнему, однако, почти ничего не известно об этногенезе ободритов и других племен, населявших бассейн Шпрее—Хавела. Работа наводит на более широкие размышления о путях и этапах славянского этногенеза. Возникает вопрос: сколь тес-

ной была этническая общность славянских племен на территории Германии? Быть может, это тоже повлияло на политические судьбы славянства в области между Эльбой и Одером?

Большой раздел посвящен хозяйственной деятельности полабо-прибалтийских славян. Хотя, как подчеркивают авторы, хозяйство славян значительно изменилось с VI по XII в., основой их экономики оставались земледелие и скотоводство. Хозяйственное развитие «выразилось, в частности, в неуклонном расширении пахотных площадей с VI по XII век⁴. Следует, однако, учитывать, что не только в различные периоды, но и на одном этапе у соседних племен имелись существенные различия в уровне экономики. Но, как указывают авторы, все славянские племена перешагнули ту ступень, которая делает возможной ремесленную специализацию. В книге собран исключительно богатый фактический материал о разнообразных сторонах ремесленной деятельности славянского населения. На развитие ремесла и особенно торговли значительное влияние оказывала политическая обстановка; в целом авторы приходят к выводу, что в X в. в славянской области было уже немало торговых центров (стр. 115). Важен тезис книги, согласно которому места расселения славянских племен были не только «промежуточными» (Durchgangsgebiete) областями европейской торговли, как считали многие буржуазные историки, но одновременно и исходной областью этой торговли и ее «полюсом» (стр. 122).

Характеризуя развитие типов поселений у полабо-прибалтийских славян, авторы приходят к выводу, что уровень жилищно-строительства не был в славянской области ниже, чем в других частях Центральной Европы (стр. 147). Интересны данные о строительстве укреплений и замков меж-

² К сожалению, в книге нет даже краткого историографического очерка, хотя в марксистской историографии уже были попытки подобного рода. См.: Н. Bulín. Německý přínos k dejinám polabských stávnů. Vznik a počátky slovanů. 2. Praha. 1958; J. Bранкачк. Op. cit.; W. Antoniewicz. Niektóre zagadnienia historiografii dawnych Słowian. 19 i 20 stulecia. «Światowit». 27, 1966.

³ См. специальный сборник по вопросам этногенеза: «Germanen—Slawen—Deutsche». Forschungen zu ihrer Ethnogenese. В. 1969.

⁴ Между тем в немецкой буржуазной историографии многие десятилетия бытовал тезис, что славяне были в большей степени охотниками и рыболовами, чем земледельцами. Западногерманский историк В. Шлезингер вообще ставит под сомнение способность сербского населения вести упорядоченное земледельческое хозяйство в период до немецкой восточной экспансии. См.: W. Schlesinger. Kirchengeschichte Sachsens im Mittelalter. Bd. I. Köln—Graz. 1962. S. 252; e j u s d. Die Verfassung der Sorben. In: «Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder». Giessen. 1960, S. 75 ff.

ду Эльбой и Одером. Правда, пока раскопана незначительная часть славянских «бургов», но, по мнению авторов, уже можно сказать, что характер «бургов» определялся общественной функцией замка, его местом в политической жизни племени (стр. 150). В книге выделены три группы славянских «бургов»: древнейшие VII—IX вв., предназначенные для защиты населения данного района (так называемые *Volksburgen* или *Fluchtburgen*); замки знати и князей, возникшие в VIII—IX вв.; наконец, укрепленные поселения (*Suburbien*) несельскохозяйственных производителей, складывающиеся в X—XI веках⁵. Последние были непосредственно связаны с раннегородским развитием у полабо-прибалтийских славян, что, в свою очередь, дало исходный толчок для становления феодального города⁶. Как правило, наблюдается континуитет не в смысле расположения городов на месте раннегородских поселений, сколько континуитет центров в целом. Это же было характерно и для областей к западу от Эльбы.

Анализ широкого круга источников позволил историкам ГДР дать периодизацию общественного развития полабо-прибалтийских славян. Выделяются четыре этапа: время консолидации переселившихся племен на основе отношений «военной демократии» (с VI до первой половины IX в.); период упадка родовых объединений и формирования раннеклассовых общественных отношений (с середины IX до начала XI в.); время утверждения раннефеодальных отношений в деревне, возникновения раннегородских поселений и раннефеодальных государств (с начала XI в. до середины XII в.); период формирования развитых феодальных отношений, феодального города и феодальных государств, что протекало уже в теснейшей связи с немецкой восточной экспансией и колонизацией (примерно с 1150 г. до начала XIII в.) (стр. 200). При всей условности такой периодизации, она все же показывает главные тенденции социально-политического развития славян в области между Эльбой и Одером. Правда, трудно согласиться с авторами, когда они отно-

сят формирование раннефеодальных государств у полабо-прибалтийских славян к началу XI века (там же). Во всяком случае, у ободритов складывание государственности раннефеодального типа происходило, как показывают исследования чешских, польских и советских ученых⁷, гораздо раньше (да и в самой книге говорится о том, что ободритские князья уже в IX в. обладали значительной властью) (стр. 206).

Важное место в книге занимает анализ социальной структуры славянского общества. Изучая эволюцию общественного строя сербов и вильцов, авторы выделяют у них для IX—X вв. следующие социальные слои: несвободные, рабы и пленные; крестьяне, вышедшие из родовой организации и еще почти не втянутые в сферу феодальной зависимости; управляющие или старосты деревень и общин, воины и другие служилые люди; осевшая в замках знать, использовавшая труд зависимого населения; высшая племенная знать; ремесленники, слуги и купцы в возникших «субурбиях» (стр. 209). На базе этих социальных слоев осуществлялось становление классовой структуры феодального общества. Правда, авторы делают оговорку: у различных племен социальные процессы развивались неодинаково. Так, у лужицких племен рано сложился слой осевшей в замках знати и сельской «верхушки», мешавших усилению князя, а в этот же период у ободритов утверждается власть племенных вождей, сумевших побороть знать и заложивших начала государственной организации.

Интересен вопрос о характере отношений между славянами и франками в эпоху Карла Великого, по-разному трактовавшийся в исторической литературе. Многие реакционные немецкие историки скептически оценивали деятельность этого императора на востоке, противопоставляя ей «деяния» немецких феодалов X—XII веков. Но есть и другие оценки. Западногерманский историк Т. Майер писал о том, что «Карл Великий первым указал немецкому народу

⁵ Следует, очевидно, сопоставить строительство «бургов» у полабо-прибалтийских славян с развитием укрепленных поселений («городов») у польских племен (см. В. Д. Корольюк. Древнепольское государство. М. 1957, стр. 98—107).

⁶ Для изучения этого вопроса много сделали В. Хензель, П. Гримм и другие ученые-марксисты.

⁷ L. Hrabová. K otázce vzniku a vyvoje státu u polabských slovanů. «Československý časopis historický», 1955, № 4; K. Pieradzka. Zagadnienie grodów i wczesnosredniowiecznej organizacji grodowej u Słowian północno-zachodnich. «Pamiętnik słowiański», 1955, № 4; H. Bulin. Počátky státu obodrického. «Pravnehistorické studie», 4, Praha, 1958; В. Д. Корольюк. Государство ободричей в правление князя Готшалка (1031—1066). «Slavia Occidentalis», t. 22, Poznań, 1962.

дорогу на Восток»⁸. Н. П. Грацианский, давший интересный анализ славяно-франкских отношений, заключил его сомнительным тезисом, что войны Карла Великого на востоке не носили характера агрессии⁹. Правильнее подошли к решению данного вопроса авторы рецензируемой книги. Они отмечают, что войны Карла Великого на востоке, во-первых, были вызваны социально-экономическим развитием франкской империи, где к захвату новых земель стремились не только «верхние», но и «средние» слои общества, а во-вторых, не имели характера некоего «национального» движения.

Сложным является вопрос о предпосылках, причинах и характере немецкой феодальной экспансии в славянские земли. Буржуазные историки, как правило, представляли славяно-немецкие противоречия как «свойство, имманентно присущее немецкой нации, как ее какую-то особую культурную и социально-экономическую миссию на Востоке или ее неотъемлемую черту народа-захватчика»¹⁰. Совершенно иной позиции придерживаются немецкие историки-марксисты. По их мнению, никак нельзя считать агрессивность немецкого раннефеодального государства какой-то особенностью немецкой истории. Авторы сопоставляют экспансию Германии в средние века с захватническими войнами Польско-Литовского государства, Реконкистой в Испании (?) и т. д. Правда, тенденция к экспансии приняла на немецкой почве, как указывается в книге, специфическую форму «натиска на Восток» и имела глубокие последствия для судеб Германии, что объясняется еще и некоторым отставанием уровня общественного развития полабо-прибалтийских славян от населения запад-

ноевропейских областей (стр. 271). Однако данное положение несколько противоречит выводам, имеющимся в других разделах книги.

Одним из тезисов авторов является мысль о том, что политическое развитие в области между Эльбой и Одером было осложнено не только немецкой восточной экспансией, но и формированием достаточно сильных феодальных государств в польских и чешских землях. Складывается впечатление, что, например, политика Болеслава Храброго в отношении соседних славянских племен на западе могла иметь для них такие же роковые последствия, как и политика немецких королей из Саксонской династии. С этим трудно согласиться, поскольку авторами в данном случае недооценивается фактор этнической общности. Ясно и то, что следует детальнее изучить международные отношения в Центральной Европе в период немецкой восточной экспансии.

Новая фаза завоевательной политики немецких феодалов на Востоке в XII в., как отмечают авторы, была вызвана изменением социально-экономической обстановки в самой Германии. Государство опирается там уже и на низший слой феодального класса (министерялы, обедневшие рыцари), и, что было решающим, господствующему классу удается использовать для достижения своих экспансионистских целей самые широкие слои немецкого народа — крестьян, ремесленников, торговцев. Важным моментом в концепции авторов является их стремление подчеркнуть классовый характер политики немецкой феодальной знати в славянских землях. Акцент делается на то, что как немецкие крестьяне-колонисты, так и славянские жители примерно в равной степени подвергались феодальной эксплуатации.

Рецензируемая книга дает широкую картину жизни полабо-прибалтийских славян в средние века. Она богата конкретным фактическим материалом, хорошо иллюстрирована. Хотя некоторые положения авторов нуждаются в уточнении или носят характер научной гипотезы, их труд является нужным и ценным изданием.

В. С. Савчик

⁸ T. Mayer. Das Kaisertum und der Osten im Mittelalter. «Mittelalterliche Studien». Konstanz—Lindau, 1959, S. 361.

⁹ Н. П. Грацианский. Карл Великий и славяне. «Исторический журнал», 1945, № 3.

¹⁰ См. В. Д. Корольюк. «Дранг нах Остен» и историческое развитие народов стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в период феодализма. «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». М. 1967, стр. 4.

G. ANDREOTTI. «Ore 13: il Ministro deve morire». Rizzoli Editore. Milano. 1974. 243 p.

Дж. АНДРЕОТТИ. «13 часов: министр должен умереть».

В конце 40-х годов прошлого столетия Апеннины стали ареной бурных революционных событий. Карликовые государства, австрийские владения, существовавшие в то время на территории Италии, были охвачены буржуазной революцией, которая в отличие от предшествовавших революционных выступлений носила общенациональный характер. Хотя революция 1848—1849 гг. не выполнила своих основных задач (проблема национального объединения и освобождения от иностранного гнета осталась нерешенной), она все же сыграла большую роль в истории Италии, явилась крупным этапом в борьбе за объединение страны, ускорила ее развитие по капиталистическому пути.

Немало специальных исследований и популярных книг посвящено этим событиям. К их числу принадлежит получившая широкую известность в Италии книга Дж. Андреотти — крупного политического деятеля и литератора, одного из ведущих лидеров Христианско-демократической партии.

Центральное место в книге занимает загадочное убийство 15 ноября 1848 г. в Риме министра Пеллегрини Росси на ступенях парламента, куда он направлялся для произнесения речи. Автор подчеркивает, что он ставил перед собой сравнительно скромную задачу — установить фамилию человека, убившего Росси. Для разгадки этого вопроса, оставшегося в течение длительного времени не выясненным, Андреотти использовал итальянскую прессу, а также материалы, хранящиеся в итальянских, ватиканских, французских, австрийских архивах. Малоизвестные или даже совсем ранее неизвестные сведения, найденные автором, позволяющие углубить и расширить наши представления о ряде аспектов развития революционных событий в Италии в 1848—1849 годах.

В первой половине 1848 г. Пий IX, поняв серьезную угрозу, которую ему несет начавшаяся революция, повернул свой политический курс вправо. Но еще до этого он предпринял попытку заручиться поддержкой со стороны европейской реакции, и в том числе французского правительства, для борьбы с нарастающей революцией. Автор приводит прежде неизвестные сведения о

секретных переговорах Пия IX с французским послом, во время которых последний от имени Гизо подтвердил ранее данные Францией гарантии сохранения режима, существующего в Папской области (стр. 14). Изменение политического курса Пия IX, или, по словам автора, «резкий задний ход» (стр. 20), проявилось прежде всего в вопросе о войне с Австрией. Фактически осудив войну за независимость, папа повел дело к разрыву единого фронта итальянских государств против Австрии. Он отозвал с фронта римские войска и добровольцев, уже вступивших в бой с австрийцами. Двусмысленная, реакционная и антинациональная политика Пия IX вызвала в Риме острое недовольство и брожение широких народных масс.

Не имея достаточных военных сил для подавления назревавшего революционного движения, Пий IX прибег к политическому маневрированию. На протяжении нескольких месяцев он трижды менял свое правительство, возлагая на ушедшие в отставку кабинеты ответственность за создавшееся положение. В этих условиях 16 сентября 1848 г. было сформировано правительство кардинала Солья Черони. Хотя в этом кабинете Росси занимал лишь пост министра финансов и внутренних дел, он фактически являлся его главой. Именно он разработал и доложил папе правительственную программу. Ему же было поручено огласить ее в парламенте.

Андреотти во всех подробностях восстанавливает биографию Росси. Получив юридическое образование, он стал заниматься адвокатской практикой в Болонье. Его политические взгляды не отличались устойчивостью. Какое-то время Росси был связан с карбонариями, затем стал сотрудничать с администрацией неаполитанского короля Мюрата. После падения наполеоновской империи Росси в 1815 г. эмигрировал в Швейцарию, где пытался сделать политическую карьеру. Но, потерпев в ней неудачу, он переезжает в 1834 г. в Париж. Став пэром Франции, он в 1845 г. возглавляет специальную миссию в Рим для ведения переговоров об отзывании иезуитов из Франции. Книга помогает рассеять одно заблуждение, порожденное, видимо, отсутствием у

нас соответствующей документации. Дело в том, что Росси был назначен послом Франции при папе не в 1845 г., а лишь в 1846 г., после успешного завершения им вышеупомянутой миссии (стр. 128—129).

Тщетно было бы искать в работе развернутую характеристику политических взглядов Росси. Автор ограничивается лишь упоминанием о том, что деятельность Росси вызвала недовольство как либералов, так и реакционеров-папистов, давая тем самым понять, что нет оснований относить его к числу реакционеров. Подобная интерпретация политических взглядов Росси полностью противоречит фактам. Советские историки убедительно показали консервативный и реакционный характер политических воззрений Росси. Являясь врагом демократии, он принимал меры для ограничения свободы печати, стремился создать сильное правительство для подавления патриотического и демократического движения. Он даже вынашивал планы роспуска парламента, если последний выразит недоверие его правительственной программе¹. Для обоснования вышеупомянутого вывода советские исследователи привлекают именно те факты, которые содержатся в книге Андреотти. Помимо этого, в ней можно найти и другой материал, который убедительно свидетельствует о реакционности взглядов Росси. Андреотти, например, сообщает (стр. 134), что итальянская пресса ставила Росси на один уровень с Гизо и Меттернихом, которых К. Маркс и Ф. Энгельс, как известно, называли (наряду с царем и папой) вождями «старой Европы», объединившейся для «священной травли коммунизма»².

Столь же реакционной и консервативной являлась точка зрения Росси и по внешне-политическим вопросам. Хотя он был сторонником создания Лиги итальянских государств и отмены таможенных барьеров, тем не менее в целом занимал антинациональную, консервативную позицию. Росси решительно отклонил не только предложение флорентийских демократических кругов о создании всеитальянского Учредительного собрания на основе всеобщих выборов, но и предложение Сардинского правительства об образовании военной федерации для ведения войны с Австрией и учреждении итальянского конфедерального кон-

гресса. Само собой разумеется, что взгляды Росси как по внешне-, так и по внутриполитическим вопросам вытекали целиком и полностью из позиций Пия IX.

Андреотти, конечно, понимал, что если факты, приведенные в книге, не будут «сбалансированы», то в своей совокупности они могут оказать негативное воздействие на читателей. Именно поэтому он пытается «обелить» Росси, приписать ему несуществующие позитивные качества. Основным достоинством Росси, по мнению автора, следует считать то, что он являлся «пионером новой концепции европейского человека» (стр. 6). Развивая эту мысль, Андреотти 4 августа 1974 г. в интервью газете «Corriere della Sera» пояснил, что Росси представляет для него интерес как деятель с «европейскими и даже наднациональными взглядами», означающими «преодоление провинциализма Италии герцогств и национального духа». Нетрудно понять, почему антинациональная реакционная концепция Росси так импонирует Андреотти, являющемуся последовательным сторонником европейской интеграции, столь модной в настоящее время на Западе.

Материалы, использованные автором, и в частности донесения полицейских агентов, засланных Росси в политические организации, свидетельствуют о накале осенью 1848 г. обстановки в Риме, об активизации деятельности основных партий и народных низов. Это же подтверждается информацией, которую Росси получил 14 ноября в беседе с кардиналом Ламбрускини. Последний, в частности, предупредил, что «ситуация в Риме является драматичной, никогда ранее не наблюдавшейся». По агентурным сведениям, которыми располагал кардинал, в народе усиленно обсуждался вопрос о «штурме папского дворца» (стр. 74). Покушение на Росси, как правильно отмечает Андреотти, было политической акцией, а не террористическим актом фанатика-одиночки или психически неуравновешенного человека. Автор сообщает, что вопрос об организации покушения обсуждался на совещании, состоявшемся 13 ноября 1848 г. под председательством известного вожака римских низов Чичеруаккьо (А. Брунетти). Участники совещания выделили молодежную группу (6 человек), которая и должна была совершить покушение (стр. 204).

Накануне и в день своей смерти Росси получил ряд агентурных донесений о готовившемся на него покушении. О существо-

¹ «История Италии». Т. 2. М. 1970. стр. 190.
² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 423.

вавшей для него смертельной опасности ему говорили во время аудиенций, сообщали в частных записках. В связи с этим возникает вопрос: почему во время покушения у него не было охраны? Значительная часть буржуазных историков приписывает это благородству и самоотверженности Росси. Однако действительные причины не имеют ничего общего с этими «положительными» качествами Росси. Как пишет Андреотти, Росси, будучи министром внутренних дел, заблаговременно отдал распоряжение об обеспечении его охраны. Однако этот приказ почему-то с запозданием дошел до командования карабинеров, вследствие чего в решающий момент у входа в парламент их не оказалось (стр. 93). Андреотти подводит читателя к выводу, что заговорщики придавали большое политическое значение своему террористическому акту. «Устранение Росси,— считает он,— было одной из целей большого плана, последний этап которого вырисовывался очень радикальным и амбициозным». После убийства Росси «должна была последовать ликвидация светской власти папы» (стр. 192).

При определенном стечении обстоятельств, когда обострение классовых противоречий достигло наивысшей точки, а революционный кризис назрел, террористический акт, сам по себе не решая задач, поставленных революцией, может послужить сигналом к массовому выступлению. Именно такую роль сыграло покушение на Росси. На другой день в Риме развернулись народные демонстрации с участием солдат и офицеров. По словам Андреотти, «восстание охватило весь город» (стр. 195). В последующие недели революционные события в Риме продолжали развиваться по восходящей линии, пока не привели к провозглашению Римской республики, что явилось кульминационным пунктом революции 1848—1849 гг. в Италии.

Оценивая Римскую республику, Андреотти пошел по пути сознательного замалчивания и извращения фактов. Если верить ему, то деятельность республиканского правительства свелась к тому, что Мадзини был предоставлен папский дворец, напечатанные папские декреты были выброшены в общественные уборные, новые власти выпустили огромную сумму денег, не заботясь об их обеспечении золотом, а сообразительные римляне стремились как можно скорее эти деньги сбыть с рук и т. п. Ав-

тор умалчивает о таких крупных социально-экономических мероприятиях, как издание декрета о национализации церковных земель и распределении их между бедняками, о введении прогрессивного налога на промышленников и торговцев, ликвидации церковного суда и учреждении гражданского трибунала, отделении школы от церкви и т. п. Республиканское правительство решило такую труднейшую задачу, как обеспечение населения продовольствием, создало вооруженные силы, которые были в состоянии в течение длительного времени оказывать отпор хорошо вооруженным и численно превосходящим их войскам оккупантов. Обо всем этом Андреотти умалчивает.

Лицо, совершившее покушение на Росси, в течение длительного времени оставалось неизвестным, что объясняется рядом причин. Развернувшиеся в Риме после убийства этого министра события привели к власти как раз те круги, которые организовали террористический акт. Андреотти пишет, что известный карбонарий Дж. Галетти, назначенный министром внутренних дел республиканского правительства, «категорически воспротивился следствию по делу об убийстве Росси» (стр. 194). Расследование началось лишь после падения Римской республики. Велось оно медленно и поверхностно, по-видимому, в связи с враждебностью к Росси ватиканских кругов, помнивших о его роли в удалении иезуитов из Франции. Только в 1854 г. состоялся судебный процесс. Среди 7 человек, упомянутых в приговоре, фигурировал только один член группы, созданной для совершения террористического акта против Росси. Письменное признание другого участника покушения, в котором указывалась фамилия убийцы, почему-то осталось вне поля зрения следственных органов. Что же касается Л. Брунетти, совершившего террористический акт, то его к этому времени уже не было в живых. Вместе со своим отцом и 11-летним братом он был расстрелян в августе 1849 г. австрийскими карателями. Документ, на основании которого с полной достоверностью удалось выяснить личность убийцы Росси, был найден Андреотти при работе в архивах над книгой о Пие IX. Этот документ и навел автора на мысль написать рецензируемую книгу.

В. Алексеев

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Исторически преглед». София. 1976, № 2.

И. Зарчев. 20-летие Апрельского пленума ЦК БКП; Д. Даскалов. Из истории международной деятельности В. Коларова между III и IV конгрессами Коминтерна (1921—1923); С. Панова. Торговые отношения между болгарскими землями и Трансильванией в XVII в.; Р. Тодорова. Договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, заключенные Болгарией в 1947—1948 гг.; В. Николова. К характеристике Народно-либеральной партии (1894—1903); Ел. Бояджиева. Проблемы научной информации в современной исторической науке; Л. Ст. Бумбалов. Неопубликованные письма Георгия Бакалова (1894—1897); Сп. Ив. Хисарлышка. Благоевград и железничанский регистр 1576 г.; М. Матакиева. Болгарская научная литература по истории (первая половина 1975 г.); М. Г. Манолова. Международная конференция по истории права; Кр. Шарова. Симпозиум о Восточном кризисе; А. Райкова. 100-летие Светозара Марковича.

«Acta Historica». Budapest. 1975, № 3—4.

П. Ханак. Предпосылки «пасхальной статьи» Ф. Деака; Б. Шарлош. Развитие права в Венгрии в 1848—1849 гг.; Л. Керекеш. Экономическое и общественное положение Австрии после распада Австро-Венгерской монархии; Д. Косари. Предыстория промышленной революции в Венгрии: гипотезы и реальность; Г. Ещенски. Венгрия во время политического кризиса 1904—1906 гг.; П. Шандор. Результаты земельного урегулирования в Венгрии; Библиография избранных работ по истории, вышедших в Венгрии в 1973 году.

«Acta Universitatis Szegediensis». Acta Historica. T. LI. Szeged. 1975.

И. Стано. Международное положение Венгрии после Мохача.

«Acta Universitatis Szegediensis». Acta Historica. T. LIII. 1975.

А. Хеди. Общественно-политическая борьба в Сегеде во время правления Гёмбэша (1932—1936); Е. Шайты. Борьба сегедских рабочих за повышение заработной платы и против организации «Призвание» (1936—1939).

«Párttörténeti közlemények». Budapest. 1976, № 1.

И. Сенеш. Основные результаты реорганизации партии после февральского засе-

дания Центрального комитета 1957 г.; И. Пинтер. Крайне правая националистическая группа на рубеже 1938—1939 гг.; М. Ференц. Одно десятилетие из истории газеты «Népszava» (1905—1914 гг.); В. Я. Киселев. К истории международной сельскохозяйственной коммуны на Украине; С. И. Мокшин. Актуальные проблемы идеологической борьбы; К. Петрак. Акош Хевеши (1884—1937).

«Das Altertum». Berlin. 1975, № 3.

И. Херрман. Балтийское море и его роль в международных связях раннего средневековья; Т. Малиновски. Из Балтики в Микены и Аквилею; Д. Варнке. Ралсвик — рыночный рынок эпохи раннего средневековья; У. Люфт. Искусство и идеология в скульптурных изображениях фараонов; П. Олива. Крез и Солон; М. Детлефсен. Астрономические часы из Антикитеры; Г. Фрейданк. 21 международная встреча ассирологов.

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». Berlin. 1976, № 3.

О. Рейнгольд. СЕПГ — сознательный и организованный авангард рабочего класса и трудового народа; В. Пафф. Значение единства действий в борьбе за демократию, против монополий; Э. Штраценрейтер. Объединение двух рабочих партий в Венгрии (июнь 1948 г.); П. Остоич. Особенности создания социалистического единства болгарского рабочего класса; Р. Меркель. Разработка основных черт коммунистического общества в процессе борьбы за первую революционную партийную программу; Документы и материалы. Циркулярное письмо СЕПГ к референдуму в Саксонии (Г. Фидлер); «Свободу Эрнсту Тельману!». Документы международного движения пролетарской солидарности (Г. Вейяр); Б. Бёнке. Некоторые факты о роли В. И. Ленина в распространении и пропаганде «Манифеста Коммунистической партии»; Г.-У. Файге. О помощи, оказанной сотрудниками СВАГ германским демократическим силам в области пропаганды (1945—1949 гг.); К.-Г. Шульмайстер. Культурбунд и референдум в Саксонии; Л. Г. Бабиченко. Трудящиеся СССР в борьбе за спасение Эрнста Тельмана в 1933—1937 гг.; Х. Грюмpler. Биографический очерк о Рудольфе Брейтшейде.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1976, № 5.

Г. Фойгт. Историография и «изучение коммунизма» в ФРГ (история СССР в зеркале буржуазной литературы); М. Мен-

гер, Ф. Петрикк, В. Вильгельмус. Северная Европа под властью германского фашизма (1940—1945); Л. Элснер. Эксплуатация иностранной рабочей силы германским империализмом во время первой мировой войны; М. Кааль. Адольф Шмалик и фашистская «великогерманская народная партия»; Д. Ланге. Два меморандума Фрица Тарнова о превращении фашистского Немецкого рабочего фронта в профсоюзы.

«*Kwartalnik historyczny*». Warszawa. 1976, № 2.

Е. Топольски. Проблема революции в новой и новейшей истории (XVII—XX вв.); Х. Шеель. О некоторых особенностях немецкого Просвещения; М. Сенковска-Глюк. Жорж Лефевр — историк Французской революции; И. Петржак-Павловска. Первая промышленная революция и проблемы асинхронизма в общественном развитии; А. Чубиньски. «Революция или реформа» в Центральной Европе в XX веке; Т. Г. Галль. Следует ли рассматривать американскую революцию, как республиканское течение в Британской империи?; М. Войцеховски. США и Центральная Европа в межвоенный период (1918—1939/41); Б. Гжелоньски. Поляки и война США за независимость; В. Дьяков. Варшавская конспиративная организация 1848 г.; В. Собоциньски. К проблеме территориальной администрации Варшавского княжества; А. Гелиаш. Политические аспекты территориального самоуправления второй Речи Посполитой; М. Лечик. Великая Коалиция; Р. Вапиньски. Народная Польша (1944—1950 гг.).

«*Zapiski Historyczne*». Warszawa—Poznań—Toruń. 1976, № 1.

К. Фритце. Об экспорте сельскохозяйственных продуктов из юго-западного района Балтийского моря в XIII—XIV веках; М. Бискуп. К вопросу об исследованиях по истории государства Ордена крестоносцев в Пруссии (XIII—начало XIV в.); Я. Тышевич. «Стагал XX А», лагерь военнопленных в Торуне в 1939—1945 гг.; А. Коля и Г. Вильке. Комплект наконечников для стрел, применявшихся в самострелах из позднесредневекового городища в поселке Слэшевы, уезд Бродница (по раскопкам 1973 г.); Ф. Минцер. К вопросу об исследовании истории Княжеской (Восточной) Пруссии в XVI—XVII веках; В. Щигельский. Город Торунь и Королевская (польская) Пруссия и Барская конфедерация в Великой Польше; Е. Дыгдала. Еще к вопросу о Королевской Пруссии и Барской конфедерации.

«*Revistă de istorie*». București. 1976, № 3.

О. Матикеску. Солидарность международного рабочего движения с революционной борьбой румынского пролетариата (1918—1926); Г. Кирита. Причины и предпосылки низвержения Александру Иоана Кузы; К. Н. Велики. Антиоттоманское восстание болгар (апрель 1876 г.); С. Андреску. Политические волнения в Валахии в начале правления Раду Паисия; П. Никитеlea. Презентизм в современной исторической мысли; Г. И. Ионита. К вопросу о периодизации новой и новейшей истории Румынии.

«*Revistă de istorie*». 1976, № 4.

П. Никитеlea. РКП — руководитель социалистической революции в области идеологии и культуры; Ж. Тудоран. Единство социалистического движения — основа создания РКП; Г. И. Ионита. Формирование широкого социально-политического союза — замечательный опыт тактики РКП; И. Бабици. Солидарность румынского антифашистского движения с борьбой балканских народов против фашизма и войны; И. Мамина. Утверждение социалистической концепции в ходе политической и идеологической конфронтации в начале XX века; К. Олтеану. Меры, принятые румынским командованием для прикрытия Дуная в апреле — августе 1877 г.; Э. Ионита. Вклад женщин в борьбу за независимость Румынского государства; А. Абрудан. Трансильванские румыны в борьбе за независимость Румынии.

«*Revistă de istorie*». 1976, № 5.

С. Колумбеану. О международном положении румынских земель в 1806—1812 гг.; К. Ротман-Булгару. Взаимоотношения Молдавии с Османской империей в начале XVII века; И. Скурту. Создание и деятельность Крестьянской партии (1927—1934); К. Шербан. Раздел Африки европейскими колонизаторами и борьба африканских народов за освобождение (1870—1914); М. Станеску. Борис Стефанов о тактике и стратегии Румынской коммунистической партии; Й. Р. И. Неакшу. К истории румыно-испанских торговых сношений в XIX веке.

«*Československý časopis historický*». Praha. 1976, № 2.

Л. Слезак. КПЧ в борьбе за осуществление первого этапа земельной реформы в чешских землях; Й. Полачек. Внутривнутриполитический кризис в республике Мали летом 1967 г.; Э. Маур. Программа народных движений в Чехии и Моравии в 1525 г.; З. Гледечкова. К вопросу о взаимоотношениях церковной и светской властей в Чехии во второй половине XIV века.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М. 1973. 476 стр. Рец.: Esper T.—«American Hist. Rev.». Washington. 1975, № 5, pp. 1365—1366.

«Антивоенные традиции международного рабочего движения». М. 1972. 556 стр. Рец.: Gerlach D.—«Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther Universität». Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe. Halle. 1975, H. 5, S. 135—138.

«Боевое содружество братских народов и армий». М. 1975. 295 стр. Рец.: Marcinkowski A.—«Wojskowy przegląd historyczny». Warszawa. 1975, № 4, s. 361—376.

«Вопросы истории Сибири». Иркутск. 1971. 172 стр. Рец.: Watrous S.—«American Hist. Rev.». Washington. 1975, № 5, pp. 1366—1367.

«Вопросы истории Сибири досоветского периода». (Бахрушинские чтения. 1969). Новосибирск. 1973. 463 стр. Рец.: Watrous S.—«American Hist. Rev.». Washington. 1975, № 5, pp. 1366—1367.

Вощенко К. П. СССР в борьбе за мир. Междунар. конф. 1944—1974 гг. М. 1975. 255 стр. Рец.: Materski W.—«Sprawy międzynarodowe». Warszawa. 1976, № 2, s. 138—140.

Гамрецкий Ю. М. и ин. Ради України в 1917 р. (липень—грудень 1917 р.). Київ. 1974. 343 стр. Рец.:—«ABSEES». Glasgow. 1976, № 1, pp. 94—95.

«Германская Демократическая Республика». М. 1974. 190 стр. Рец.: Loof R., Troebes O.—«Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther Universität». Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe. Halle. 1975, H. 4, S. 106—108.

Гуревич С. М. К. Маркс и Ф. Энгельс — основоположники теории коммунистической журналистики. М. 1973. 320 стр. Рец.: Иванов М.—«Български журналист». София. 1975, кн. 9, с. 45.

Епишев А. А. Идеологическая борьба по военным вопросам. М. 1974. 120 стр. Рец.: Schultz E.—«Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther Universität».

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в апреле 1976 года.

Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe Halle. 1975, H. 6, S. 127—130.

Ефремов А. Е. Европейская безопасность и кризис НАТО. Банкротство политики «устрашения». М. 1975. 271 стр. Рец.: Kruze A.—«Sprawy międzynarodowe». Warszawa. 1976, № 2, s. 129—131.

Ефремов Г. П. История Коломенского завода. Очерк истории Коломенского тепловозостроительного завода им. В. В. Куйбышева за 110 лет (1863—1973). М. 1973. 351 стр. Рец.: Hunter H.—«American Hist. Rev.». Washington. 1975, № 5, p. 1366.

Массон В. М. Поселение Джейтун. (Проблема становления производящей экономики). Л. 1971. 208 стр. Рец.: Krzak Z.—In: «Światowit. Rocznik Katedry archeologii pradziejowej i wczesnośrednio-wiecznej Uniwersytetu Warszawskiego». T. 34. Warszawa. 1975, s. 329—333.

«Национальные процессы в США». М. 1973. 400 стр. Рец.: Kozakiewicz H.—«Przegląd polonijny». Wrocław e. a. 1976, s. 1, s. 182—184.

Пономарьов О. М. Розвиток капіталістичних відносин у промисловості України XVIII ст. Львів. 1971. 183 стр. Рец.: Rudnytski I. L.—«American Hist. Rev.». Washington. 1975, № 5, pp. 1370—1371.

Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л. 1973. 383 стр. Рец.: McFarlin H. A.—«American Hist. Rev.». Washington. 1975, № 5, p. 1369.

«Тарих Систан» («История Систана»). Пер., введ. и коммент. Л. П. Смирновой. М. 1974. 574 стр. Рец.: Becke J.—«Central Asiatic Journal». Wiesbaden. 1975, № 4, p. 323.

Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М. 1974. 395 стр. Рец.: Pinter W. M.—«Russian Rev.». Stanford. 1975, № 4, pp. 499—500.

Ульяновский Р. А. Социализм и освободившиеся страны. М. 1972. 557 стр. Рец.: Matraszek K.—In: «Przekłady i noty». Z. 2. Warszawa. 1975, s. 50—53.

Юрьева Л. М. Национально-революционная война в Испании и мировая литература. М. 1973. 391 стр. Рец.: Block E.—«Weimarer Beiträge». Berlin. 1976, № 2, S. 186—190.

Хроникальные заметки

♦ Для серии «Оксфордские исторические монографии» профессор колледжа св. Антония (Англия) Пол Корнер написал исследование «Фашизм в Ферраре, 1915—1925 гг.», переработав защищенную им в 1971 г. диссертацию на эту же тему. Автор использованы источники из Цент-

рального государственного архива в Риме, феррарская газетно-журнальная периодика и специальная литература, преимущественно итальянская. Во вводной главе он прослеживает социальные корни итальянского фашизма в период от воссоединения Италии до первой мировой войны (Р. Соггер.

Fascism in Ferrara 1915—1925. London. OUP. 1975. 300 p.).

◆ Энрике Сэмо, заведующий исследовательской кафедрой в мексиканской Национальной экономической школе, рассматривает в своей книге «История капитализма в Мексике» его предысторию в 1521—1763 годах. Основную часть материалов для этой книги автор обработал, когда по линии научного обмена читал лекции в Гумбольдтовском университете (ГДР). Первое издание книги увидело свет в 1973 году. Второе издание Э. Сэмо дополнил данными из новых работ (E. Semo. *Historia del capitalismo in México*. México. «Educaciones Era». 1975. 281 p.).

◆ Историко-статистические данные об Австрии за 1945—1975 гг. содержит подборка, выпущенная Центральной статистической службой этой страны. Она включает в себя сведения о численности населения, его распределении по социальным слоям и производственно-экономическим группам, возрастным, половым и семейным показателям, материалы хозяйственного развития (промышленность, сельское хозяйство, финансы, горное дело, энергетика, строительство, внешняя и внутренняя торговля, транспорт, туризм), сфер социального обеспечения, здравоохранения, просвещения, науки и культуры («Republic of Austria 1945—1975». Wien. ACSO. 1976. 206 p.).

◆ Профессор колледжа при университете Хофстра (США) Роберт Соубел, автор книг «История американской фондовой биржи в 1921—1971 гг.», «Век гигантских корпораций», «Происхождение экономической интервенции», «Паника на Уолл-стрит» и др., написал работу о нью-йоркской фондовой бирже в 1935—1975 годах. Он усматривает три этапа ее истории за это время: борьба за завоевание позиций (1935—1942 гг.), эпоха расцвета (1942—1961 гг.), загнивание и реакция (1961—1975 гг.). Им использованы финансово-экономические публикации, интервью с деятелями бизнеса, периодика и обширная специальная литература (R. Sobel. N.Y.S.E. New York. «Weybright and Talley». 1975. 398 p.).

◆ «Большой бизнес господствует в наши дни» — так начинает свое исследование о крупнейших промышленных и финансовых монополиях профессор Норткуот Паркинсон, преподаватель Гарвардского, Ливерпульского и Малайского университетов. Оно охватывает историографию разнообразных работ о крупном бизнесе, проблемы концентрации производства и образования монополий, методов их действий, их сращения с буржуазным государственным аппаратом, их борьбы и контактов с профсоюзами, соперничества на мировых рынках. В приложениях приведены данные о 6 крупнейших монополиях в Швейцарии, 6—в Нидерландах, 6—в Италии, 10—в Японии, 10—в ФРГ, 10—во Франции, 20—в США, 10—в Англии, а также о ряде международных монополий (C. N. Parkinson. *Big Business*. London. «Weidenfeld and Nicolson». 1974. 263 p.).

◆ «Премьер-министры» — это название двухтомника о британских премьерах от

Р. Уолпоула (1721—1724 гг.) до Э. Хита (1970—1974 гг.). Очерки их деятельности на данном посту написаны 49 преподавателями различных английских высших учебных заведений. Вводная глава, посвященная резиденции премьера, принадлежит Джорджу Уильяму Джонсу (Лондонская экономическая школа). Один из авторов, Герберт ван Таль (англо-американский публицист), является составителем и редактором всего издания («The Prime Ministers». London. «George Allen and Unwin Ltd.». Vol. 1. 1974. 391 p.; vol. 2. 1975. 419 p.).

◆ Английское издательство «Дэвид и Чарлз» публикует серию книг о народах земного шара с общим подзаголовком «Как они живут и трудятся» историко-этнографического содержания. Последний выпуск в серии — «Мексиканцы» — написан Питером Калвертом. Как и иные выпуски, он снабжен рядом иллюстраций, карт и таблиц (P. Calvert. *The Mexicans*. Newton Abbot. «David and Charles». 1975. 168 p.).

◆ Историко-социологический очерк происхождения, эволюции и современного состояния семьи в странах Северной Европы дали норвежские авторы Гарриет Холтер, Хилдур Вэ Хенриксен, Арилд Гьертсен и Халдс Хьорт. Они рассматривают проблему в связи с классовым расслоением и развитием скандинавского общества. Специальный параграф посвящен марксистской концепции истории семьи (H. Holter, H. V. Henriksen, A. Giertsen, H. Hjort. *Familien i classesamfunnet*. Oslo. «Pax forlag». 1975. 293 s.).

◆ «Эмансипация женщин и профсоюзы» — так называется осуществленное Гизелой Лоссефф-Тильманс (Пурский университет в Бохуме, ФРГ) исследование, охватывающее историю вопроса в Германии с 1800 г. по 1949 г. и затем в ФРГ до 1975 года. Помимо общей и специальной литературы, ею использованы материалы заседаний конгрессов профсоюзов начиная с 1872 г., а также бумаги отдельных отраслевых профобъединений. Период до революции 1848 г. представлен бегло, затем до создания Германской империи в 1871 г. — более подробно, а основательное освещение темы произведено за последнее столетие, причем годы гитлеровской диктатуры даны сжато (G. Losseff-Tillmans. *Frauenemanzipation und Gewerkschaften*. Bochum. RU. 1975. 720 S.).

◆ Очерки культуры времен средневековья и Возрождения в виде сборника статей 23 преподавателей университетов США, Англии, Канады и Австралии увидели свет в качестве выпуска 6 издающейся с 1943 г. Северотехасским университетом серии работ по медиевистике. В него вошли исследования преимущественно о средневековых сказаниях, легендах и поэмах в жанре так называемого «высокого фольклора» («Medievalia et humanistica». Cambridge. CUP. 1975. 223 p.).

◆ Элизабет Роусон, преподаватель Кембриджского университета (Англия), на основе наиболее известных трудов западноевропейских античников воссоздает портрет

Цицерона как римского политического деятеля и лишь во вторую очередь — оратора. Изложение строится ею в хронологической последовательности событий его жизни (E. Rawson. Cicero. London. «Allen Lane». 1975. 341 p.).

◆ Дени Палье (Франция) исследует старофранцузские печатные издания 1585—1594 гг. с точки зрения их места в католической, гугенотской и антирелигиозной пропаганде, их источников, технологии печати, путей распространения (D. Pallier. Recherches sur l'imprimerie à Paris pendant la Ligue. Genève. «Droz». 1976. 564 p.).

◆ Фредерик Баумгартнер (Швейцария) в работе «Радикальные реакционеры» освещает деятельность членов католической Лиги XVI в. во Франции. Он считает, что, хотя почти все они были завзятыми реакционерами, позиция некоторых членов Лиги носила революционный характер и подрывала феодальные учреждения и понятия; что выступления лигеров являлись самыми радикальными во Франции в период между Столетней войной и революцией конца XVIII века (F. J. Baumgartner. Radical Reactionaries: the Political Thought of the French Catholic League. Genève. «Droz». 1976. 320 p.).

◆ Увидел свет четвертый выпуск тома 4-го собрания источников по истории герцогства Штирия. В него вошли дополнения за 1260—1276 годы, а также все вспомогательные материалы к т. 4. Первые три выпуска были опубликованы в 1960, 1965 и 1967 годах («Urkundenbuch des Herzogtums Steiermark». Vierter Band. Lief. 4. Unter der Leitung von H. Appelt. Bearb. von G. Pferschy. Wien. «Adolf Holzhausens Nachfolger». 1975. 56, 134 S.).

◆ Вильгельм Шнайдер (Тюбингенский университет, ФРГ) специализируется по библиографии алеманнской истории. Его последняя работа по этой тематике состоит из трех частей: труды по ранней истории районов расселения алеманнов; труды по алеманнской топонимике; труды по алеманнскому обычному праву (W. Schneider. Arbeiten zur alamannischen Frühgeschichte. Hf. 1—3. Tübingen—Stuttgart. 1973—1975. 38, 195 S.).

◆ В борьбе с австралийскими расистами, выступающими за «белую Австралию», и с законом о запрещении цветным въезда на этот континент, в Новом Южном Уэльсе возникла «группа по реформе иммиграции». Под редакцией ее председателя Кеннета Райветта увидел свет сборник материалов по истории этого вопроса с конца XIX в. до начала 1970-х годов («Australia and the Non-White Migrant». Carlton. MUP. 1975. 327 p.).

◆ «Уппсальские исторические исследования», издаваемые университетом в Уппсале (Швеция), пополнились выпуском 73-м: в нем Рольф Торстендал анализирует развитие техники, научно-технической мысли и соответствующих кадров в Швеции 1860—1940 годов. Он ставит такие вопросы, как общий рост промышленности, эволюция теоретических исследований, системы высшего образования, лабораторных работ на государственных и частных предприятиях и в уч-

реждениях, публичная деятельность инженеров и техников, их роль в бизнесе (R. Torstendall. Dispersion of Engineers in a Transitional Society. Swedish Technicians 1860—1940. Uppsala. «Almqvist and Wiksell». 1975. 313 p.).

◆ Археологические раскопки на окраине Бухареста, завершившиеся в 1975 г., позволили обнаружить захоронение эпохи неолита. Умерших клали в основном по линии запад—восток, причем в могиле, относящейся примерно к середине V тыс. до н. э., — строго лицом в сторону восходящего солнца. Вероятно, это свидетельствует о распространении культа солнца, характерного для множества народов в ту эпоху.

◆ При раскопках 1975 г. возле древнеегипетских храмов фараона Ментухотепа и царицы Хатшепсут польские археологи наткнулись на остатки древнеегипетского «салона косметики». Найдены предметы, служившие для изготовления париков, 4 алебастровые вазы с остатками волос и готовый парик, краска для волос, амулеты. Посетителями этого «салона» были высокопоставленные лица древнеегипетского общества.

◆ Остатки военного лагеря викингов обнаружены в 1976 г. аргентинскими археологами в двух местах Парагвая. В горной местности Амамбан исследователями найдена каменная стена с руинами, а поблизости — укрепление с наскальными надписями. Неподдалеку от г. Такуати также выявлены руны и высеченное на камне изображение скандинавского бога Одина. Предполагают, что викинги, достигшие берегов Северной Америки, спустились далее на юг и таким образом достигли южноамериканского побережья.

◆ В различных местах Ирака широким фронтом ведутся археологические раскопки. Группа археологов, открывшая ранее вблизи Тель-Афара остатки трех поселений, продолжает работы на территории древнего Вавилона. Другая группа археологов при раскопках в Хатре (округ Мосул) нашла статуи ее первого повелителя Шанатруа, рельефы, изображающие молодых людей, играющих на флейтах и цимбалах, свыше 2 тыс. золотых пластинок, служивших украшениями, и более поздние статуи античной эпохи. В ходе раскопок, проводившихся третьей группой археологов близ Тель-Баруды и Тель-Омара (округ Багдад), обнаружено большое количество глиняных фигурок людей и зверей, а также формы, в которых они изготовлялись, драгоценные камни, золотые пластинки, керамика, сосуды из стекла с узорами.

◆ В Калибангане (Индия) с 1961 г. ведутся археологические раскопки. Был открыт город с укреплениями III в. до н. э., заложенный по единому плану: вдоль улиц шириной от 1,8 м до 7,2 м располагались кирпичные дома, в большинстве хорошо сохранившиеся, частично двухэтажные. Поддаются изучению лестницы, комнаты, кухни с очагами, дворы с колодцами, канализация, выложенная кирпичом и имевшая выход в уличные сточные канавы. Основным занятием населения являлось земледе-

лие. В горшках обнаружено множество зерен пшеницы и овса. Земледельцы применяли и искусственное орошение. Крепость неподалеку от города имела форму параллелограмма площадью в 120 м на 240 метров. Она окружена валом шириной от 3 до 11 метров. Открыты также кладбище и святилище, а во многих домах — алтари. Среди найденных мелких предметов: бычьих упряжки, статуэтки буйволов из меди, покрытые знаками собственности печати для закупорки сосудов, плашки с мифологическими изображениями.

◆ В начале 1976 г. в Афинах найдена при раскопках под старыми кварталами библиотека IV в. до н. э., состоящая из ряда свитков с текстами. В банях Коринфа, имеющих 2400-летнюю давность, обнаружено мозаичное изображение кентавра классической эпохи, впереди которого шествует леопард.

◆ Ученые из Белградского института археологии открыли близ села Равна (Сербия) остатки древнеримского поселения на месте бывшего Малого Тимака — местного центра по обработке благородных металлов. Найдено большое количество изразцов, покрытых надписями. Хорошо сохранившийся 5-метровый культурный слой содержит разнообразные материалы — бытовые вещи, орудия ремесленного труда, украшения, относящиеся к разным периодам древней истории.

◆ В одной из пещер аргентинских Анд Антофагаста де ла Сьерра, на высоте 3500 м найдена мумия молодого мужчины ростом около 1,8 метра. Черты лица и мышцы тела хорошо различимы, полностью сохранилась челюсть. Умерший помещен в сидячем положении, голова слегка наклонена в сторону. Три одеяния в виде шерстяных пончо позволили установить возраст

мумии — до 1000 лет. Там же обнаружена керамика, близкая по типу к изделиям диэгито-арауканской культуры.

◆ Весной текущего года в Финстервальде (ГДР) найден глазурированный каменный кувшин с 89 серебряными монетами, а также различные монеты нидерландской, венгерской, австрийской и швейцарской чеканки. Самые ранние относятся к 1535 году. Клад был зарыт, судя по датировке монет, во время тридцатилетней войны.

◆ В округе Мюльхаузен (ГДР) полевой экспедицией 1975—1976 гг. открыто захоронение VI в. н. э. Среди находок в могиле, где была погребена знатная женщина, — 2 дискообразные пряжки из позолоченного серебра, украшенные гранатами, и металлические пластинки, отделанные спиралями. В ногах умершей стоял сосуд с тремя носиками и кубок. Анализ находок показал, что речь идет о тюринских изделиях до эпохи Франкского господства, то есть до 531 года.

◆ Южнее Абу-Даби, столицы Объединенных арабских эмиратов, иракские археологи обнаружили захоронения III тыс. до н. э. В могилах лежали золотая пластинка, вставлявшаяся в прическу как украшение, и другие драгоценные предметы, а также глиняные сосуды с геометрическим орнаментом, изготовленные на гончарном круге. Находки относятся ко времени расцвета шумерских городов-государств Ура, Урука и Киша.

◆ Во время раскопок античного города Изин зимой 1976 г. в Южном Ираке археологи Мюнхенского университета нашли остатки храма «Изинской владычицы». Эта культовая территория непрерывно использовалась с XX по VI в. до н. э. Уже открыты 10 помещений разных периодов и 2 двора, вымощенные кирпичом.

СОСТАВ ИНСТИТУТА ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ

Создание института земских начальников было составной частью политики самодержавия в крестьянском вопросе. «Положение о земских участковых начальниках» 12 июля 1889 г. явилось одним из наиболее реакционных мероприятий периода контрреформ, ярко и отчетливо выразившим дворянскую направленность внутренней политики царского правительства, рассчитанной на сохранение в стране феодальных пережитков. Вместе с тем «Положение» знаменовало собой дальнейшее усиление административной власти в деревне.

Закон устанавливал над крестьянским миром власть дворян-помещиков, сосредоточив в их руках административно-судебные функции при фактической бесконтрольности. Земские начальники могли практически отменить любые решения крестьянских сходов, даже если последние касались хозяйственных и чисто бытовых вопросов. По сути дела, это была попытка вернуть помещикам ту власть над крестьянами, которой они лишились после отмены крепостного права. Земские начальники были призваны в первую очередь бороться с крестьянским движением, подавлять любое проявление недовольства.

Согласно ст. 61 «Положения», земский начальник в случае неисполнения его распоряжений или требований мог подвергнуть виновного без всякого формального производства аресту или денежному взысканию. Даже лица сельского и волостного управления могли быть арестованы или оштрафованы¹. При этом постановления земских начальников считались окончательными. Вопрос о том, какие их требования или распоряжения законны, предоставлялось решать им самим.

Вопрос о введении института земских начальников и его деятельности неоднократно освещался в исторической литературе².

Что же касается состава этого института, то он практически не изучался ни в дореволюционной, ни в советской историографии. Пробел может быть восполнен на основании анализа источника, фактически еще не введенного в научный оборот и содержащего данные о 2201 земском начальнике по 40 губерниям³. Обработка его произведена впервые.

Анализ «Списка должностных лиц крестьянских учреждений» позволил установить, что около 40% всех земских начальников вступили в должность со времени введения института в той или иной губернии и продолжали службу вплоть до 1903 года. Этот факт в известной степени дает основание для того, чтобы судить о составе института земских начальников не только за 1903 г., но и за предыдущие годы.

Согласно «Положению», в губернии составлялся список местных потомственных дворян, из которых губернатор совместно с губернским и уездным предводителями дворянства избирал кандидата в земские начальники, которого затем утверждал в должности министр внутренних дел. При этом кандидаты должны были отвечать следующим требованиям: иметь высшее образование или прослужить не менее трех лет в должности мирового посредника, мирового судьи, неперменного члена присутствия по крестьянским делам, земского начальника; владеть определенным количеством земли или недвижимым имуществом⁴.

реакция 80-х — начала 90-х годов). М. 1970; Н. П. Никольская. Закон о земских начальниках. Автореф. канд. дисс. Пенза. 1946.

³ «Список должностных лиц крестьянских учреждений в местностях, в коих введено в действие Положение о земских участковых начальниках 12 июля 1889 г.». СПб. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1903, 863 стр. (далее — «Список должностных лиц крестьянских учреждений»).

⁴ Кандидаты или их жены, или родители должны были владеть в уезде землей не менее половины той, которая определена для непосредственного участия в избрании

¹ ПСЗ. 3-е собрание. Т. IX, № 6196.

² Из работ советских историков см.: П. А. Захаров. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая

При недостатке лиц, отвечающих этим требованиям, кандидатами могли быть местные потомственные дворяне, имевшие среднее образование и состоявшие в военных или гражданских классов чинах. В этом случае размер их земельной собственности или недвижимого имущества должен был в два раза превосходить имущественный ценз вышеуказанной категории дворян. В экстраординарных случаях при отсутствии кандидатов из числа местного дворянства министр внутренних дел по представлению губернаторов мог назначить на должность земского начальника любое лицо с высшим или средним образованием, независимо от его сословного происхождения и земельного ценза (это положение касалось в основном окраинных губерний)⁵.

Все 40 губерний можно разделить на две группы. К первой относятся 29, в основном внутренних, губерний⁶, где земские начальники были преимущественно из местных дворян, имевших значительную земельную собственность. Во вторую входят 11 окраинных губерний (кроме девяти губерний⁷, где земские начальники назначались министром внутренних дел в экстраординарном порядке, сюда включены еще Оренбургская и Уфимская, в которых сословное происхождение земских начальников и их обеспеченность землей наиболее близки к окраинным губерниям).

Относительно сословного состава земских начальников имеются данные о 2185, или

гласных в уездное земское собрание, или другим недвижимым имуществом, оцененным не менее 7,5 тыс. руб. (для непосредственного участия в избрании гласных в уездное земское собрание требовалось владение от 200 до 800 дес. земли) (ПСЗ. 2-е собрание. Т. XXXIX, № 40457).

⁵ ПСЗ. 3-е собрание. Т. IX, № 6196; т. XIV, №№ 10769 и 10786; т. XIX, № 16493; т. XX, № 18854.

⁶ Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Новгородская, Псковская, Санкт-Петербургская, Смоленская, Тверская, Ярославская, Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Казанская, Нижегородская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Полтавская, Харьковская, Черниговская, Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая и Херсонская губернии. В них насчитывалось 1613 земских начальников (73,3%).

⁷ Олонекская, Вологодская (семь уездов), Ставропольская, Астраханская, Вятская, Пермская, Витебская, Минская и Могилевская губернии. В 11 губерниях было 588 земских начальников, или 26,7%.

99,3%⁸; из этого числа потомственных дворян насчитывалось 1995, или 91,3%, а личных дворян и других лиц — 190, или 8,7%⁹. Среди земских начальников 61 человек, или 2,8%, были титулованными.

При сравнении сословного состава земских начальников в губерниях первой и второй групп отметим, что в первой доля потомственных дворян составляет 96,6%, а во второй — 76,8%. При этом дворяне губерний первой группы в своей массе — местные (85,5%)¹⁰. Это объясняется тем, что дворянские общества здесь сложились давно и обеспеченность землей дворян была выше, чем в других губерниях. Кроме того, эти районы всегда являлись бастионами дворянства. В ряде губерний, в основном центрально-нечерноземных и черноземных, институт земских начальников состоял целиком из дворян (Владимирская, Калужская, Псковская, С.-Петербургская, Тверская, Ярославская, Курская, Орловская, Рязанская, Тульская, Полтавская, Симбирская, Херсонская губернии). Но и здесь не уда-

⁸ Сведения о сословной принадлежности 16 земских начальников отсутствуют.

⁹ Личные дворяне составляют в этой группе подавляющее большинство, хотя имеется пять человек из потомственных почетных граждан и лиц других категорий.

¹⁰ В «Списке должностных лиц крестьянских учреждений» нет четкого деления на дворян местных и дворян других губерний, хотя в большинстве случаев указывается принадлежность дворянина к тому или иному дворянскому обществу. В тех случаях, когда подобного указания нет, мы руководствовались наличием земельной собственности у земского начальника или у его родителей в данной губернии. Если же земский начальник-дворянин не имел земельной собственности, то мы относили его к категории дворян других губерний. В подавляющем большинстве случаев это касается губерний второй группы. Среди земских начальников из потомственных дворян местных насчитывалось 1423, или 71,3%, а в общем количестве земских начальников они составляли 65,2%, среди дворян других губерний — 572, или 28,7%. Последние принадлежали к дворянским обществам других губерний и могли быть назначены в земские начальники лишь при отсутствии необходимых кандидатов из числа местного потомственного дворянства, то есть в экстраординарном порядке (ПСЗ. 3-е собрание. Т. IX, № 6196; К. И. Арефа. Положения и правила о земских участковых начальниках, городских судьях и волостном суде. По последним официальным изданиям, с сенатскими и министерскими разъяснениями и с приложением дополнительных указаний и правительственных распоряжений. Изд. 5-е. Ч. 2. СПб. 1903, стр. 9).

лось сформировать их контингент только из местных дворян. В губерниях же второй группы земскими начальниками служили в основном дворяне других губерний (77,9%).

По имущественному положению сведения имеются о 2190 земских начальниках, что составляет 99,5%. Из них 1544, или 70,5%, имели земельную собственность; 75, или 3,4%, — иные виды собственности¹¹, а 571, или 26,1%, ничем не обладали. В губерниях первой группы земельной собственностью владело 85% земских начальников, иными видами собственности — 2,2% и лишь 12,8% не имело таковой. Самый высокий процент земских начальников, имевших земельную собственность, был в центрально-черноземных (90,5%), нечерноземных и левобережных украинских губерниях (88,8%). Губерниями, где процент земских начальников — земельных собственников был особенно высок, являлись Курская (95,9%), Калужская (95,4%), Новгородская (98,2%) и Черниговская (98,5%). В губерниях же второй группы процент лиц, имевших земельную собственность, составлял 30,9%, иные виды собственности — 6,8%, а не обладали собственностью 62,3% земских начальников. В Олонецкой, Вологодской, Ставропольской, Астраханской, Вятской, Пермской губерниях земельная собственность была у 20% земских начальников. Менее всего земельных собственников было среди них в Астраханской (7,1%), Пермской (12,6%) и Вятской (13,1%) губерниях.

При сопоставлении данных о наличии земельной собственности у земских начальников в целом и тех из них, кто был из местных дворян, выясняется, что доля имевших земельную собственность среди последних гораздо выше и составляет 91,1% против 70,5%. По первой группе губерний доля земских начальников, владевших земельной собственностью, составляет 85%, а среди земских начальников из местных дворян — 91,8%. Что касается второй группы губерний, то в них лишь 30,9% земских начальников всех сословий и групп имели землю, а среди местных дворян — 82,8%.

Из земских начальников — местных дворян¹² не имели собственности 101, то

¹¹ В раздел иных видов собственности мы относили в основном дома и редко встречающиеся усадьбы.

¹² Нами учитывалась вся земельная собственность земских начальников независимо от того, в какой губернии она располо-

есть 7,1%, обладали иными видами собственности 25 (1,8%) и земельной собственностью — 1297 (91,1%). Из них имели до 100 дес. 65 (5%); от 101 до 500 дес. — 626 (48,2%); от 501 до 1 тыс. дес. — 325 (25,1%); свыше 1 тыс. дес. — 254 (19,6%); именован (без указания размера) — 27 (2,1%). Местные дворяне, обладавшие свыше 500 дес. земли, составляли 44,7%.

Что касается имущественного положения земских начальников, являвшихся дворянами других губерний, то оно было следующим. Не имели собственности 343, то есть 60%; обладали иными видами собственности 25 (4,4%) и земельной собственностью — 204 (35,6%). Из них владело до 100 дес. 13 (6,4%); от 101 до 500 дес. — 90 (44,1%); от 501 до 1 тыс. дес. — 46 (22,5%); свыше 1 тыс. дес. — 45 (22,1%) и именован (без указания размера) — 10 (4,9%). Обеспеченность землей дворян этой категории гораздо ниже, чем у местных дворян.

Среди земских начальников из личных дворян¹³ не имели собственности 123, то есть 64,7%; обладали иными видами собственности 25 (13,2%) и земельной собственностью — 42 (22,1%). Из них владело до 100 дес. 4, или 9,5%; от 101 до 500 дес. — 18 (42,8%); от 501 до 1 тыс. дес. — 11 (26,2%); свыше 1 тыс. дес. — 7 (16,7%); именован (без указания размера) — 2 (4,8%). Обеспеченность землей личных дворян по первой группе губерний составляла 50,9%, по второй — 10,4%. Земельную собственность свыше 500 дес. имели 42,9% земских начальников из личных дворян. Таким образом, примерно 1/3 состава земских начальников (как потомственных, так и личных дворян) не получала каких-либо побочных доходов. Если сюда прибавить

жена. Если земельная собственность находилась в совладении с родственниками, например, с двумя братьями и двумя сестрами, то учитывается 1/5 всей земли. Если совладельцев оказывалось меньше, то доля соответственно увеличивается. Если наличие земельной собственности указывается у родителей, то учитывается 1/2 всей земли. Если земский начальник и его жена имели земельную собственность, то она суммировалась (как известно, земские начальники назначались и по цензу жены и родителей) (ПСЗ, 3-е собрание. Т. IX, № 6196).

¹³ Подавляющее большинство земских начальников из личных дворян было сконцентрировано во второй группе губерний, причем 83% их находилось в шести губерниях (Олонецкой, Вологодской, Ставропольской, Астраханской, Вятской и Пермской).

группу владельцев имений до 100 дес., то этот процент еще больше возрастет. Данная категория лиц в основном относится к оскудевшему дворянству. Поэтому введение института земских начальников можно расценивать как своеобразную поддержку беднейших слоев дворянства, хотя это и не являлось основной целью законодательства. Анализ сословного состава и имущественного положения земских начальников говорит прежде всего о явном оскудении поместного дворянства.

Согласно «Положению», земскими начальниками могли быть лица, имевшие высшее или среднее образование. Правда, в законе 12 июля 1889 г. и в последующих циркулярах министерства внутренних дел имелись статьи, которые давали право министру утверждать кандидатов, не имевших надлежащего образования, но этот порядок расценивался как временная мера¹⁴.

Мы располагаем данными об образовании 2189 земских начальников, или 99,5%. Среди них имели: высшее образование — 684 (31,3%); незаконченное высшее — 145 (6,6%); среднее¹⁵ — 969 (44,3%); неполное среднее — 82 (3,7%); низшее¹⁶ — 291 (13,3%); домашнее — 18 (0,8%). 1149 земских начальников (52,5%) имели гражданское образование, 984 (45%) окончили военно-учебные заведения, 38 (1,7%) — заведения духовного ведомства. Утверждение в должности земских начальников кандидатов с неполным средним, низшим и домашним образованием (17,8%) свидетельствовало о явном недостатке среди дворян лиц с предусмотренным образовательным цензом.

Относительно вероисповедания мы располагаем данными о 2188 земских начальниках, или 99,4%. Из них подавляющее большинство (2113, или 96,5%) были православными. В ряде губерний, главным образом центральных, такие земские начальники составляли 100%¹⁷. Земских началь-

ников-лютеран было 38, или 1,8%; католиков — 32, или 1,5%. Армяно-грегориан насчитывалось 3 (0,1%), а магометан — 2 (0,1%).

Представляет большой интерес вопрос о предшествующей деятельности земских начальников, поскольку ответ на него дает возможность судить о степени подготовки их к выполнению своих функций¹⁸. Данные о прежней службе земских начальников показывают, что лишь 38,5% из них имели отношение к судебной деятельности или к крестьянским учреждениям¹⁹. Если даже сюда присоединить земских начальников, служивших ранее в земстве или по выборам дворянства, то получим всего 40,4%. Остальные 59,6% земских начальников не обладали каким-либо опытом, необходимым для несения своей службы.

Итак, приведенные данные о земских начальниках свидетельствуют в первую очередь об оскудении и миграции поместного дворянства как результате развития капиталистических отношений. Именно в этом заключалась основная причина того, что царскому правительству не удалось сформировать контингент земских начальников целиком из местных помещиков. Однако в центральных, наиболее «взрывоопасных» губерниях (одновременно являвшихся районами наибольшего распространения поместного землевладения) эта цель в значительной степени была достигнута. Земские начальники обладали громадной, фактически бесконтрольной административно-судебной властью над крестьянством, что и лежало в основе того произвола, которым они прославились. В еще большей степени произвол этих судей-администраторов усугубляло то обстоятельство, что более 2/3 их имели крайне смутное представление о юридических нормах.

А. А. Либерман

¹⁴ ПСЗ. 3-е собрание. Т. IX, № 6482; К. И. Арфа. Указ. соч., стр. 9—14.

¹⁵ К средним учебным заведениям мы относим военные училища, гимназии, пажеский и кадетские корпуса, реальные и коммерческие училища.

¹⁶ К низшим учебным заведениям мы относим в первую очередь юнкерские и уездные училища.

¹⁷ Губернии Владимирская, Костромская, Смоленская, Ярославская, Курская, Орловская, Тамбовская, Тульская, Ставропольская, Казанская.

¹⁸ Анализируются данные о 2023 земских начальниках, или 91,9%. Учет службы ведется в основном по последнему месту, но в зависимости от срока, который должен быть не менее одного года. Однако если предыдущий стаж превышал последующий, то в таком случае принимается во внимание первый. Исключения делались лишь для лиц, служивших по судебному ведомству или в крестьянских учреждениях.

¹⁹ Лишь 29,1% земских начальников служили ранее по судебному ведомству.

БАТАЛЬОН ВЫПОЛНЯЛ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ...

Пролетарская революция в Венгрии (март 1919 г.) была встречена восторженно трудящимися Советской России. В. И. Ленин направил по радио приветствие братьям по классу: «Искренний привет пролетарскому правительству Венгерской Советской республики и особенно т. Бела Куну. Ваше приветствие я передал съезду Российской коммунистической партии большевиков. Огромный энтузиазм. Решения московского конгресса III, Коммунистического Интернационала, как и сообщение о военном положении, мы пошлем вам как только возможно скоро. Безусловно необходимо постоянное радиосообщение между Будапештом и Москвой. С коммунистическим приветом и рукопожатием *Ленин*»¹.

Образование Венгерской Советской республики вызвало ярость внутренней и внешней контрреволюции. Предприняв сначала блокаду Советской Венгрии, империалисты начали затем открытую интервенцию против нее, используя войска Румынии и Чехословакии. РКП(б), народы Советской России, верные интернациональному долгу, оказывали поддержку революционной Венгрии. Одним из проявлений солидарности российского пролетариата с венгерскими трудящимися явилась организация воинских формирований из находившихся на территории Венгрии русских военнопленных, бывших солдат царской армии, для защиты страны от ее врагов. По поручению В. И. Ленина Нарком по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин обратился ко всем русским гражданам, оказавшимся на территории Венгрии, с призывом выступить в ее защиту: «В той отчаянной борьбе, которую рабочим и крестьянам России пришлось вести против бесчисленных врагов, пытавшихся задушить их, на стороне русских трудящихся сражались и многие венгерские пленные... Революционная Советская Венгрия и революционная Советская Россия спаяны вое-

дино общностью борьбы за власть трудящихся и эксплуатируемых масс против наступающего на них мирового капитализма. Удар, нанесенный Советской Венгрии, есть удар, нанесенный Советской России. Наш долг как сынов народа, вышедших из пролетариата и крестьянства, не оставаться безучастными к этой борьбе. Товарищи военнопленные в Венгрии! Рабочие и крестьяне Советского правительства приглашают вас вступить в армию красной революционной Венгрии»².

Обращение нашло живой отклик среди русских военнопленных, многие из которых встали с оружием в руках рядом со своими венгерскими братьями по классу. Этому способствовала, в частности, разъяснительная работа, проводившаяся большевистскими группами среди военнопленных. Вот что писал об этом один из деятелей коммунистического подполья в Венгрии И. З. Станкин: «Февральская революция застала меня в лагере «Шоморья» в Австро-Венгрии. Здесь с 1914 г. находилось свыше 30 тыс. русских военнопленных; среди них много рабочих, в том числе — членов РСДРП. Весной 1915 г. в лагере была создана подпольная большевистская организация, в которую вошли Райтер, Шугаев, Беленький, Скомаровский и др. В октябре 1915 г. в эту организацию вступил и я. В 1916 г. организация установила связь с Заграничным бюро РСДРП(б), которое находилось в Швейцарии... Мы разъясняли грабительский характер происходящей войны, знакомили солдат с лозунгами большевиков о превращении войны империалистической в войну гражданскую... Солдатская масса в лагере не была постоянной. Лагерное начальство все время направляло военнопленных на работы в различные части Австро-Венгрии. Это давало организации возможность расширить свое влияние далеко за пределы лагеря»³. Особенно активно раз-

² «Правда» (Будапешт), 6.IV.1919.

³ «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 106—107.

вернулась большевистская агитация после социалистической революции в России.

Результаты пропаганды постепенно приносили плоды. В ноябре 1918 г., после падения монархии в Австро-Венгрии, русские военнопленные стали обращаться к венгерскому Национальному совету с требованием дать им возможность участвовать в общественном движении в стране. «Братья! Венгры! — писала группа таких лиц. — Разрешите принять участие в вашей национальной освободительной борьбе. К сожалению, нам не пришлось принять участие в этой борьбе у нас на родине в силу положения военнопленных. Но чувства человека и стремление к свободе не позволяют нам отсиживаться в эти торжественные минуты, когда человечество хочет защищать свои права. Много крови пролито нами совместно в этой бессмысленной борьбе, много наших братьев было истреблено. Настало время объединиться в единое целое, чтобы не было больше между нами вражды»⁴.

В декабре 1918 г. в Будапеште возникла группа РКП(б). В нее входили В. Б. Юстус, В. А. Урасов, Р. Д. Меллер и др.⁵ Одновременно был создан Совет русских солдатских депутатов. Группа и Совет распространяли прокламации, революционную литературу, сообщали бывшим пленным о событиях, происходящих на их родине, а после установления в Венгрии Советской власти начали выпускать газету на русском языке, которая называлась «Правда». Как раз в ее первом номере и было напечатано обращение Г. В. Чичерина.

В течение нескольких дней из числа русских военнопленных в апреле 1919 г. был сформирован батальон. Вскоре перед отправкой на фронт под приветственные возгласы жителей Будапешта он прошел по улицам города. В шеренгах подразделения шли москвичи Горохов и Морозов, кишиневец Табачников, одеситы Каминские, нижегородец Акимкин, врузин Зефридзе, тамбовец Конянин, белорус Якубовский, семипалатинец Коблов и другие уроженцы различных мест России. Возглавлял батальон К. В. Каблуков (1891—1923 гг.). В цар-

ской армии он был штабс-капитаном, имел военный опыт. Осознав нужды и чаяния трудового народа, он перешел на его сторону и честно сражался за его интересы. Вот один из приказов Каблукова: «Главнo-командующий после сегодняшнего смотра за хорошую выправку и хорошее прохождение всего полка⁶ от имени всего Советского правительства выразил свою радость и удовольствие. Разделяя это приветствие со всеми командирами, думаю, что истинную похвалу мы заслужим не только тем, что наш полк будет красиво маршировать на площадях и парадах, мы заслужим эту похвалу в борьбе с империализмом; об этом должен помнить и заботиться каждый командир, каждый политический комиссар, каждый красный солдат»⁷. Комиссаром подразделения был Е. С. Вайсброд, профессиональный революционер, не раз подвергавшийся преследованиям со стороны царских властей. В батальоне успешно действовала коммунистическая группа⁸.

Шел 12-й день существования Советской Венгрии, когда против нее была организована вооруженная интервенция. Венгерская Красная Армия еще не располагала достаточными силами. Основную массу войск республики составляли части, сформированные прежним правительством. Революционные формирования, в том числе подразделения интернационалистов, представляли собой немногочисленные вкрапления в основной их контингент. Регулярные части находились под командованием прежних офицеров, которые вели контрреволюционную пропаганду и при первом удобном случае сдавали интервентам позиции без боя. В результате революционные части оказывались в тяжелом положении. Русский батальон в те дни вел тяжелые бои. «Вражеские части атаковали 1-ю и 2-ю роты, — писал один из участников событий. — Враг обладал превосходящими силами: у него было несколько батальонов пехоты, две артиллерийские батареи и много гранатометов. Отражая его атаку, многие из наших бойцов погибли... До заката солнца мы удерживали позиции, но дальше противостоять превосходящим силам не могли. Враг бросился в штыковую, а справа налетела кавалерия. Пришлось отступить.

⁴ «Русские интернационалисты в борьбе за Венгерскую Советскую Республику». Сборник документов. М. 1972, стр. 83—84.

⁵ В. Б. Юстус (1879—1930 гг.) — член ВКП(б) с 1912 г., участник первой русской революции; В. А. Урасов (1890—1969 гг.) — член КПСС с 1906 г.; Р. Д. Меллер (1881—1956 гг.) — член КПСС с 1918 года.

⁶ Речь идет об интернациональном полке, в который входил русский батальон.

⁷ «Правда» (Будапешт), 1.VI.1919.

⁸ М. Ф. Лебов. Венгерская Советская республика 1919 года. М. 1959, стр. 116—117.

Третья рота тоже сражалась героически. Поздно вечером все три роты соединились. Мы оказались в кольце. После ожесточенного боя, длившегося две ночи и день, нам, наконец, удалось вырваться из котла»⁹. Войска Антанты прорвали оборону во многих местах, окружили части венгерской Красной Армии. 23 апреля интервенты захватили Дебрецен, 30 апреля — Солнок. Одновременно на северо-востоке они подошли к Мишкольцу, и 2 мая он пал¹⁰.

Угроза Будапешту и всей Советской республике заставила революционное правительство приступить к формированию новых боевых отрядов. Будапештские фабрики и заводы отправили в Красную Армию половину своих рабочих. 4 мая 1919 г. был опубликован призыв: «Товарищи русские! Мобилизация! Будапешт не сдастся! Все в ряды!»¹¹. Эти слова звучали как набат. Русский батальон, подкрепленный новыми добровольцами, вместе с другими интернациональными подразделениями участвовал в ликвидации опасного положения. Венгерская Красная Армия проявила стойкость и героизм. Враг был остановлен, а затем отброшен от города. В середине мая батальон перебазировался в Цеглед. Оттуда отдельные группы его воинов постоянно «отправлялись в разные места для подавления белогвардейских, контрреволюционных выступлений»¹². Одновременно в подразделении шло обучение воинскому делу тех добровольцев, которые прибывали с заводов и фабрик. Непрерывное пополнение батальона явилось результатом пропагандистской работы большевиков. Со страниц «Правды» не сходило обращение: «Обязанность каждого обученного пролетарского солдата — записываться в Красную Армию. Красная Армия защищает интересы обездоленных пролетариев и крестьян от всякой эксплуатации. Запись производится ежедневно в доме 50 по Дамьянич улице». Русские интернационалисты вступали не только в этот батальон. Их можно было встретить в 19-м и 30-м пехотных полках и других частях¹³.

Когда Вайсброда отозвали в Будапешт для организации политической работы во всех интернациональных подразделениях,

комиссаром батальона стал Р. Д. Меллер. Вместе с ним политическую работу среди бойцов вела присланная из РСФСР член РКП(б) Р. Фрид. Командный состав батальона продолжал уделять большое внимание укреплению боеспособности и воинской дисциплины. В одном из приказов по подразделению говорилось: «Все мы солдаты Красной Армии, собратом которой является русская Красная Армия, где выполнение приказов и приказаний считается священным догмом. Помните, товарищи, что только в армии, где товарищеская дисциплина выше всего, где выполнение приказов — святой долг, можно защищать пролетарскую диктатуру. Нет дисциплины, нет порядка — из армии получается банда, а с бандой, товарищи, нам рабочего дела не спасти... Взгляните на нашу русскую Красную Армию. Лишь только с железной дисциплиной, с осознанием ее важности она могла выгнать из России англичан, французов и американцев, желавших все еще восстановить главенство буржуазии»¹⁴.

Когда батальон в полном составе вновь послал на фронт в район Шалготорьяна, в этом городе глазам бойцов предстала страшная картина расправы интервентов с отрядом разведчиков, попавшим к ним в плен. Интернационалисты дали клятву «стойко сражаться за дело рабочего класса, где бы это ни было»¹⁵. С этого момента батальон постоянно находился в наступательных боях, принимая активное участие во всех операциях, проводившихся 80-й интернациональной бригадой. Оперативный документ из бригады так характеризует обстановку одного из боев, проведенного русским подразделением: «После ожесточенного двенадцатичасового сражения наш батальон с двумя ротами овладел W. H., находящимся у Рарошпуста. Последний резерв, отряд разведчиков, был послан в 3 часа дня в тыл W. H., а затем в 5 часов дня начат общий штурм. Захвачены пленные, 4 стрелковых пулемета, несколько сотен ручных гранат... После атаки две роты, оставив охранение, продолжили продвижение и заняли вершину, находящуюся к северу от Паралагуста»¹⁶.

Дальнейший боевой путь батальона связан с наступлением у Лошонца, причем его действия постоянно получали одобрение командования, особенно в конце мая

⁹ «1919 год в Венгрии». Сборник материалов. М. 1959, стр. 227.

¹⁰ М. Ф. Лебов. Указ. соч., стр. 204.

¹¹ «Правда» (Будапешт), 4.V.1919.

¹² «Правда» (Будапешт), 8.VI.1919.

¹³ «Русские интернационалисты...», стр. 98—99.

¹⁴ «Правда» (Будапешт), 18.V.1919.

¹⁵ «Русские интернационалисты...», стр. 170.

¹⁶ Там же, стр. 132.

при штурме этого города. Командование 80-й бригады сообщало: «1-й будапештский интернациональный полк, состоящий из 2-го, 3-го и 5-го батальонов, опережавших друг друга в атаках на позиции противника, упорно оборонявшего Лошонц, заслуживает полного признания своих боевых качеств. Особого признания заслуживают 2-я рота и русский батальон, смело штурмовавшие мосты под артиллерийским огнем противника во время наступления на Вилке и Паньдариоц»¹⁷. В другом донесении отмечалось, что «интернациональный русский батальон с 29 мая 1919 года в течение непрерывных боев сломил сильное сопротивление противника. В секторе Наградсакал и Альшо Стрегова, несмотря на свои тяжелые потери и на преимущество сил противника, успел продвинуться вперед в намеченном направлении. Начальник батальона тов. Каблуков и Форгац, откомандированный из штаба полка, также политический комиссар Меллер беспрестанно находятся во главе»¹⁸. Погиб в сражениях бывший комиссар батальона Вайсброд. Пали на поле битвы красноармейцы Прокопенко, Вдовин, Рудник. Попали тяжело ранеными в плен и были пристрелены врагом красноармейцы Маслов, Турукин, Мещук, Дзюба, Клавдиус...

В начале июня батальон вел бои в районе Руттке, а позже вместе с другими интернациональными отрядами был направлен под Нитру. Успешные военные операции, проводимые венгерской Красной Армией, вызвали подъем среди рабочих. «Венгерские войска победоносно продвигаются по всему фронту, — сообщали, в частности, газеты Советской Украины. — В Будапеште состоялись грандиозные митинги по этому поводу. Бодрость венгерского пролетариата с каждым днем крепнет. Победы Красной Венгрии — наша общая радость»¹⁹. Дальнейшее продвижение венгерских революционных войск в Восточной Словакии привело к укреплению там демократических сил, и 16 июня 1919 г. из словацкого города Прешова прозвучало обращение нового местного правительства: «Пролетарии всего мира! Победоносная и неудержимо развивающаяся мировая революция одержала новую крупную победу. На словацкой земле, освобожденной от империализма, образовалась сегодня самостоятельная

Словацкая Советская Республика... Вновь созданная Республика считает своими естественными союзниками своих победоносных братьев — Российскую и Венгерскую Советские республики и становится под защиту всего международного пролетариата и его единого солидарного рабочего Интернационала»²⁰.

Империалисты предпринимали все новые попытки свергнуть власть пролетариата в Центральной Европе и одновременно повели переговоры с революционной Венгрией о перемирии, чтобы иметь возможность подготовить свежие контингенты войск и ударить превосходящими силами в неожиданном месте. По этому поводу В. И. Ленин писал Б. Куну: «Вы конечно правы, начиная переговоры с Антантой. Начать и вести их надо, всякую возможность хотя бы для временного перемирия или мира надо обязательно использовать... Но ни на минуту не верьте Антанте, она вас надувает и только выигрывает время, чтобы лучше душить вас и нас»²¹. Согласно предварительному соглашению, достигнутому в ходе переговоров, армии должны были отойти за демаркационную линию, образовав нейтральную полосу. Венгерские революционные части оставили территорию, занятую ими ранее в ходе июньских операций. Интервенты же не выполнили соглашения, остались на прежних позициях, а затем окружили Советскую Венгрию плотным кольцом. Появилось новое направление на фронтах — восточное. Интернациональные части, среди них и русское подразделение, были переброшены на восток. Русский отряд форсировал Тису и участвовал в наступательных операциях на Тисафюред. Кровавополитные бои не прекращались весь июль. В числе других там погибла и Р. Фрид...

Обстановка в Советской Венгрии осложнилась. А в Будапеште контрреволюция готовила предательский удар. Некоторые руководители военного ведомства вели переговоры с австрийским правительством о свержении пролетарской диктатуры в Венгрии, начальник генерального штаба выдавал планы военных действий интервентам²². Измена проявлялась и в большом, и в малом. Вот что рассказал бывший солдат русского батальона: «Мы форсировали

²⁰ «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений». Т. I. М., 1973, стр. 253.

²¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 50, стр. 354.

²² М. Ф. Лебов. Указ. соч., стр. 240.

¹⁷ Там же, стр. 133.

¹⁸ Там же, стр. 137.

¹⁹ «Большевик» (Киев), 15.VI.1919.

Тису. Некоторые подразделения после полудня 26-го числа (июля 1919 г.— *Е. Н.*) продвинулись до Тисафюреда. Боеприпасы кончились. Из Будапешта обещали их прислать. С группой товарищей я пошел на железнодорожную станцию Поросло. Мы ждали поезда до самого вечера. С фронта звонили по телефону почти каждую минуту. У нас не было патронов, снарядов. По телефону настойчиво требовали: «Высылайте боеприпасы!». Наконец, прибыли два вагона боеприпасов. Мы сообщили по телефону на передовую: «Ребята! Вагоны есть! Держитесь! Скоро уже!». Мы быстро нагрузили ящиками повозки, погнали лошадей. Нам удалось проскочить по понтонам на левый берег Тисы. Там пришлось уже ползти, волоча за собой тяжелые ящики и личное оружие. А наши товарищи ползли к нам навстречу. Передав им ящики, мы

повернули назад, за новыми боеприпасами. Когда на передовой линии вскрыли ящики, там оказались холостые патроны»²³.

Когда Красная Венгрия пала и в стране установилась реакция, остатки русского батальона вернулись в Будапешт. Чтобы не сдавать оружия буржуазному правительству, воины подразделения, связавшись с чепельскими рабочими, передали им свое оружие... С тех пор прошло более полувека. Но в памяти братских народов навсегда останутся подвиги русских интернационалистов в Советской Венгрии и подвиги венгерских интернационалистов на фронтах гражданской войны в Советской России.

Е. И. Никифоров

²³ «1919 год в Венгрии...», стр. 228—229

КОМИТЕТ СОДЕЙСТВИЯ НАРОДНОСТЯМ СЕВЕРА

Решающим условием перехода ранее отсталых народов к социализму, минуя капитализм, явилась помощь победившего пролетариата России, который использовал государственную власть и экономический потенциал страны для всестороннего содействия этим народам в строительстве новой жизни. Руководствуясь ленинскими принципами национальной политики, Коммунистическая партия и Советское государство оказали особенно широкую и деятельную поддержку живущим на севере Европейской России, в Сибири и на Дальнем Востоке малым этническим группам. Заметную роль в практическом осуществлении этой помощи сыграл Комитет содействия народностям Севера при Президиуме ВЦИК.

Идея создания такого органа возникла в связи с тем, что народности Севера, находившиеся ко времени победы социалистической революции на стадии патриархально-родовых отношений и имевшие весьма своеобразный жизненный уклад, не могли подняться на новую ступень развития без содействия со стороны трудящихся Центральной России. Советское правительство выделило народности Севера в особую группу и приняло меры по защите их прав и интересов. В марте 1922 г. в состав

Отдела национальных меньшинств Наркомнаца РСФСР был учрежден Подотдел по охране и управлению первобытных племен Севера¹, начавший работу по улучшению их экономического положения и вовлечению в государственную и общественно-политическую жизнь. В Сибири эти мероприятия проводились национальными отделами местных органов власти и представительством Наркомнаца при Сибревкоме, на Дальнем Востоке — Туземным подотделом Отдела управления Дальревкома, возникшего в ноябре 1922 г., сразу же после воссоединения Дальневосточной Республики с РСФСР².

Уже первый опыт работы выявил необходимость более широкого подхода к организации помощи народностям Севера и совершенствованию ее форм. В марте 1923 г. Малая коллегия Наркомнаца постановила создать Комитет содействия и защиты малых народностей Севера и Сибири. Ему поручалось организовать постоянный инсти-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 1001, л. 1.

² ЦГА РСФСР ДВ (Томск), ф. 1771, оп. 1, д. 412, л. 18.

тут разъездных уполномоченных, возбудить ходатайство о государственном продовольственном снабжении этих народностей, выделить занятые ими территории с запрещением вселения в них без разрешения Наркомнаца, наметить меры по восстановлению хозяйства, а также изучать народности Севера³. Это решение не было полностью реализовано в связи с упразднением Наркомнаца. Однако еще в ноябре 1923 г. из Отдела национальных меньшинств Наркомнаца в ЦК РКП(б) поступила докладная записка, в которой обосновывалась необходимость организации Комитета содействия развитию окраин Сибири и населяющих их малых народностей Севера⁴. Предложение встретило поддержку ЦК РКП(б) и Советского правительства. Последовало постановление ЦИК СССР, предлагавшее ВЦИК РСФСР создать такой орган. В нем говорилось: «Учитывая огромное экономическое и политическое значение северных окраин, с одной стороны, и катастрофическое положение племен, их населяющих,— с другой, а также принимая во внимание полную неорганизованность и оторванность туземной массы от советского строительства и необходимость законодательной, административно-правовой и экономической защиты их интересов, образовать Комитет содействия народностям северных окраин»⁵.

Комитет был образован 20 июня 1924 г. при Президиуме ВЦИК⁶. В его состав входили партийные и государственные деятели А. С. Енукидзе, Ф. Я. Кон, П. А. Красиков, А. В. Луначарский, Н. А. Семашко, Е. М. Ярославский, ученые-североведы В. Г. Богораз-Тан, Л. Я. Штернберг, Б. М. Житков и другие. Комитет, возглавленный членом Президиума ВЦИК П. Г. Сидовичем, был призван пробудить малые народности к политической жизни и вовлечь их в строительство социализма. В его обязанности входило принятие мер по хозяйственно-экономическому подъему этих народностей, административно-судебному устройству, организации народного образования и здравоохранения, изучению их ис-

тории и быта⁷. Важнейшая функция Комитета состояла в наблюдении за осуществлением директив партии и правительства, относящихся к Северу, и в содействии их реализации. Комитет имел право входить с предложениями в Президиум ВЦИК, давать директивные указания государственным, хозяйственным и другим организациям, работающим на Севере, требовать от них отчета, участвовать с совещательным голосом при рассмотрении смет на нужды малых народностей во всех инстанциях и пр.⁸.

Большинство членов Комитета работало на общественных началах. Текущая работа осуществлялась Исполнительным бюро и отраслевыми комиссиями: административно-правовой, кооперативно-промышленной, финансово-налоговой, просветительной, оздоровительной, научно-исследовательской, путей сообщения.

Комитет Севера пользовался правом законодательной инициативы, подготавливал проекты законов и постановлений, которые утверждались ВЦИК и Совнаркомом РСФСР и подлежали исполнению органами государственной власти и управления⁹, мог добиваться в необходимых случаях отмены постановлений местных Советов. Свои функции он осуществлял через органы государственной власти РСФСР. В ряде республиканских наркоматов (здравоохранения, просвещения, торговли, земледелия) и центральных кооперативных органах («Центросоюз», «Всекоохотсоюз», «Интегралсоюз») были образованы секции и группы Севера¹⁰. Комитет привлекал к своей работе общественные организации, в том числе кооперацию, Российское общество Красного Креста, а также Академию наук и научные общества, издавал журналы «Северная Азия» (совместно с Обществом изучения Урала, Сибири, Дальнего Востока) и «Советский Север».

Местные комитеты содействия народностям северных окраин, созданные в 1925 г. по постановлению ВЦИК и Совнаркома РСФСР при исполкомах местных Со-

⁷ СУ РСФСР, 1925, № 12, ст. 79.

⁸ См. Л. П. Иванченко. Образование и деятельность Комитета Севера при Президиуме ВЦИК. «Доклады научной конференции» (Юридический факультет Томского университета). Томск. 1972, стр. 26, 27.

⁹ См. А. Круглов. Северное законодательство. «Советский Север», 1931, № 1.

¹⁰ М. А. Сергеев. Комитет содействия народностям северных окраин. «Летопись Севера». Т. III. 1962, стр. 73.

³ А. Скачко. Десять лет работы Комитета Севера. «Советский Север», 1934, № 2, стр. 9.

⁴ В. Н. Увачан. Путь народов Севера к социализму. М. 1971, стр. 11.

⁵ М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.-Л. 1955, стр. 224.

⁶ СУ РСФСР, 1924, № 57, ст. 556.

тов¹¹, обязаны были содействовать устройству этих народностей в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и социально-культурном отношениях, выполнять поручения Комитета Севера при Президиуме ВЦИК и исполкомов местных Советов. «Самое содействие,— писал П. Г. Сидович,— будет продолжаться до той поры, пока каждая из малых народностей не дорастет до самостоятельного бытия в виде самоуправляющейся хозяйственно-политической единицы»¹².

Принципы работы Комитета Севера сложились не сразу. В ходе поиска наиболее действенных форм работы были преодолены взгляды некоторых ученых на народности Севера как на первобытные народности, нуждающиеся лишь в охране, снабжении и управлении со стороны государства; отвергнуты предложения об использовании «американского опыта», означавшие устройство резерваций; разработан принципиально иной, обусловленный национальной политикой Коммунистической партии, подход к делу.

Десятилетняя деятельность Комитета Севера тесно связана с проведением Коммунистической партией и Советским государством крупнейших мероприятий ленинской национальной политики. Нередко были неизвестны места расселения, численность и

образ жизни населения. Сказывались оторванность северных районов от культурно-административных центров и отсутствие национальных кадров. Первоочередная задача заключалась в ликвидации последствий национального угнетения царизмом малых народностей и улучшении их экономического положения. Сразу же после разгрома белогвардейцев и иностранных интервентов, несмотря на голод и хозяйственную разруху в стране, Советское правительство стало направлять в широких масштабах на Печорский, Обский, Енисейский Север, Охотское побережье, Камчатку, Колыму и в другие районы продовольствие, рыболовные снасти, охотничьи припасы. Это приостановило упадок местного промыслового хозяйства и спасло многих обитателей тайги и тундры от угрозы голодной смерти.

Анулирование кабальной задолженности скупщикам пушнины и рыбопромышленникам, установление контроля советских органов за частной торговлей, а затем полное запрещение ее избавили народности Севера от эксплуатации. Советское правительство освободило малые народности от всех государственных и местных налогов и сборов, открыло на Севере хлебозапасные магазины, сужавшие население продовольствием. Запрещение самовольного вселения в районы, занятые народностями Севера, и закрепление в бесплатное трудовое пользование освоенных ими угодий в размерах, обеспечивающих хозяйственное развитие, положили конец вытеснению их с исконных территорий. Интересы малых народностей учитывались при сельскохозяйственном и промышленном освоении Севера. Работавшие там организации были обязаны возмещать им любой материальный ущерб и предоставлять преимущественное право на трудоустройство¹³.

Одна из важных социальных мер состояла в создании на Севере народного здравоохранения. Тяжелейшие условия существования, отсутствие медицинской помощи, антисанитария наряду с эксплуатацией и угнетением обусловили низкую продолжительность жизни, общее неблагополучие здоровья малых народностей. Дореволюционные ученые неоднократно указывали на сокращение численности и возможность полного их исчезновения. Победа социалистической революции избавила народности

¹¹ Постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР 23 февраля 1925 г. предусматривалось создание Архангельского, Коми, Уральского, Тобольского, Сибирского, Томского, Енисейского, Иркутского, Якутского, Камчатского, Дальневосточного комитетов Севера (СУ РСФСР, 1925, № 18, ст. 113). Затем были созданы комитеты Севера при ЦИК Бурят-Монгольской АССР, Киренском (вместо Иркутского) и Мурманском окрисполкомах. В 1930 г. сеть местных комитетов Севера была реорганизована. ВЦИК и Совнарком РСФСР в целях рационализации структуры органов Комитета Севера при Президиуме ВЦИК и усиления связи с малыми народностями упразднили Мурманский, Архангельский, Тобольский, Томский, Красноярский, Киренский, Сибирский и Бурят-Монгольский комитеты Севера. Был усилен аппарат Уральского, Якутского, Дальневосточного комитетов, вновь образованы в связи с разделением Сибирского края комитеты Севера при Западно-сибирском и Восточносибирском крайисполкомах, учреждены должности уполномоченных Комитета Севера при Президиуме ВЦИК при Мурманском облизполкоме, крайисполкоме Северного края, ЦИК Бурят-Монгольской АССР (СУ РСФСР, 1930, № 47, ст. 568).

¹² П. Сидович. Советизация Севера. «Советский Север», 1930, № 1, стр. 14.

¹³ «Северная Азия», 1927, № 3, стр. 78, 79.

Севера от этой зловещей участи. Советское правительство выделило средства, медикаменты, крупные силы медицинских работников для борьбы с эпидемиями и медико-санитарного обследования населения. На Север были посланы подвижные отряды Наркомздрава и Российского общества Красного Креста, открыты стационарные медицинские учреждения, началась систематическая санитарно-профилактическая работа. В 1930 г. лечебная сеть у народностей Севера состояла из многих врачебных, фельдшерских пунктов и больниц¹⁴. Организация медицинской помощи, улучшение условий жизни остановили процесс вымирания малых народностей.

Принципиальное значение для социально-экономического развития народностей Севера имела организация в районах их расселения советской торговли. В 1929 г. в районах Севера работало 900 торговых пунктов, общий завоз товаров достиг 37 млн. рублей. Неэквивалентный обмен был ликвидирован. Повышение цен на пушнину и сырье с одновременным снижением цен на привозные товары увеличили доходность местного хозяйства и покупательную способность народностей Севера, создали почву для устранения нищеты. снабжение Севера приняло регулярный характер. Ежегодно отпускались особые снабженческие кредиты¹⁵. Для восстановления местного хозяйства выделялись кредиты целевого назначения. В 1926—1928 гг. в Сибирском крае они составили 455 тыс. руб., в Дальневосточном крае (1929—1930 гг.) — около 1,3 млн. рублей¹⁶. Выдаваемые на льготных условиях, иногда как беспроцентные ссуды, кредиты предназначались в основном на приобретение промысловых орудий. Впервые в этих районах была организована ветеринарная и зоотехническая помощь. В 1930 г. там действовали 4 ветеринарно-бактериологических пункта, 13 стационарных ветучастков, 27 подвижных ветотрядов, 5 зоотехнических пунктов и опытная оленеводческая станция¹⁷. Особая роль принадлежала кооперации. В ее функции

входил учет нужд комплексного хозяйства, что приносило ощутимую пользу населению, развивая его самостоятельность. В 1930 г. кооперация состояла из 8 окружных и 9 районных союзов, 134 товариществ (кооперативов), 389 лавок и охватывала 35% взрослого населения¹⁸.

Постоянную помощь Советское государство оказывало народностям Севера в ликвидации культурной отсталости. Главные усилия были сосредоточены на организации народного образования, культурно-политическом просвещении населения. Была создана обширная сеть школ (в том числе школ-интернатов), пунктов ликвидации неграмотности, изб-читален, красных чумов, красных уголков, радиоустановок и кинопередвижек. В наиболее отдаленных районах строились культурные базы. На Север посылались учителя, врачи, советские, торговые, кооперативные и другие работники. Одновременно началась подготовка национальных кадров. В учебных заведениях Архангельска, Тобольска, Томска и других городов открылись так называемые северные отделения, в Хабаровске — техникум народов Севера. Институт народов Севера в Ленинграде готовил партийно-советских работников, хозяйственных руководителей, учителей, работников культуры, ученых.

Материальной основой ликвидации отсталости народностей Севера служили ассигнования по государственному бюджету. За 1926—1930 гг. в РСФСР на эти цели было израсходовано свыше 11 млн. руб., из них 2,7 млн. — на развитие хозяйства, 1,8 млн. — на здравоохранение, 5,2 млн. — на народное образование. Сумма ассигнований за это время возросла более чем в 2 раза¹⁹. Крупные средства отпускались и по местному бюджету. Особое внимание уделялось ликвидации политической отсталости малых народностей и реализации их юридического равенства. Уже в первые годы Советской власти были предприняты меры по пресечению ущемления прав и интересов народностей Севера, по вовлечению их в работу сельских Советов. В 1926 г. Советское правительство ввело у народностей Севера временную систему государст-

¹⁴ «Отчет о деятельности Комитета Севера при Президиуме ВЦИК за апрель — октябрь 1926 года». «Северная Азия», 1927, № 1, стр. 119; «Седьмой расширенный пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК». М. 1930, стр. 4.

¹⁵ «Советский Север», 1930, № 2, стр. 23.

¹⁶ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 2413, оп. 7, д. 1330, л. 20.

¹⁷ В. Н. Увачан Переход к социализму малых народов Севера. М. 1958, стр. 62.

¹⁸ А. Скачко. Очередные задачи советской работы среди малых народов Севера. М. 1931, стр. 8; «Местные органы и хозяйственные организации на Крайнем Севере». М. 1934, стр. 151.

¹⁹ А. Скачко. Пять лет работы Комитета Севера. «Советский Север», 1930, № 2, стр. 32.

венного управления. Приспособленная к национально-бытовой специфике, она обеспечила приобщение этих народностей к советскому строю. К концу 1930 г. у народностей Севера функционировало 64 райисполкома и 455 Советов²⁰.

В результате общего подъема народностей Севера сложились условия для административного оформления их этнических территорий. 10 декабря 1930 г. состоялось Постановление Президиума ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера»²¹. Наиболее крупные, компактно расположенные группы народностей составили национальные округа, мелкие — отдельные национальные районы или Советы. Впервые в своей истории малые народности Севера обрели национальную государственность, сыгравшую важную роль в социалистическом переустройстве хозяйства, культуры, общественных отношений. Ускорились подготовка национальных кадров. В 1933 г. в высших и средних специальных учебных заведениях страны обучалось более 1300, а на различных курсах — 1050 представителей народностей Севера²². Постоянно росли ассигнования на развитие экономики и социально-культурные нужды населения. Бюджеты Ненецкого, Ямало-Ненецкого, Ханты-Мансийского и Чукотского национальных округов в 1931—1933 гг. увеличились с 3,5 млн. руб. до 15,1 млн., Эвенкийского национального округа — с 467 тыс. руб. в 1932 г. до 1,2 млн. в 1934 году²³. Доходную часть бюджетов в основном составляли дотации от государства. В районах Севера быстро развивалась рыбная,

лесная, горная, угольная и другие отрасли промышленности. Общая сумма капиталовложений в 1933 г. поднялась там до 247 млн. руб., в том числе 127 млн. руб. в промышленность²⁴.

Комитет Севера при Президиуме ВЦИК возглавлял и координировал всю работу по оказанию помощи малым народностям. Ему принадлежит также заслуга в изучении этих народностей и использовании его результатов в практической работе. По инициативе Комитета Севера и при его содействии в 1926—1927 гг. состоялась похозяйственная перепись на приполярном Севере СССР.

С созданием и укреплением национальной государственности малых народностей функции Комитета Севера были исчерпаны, и в 1935 г. он был упразднен²⁵. Помощь малым народностям продолжалась уже в обычном порядке, без использования специального органа. Общий итог этой помощи состоит в успешном переходе малых народностей к социализму. Под руководством Коммунистической партии и Советского государства они преодолели многовековую отсталость, обрели национальную государственность, приобщились к высшим формам хозяйства и культуры. Ныне эти народности являются органической частью новой исторической общности людей — советского народа.

В. А. Зибарев

²⁴ И. П. К л е щ е н о к. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики среди малых народов Севера (1917—1935). М. 1972, стр. 198.

²⁵ СУ РСФСР, 1936, № 6, ст. 27. В 1935—1937 гг. хозяйственным и культурным обслуживанием малых народностей занималось Главное управление Северного морского пути. В 1962 г. в аппарате Совета Министров РСФСР создана Группа по народам Севера (в 1971 г. преобразована в Отдел).

²⁰ В. А. З и б а р е в. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968, стр. 134.

²¹ СУ РСФСР, 1931, № 8, ст. 98.

²² ЦГАОР СССР, ф. 3977, оп. 1, д. 946, лл. 1, 26—27, 46—48.

²³ «Советский Север», 1934, № 1, стр. 6.

ДЕРБЕНТСКИЙ ПРОХОД

Там, где горы Кавказа вплотную подходят к Каспийскому морю, оставляя лишь узкую прибрежную полосу, в древности пролегал знаменитый Прикаспийский путь — удобная дорога из Юго-Восточной

Европы в Переднюю Азию. Эта дорога на протяжении многих веков связывала области обитания кочевников с районами древнейшего земледелия. Уже с эпохи бронзы устремлялись по ней воинственные

племена степняков к сельскохозяйственным центрам юга, предавая разрушению древнейшие очаги мировой цивилизации. Этим же путем, по мнению многих исследователей, прошли древнеиранские племена из степей Восточной Европы на территорию Иранского нагорья. Письменные источники античного и средневекового периода сообщают о многочисленных нашествиях скифов, сарматов, гуннов, аланов, хазар и других, использовавших во время своих набегов Прикаспийский путь. Опустошающие вторжения кочевников вынуждали правителей Переднего Востока и Закавказья строить на этом пути в ряде мест сторожевые укрепления. Главными воротами Прикаспийского пути являлся Дербентский проход, в самом узком месте которого сасанидские цари построили огромные оборонительные сооружения, поныне вызывающие удивление своей мощью и неприступностью.

Подобно огромной каменной ленте вытянулся этот «город-засов», за 15 веков не утративший своего древнего облика и монументального величия. Дербент вошел в историю как основной опорный и стратегический пункт персов, а позднее арабов на Кавказе в борьбе с объединениями кочевников севера. Он имеет более десятка названий в античных и средневековых источниках.

Дербент — город легендарных стен Александра Македонского и исторических стен Хосрова I Ануширвана, протянувшихся от моря к неприступным вершинам Кавказа более чем на 40 км, город многих ворот и мечетей, среди которых одна — древнейшая на Кавказе. Дербентский проход и город в нем неоднократно упоминаются в греческих, латинских, сирийских, арабских, армянских, грузинских и многих других древних и средневековых источниках. Обилие письменных сообщений о Дербенте и хорошая сохранность стен этого города привлекали к нему пристальное внимание ученых, которые занялись изучением его истории уже с XVIII века. Среди исследователей Дербента можно назвать имена крупнейших историков, востоковедов и лингвистов, таких, как Х. Фрэн, Б. Дорн, В. В. Бартольд, И. Маркварт, И. А. Орбели, Н. Я. Марр, В. Ф. Минорский, Е. А. Пахомов, Г. С. Ниберг, К. В. Тревер, С. Т. Еремян, М. И. Артамонов, Ф. А. Розенберг, В. Б. Хеннинг. Благодаря их трудам, а также работам Р. М. Магомедова, Л. И. Лаврова, С. О. Хан-Магомедова, А. Р.

Шихсаидова и других стали ясны многие вопросы сасанидской и средневековой поры существования города, время сооружения его каменных стен и отдельных построек в нем.

Что касается более ранних периодов истории этой местности, то исследователи могли лишь строить предположения по скудным сообщениям древних авторов, зачастую весьма противоречивым. В литературе остаются почти не освещенными вопросы возведения первых оборонительных сооружений в Дербентском проходе, а также существования здесь досасанидских поселений. История возникновения Дербента чрезвычайно скупо документирована. Эта местность и укрепления знакомы многим народам под различными названиями, отразившими особенности их географического положения и стратегическую значимость: Каспийские ворота, Албанские ворота, Морские ворота, Ворота Чора (Джора), иногда Цур (Сул), Дербент («запор ворот»), «связь ворот»), Баб-ал-абваб («ворота ворот»), Кахалка («ворота»), Темиркапы («железные ворота»). Стойким названием оказалось персидское «Дербент», точнее «Дарбанд», сохранившееся за городом до наших дней. Впервые в письменных источниках город именуется так в «Географии» Анияна Ширакаци¹ не ранее VII в., по мнению И. Маркварта — в VIII веке².

Наиболее древнее известное название этого места — «Каспийские ворота» — впервые упомянуто у Гекатея Милетского (VI—V вв. до н. э.)³, хотя, возможно, он относит это название не к Дербентскому проходу, а к району, расположенному в Северо-Западном Иране. Однако И. Маркварт и разделяющие его мнение Е. А. Пахомов и К. В. Тревер⁴ считали, что уже к I в. н. э. под Каспийскими воротами следует подразумевать Дербентский проход. Первые данные об использовании прохода кочевниками для проникновения из Восточной Европы в Перед-

¹ К. П. Патканов. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. «Журнал министерства народного просвещения», 1883, март, стр. 30.

² J. Marquart. *Eranšahr nach Geographie des Ps. Moses Xorenaci*. В. 1901, S. 101.

³ Hecataeus. *Fragmenta*. Firenze. 1954, fr. 171.

⁴ J. Marquart. *Op. cit.*, S. 99—101, 315; Е. А. Пахомов. Римская надпись I в. н. э. и легион XII фульмината. «Известия» АН АзССР, 1949, № 1, стр. 84; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л. 1959, стр. 122—127, 274.

нию Азию привел в V в. до н. э. Геродот. Он сообщал, что, преследуя разгромленных киммерийцев, скифы вторглись в Мидию «по верхней дороге, имея по правую руку Кавказские горы»⁵, то есть по берегу Каспийского моря через Дербентский проход. Вероятно, уже в середине I тыс. до н. э. греки довольно хорошо были знакомы с Каспийским морем и областями, к нему прилегающими, в том числе с районом Дербентского прохода. Так, Геродот извещает о длине и ширине Каспийского моря («в длину пятьдесят дней плавания на веслах, а в ширину, в наиболее широком месте — восемь дней») и о том, что оно «отдельное, не сливающееся с другим море»⁶. Совпадение данных о ширине моря у Геродота и у Истахри, писавшего, что при благоприятном ветре это море «пересекают по ширине от Тзбаристана до Бал-ал-абваба за неделю», позволило В. В. Бартольду сделать предположение, что еще в дохристианское время, как и в средние века, важнейшие поселения на западном побережье Каспия находились в районе Дербента⁷.

По-видимому, со второй половины I тыс. до н. э. Прикаспийский путь начинает интересовать правителей государств Переднего Востока не только с военной точки зрения (о чем свидетельствуют готовившийся Александром Македонским поход для поиска новых торговых путей, чтобы проникнуть на север Каспия⁸, а также объезд его, осуществленный Патроком в 283—282 гг. до н. э. по приказу Селевка I). К концу I тыс. до н. э. Прикаспийский путь приобретает серьезное торговое значение. По нему «орсы на верблюдах перевозили индийские и вавилонские товары, получая их от армян и мидян»⁹. Не менее интересны сведения Элиана от II—III вв. о том, что в Каспии ловят осетров, сушат их, а «затем навьючивают на верблюдов и везут в Экбатаны» (то есть в Персию)¹⁰. Сопоставление этих данных с тем фактом, что аршакидские драхмы встречаются на территории Кавказской Албании до Дербента и далее в Терской области и Ставропольском крае¹¹,

⁵ Геродот. История. Л. 1972, I, 103—106, стр. 44—45.

⁶ Там же, I, 203, стр. 75—76.

⁷ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. III. М. 1965, стр. 419.

⁸ Flavii Arriani quae exstant omnia. Vol. I. Leipzig. 1907, VII, 16, 1.

⁹ Страбон. География. Л. 1964, XI, 16, 1.

¹⁰ Claudius Aelianus. De vitalibus. Leipzig. 1866, XVII, 32.

¹¹ Е. А. Пахомов. Монетные клады

дает основание утверждать, что Дербентский путь использовался в торговых целях уже на рубеже нашей эры, а это, несомненно, отразилось на судьбе прохода и поселения в нем.

О времени появления здесь первых укреплений в письменных источниках сведений нет, но в местной исторической хронике и народных преданиях сохранились данные о стене, возведенной будто бы Александром Македонским¹². Основателем дербентских стен считают именно его и некоторые средневековые христианские легенды¹³. Местный летописец Мирза Хедир Вазиров приводит другую версию, по которой цитадель города Нарын-кала была построена по приказу персидского царя Лехрасиб-шаха (Лохраспа) из династии Каянидов¹⁴ в 733 г. до н. э., а 270 лет спустя его правнук Бегмен приказал провести от крепости к морскому берегу стену, за которой поселил выходцев из Персии¹⁵. Хотя ни Александр Македонский, ни его диадохы на Кавказе не были¹⁶, сообщения эти интересны тем, что, несмотря на наличие мощных каменных стен, несомненно, затмивших все другие, существовавшие до них постройки, местные предания сохранили память о каких-то досасанидских укреплениях, возведенных, по-видимому, в глубокой древности¹⁷.

Систематические раскопки города, начатые в 1971 г. Дербентской экспедицией Института истории, языка и литературы Даге-

Азербайджана (вып. 1). «Труды» Общества обследования и изучения Азербайджана. Вып. 3. 1926, стр. 18.

¹² «Тарихи Дербенд-наме». Тифлис. 1898, стр. 27.

¹³ Н. Пигулевская. Сирийская легенда об Александре Македонском. «Палестинский сборник». Вып. 3 (66), 1958, стр. 85—93; Е. Э. Бертельс. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.-Л. 1948, стр. 31, 73—74, 80, 88.

¹⁴ Каяниды — легендарная династия (вторая после Пешдаидов) древнеиранских царей (см. Е. Э. Бертельс. Указ. соч., стр. 149).

¹⁵ Е. И. Козубский. История города Дербента. Темир-Хан-Шура. 1906, стр. 5.

¹⁶ См. Страбон. География, XI, V, 5; VII, 4.

¹⁷ Э. А. Грантовский. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М. 1970, стр. 29—42, 369—370; И. М. Дьяков. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа. «Вестник древней истории», 1970, № 4, стр. 62; В. Г. Котович. О местоположении раннесредневековых городов Варацана, Беленджера и Таргу. Древности Дагестана. «Материалы по археологии Дагестана». Т. V, Махачкала. 1974, стр. 230.

станского филиала АН СССР, открыли большое досасанидское поселение, которое было расположено на вершине холма высотой 340 м над уровнем моря. Этот холм, на котором позднее была построена цитадель сасанидского Дербента, занимает выгодное стратегическое положение и полностью контролирует узкий проход, ширина которого не превышает 3,5 км. Природа создала идеальные географические условия для возникновения здесь опорного пункта. С севера и юга поселение было защищено глубокими ущельями с почти отвесными склонами, с востока — крутизной холма, а с запада — скалистыми вершинами Джалганского хребта. Однако непосредственная близость прохода заставила обитателей дербентского холма принять меры по защите восточной, наиболее опасной стороны поселения, обращенной к проходу.

Раскопки дали возможность выявить, кем и когда был основан этот населенный пункт, сколь долго он существовал, какие имел размеры и как был укреплен. Установлено, что данное поселение возникло в VII—VI вв. до н. э. и просуществовало с небольшими перерывами вплоть до установления в районе прохода власти сасанидского Ирана, то есть до середины V в. н. э. Оно занимало площадь около 14—15 га, причем на отдельных этапах существования его размеры колебались то в сторону увеличения, то в сторону уменьшения. Самая обжитая часть населенного пункта находилась в северо-западной части вершины холма, где в раннесредневековое время появилась цитадель, занимавшая более 1/4 площади поселения. Толщина культурного слоя в цитадели достигает 10 метров. На глубине 9—10 м была обнаружена мощная стена из крупного бутового камня, уложенного без раствора. Эта стена прикрывала поселение со стороны прохода. Толщина ее достигает 4,5—5 м, в высоту она сохранилась на 1—1,6 метра.

Данная стена появилась одновременно с поселением, которое возникло не позднее середины I тыс. до н. э. Существование столь мощной фортификации, которую можно было признать здесь древнейшим укреплением, по-видимому, надлежит рассматривать как следствие прорыва скифов в Переднюю Азию через Дербентский проход. Стратиграфические исследования, проведенные в различных частях поселения, дают представление о досасанидском обживании этого района на протяжении трех исторических периодов: скифского (VII—IV вв. до

н. э.), албано-сарматского (IV в. до н. э.—IV в. н. э.), раннесредневекового (IV—V вв. н. э.). В результате раскопок была выявлена сложная картина культурных напластований, отложившихся на протяжении целого тысячелетия. Шесть культурных слоев с многочисленными фрагментами керамических изделий, архитектурными остатками, углем, золой, костями животных свидетельствуют об интенсивном обживании большей части территории поселения.

К наиболее древним культурным напластованиям Дербента относятся слои скифского времени, самый нижний из которых датируется VII—VI вв., а два вышележащих — V—IV вв. до н. э. Подобная датировка как будто полностью соответствует данным Мирзы Хедир Вазирова об основании города царями легендарной персидской династии в 733 г. до н. э. Сопоставляя эти данные с сообщением Геродота о том, что власть Ахеменидов распространялась «до Кавказского хребта (ибо до этого хребта простиралось владычество персов)»¹⁸, казалось бы, уместно предположить правомерность существования здесь иранского укрепления уже при Ахеменидах. Однако археологический материал, полученный из древнейших слоев Дербента, представленный в основном грубыми буроглиняными и красноглиняными сосудами, чернолощеной и серолощеной столовой посудой, керамикой со специфической обмазкой жидкой глиной и поделками из кости, — по формам, приемам орнаментации, составу теста и технологии изготовления находит аналоги в керамических изделиях других древних памятников Дагестана той эпохи. Все это дает основание считать обитателей дербентского холма местным населением, связанным с остальными племенами древнего Дагестана едиными этнокультурными и экономическими традициями. К подобному же выводу приводят анализ конструктивных особенностей и приемов возведения древнейших фортификационных сооружений Дербента, построенных, подобно другим древнедагестанским укреплениям, из бутового камня с максимальным учетом рельефа местности, и исследования архитектурных остатков бытовых строений. Таким образом, раскопки помогли открыть новые страницы древнейшей истории города, отодвинув ее начальные этапы более чем на тысячу лет в глубь веков.

Большую роль дербентские укрепления

¹⁸ Геродот. История, III, 97, стр. 169.

играли в истории Кавказа и в последующие исторические эпохи. Многочисленные архитектурные остатки и мощные прослойки угля и золы, следы неоднократных пожаров, обилие керамики и костного материала в толще культурных напластований Дербента этого периода красноречиво свидетельствуют об активном обживании дербентского холма в албано-сарматскую (античную) эпоху. В то время Дербентский проход и укрепленный пункт в нем приобрели особое стратегическое значение в связи с начавшейся римской и парфянской экспансией на Кавказе, приведшей к многочисленным кровопролитным войнам за обладание этими областями. Возросшая на рубеже н. э. военная и торговая роль Прикаспийского пути стала привлекать внимание к нему античных авторов. Однако у них все-таки нет четких указаний на наличие или отсутствие в проходе в тот период каких-либо укреплений. Тацит во II в. н. э. сообщал о походе, подготавливавшемся Нероном к Каспийским воротам против албанов, для которого император собрал многие легионы из Германии, Британии, Иллирика и других мест¹⁹. О Дербентском проходе упоминают в I в. н. э. Лукан и Валерий Флакк²⁰. Сообщение Тацита дает основание некоторым исследователям считать вероятным наличие в Дербентском проходе в то время каких-то укреплений, против которых и готовил свой поход Нерон²¹. Другие ученые полагают, что он, придавая особое значение проходу, пытался возвести там мощные фортификационные сооружения²². Особого противоречия в обоих этих мнениях нет, так как Нерон мог планировать поход против существовавших здесь укреплений и в то же время попытаться построить там же новые, более мощные оборонительные сооружения.

Дербентский проход в связи с войнами Рима и Парфии на Кавказе приобрел особое значение потому, что обе стороны использовали в своей борьбе наемные отряды кочевников, которые, пройдя через Дербент или Дарьял, внезапно наносили удар в тыл одной из противоборствующих сторон. Так, Иосиф Флавий в I в. н. э. писал, что Тибе-

рий «большими суммами склонял царей иверского и албанского не задумываться воевать с Артаваном. Но те сами не согласились воевать, а направляют на Артавана скифов, дав им проход через свои земли и открыв Каспийские ворота»²³. Подобные примеры использования наемных отрядов кочевников парфянами и римлянами приводят и Тацит и другие античные авторы²⁴. Укрепиться в Дербентском проходе римляне не смогли: ни в одном из дошедших до нас произведений античных авторов нет указаний на возведение здесь римлянами каких-либо фортификационных сооружений. Относительная независимость Кавказской Албании, управлявшейся (в отличие от Армении и Грузии) даже в самое тяжелое для Закавказья время своими царями²⁵, не считавшими нужным являться в Рим, дает основание полагать, что Дербентский проход не попал под непосредственный контроль римлян, а следовательно, и не укреплялся ими.

Раскопки полностью подтверждают подобный вывод. Керамический материал, обнаруженный в слоях Дербента тех лет, представлен местными красноглиняными и сероглиняными изделиями, покрытыми ярко-красным и белым ангобом с лощением, типичным для керамики Дагестана и Азербайджана того времени. Традиционными для местной архитектуры являются и найденные здесь строительные остатки из бутового и обработанного камня, которые по характеру материала и приемам кладки находят себе широкие аналоги в древних памятниках других районов Дагестана. Обитатели дербентского холма понимали опасность, грозившую им со стороны прохода, и для обороны приспособили мощную каменную стену, возведенную еще в скифское время. Подобно жителям многих других районов Дагестана, они максимально использовали рельеф местности, защитив оборонительной стеной наиболее опасную и доступную сторону. Подобный прием защиты своих поселений горцы знали с древнейших времен, исключительно умело используя местные условия. Подавляющее большинство древнейших и средневековых населенных пунктов Дагестана имеет в своей

¹⁹ Тацит. Сочинения. Т. II. Л. 1970, I, 6.

²⁰ Marcus Annaeus Lucanus. Bellum civile. P. 1962. VIII, 222, 291; V. Flaccus Sertinus Balbus. Argonauticon. Leipzig. 1913, V, 120—126.

²¹ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 122—123, 275.

²² Е. А. Пахомов. Римская надпись I в. н. э. и легион XII фульмината, стр. 84.

²³ «История Иудейской войны Иосифа Флавия». М. 1958. Текст, XVIII, 4, 98.

²⁴ Тацит. Сочинения. Т. II, VI, 33; Lucanus. VIII, 215—225; «История Иудейской войны...», VII, 7, 4.

²⁵ Евтропий. Сокращение римской истории... М. 1759, VIII, 3.

основе подобную же фортификацию. Но даже столь удобное географическое положение и мощная фортификация не могли защитить древних обитателей Дербентского прохода от неоднократных набегов воинственных кочевников. Многочисленные следы пожаров и разрушений, зафиксированные при раскопках, говорят о нелегкой судьбе этого опорного пункта. Видимо, именно с военными событиями надо связывать появление в слоях Дербента того периода двух стерильных прослоек, свидетельствующих о запустении. И не случайно в толще культурных напластований в дербентском холме археологи находят то накопчик сарматской стрелы, то обгоревший пол, то рухнувшие своды.

В свете археологических данных становятся более очевидными цель и задача подготавливавшегося Нероном похода к Каспийским воротам. Тацит, сообщая об этом событии, по-видимому, хотел подчеркнуть нахождение в Дербентском проходе извест-

ных ему укреплений, против которых и готовил свой поход император, стремившийся захватить этот важнейший на Кавказе стратегический пункт.

Внушительная толщина культурных напластований и вскрытый здесь богатый керамический материал красноречиво свидетельствуют о том, что Дербент задолго до проникновения сюда сасанидского Ирана был крупным опорным пунктом на Прикаспийском пути. Особенно возросла его роль в раннесредневековый период, когда Дербентский проход стал границей двух миров — огромных государств Переднего Востока, стремившихся надежно укрепить свои северные рубежи, и могущественных объединений кочевников, сформировавшихся на Северном Кавказе в V—VIII веках. На этом-то этапе и были возведены те мощные каменные стены, которые прославились средневековыми писателями как одно из «чудес Востока».

А. А. Кудряцев

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

К а с ь я н е н к о Василий Игнатьевич — доктор исторических наук, профессор, зав. сектором ИМЛ при ЦК КПСС, специалист по экономической истории советского общества и развитого социализма в СССР.

У л ь я н о в Леонтий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КПСС Томского политехнического института имени С. М. Кирова. Специализируется по проблемам истории сельского хозяйства Сибири. Автор книги «В борьбе за освоение целины» и ряда статей, соавтор и член редколлегии т. 5 «Истории Сибири».

Ф е д о р о в - Д а в ы д о в Герман Алексеевич — доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ, специализируется в области истории кочевых народов. Автор ряда работ по данной проблематике.

Т р о ф и м о в Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, специализируется по вопросам колониальной политики империализма.

К у р о п я т н и к Геннадий Петрович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР, автор работ по истории США, международным отношениям и аграрным проблемам, в том числе монографий: «Вторая американская революция», «Захват Гавайских островов Соединенными Штатами Америки», «Фермерское движение в США: от грейнджеров к Народной партии».

Л е й б е р о в Игорь Павлович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории КПСС Высшей профсоюзной школы культуры ВЦСПС в Ленинграде. Лауреат Государственной премии СССР. Специализируется по истории рабочего класса России эпохи империализма. Автор ряда книг и статей по данной проблематике.

Э с к и н Юрий Моисеевич — преподаватель истории в средней школе (г. Москва).

Д ь я к о н о в а Ирина Алексеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Специализируется по экономической истории России периода империализма и истории международных отношений. Автор статей по указанной проблематике.

ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ КУДРЯВЦЕВ

29 апреля 1976 г. скончался один из крупнейших историков Сибири, доктор исторических наук, профессор Иркутского университета, заслуженный деятель науки и техники Бурятской АССР Федор Александрович Кудрявцев.

Ф. А. Кудрявцев родился 5 ноября 1899 г. в селе Олонки, Иркутской губернии. После окончания гимназии он служил в 1919—1920 гг. в Красной Армии, а затем был направлен учиться в Иркутский университет на историческое отделение. После окончания учебы работал учителем средней школы в Бурятии, а с 1931 г. — старшим научным сотрудником и директором областного архива в Иркутске. С 1941 г. и до конца жизни Ф. А. Кудрявцев трудился на историко-филологическом факультете Иркутского университета, сначала доцентом, потом профессором, многие годы заведовал кафедрой истории СССР.

Еще на студенческой скамье Ф. А. Кудрявцев приобщился к исследовательской работе. Его дипломное сочинение «Восстание поляков на Кругобайкальском тракте в 1866 году» в сокращенном переводе на польский язык было опубликовано в органе Польской секции Истпарта при ЦК ВКП(б) «С поля борьбы». Федор Александрович много внимания уделял изучению жизни и деятельности декабристов в Сибири. Первая его работа из этого цикла — о декабристе В. Ф. Раевском — была опубликована в 1925 г., последняя — «Декабристы — сотрудники сибирских газет» — увидела свет незадолго до его кончины. В 1936 г. была издана монография Ф. А. Кудрявцева «Александровский централ» — единственное исследование по истории крупнейшей каторжной тюрьмы. Через три года вышла его книга «Восстание крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века», впервые раскрывающая важные вопросы классовой борьбы в Сибири.

Много лет Ф. А. Кудрявцев занимался изучением истории бурятского народа. В 1940 г. был издан его обобщающий труд «История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х годов XIX в.», позднее он участвовал в создании коллективных работ по истории Бурятии.

В период Великой Отечественной войны ученый-коммунист Ф. А. Кудрявцев написал ряд работ о героических подвигах воинов-сибиряков. В послевоенные годы он создает исследования по истории революционного движения в Восточной Сибири в 1905—1907 годах, по истории города Иркутска. Всего им было опубликовано более 200 книг, брошюр и статей, некоторые из них переведены на японский, монгольский, польский языки.

Ф. А. Кудрявцев являлся одним из организаторов и авторов пятитомной «Истории Сибири», а также главным редактором третьего тома этого фундаментального издания, отмеченного Государственной премией СССР 1973 года. Он участвовал в издании коллективных трудов по истории исторической науки.

Научную деятельность Ф. А. Кудрявцев постоянно сочетал с большой педагогической и общественной работой. В Иркутском университете он читал основные исторические курсы. Он создал целую школу историков Сибири, многие из его учеников стали известными исследователями. На протяжении ряда лет Ф. А. Кудрявцев был председателем Иркутского отделения Общества советско-монгольской дружбы, руководил секциями общества «Знание» и Общества охраны памятников истории и культуры. Научная, педагогическая и общественная деятельность Ф. А. Кудрявцева отмечена орденом Трудового Красного Знамени.

Федор Александрович был человеком высоких душевных качеств, исключительной доброты и благожелательности, оказывал большую помощь научной молодежи. Память о нем как неутомимом ученом, патриоте родного края и своей страны, талантливым педагоге сохранится в сердцах его учеников, коллег и всех его знавших.

СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ УТЧЕНКО

2 мая 1976 г. на 68-м году жизни скончался видный советский историк, доктор исторических наук, профессор Сергей Львович Утченко.

С. Л. Утченко родился 1 декабря 1908 г. в Петербурге. По окончании школы несколько лет работал на заводе, в 1931 г. поступил в Ленинградский университет и в том же году вступил в ряды КПСС. Окончив в 1939 г. аспирантуру Исторического факультета ЛГУ, он до 1941 г. преподавал на том же факультете. С началом Великой Отечественной войны С. Л. Утченко добровольцем пошел в ополчение, а затем был направлен в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, которую окончил в 1942 году. В качестве политработника он участвовал в боевых действиях на 4-м Украинском фронте, имеет правительственные награды. После демобилизации (1946 г.) С. Л. Утченко работал в Москве в системе АН СССР. В 1946—1949 гг. он был ученым секретарем Отделения истории и философии, в 1949—1953 гг. — заместителем директора Института истории АН СССР, с 1950 г. заведовал сектором древней истории Института истории (до 1968 г.) и Института всеобщей истории АН СССР. С 1951 г. С. Л. Утченко был заместителем главного редактора, а с 1966 г. — главным редактором журнала «Вестник древней истории».

В 1939 г. С. Л. Утченко защитил кандидатскую, а в 1948 г. — докторскую диссертации. Сергей Львович был вначале доцентом ЛГУ, а с 1950 г. — профессором МГУ (до 1954 г.). В 1954—1960 гг. он заведовал кафедрой всеобщей истории в Московском историко-архивном институте, а в последние годы был профессором Московского педагогического института имени В. И. Ленина.

Среди многочисленных (более 100) научных работ С. Л. Утченко — монографии «Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики» (М. 1952), «Кризис и падение Римской республики» (М. 1965), «Древний Рим. События, люди, идеи» (М. 1969), «Цицерон и его время» (М. 1972), «Юлий Цезарь» (в печати), главы во «Всемирной истории», статьи (в том числе публиковавшиеся на страницах нашего журнала). Об авторитете С. Л. Утченко как ученого говорят многочисленные переводы его книг и статей на иностранные языки. Он не раз выступал с докладами на международных конгрессах и конференциях историков. С 1957 г. он был членом президиума общества «Эйрене», объединяющего ученых-антиковедов социалистических стран, входил в редакционные коллегии журналов «Эйрене» и «Клио», издающихся в Чехословакии и ГДР.

В трудах С. Л. Утченко нашли марксистское освещение и разработку многие коренные вопросы истории римского рабовладельческого общества. Занимаясь переломной эпохой в истории Древнего Рима — падением республики и становлением империи, — он исследовал ее всесторонне: в классовом, политическом и идеологическом аспектах. С. Л. Утченко вел большую научно-организационную работу. Руководимые им сектор древней истории Института всеобщей истории и журнал «Вестник древней истории» стали важными координационными центрами советского антиковедения. Он был главным редактором II тома «Всемирной истории», членом редколлегий «Исследований по истории античного рабства», «Литературных памятников» и многих коллективных трудов. Много сил С. Л. Утченко уделял популяризации исторических знаний: ему принадлежат книга «Глазами историка» (М. 1966), ряд пособий для учителей средней школы, вводные статьи к изданиям памятников античной литературы и исторических романов, статьи в энциклопедических изданиях, литературно-художественных журналах и т. п.

С. Л. Утченко подготовил и воспитал многих специалистов — кандидатов и докторов наук, работающих в разных городах нашей страны. Он был человеком редкого обаяния, бережно и внимательно относился к людям, пользовался у товарищей по работе высоким авторитетом. Память о нем навсегда сохраняют все, кто его знал, учился у него, работал с ним.

SUMMARIES OF ARTICLES

V. I. KASYANENKO. Some Historiographical Questions of Developed Socialism in the U.S.S.R.

The article is devoted to an analysis of the main trends of research in the new phase of developed socialism in the U.S.S.R. The essence and historical place, the criteria and indications of developed socialist society, the bounds and prospects of its development into the highest phase of communism—these and other questions are elucidated by the author on the basis of historiographical analysis of literature published in the period between the 24th and 25th Congresses of the CPSU. The article traces the predominant trends in the development of historical research and pinpoints the difficulties of studying the present-day experience of communist construction. Much attention is given by the author to the methodology of research into the complex processes of social progress in the conditions of developed socialism, the tasks of raising the quality of scientific investigations, the further deepening of ties between theoretical research and the practical application of scientific achievements.

L. N. ULYANOV. Siberia's Agriculture and Peasantry by the Close of the Great Patriotic War

The article shows the impact of the war on the state of Siberia's agriculture and peasantry, focussing attention on some of the specific conditions attending the development of agricultural production in this region. The author analyzes the data on the manpower resources in the countryside, the material and technical basis of agriculture, illustrates the changes in the level and structure of crop areas, grain harvest yields for 1940 and 1945, the objective and subjective reasons responsible for the decline in the number of socially-owned livestock while maintaining its productivity at a comparatively high level, the changes in the non-distributable funds and in the fixed production assets of collective farms, in the labour remuneration of collective farmers, machine and tractor station personnel and state-farm workers. In spite of the war the Soviet people succeeded in preserving the main productive forces of agriculture, ensuring a steady and adequate supply of food products for the population and of raw materials for industry. Put to a particularly severe test during the Great Patriotic War, the most trying war in human history, the Soviet collective-farm and state-farm system stood that test with credit, graphically demonstrating to the whole world its strength and viability.

G. A. FYODOROV-DAVYDOV. The Nomads' Social System in the Medieval Period

The author makes an attempt to trace the existence of feudal ownership of the land and property differentiation among the nomad peoples in the medieval period, at the same time giving a brief characteristic of the nomads' social system in the Middle Ages.

Y. A. ANINSKY. The Party Reform in Indonesia, 1965-1975

From the very first days of its coming to power in Indonesia, the "new order" regarded the existing bourgeois parties as a hindrance to the establishment of the military rule for a protracted period. Its efforts were directed towards not only reducing the number of existing parties and divorcing from them the trade union, women's, youth and peasant organizations with a view of subsequently merging them into uniform unions, but of placing the country's entire political and social life under the control of the military. The article shows the stage-by-stage process of altering the party system, gives a characteristic of different parties, reveals the antagonism between the army and the parties as the two

forces, the first of which sought to institute an authoritarian form of government and the second worked for the victory of bourgeois parliamentary democracy. Notwithstanding the fact that the authorities managed to attain their goal, the author comes to the conclusion that this did not make for the stability of the political situation inside the country, as is borne out by the developments of recent years.

V. A. TROFIMOV. *Italy's Aggression in Ethiopia and Its Consequences*

The author's attention is centred on disclosing the sum and substance of the policy furthered by Italian fascism in Ethiopia in 1935-1940: its military, economic, social and administrative aspects. The article examines the consequences of the Italo-ethiopian war both for Ethiopia and for Italy by analyzing a wide range of documents, many of which for the first time appear in scientific literature in Russian translation.

G. P. KUROPYATNIK. *The Land Question and the Revolutionary Situation in North America on the Eve of the War of Independence*

Under the conditions obtaining in North America in the mid-18th century, with more than 90 per cent of the population engaged in agriculture, the feudal practices artificially implanted in the system of land tenure by the metropolitan country fettered the development of the plantation and crop farming economy. The situation was further aggravated by the economic depression following the Seven Years' War and the royal proclamation of 1763 forbidding the resettlement of colonists to Western lands. The risings of the 1760's in Pennsylvania, South and North Carolina and New York were directed towards abolishing feudal duties. A tense situation also developed on Western lands, for it was precisely there that the impotence of the colonial authorities relying on the regular army was graphically demonstrated for the first time. The young American bourgeoisie strove to take advantage of the rising popular movement in order to eliminate restrictions hampering the development of trade, industry and handicrafts. The bourgeoisie not only provided the spontaneous movement of the masses with slogans but assumed leadership of their struggle, exercising political and ideological hegemony in the American War of Independence.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 8, 1976

Articles: V. I. Kasyanenko. Some Historiographical Questions of Developed Socialism in the U.S.S.R.; L. N. Ulyanov. Siberia's Agriculture and Peasantry by the Close of the Great Patriotic War; G. A. Fyodorov-Davydov. The Nomads' Social System in the Medieval Period; Y. A. Aninsky. The Party Reform in Indonesia, 1965-1975; V. A. Trofimov. Italy's Aggression in Ethiopia and Its Consequences; G. P. Kuropyatnik. The Land Question and the Revolutionary Situation in North America on the Eve of the War of Independence. Historical Essays: I. P. Leiberov. "The Revolution Courses"; Y. M. Eskin. Dmitry Pozharsky; I. A. Dyakonova. From the History of the Nobel Peace Prizes. Historical Science in the U.S.S.R. and Abroad. Surveys: A. P. Kazhdan. New Research Works Devoted to Constantinople in the Medieval Period. Book Reviews: R. P. Konushaya. Karl Marx and Revolutionary Russia; A. E. Ioffe. The International Contacts of Soviet Science, Technology and Culture, 1917-1932; D. G. Peschany. Soviet-Bulgarian Co-operation in the Sphere of Agriculture (1948-1958); "A History of Sweden"; "The Middle Strata of Urban Society in the Eastern Countries"; G. Andreotti. "13 Hours: The Minister Must Die" (Milan), etc. Scientific Notes. Facts, Events, People. Articles in Soviet and foreign historical publications. New books in the U.S.S.R. and abroad.

Articles: V. I. Kassianenko. Certaines questions de l'historiographie du socialisme développé en U.R.S.S.; L. N. Oulianov. L'agriculture et la paysannerie de Sibérie vers la fin de la Grande Guerre nationale; G. A. Fédorov-Davydov. Du régime social des nomades au moyen âge; Y. A. Aninski. La réforme du parti en Indonésie 1965-1975; V. A. Trofimov. L'agression de l'Italie en Ethiopie et ses conséquences; G. P. Kouropiatnik. La question des terres et la situation révolutionnaire en Amérique du Nord à la veille de la guerre d'indépendance aux Etats-Unis. Aperçus historiques: I. P. Leïbérov. «Les cours de la révolution»; Y. M. Eskine. Dmitri Pojarski; I. A. Diakonova. De l'histoire des Prix Nobel de la paix. Science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. Revues: A. P. Kajdan. Nouveaux ouvrages sur le Constantinople médiéval. Comptes rendus des livres: R. P. Koniuchaïa. K. Marx et la Russie révolutionnaire; A. E. Ioffe. Les relations internationales de la science, de la technique et de la culture soviétiques. 1917-1932; D. G. Pestchany. La coopération entre l'U.R.S.S. et la Bulgarie dans l'agriculture (1948-1958); «L'Histoire de Suède»; «Les couches moyennes de la société urbaine dans les pays d'Orient»; G. Andreotti. «Heure 13: le ministre doit mourir» (Milan) et autres. Notes scientifiques. Faits. Evénements. Hommes. Articles dans les publications historiques soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia» № 8, 1976.

Artículos V. I. Kasianenko. Algunas cuestiones de historiografía del socialismo desarrollado en la URSS; L. N. Uliyanov. Agricultura y campesinado de Siberia al final de la Gran Guerra Patria; G. A. Fedorov-Davidov. Estructura social de los nómadas en la época medieval; Yu. A. Aninskiy. Reforma del sistema de los partidos en Indonesia en los años 1965—1975; V. A. Trofimov. Agresión de Italia en Etiopía y sus consecuencias; G. P. Kuropiatnik. Cuestión agraria y situación revolucionaria en la América del Norte en vísperas de la guerra de Independencia de los EE. UU. Ensayos históricos. I. P. Leiberov. «Cursos de revolución»; Yu. M. Fsquin. Dmitriy Pozharskiy; I. A. Diakonova. De historia de los Premios Nobel de la Paz. La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero. Revistas: A. P. Kazhdan. Nuevos estudios en torno a Konstantinopoli medieval. Reseñas de libros: R. P. Koniushaia. K. Marx y la Rusia revolucionaria; A. E. Joffe. Enlaces internacionales de la ciencia, técnica y cultura soviéticas. 1917—1932; D. G. Peschaniy. Colaboración entre la URSS y Bulgaria en la esfera de la agricultura (1948—1958); «Historia de Suecia»; «Capas medias de la sociedad urbana en los países de Oriente»; Dj. Andreotti. «Trece horas: el ministro debe morir» (Milán) y otras. Notas científicas. Hechos, acontecimientos, personalidades. Artículos en ediciones históricas, soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el extranjero.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Р. Т. АХРАМОВИЧ, В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, И. В. ДУДИНСКИЙ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (и. о. заместителя главного редактора), И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 228-96-21.

Сдано в набор 24/VI 1976 г. Подписано к печати 5/VIII 1976 г. Формат 70×108/16.
 А 00967. Объем 19 60 усл. печ. л. 22,29 учетно-изд. л. Тираж 25 000 экз. Изд. № 2058. Зак. № 2461.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125863, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

Димитровски комунистически младежки съюз. ДКСМ в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК. Т. 3. 1958—1967. 1975. 393 с.

За мир, сигурност и сътрудничество между народите. Материали на Съвещанието за сигурност и сътрудничество в Европа. 30.VII—I.VIII. 1975. София. Наука и изкуство. 1975. 93 с.

На пъти побед. София. София-прес. 1975. 215 с.

УНДЖИЕВ И. и УНДЖИЕВА Ц. Христо Ботев — живот и дело. София. Наука и изкуство. 1975. 822 с.

ЯРЪМОВ П. Кипеж. София. Партиздат 1975. 197 с.

Documentumok Magyarországnak felszabadulásáról 1944—1945. (A documentumokat vál és a magyarázó szövegeket írta Esti Bela). Budapest. Corvina. 1975. 173. old.

HOFMANN T. Néprajz és feudalizmus. Tanulmányok. Budapest. Gondolat. 1975. 394. old.

JUHÁSZ G. Magyarország külpolitikája. 1919/1945. 2-ik, átdoig. kiad. Budapest. Kossuth könyvkiadó. 1975. 434. old.

Kommunista Internacionálé. A Kommunista Internacionálé válogatott documentumai. Vál., szerk. és a ford. ellenőrizte: Csonka Rózsa é. m. Budapest. Kossuth. 1975. 524. old.

Magyar Szocialista Munkáspárt. Kongresszus, 11. Budapest. 1975. A Magyar Szocialista Munkáspárt 11 kongresszusának jegyzőkönyve. 1975. máj. 17—22. Budapest. Kossuth. 1975. 579. old.

Der Sozialdemokrat 1879—1890. Ein Beitr. zur Rolle des Zentralorgans im Kampf der revolutionären Arbeiterbewegung gegen das Sozialistengesetz. Berlin. Dietz. 1975. 292 S.

Deutsche Geschichte in drei Bänden. Hrg. von H.-J. Bartmuss e. a. Wiss. Sekretar des Autorenkollektivs J. Streisand. Berlin. Deutsch. Verl. der Wiss. 1975. Bd. 2. Von 1789 bis 1917. XIX, 898 S.

Geschichte der Freien Deutschen Jugend. Chronik. Red.-Kollegium: K. H. Jahnke (Leiter), W. Arlt, R. Grau u. a. Berlin. Neues Leben. 1976. 366 S.

HALFMANN H. Zeitschriften und Zeitungen des Exills 1933—1945. Bestandsverz. der Deutschen Bücherei. 2., erg. u. erw. Aufl. Leipzig. Bibliogr. Informationsdienst der Deutschen Bücherei. 1975. XVII, 106 s.

OSTERROTH F. und SCHUSTER D. Chronik der deutschen Sozialdemokratie. 2., neu bearb. und erw. Aufl. Bd. I. Bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Berlin, u. a. Dietz Nachf. 1975. 220 S.

POLIAKOV L. und WULF J. Das Dritte Reich und seine Diener. Dokumente. Berlin. Volk und Welt. 1975. 551 S.

SCHRODER W. Partei und Gewerkschaften. Die Gewerkschaftsbewegung in der Konzeption der revolutionären Sozialdemokratie 1868/69 bis 1893. Berlin. Tribüne. 1975. 488 S.

Studien zum Kampf um den sozialen Fortschritt in Indien. Von Annemarie Hafner, Joachim Heidrich, Petra Heidrich, Horst Krüger. Mit einem Vorw. von Joachim Heidrich. Berlin. Deutscher Verl. der Wiss. 1975. 404 S.

ISHDORJ T. and DORJ D. Works by Mongolian Historians (1960—1974). Annot. Bibliogr. (In English and Russian). Comp. by Ts. Ishdorj, D. Dorj. Transl. by Ts. Tsendsuren. Ed. by: Sh. Bira. Ulan-Bator. Acad. of Sciences of the MPR. 1975. 265, 254 p.

BACZKOWSKI K. Zjazd wiedeński 1515. Geneza, przebieg i znaczenie. Warszawa. PWN. 1975. 262 s.

BIENKOWSKA D. Michał Waleczny. Katowice. Śląsk. 1975. 190 s.

DOBRYŃSKI R. Błękitne imperium gen. Franco. Warszawa. KiW. 1975. 270 s.

DOMINICZAK H. Granica polsko-niemiecka 1919-1939. Z dziejów formacji granicznych. Warszawa. Min. obrony nar. 1975. 299 s.

RYSZKA F. U źródeł sukcesu i klęski. Szkice z dziejów hitleryzmu. Wyd. 2, uzupeł., zmien. Warszawa. Czytelnik. 1975. 278 s.

TOMICZKI J. Dzieje II Międzynarodówki 1914—1923. Warszawa. KiW. 1975. 403 s.

Relations between the Autochthonous Population and the Migratory Populations on the Territory of Romania. A Collection of Studies. Ed.: Miron Constantinescu a. o. București. Ed. Acad. RSR. 1975. 323 p.

POULÍK J. Mikulčice. Sidlo a pevnost knížat velkomoravských. Praha. Academia. 1975. 207 s.

RESSEL A. Mé cesty válkou. Praha. Mladá fronta. 1975. 377 s.

Zivotní prostředí a tradice. K vyd. přípr. Václav Frolec a. j. Brno. Blok. 1975. 282 s.

КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ. Житија, слова, поуки. Предг Харалампие Поленаконик. Избор, прев. и комент.: Радмила Угринова — Скаловска. Скопје Макед. книга. 1974. 165 с.

ТОДОРОВСКИ Г. Окупацијата на Западна Македонија. Скопје. Мисла. 1975. 200 с.

Studies of Contemporary Thailand. Robert Ho and E. C. Chapman (Eds.). Canberra Austral. Nat. Univ. 1975. XVIII, 416, p.

НОВЫЕ КНИГИ

SLAPNICKA H. *Oberösterreich — Von der Monarchie zur Republik (1918—1927)*. Linz. 1975. 223 S.

COOGAN T. P. *The Irish. A Personal View*. London. Phaidon. 1975. 232 p.

COWLING M. *The Impact of Hitler. British Politics and British Policy 1933—1940*. London. Cambridge Univ. Press. 1975. XI, 561 p.

EDWARDS R. D. *Daniel O'Connell and his World*. London. Thames and Hudson. 1975. 112 p.

RALD J. and RALD K. *Rural Organization in Bukoba District, Tanzania*. København. Reitzels. 1975. 122 p.

OLMEDA M. *El desarrollo de la sociedad española. I. Los pueblos primitivos y la colonización*. Madrid. Ayuso. 1975. 541 p.

CIL NOVALES A. *Las sociedades patrióticas (1820—1823). Las Libertades de expresión y de reunión en el origen de los partidos políticos. I. 752 p.; 2. 756—1290 p.* Madrid. Tecnos. 1975.

SERENI E. *La questione agraria nella Rinascita nazionale italiana*. Torino. Piccola bibl. Einaudi. 1975. VIII, 450 p.

TARELLO C. *Ricordo d'agricoltura. A cura di Marino Berengo*. Torino. Piccola bibl. Einaudi. 1975. XLVIII, 144 p.

GILL M. *México y la Revolución de Octubre*. México. Ed. de cultura popular. El Libro popular. Bibl. del militante. 1975. 210 p.

Det norske samfunn. Red. av Natalie Rogoff Ramsøy og Mariken Vaa. Bd. I. X, 406, s. Bd. 2. X, 409—845 s. Oslo. Gyldendal. 1975.

FONSECA C. da. *Integração e ruptura operária. Capitalismo-associação-socialismo. 1836—1875*. Lisboa. Estampa. 1975. 245 p.

MAGRO J. *Cartas da prisão. I. Vida prisional*. Lisboa. Avante! 1975. 110 p.

BRAROE N. W. *Indian and White. Self Image and Interaction in a Canadian Plains Community*. Stanford (Cal.). Stanford Univ. Press. 1975. X, 205 p.

CURTIN Ph. D. *Economic Change in Precolonial Africa. Supplementary Evidence*. Madison (Wis.).—London. The Univ. of Wisconsin Press. 1975. XI, 150 p.

NEU Ch. E. *The Troubled Encounter: the United States and Japan*. New York a. o. Wiley. 1975. X, 257 p.

"The Dye is now Cast". *The Road to American Independence. 1774—1776*. Text by Lillian B. Miller and the Staff of the Historian's Office. III. Selected by the Curatorial Dep. Nat. Portrait Gallery. Washington. Smithsonian Institution Press. 1975. XVI, 328 p.

FRANZ H.-W. *Klassenkämpfe in Spanien heute*. Frankfurt/M. Marxistische Blätter. 1975. 186 S.

SCHLEIFSTEIN J. *Zur Geschichte und Strategie der Arbeiterbewegung*. (Ausgew. Beitr.). Frankfurt/M. Marxistische Blätter. 1975. 290 S.

CAZAUX Y. *Journal secret de la libération*. 6 juin 1944—17 nov. 1944. Paris. Michel. 1975. 351 p.

CHANU P. *De l'histoire à la prospective*. Paris. Laffont. 1975. 398 p.

DREYFUS P. *Histoire de la Résistance en Vercors*. Paris—Grenoble. Arthaud. 1975. 288 p.

FAJON E. *L'union est un combat*. Textes et doc. de M. Thorez, W. Rochet, G. Marchais. Paris. Ed. sociales. 1975. 127 p.

GAULLE Ch. de. *Articles et écrits*. Rassemblés et prés. par l'Inst. Charles-de-Gaulle. Paris. Plon. 1975. 331 p.

ВНИМАНИЕ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи объемом не более 1,5 авторского листа (36 стр. машинописи через два интервала); воспоминания, исторические очерки и публикации — по предварительному соглашению, обзоры — до 16 стр. рецензии, письма и заметки — 6—8 стр., заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах, — 3 стр. Все материалы представляются в редакцию в 2-х экземплярах. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

Союзкнига предлагает литературу

Вопросы стратегии и тактики в трудах В. И. Ленина после октябрьского периода. Материалы для преподавателей ЗВПШ при ЦК КПСС. «Мысль», 1971. 311 с. 61 к.

В сборник включены статьи по коренным проблемам социалистического строительства, мирового коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения. Авторы статей—преподаватели ЗВПШ при ЦК КПСС. Книга представляет интерес для слушателей партийной учебы.

Рабочие и крестьяне России о Ленине. Воспоминания. «Советская Россия», 1958. 341 с. 35 к.

В сборник включены воспоминания 130 рабочих, крестьян, солдат, матросов и красноармейцев, встречавшихся с В. И. Лениным в период с апреля 1917 г. по ноябрь 1923 года.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXV. «Международные отношения», 1972. 477 с. 1 р. 76 к.

В сборник включены документы, вступившие в силу между 1 января 1967 г. и 31 декабря 1968 г. и посвященные проблемам политических отношений, экономических, научно-технических, культурных связей СССР с другими государствами. Сборник подготовлен договорно-правовым отделом МИД СССР. Предназначен для изучающих международные отношения.

Яновский Р. Г. Политическая учеба в научном коллективе. Политиздат, 1974. 112 с. 12 к.

В брошюре рассмотрен опыт идеологической работы среди интеллигенции. Автор—партийный работник г. Новосибирска—рассказывает о формах, методах и эффективности изучения марксистско-ленинской теории коммунистами Академгородка. Брошюра рассчитана на партийных работников, пропагандистов.

Подвойский Н. И. Год 1917. Госполитиздат, 1958. 189 с. 25 к.

Воспоминания Николая Ильича Подвойского (1880—1948 гг.)—видного деятеля нашей партии, активного участника подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции—охватывают период с февраля по октябрь 1917 года. В книге собраны газетные и журнальные статьи, брошюры автора, напечатанные в 1918—1933 гг., а также ряд ранее не публиковавшихся материалов.

Уважаемый читатель! Эти издания вы можете приобрести в местных книжных магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу, или заказать по адресу: 127540, Москва, ул. Дубнинская, 16-А, магазин № 194 «Книга — почтой». Заказанные книги будут высланы наложенным платежом по указанному адресу.

СОЮЗКНИГА